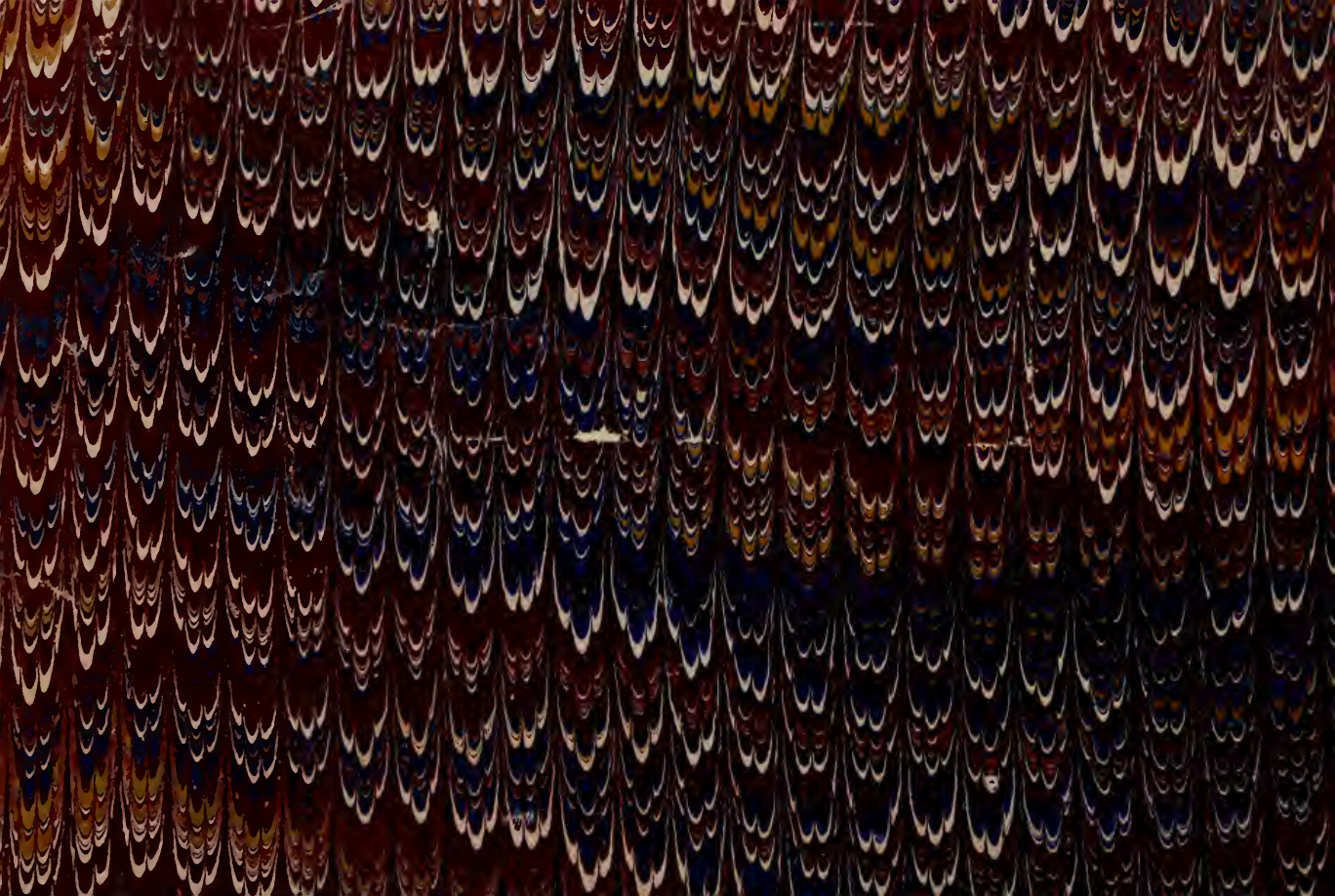
UNIVERSITY OF TORONTO
3 1761 01329113 3

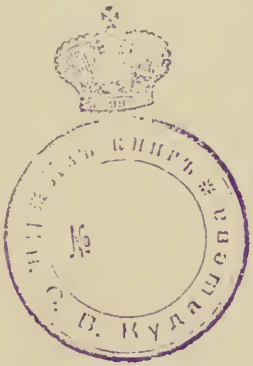
·EX·LIBRIS·
DU PRINCE S.V. KOUDACHEFF

EX LIBRIS
de SAVITSCH



ШУТЫ и СКОМОРОХИ

ВСѢХЪ ВРЕМЕНЪ И НАРОДОВЪ.



Gazeau, A
"
Shuty i skomorokhi

А ГАЗО

Шуты и скоморохи

ВСѢХЪ ВРЕМЕНЪ И НАРОДОВЪ.

ПЕРЕВОДЪ И ДОПОЛНЕНІЯ

Н. ФЕДОРОВОЙ

Съ рисунками въ текстѣ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Паровая типографія А. Л. Трунова Калашник. пр. № 11.
1898.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 29 Марта 1897 г.

GT
3670
G319

LIBRARY
722520
UNIVERSITY OF TORONTO

ПРЕДИСЛОВІЕ.

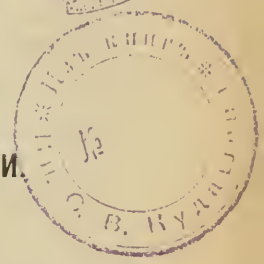
«Удовольствіе, доставляемое смѣхомъ,—сказалъ Горэй,—представляетъ одну изъ существенныхъ потребностей человѣка...» Это замѣчаніе знаменитаго профессора риторики, который считалъ въ числѣ своихъ учениковъ Вольтера, подтверждается еще болѣе самою исторіею человѣчества. Человѣкъ во всѣ времена и во всѣхъ странахъ постоянно искалъ случая развлечься среди разныхъ тягостей и заботъ своей обыденной сѣренькой жизни, а такъ какъ онъ не всегда находитъ въ себѣ самомъ источникъ развлеченія, то весьма понятно, что онъ вынужденъ прибѣгать къ посторонней помощи. Вотъ почему мы находимъ, какъ и въ древности, такъ и въ средніе вѣка, при дворахъ королей и принцевъ, и въ домахъ частныхъ лицъ и на городскихъ площадяхъ, какъ у цивилизованныхъ народовъ Европы, такъ и у полудикаго населенія Африки, и у обитателей далекаго востока особаго рода людей, которымъ поручалось развлекать тѣхъ, кому жизнь каза-

лась скучною и однообразною. Со временъ Эзопа, который можетъ считаться первымъ изъ шутовъ и до фигляровъ и паяцовъ Директоріи, была цѣлая серія, такъ называемыхъ смѣхотворовъ по профессіи, которые считали своею обязанностью забавлять своихъ современниковъ или которые, по приказанію, должны были разсѣивать грусть своихъ властелиновъ. Нѣкоторые изъ этихъ шутовъ даже возвысили свое ремесло до такой степени, что могли принять на себя исполненіе болѣе благородныхъ и болѣе важныхъ обязанностей; эти люди, пользуясь безнаказанностью шутовства, говорили прямую истину въ глаза сильнымъ міра сего для того, чтобы довести до трона добрый совѣтъ, или попросить милости для притѣсненныхъ. Шутамъ было дано право говорить все; право, которымъ они часто пользовались, а иногда и злоупотребляли; но все-же оффиціальные шуты часто были сѣятелями истины, которая только этимъ путемъ достигала до ушей властелиновъ и въ противномъ случаѣ, никогда не дошла бы до нихъ. Составлялись цѣлыя легенды относительно многихъ шутовъ съ цѣлью возвысить ихъ и увѣковѣчить ихъ имена. Таковъ, напримѣръ Трибуле, котораго Викторъ Гюго изобразилъ въ одной изъ лучшихъ своихъ драмъ. Тутъ, конечно, безполезно даже и прибавлять, что историческій Трибуле не имѣетъ рѣшительно никакого сходства съ типомъ, выведеннымъ знаменитымъ поэтомъ въ его драмѣ «Le Roi s'amuse»

(Король забавляется). Конечно, шутамъ никогда не удавалось дорости до этого героя. Но уже достаточно и того, что они, время отъ времени, стояли за правду и за справедливость и потому-то исторія и упоминаетъ о ихъ именахъ съ нѣкоторымъ сочувствіемъ. Мы, въ нашемъ бѣгломъ очеркѣ, хотимъ представить на судъ читателей исторію шутовства, начиная съ грековъ и римлянъ; мы будемъ говорить о тѣхъ, на обязанности которыхъ лежало возбуждать вокругъ себя смѣхъ своими шутками, остротами и фиглярствомъ; были-ли то домашніе шуты или придворные или наконецъ шутовскія корпораціи. Эти люди представляютъ, въ общей совокупности временъ и народовъ, явленіе столь характерное въ историческомъ смыслѣ, что намъ слѣдуетъ подробнѣе разобрать его въ цѣломъ рядѣ эпохъ и народностей, въ томъ числѣ и въ русской, такъ какъ у насъ, въ Россіи, шутовство имѣетъ не только общую историческую основу, но и свою народную окраску, довольно рѣзкую и отличительную, какъ и всѣ прочія стороны нашей исторіи. Было бы излишне указывать здѣсь, въ чемъ именно сказывается эта національная окраска, какъ въ отношеніи Россіи, такъ и каждой въ отдѣльности изъ всѣхъ прочихъ народностей культурнаго запада, полудикаго Кавказа и дальняго востока; изъ самаго изложенія, изъ общихъ характеристическихъ особенностей исторіи той или другой народности, читатель гораздо ярче и обстоятельнѣе увидитъ

отличительныя черты шутовства въ той или иной странѣ, въ ту или иную эпоху.

Въ заключеніе мы укажемъ, что кромѣ перевода книги Газо «Les bouffons,» мы заимствовали нѣкоторыя дополненія къ нашему труду изъ Сборника «Кирши Данилова, изъ книги «Скоморохи на Руси» Ал. С. Фаминцына, изъ статьи П. П. помѣщенной въ «Историческомъ Вѣстникѣ» за 1888 годъ и др.



ПРИДВОРНЫЕ ШУТЫ И СКОМОРОХИ.

I.

Значеніе и происхожденіе слова «bouffon» (шутъ).—Домашніе шуты въ древности.—Застольные шуты.—Паразиты.—Ареталоджи (Aretalogi).—Философы. стоики и циники.—Шуты.—Эзопъ.

„Буффонъ,—говоритъ Фуртьеръ *), въ своемъ всеобщемъ словарѣ, — „это комедіантъ или шутъ, развлекающій публику своими остротами или шутками, ради пріобрѣтенія денегъ. Такое-же названіе относится и ко всѣмъ тѣмъ людямъ, которые любятъ пошутить и посмѣяться, увлекая другихъ своею веселостью и возбуждая всеобщій смѣхъ. Это такое качество„ — прибавляетъ составитель словаря — „которое, во многихъ отношеніяхъ, можно считать весьма цѣннымъ“.

Что-же касается до происхожденія слова буффонъ (bouffon), то Фуртьеръ, пользовавшійся „Этимологическимъ Словаремъ Менажа“, говоритъ, что нѣкоторые производятъ это слово отъ празднества, установленнаго въ Аттикѣ царемъ Эрехтеемъ. Одинъ жрецъ, по имени Буффо, принеся въ жертву перваго быка на

*) Фуртьеръ жилъ въ XVII, ст. (1620—1688); онъ составилъ словарь, послѣ изданія котораго лишился званія академика. Этого ученаго обвиняли въ томъ, что онъ воспользовался трудами членовъ академіи и издалъ словарь только подъ своимъ именемъ.

алтарѣ Юпитера Поліэнскаго или Градохранителя, убѣжалъ такъ быстро и такъ неожиданно что его не могли ни догнать, ни остановить; кромѣ того, онъ бросилъ на землѣ у жертвенника топоръ и другія орудія для жертвоприношенія; эти послѣднія были переданы въ руки судей; послѣ обыденнаго суда оказалось, что преступенъ былъ одинъ только топоръ, а другія орудія невиновны; въ послѣдующіе за тѣмъ годы это жертвоприношеніе постоянно сопровождалось такимъ-же бѣгствомъ жреца и такимъ-же судомъ надъ топоромъ. Такъ какъ подобная церемонія имѣла совершенно шуточный тонъ, то съ этого времени и стали называть всякое шутовство и скоморошество „bouffonnerie“.

Вольтеръ, который привелъ этотъ анекдотъ въ своемъ „Философическомъ Словарѣ“, прибавляетъ, что этому анекдоту нельзя придавать большого значенія; но и мы тоже совершенно согласны съ Вольтеромъ; скорѣе можно повѣрить тому, что пишетъ Менажъ *) по Сомозу **); онъ производитъ французское слово „bouffon“ отъ средневѣкового латинскаго слова buffo. Такъ обыкновенно называли шутовъ, которые выходили на сцену съ надутыми щеками; когда такимъ шутамъ давали пощечины, то удары раздавались очень звонко и возбуждали въ зрителяхъ громкій смѣхъ. Жераръ Жанъ Воссіусъ ***) писалъ въ своемъ „Этимологическомъ Словарѣ“, что французское

*) Менажъ былъ современникъ Фуртьера.

**) Сомэзъ. Комментарій на книгу Тертюльена, озаглавленную «De Pallio» стр. 298. Сомэзъ такъ же, какъ и Казобонъ считались первыми учеными семнадцатаго вѣка; хотя оба они были протестантскаго вѣроисповѣдыванія, но это нисколько не мѣшало католическимъ государямъ приглашать ихъ къ своимъ дворамъ.

***) Жераръ Жанъ Воссіусъ былъ родомъ нѣмецъ и также современникъ Менажа и Фуртьера. Онъ оставилъ много сочиненій; его сынъ Исаакъ Воссіусъ также считался извѣстнымъ ученымъ и даже нѣсколько затмилъ славу своего отца.

слово „bouffer“ означаетъ надуваться или вбирать въ себя воздухъ; поэтому и говорятъ напыщенный человѣкъ про гордеца, что означаетъ, что онъ надутъ гордостью, высокомѣріемъ. По словамъ Литтрэ *) еще до сихъ поръ существуетъ во французскомъ языкѣ слово „bouffer“ въ смыслѣ надуть лицо и показать этимъ, что находятся въ дурномъ расположеніи духа.

Шутъ (рисунокъ Гольбейна). Изъ книги Эразма «Похвала Глупости».

Шуты и скоморохи появлялись во времена самой глубокой древности; они встрѣчаются не только среди обыкновенныхъ смертныхъ, но и среди боговъ, населявшихъ древній Олимпъ. Эразмъ **) въ своей замѣчательной книгѣ „Похвала Глупости“ разсказываетъ намъ, какъ боги Олимпа любили развлекаться, во время своихъ пиршествъ, выходками и шутками другихъ боговъ. Такъ, напримѣръ, Меркурій забавлялъ и смѣшилъ всѣхъ своими проказами и продѣлками. Вулканъ своими дурачествами и шутовствомъ возбуждалъ громкій смѣхъ безсмертныхъ обитателей Олимпа во время ихъ

*) См. Литтрэ «Dictionnaire de la langue française» слово Bouffer, т. I, стр. 385, 1-ый столбецъ.

**) Иногда Эразма называли Вольтеромъ XVI вѣка. Дѣйствительно, это былъ одинъ изъ самыхъ ученыхъ и самыхъ умныхъ людей своего времени, однимъ изъ выдающихся писателей той эпохи. Левъ X, Генрихъ VIII, Францискъ I и Карлъ V старались наперерывъ привлечь его къ своимъ дворамъ; но онъ отказывался отъ самыхъ блестящихъ предложеній, желая сохранить совершенно независимое положеніе; онъ объѣздилъ большую часть Европы и наконецъ, поселился у своего друга Мартина Фробена, извѣстнаго типографщика въ Базелѣ.

пиршествъ. А какъ смѣшилъ всѣхъ Силенъ своею пляскою! *) Полифэмъ своими уморительными и тяжеловѣсными движеніями въ то время, какъ нимфы едва касались пола кончиками своихъ носковъ. Панъ смѣшилъ всѣхъ своими глупыми пѣснями; его, предпочитали музамъ, въ особенности, когда нектаръ разгорячалъ мозги боговъ".

Если мы спустимся съ Олимпа на землю, то увидимъ, что и смертные брали примѣръ съ безсмертныхъ. Вельможи и богатые люди, еще въ самой глубокой древности, держали при себѣ „несчастныхъ созданій", обиженныхъ природою въ нравственномъ или въ физическомъ отношеніи; иногда это были совершенно помѣшанные или безобразные карлики и карлицы, горбуны и горбуньи; ихъ обязанность заключалась въ томъ, чтобы смѣшить и развлекать своихъ повелителей, а иногда и предрекать имъ будущее и волю боговъ. Въ древности смотрѣли на безуміе, какъ на нѣчто сверхъестественное. Иппократъ считалъ безуміе вдохновеніемъ свыше: **). Вообще, въ то время думали, что безумные могутъ быть хорошими оракулами и безошибочно предсказывать будущее. Въ средніе вѣка было распространено такое же мнѣніе; мы встрѣчаемъ такую же мысль у многихъ писателей Ренесанса. Когда Панургъ хотѣлъ узнать, слѣдуетъ-ли ему жениться и будетъ-ли онъ счастливъ въ супружествѣ, то онъ созвалъ къ себѣ со всѣхъ сторонъ сивиллъ и нѣмыхъ, монаховъ и врачей и, наконецъ, знаменитаго философа Трульогана; но Панургъ не

*) Онъ исполнялъ особый родъ пляски, называемый cordax, изображая при этомъ движенія пьянаго раба.

**) Иппократъ, отецъ медицины, довелъ свое искусство до того, что прожилъ сто лѣтъ (460—360). Ему принадлежитъ методъ наблюденія въ медицинской наукѣ.

былъ удовлетворенъ полученными отвѣтами и Пантагрюэль посовѣтовалъ ему обратиться къ какому нибудь юродивому *). „Мнѣ часто приходилось слышать пословицу, что безумный нерѣдко научаетъ мудраго. Если отвѣты мудраго васъ не удовлетворятъ, то обратитесь къ безумному. Вамъ извѣстно, что, благодаря совѣтамъ, наставленіямъ и прорицаніямъ юродивыхъ, спаслось не мало царей, королей и государствъ; благодаря ихъ предсказаніямъ, было выиграно много сраженій и сколько избѣгнуто несчастій. Мнѣ кажется, что даже не стоитъ приводить вамъ и примѣровъ, они у всѣхъ твердо сохранились въ памяти.“

Обычай содержать въ домахъ *юродивыхъ, шутовъ* и *уродовъ* ведетъ свое начало изъ самой глубокой древности; мы встрѣчаемъ этотъ обычай и въ Азіи, какъ напримѣръ, у персовъ (въ Сузѣ и въ Экбатанѣ), а также и въ Африкѣ у египтянъ; на фрескахъ, украшающихъ гробницы древнихъ фараоновъ, мы видимъ изображенія богатыхъ египтянъ, окруженныхъ многочисленною свитою, состоящею изъ уродовъ, шутовъ и людей наряженныхъ въ странные шутовскіе костюмы. Съ востока этотъ обычай перешелъ въ Грецію, а оттуда въ Римъ. Въ особенности, присутствіе шута считалось необходимымъ во время пира; если во время какого нибудь празднества не было балагура, то такое празднество считалось неполнымъ. Эти балагуры и шуты часто занимали мѣста тѣхъ прежнихъ рапсодовъ или пѣвцовъ, какъ Ѳеміуса на островѣ Итакѣ или Домедокуса у Ѳэацинеевъ. Послѣ плясуновъ, фокусниковъ, акробатовъ, ученыхъ обезьянъ, эквилибристовъ, являлись шуты, которыхъ собственно называли *гелотопуаца* (смѣхотворы). Эразмъ въ своей „Похвалѣ Глупости“ описываетъ намъ обычаи своихъ со-

*) Пантагрюэль, книга III. глава XXXVII.

временниковъ; многіе изъ этихъ обычаевъ были заимствованы у древнихъ; Эразмъ говоритъ, что всѣ празднества были-бы очень скучны и однообразны, если-бы тутъ не было-бы „Глупости“, которая часто проявлялась въ лицѣ кого либо изъ современниковъ, а за неимѣніемъ таковаго, нанимали шута или приглашали какого-либо паразита. Такой паразитъ, о которомъ упоминаетъ Эразмъ, нисколько не отличался отъ профессіональныхъ шутовъ. Правда, его сажали за одинъ столъ съ хозяевами и ихъ гостями, но только съ условіемъ, чтобы онъ былъ постоянно въ веселомъ настроеніи духа, возбуждалъ бы смѣхъ, не обижался бы за оскорбленія, которыми его не щадили и съ улыбкой на лицѣ принималъ-бы удары брошенныхъ въ него кубковъ и чарокъ, когда, разгоряченные виномъ, гости придутъ въ азартъ и не будутъ помнить что они дѣлаютъ. Богатые римляне постоянно приглашали къ своему столу такого паразита, такъ какъ хорошо знали ему цѣну.

Однако, названіе „паразитъ“ не всегда было въ презрѣніи у людей; это слово, собственно, означало „гость“; первоначально оно примѣнялось къ тѣмъ жрецамъ, которые принимали участіе въ священныхъ пиршествахъ при храмахъ; далѣе въ нѣкоторыхъ греческихъ городахъ называли *паразитами* такихъ гостей, которыхъ обязательно приглашали къ столу главныхъ правителей города. Но въ Римѣ паразиты упали очень низко; такихъ людей обыкновенно приглашали богачи для развлеченія своихъ гостей. Слово паразитъ означало дармоѣда и лизоблюда, который платилъ за гостепріимство шутовскими выходками и умѣньемъ потѣшать гостей и возбуждать въ нихъ смѣхъ и веселье. Вотъ какимъ образомъ, паразиты дошли до такого унизительнаго положенія. Конечно, видна большая разница между паразитомъ-жрецомъ, участвовавшимъ въ пиршествахъ послѣ жертвоприношеній и тѣмъ римскимъ паразитомъ,

котораго описываетъ Луканъ *), философъ-скептикъ, жившій во II вѣкѣ по Р. Х., въ своемъ „Паразитѣ". Вотъ что пишетъ названный философъ:

„Паразитъ не заботится о философскихъ вопросахъ, ему до нихъ нѣтъ никакого дѣла, онъ не думаетъ вовсе и о томъ, кто управляетъ міромъ, такъ какъ и къ этому относится совершенно равнодушно; онъ убѣжденъ, что на бѣломъ свѣтѣ все идетъ прекрасно и едва-ли можетъ итти лучше,—онъ пьетъ, ѣстъ и веселится, наслаждаясь всѣми благами жизни: ночью его не тревожатъ дурныя сновидѣнія, такъ какъ днемъ у него нѣтъ никакихъ заботъ, то, конечно, нѣтъ ихъ и ночью".

Часто паразиты и шуты замѣнялись философами, которые, не смотря на свою громкую кличку, играли не лучшую роль, чѣмъ тѣ-же шуты, такъ какъ въ сущности, они и были ими. Эти мнимые жрецы мудрости носили странное названіе *аретологовъ*. Эд. Саліо и Ш. Дарембергъ въ своемъ замѣчательномъ „Словарѣ Древностей", говорятъ, что *аретологи*—это были особаго разряда скоморохи, которыхъ римляне приглашали къ себѣ для развлеченія; они должны были потѣшать присутствующихъ длинными рѣчами, представлявшими странную смѣсь философскихъ сентенцій и плоскихъ шутокъ. Быть можетъ, такое прозвище давалось и обѣднѣвшимъ философамъ, которые спустились до роли шутовъ. Манеѳонъ **), называетъ *аретологіею* обсурдныя рѣчи *морологійевъ* или разсказчиковъ разнаго вздора и плоскостей. Свѣтоній въ своемъ „Жизнеописаніи Августа" говоритъ, что

*) Луканъ проповѣдывалъ всеобщій скептицизмъ а въ своихъ сочиненіяхъ, исполненныхъ остроумія и юмора, старался побороть пороки своихъ современниковъ.

**) Манеѳонъ былъ греческій жрецъ, жившій за 200 лѣтъ до Р. Х. въ царствованіе Птоломея Филадельфа; онъ написалъ на греческомъ языкѣ «Всеобщую Исторію Египта», изъ которой сохранились нѣкоторые отрывки въ греческихъ лѣтописяхъ.

этотъ императоръ любилъ окружать себя во время пиршествъ аретологами. Форчеллини разсказываетъ, что аретологи были бѣдные философы стоики или циники, у которыхъ не было ни школы, ни учениковъ; они обыкновенно посѣщали пиры богачей и занимали гостей забавными спорами о порокѣ и добродѣтели.

Конечно, умному человѣку или даже просто какому нибудь опытному шуту нетрудно было осмѣять ученіе стоиковъ и циниковъ. Извѣстно, что даже Цицеронъ въ одной изъ своихъ рѣчей (pro Murena), желая осмѣять Катона Утическаго, примкнувшаго къ сектѣ стоиковъ, далъ намъ хотя и остроумный, но жестокій примѣръ того, какъ легко представить въ смѣшномъ и въ искаженномъ видѣ идеи Зенона. Нѣкогда жилъ геніальный человѣкъ, по имени Зенонъ, его послѣдователи назывались стоиками. Вотъ нѣкоторые изъ его догматовъ и его принциповъ: „Мудрецъ не знаетъ милости и ничего не прощаетъ. Состраданіе, снисходительность не болѣе какъ легкомысліе и глупость; человѣкъ не достоинъ своего назначенія, если его можетъ что либо тронуть или поколебать. Только одинъ мудрецъ можетъ быть прекрасенъ, даже и въ томъ случаѣ, если онъ уродливъ; если онъ и живетъ въ бѣдности, то онъ все же богатъ; если онъ и живетъ въ рабствѣ, то все же онъ царь. На тѣхъ, которые не-философы, смотрятъ, какъ на бѣжавшихъ рабовъ, изгнанниковъ, враговъ, безумныхъ. Всѣ грѣхи совершенно одинаковы; всякая погрѣшность уже есть преступленіе; убить своего отца не составляетъ большаго преступленія, чѣмъ зарѣзать курицу безъ всякой необходимости. Мудрецъ никогда ни въ чемъ не сомнѣвается, никогда не раскаивается, никогда не ошибается, никогда не измѣняетъ своего мнѣнія“.

Что-же касается до циниковъ, то имъ легко было возбудить всеобщій смѣхъ, когда они являлись на веселое пиршество среди статуй, цвѣтовъ со своими растре-

паннымп длинными бородами, въ своихъ грязныхъ и рваныхъ плащахъ, со своими нищенскими сумами, въ сандаліяхъ и съ палками въ рукахъ. Весьма понятно, что изъ устъ такихъ людей не лилось мудрыхъ нравоученій, напротивъ того, они изрыгали парадоксальныя сентенціи, которыя заимствовали у Крата или у Діогена. Они проповѣдывали совершенно серьезно, что мудрецъ долженъ стоять, какъ можно ближе къ природѣ. Легко себѣ представить, каковы были эти рѣчи. судя уже по тѣмъ анекдотамъ, которые разсказываютъ о цинпкахъ, хотя и достовѣрность этихъ анекдотовъ подлежитъ нѣкоторому сомнѣнію, но все-же можно положительно сказать, что подобныя разглагольствованія циниковъ только возбуждали въ гостяхъ смѣхъ и шутки.

Но подобные шуты появлялись не только во время пиршествъ, а даже и жили въ домахъ римскихъ богачей и были тѣсно связаны съ ихъ домашнею жизнью. Діонисій Галикарнаскій *) разсказываетъ, что шуты и скоморохи фигурировали и въ похоронныхъ процессіяхъ; они всегда шли за плакальщицами и флейтистами. Римскіе вельможи часто окружали себя цѣлою толпою такихъ фигляровъ и скомороховъ. Такъ Плутархъ **) разсказываетъ о Суллѣ, который почти всю свою жизнь проводилъ въ обществѣ шутовъ и фигляровъ, подражая ихъ, коверканьямъ и шуткамъ. Точно также и Антоній любилъ окружать себя шутами и всегда съ большимъ торжествомъ справлялъ ихъ свадьбы. Такъ на свадьбѣ своего знаменитаго шута Гиппіаса, Антоній бражничалъ цѣлую ночь и такъ много пилъ вина и ѣлъ говядины, что на

*) Діонисій. книга VII. глава LXXII. изд. Рейска. Діонисій родился въ Галикарнасѣ и ѣздилъ въ Римъ во время царствованія Августа. Его книга извѣстна подъ заглавіемъ «*Римскія древности*», гдѣ онъ разсказываетъ исторію Рима отъ его основанія до 266 года до Р. Х.

**) Плутархъ Жизнь Суллы, переводъ Пьерона. т. II. стр. 397.

слѣдующій день съ нимъ чуть не сдѣлалось рвоты на Форумѣ, въ присутствіи собравшагося тамъ народа. Когда Антоній сдѣлался тріумвиромъ, то, по словамъ Плутарха, на него не могли смотрѣть безъ негодованія: онъ часто закрывалъ двери своего дома полководцамъ и посламъ, а отворялъ ихъ скоморохамъ и шутамъ, съ которыми предавался всевозможнымъ кутежамъ. Позднѣе, когда Антоній отправился въ Азію, чтобы собрать тамъ деньги, обѣщанныя легіонамъ, то ходилъ въ каждый городъ этой части свѣта въ сопровожденіи цѣлой толпы азіатскихъ фигляровъ и балагуровъ, которые, по мнѣнію Антонія, во многомъ превосходили своихъ собратовъ, привезенныхъ тріумвиромъ изъ Италіи.

Мы можемъ привести множество примѣровъ подобнаго рода, такъ какъ обычай, держать у себя шутовъ, беретъ свое начало изъ самой глубокой древности, продолжался въ средніе вѣка и даже въ началѣ новой исторіи.

Однимъ изъ самыхъ знаменитыхъ шутовъ древности былъ извѣстный баснописецъ Эзопъ. Конечно, очень многіе считаютъ Эзопа миѳическимъ лицомъ, но мы положительно говоримъ, что Эзопъ существовалъ; даже хорошо извѣстно, что этотъ древній баснописецъ родился около 620 года до Р. Х. и умеръ въ 560 г. до Р. Х. Планудъ, греческій монахъ, жившій въ XIV столѣтіи послѣ Р. Х., написалъ „Жизнеописаніе Эзопа“, которое перевелъ Лафонтенъ и поставилъ вмѣсто предисловія въ началѣ своего „Сборника Басенъ“. Планудъ говоритъ, что Эзопъ былъ фригійскій рабъ и отличался отвратительнымъ безобразіемъ и уродливостью. Природа даже отказала ему въ употребленіи языка; но впослѣдствіи, какъ разсказываетъ Планудъ, Фортуна возвратила ему даръ слова въ награду за совершенное имъ доброе дѣло. Лафонтенъ привелъ намъ массу анекдотовъ объ Эзопѣ: нѣкоторые изъ нихъ очень остроумны

и занимательны; отъ другихъ же вѣетъ какимъ-то ребячествомъ и дѣтской наивностью. Эзопъ былъ въ рабствѣ у многихъ хозяевъ и послѣдній изъ нихъ былъ Ксанѳъ. У него Эзопъ исполнялъ должность домашняго шута или морозофа, т. е. безумнаго мудреца, который говорилъ философскія сентенціи и кромѣ того, часто выводилъ своего господина изъ разныхъ затрудненій.

Однажды Ксанфу вздумалось угостить своихъ друзей и онъ приказалъ Эзопу купить на рынкѣ самыхъ лучшихъ припасовъ для обѣда. Эзопъ купилъ только языки и приготовилъ ихъ къ обѣду подъ разными соусами; гости сначала хвалили кушанье, а потомъ уже стали и морщиться. Ксанфъ разсердился, позвалъ къ себѣ фригійца и гнѣвно сказалъ ему:

— Я приказалъ тебѣ купить на рынкѣ самыхъ лучшихъ припасовъ, не такъ ли?

— А что можетъ быть лучше языковъ? возразилъ Эзопъ.—Языкъ это главное связующее начало гражданской жизни, орудіе истины и разума, ключъ къ наукамъ. Языкъ воздвигаетъ цѣлые города и содержитъ ихъ въ стройномъ порядкѣ. Языкъ научаетъ, убѣждаетъ, руководитъ массами людей. Наконецъ, языкомъ мы прославляемъ боговъ.

— Хорошо, сказалъ Ксанфъ,—теперь завтра приготовь мнѣ самый дурной обѣдъ, ко мнѣ придутъ тѣ же гости и я хочу ихъ позабавить.

На другой день Эзопъ опять приготовилъ обѣдъ изъ языковъ и мотивировалъ это тѣмъ, что „языкъ—это самое худшее зло на свѣтѣ. Благодаря языку, на землѣ происходятъ и споры и брань, раздоры и войны. Если языкъ—орудіе истины, то, въ то же время, онъ и орудіе лжи и клеветы. Если, съ одной стороны, языкъ восхваляетъ боговъ, то съ другой, онъ часто и богохульствуетъ". Конечно, всѣ согласились, что фригіецъ былъ совершенно правъ.

Однажды, Ксанѳъ, пируя со своими пріятелями и учениками, опьянѣлъ до такой степени, что самъ не помнилъ о чемъ говорилъ; такъ онъ побился объ закладъ съ однимъ изъ своихъ учениковъ, что можетъ выпить все море: на другой день, когда онъ очнулся отъ опьяненія, то, вспомнивъ о своемъ безумномъ закладѣ, не зналъ, что дѣлать; но тутъ находчивый Эзопъ далъ ему хорошій совѣтъ и Ксанѳъ выпутался изъ своего затруднительнаго положенія.

Когда наступилъ день, назначенный для выполненія заклада, всѣ жители Самоса столпились у берега моря. чтобы посмотрѣть на посрамленіе философа. Тотъ изъ его учениковъ который бился съ нимъ объ закладъ. явился съ торжествующимъ видомъ, такъ какъ хорошо зналъ, что побѣда останется за нимъ.

Ксанѳъ явился также совершенно спокойный и, обратясь къ толпѣ, сказалъ:

— Я, дѣйствительно, бился объ закладъ, что могу выпить все море, но, въ данномъ случаѣ, я не принималъ въ разсчетъ рѣкъ, которыя въ него впадаютъ: пусть мой противникъ отведетъ рѣки и тогда я приведу въ исполненіе то. что обѣщалъ.

Всѣ удивлялись находчивости Ксанѳа и стали восхвалять его умъ, благодаря которому, онъ съ честью выпутался изъ такого затруднительнаго положенія. Ученикъ Ксанѳа призналъ себя побѣжденнымъ и сталъ просить прощеніе у своего учителя, котораго толпа проводила до его дома, выражая ему свой восторгъ громкими криками.

Существуетъ масса анекдотовъ объ Эзопѣ, многіе изъ нихъ, конечно, искажены или прямо выдуманы, какъ напримѣръ, то, что будто бы Эзопъ отличался страшнымъ безобразіемъ и уродливостью. Такъ одинъ ученый XVII столѣтія Бошэ де Мезиріакъ въ своей критикѣ на трудъ Планула—вѣроятно, Лафонтэнъ не

зналъ о существованіи этого труда, хотя уже онъ и существовалъ въ то время, когда французскій баснописецъ выпустилъ свой сборникъ—очень строго судилъ о сочиненіи греческаго монаха. Мезпріакъ говоритъ, что онъ рѣшительно не понимаетъ, откуда Планудъ могъ выкопать, что Эзопъ былъ уродливъ и безобразенъ, такъ какъ объ этомъ ничего не упоминается у древнихъ авторовъ. Мезпріакъ отвергаетъ и то преданіе, что Эзопъ былъ косноязыченъ *). „Не слѣдуетъ вѣрить,“—говоритъ авторъ,—„всему тому о чемъ разсказываетъ Планудъ относительно того времени, когда Эзопъ служилъ у Ксанѳа; онъ влагаетъ въ уста этого фригійца такія дерзкія и безсмысленныя слова, что знаменитаго баснописца скорѣе можно принять за шута или скомороха, чѣмъ за серьезнаго философа. Я вполнѣ увѣренъ, что это все только пустая болтовня, которую Планудъ выдумалъ для забавы дѣтей“.

Несмотря на всю суровость подобной критики, все же слѣдуетъ допустить, что Эзопъ во все время, какъ онъ находился въ услуженіи у различныхъ хозяевъ, былъ ихъ совѣтчикомъ, высказывая имъ свое мнѣніе, подъ формою шутки; подобные совѣтчики часто встрѣчались въ домахъ древней знати. Конечно, это была болѣе высшая должность, чѣмъ должность обыкновенныхъ шутовъ.

Вѣроятно, знаменитый баснописецъ именно и занималъ подобную должность.

---

*) Однако, софистъ Гимеріусъ, который писалъ много раньше Плануда, подтверждаетъ, что Эзопъ былъ очень безобразенъ. Плутархъ въ своемъ «Банкетѣ семи мудрецовъ» увѣряетъ насъ, что Эзопъ «былъ заика». Тутъ Солонъ говоритъ ему: «Ты очень искусенъ въ подслушиваніи воронъ и сой, но ты не слышишь своего собственнаго голоса».

II.

Домашніе шуты въ средніе вѣка.—Шуты въ домахъ вельможъ.—Шуты въ домахъ духовныхъ лицъ.—Празднество глупцовъ.—Бродячіе шуты.—Аттрибуты и одежда шутовъ

Домашніе шуты, развлекавшіе древнихъ грековъ и римлянъ, пережили и паденіе западной Римской Имперіи. Мы ихъ встрѣчаемъ и въ средніе вѣка въ замкахъ, монастыряхъ, при особахъ вельможи, аббата, епископа: такіе шуты не вымирали, они продолжали существовать, не смотря на запрещенія королей и духовенства.

Слѣдуетъ, однако, признаться, что въ эти времена невѣжества, когда развлеченіемъ считалась или охота или война, когда люди не видѣли никакихъ удовольствій и были погружены въ мракъ суевѣрій и невѣжества, которыя тяготѣли надъ ними, какъ тяжелое бремя,—шуты, конечно, представляли собою нѣкотораго рода развлеченіе; ихъ всюду принимали и они всюду являлись желанными гостями. Въ особенности, женщины любили слушать шутовъ. Но, дѣйствительно, жизнь въ замкахъ была очень скучна и однообразна. Представьте себѣ одинъ изъ этихъ громадныхъ мрачныхъ замковъ, которыми была усѣяна почти вся западная Европа; эти замки были окружены глубокими рвами, черезъ которые проходили по подъемнымъ мостамъ, высокія стѣны съ массивными воротами, возвышались вокругъ всего зданія, зубчатыя башни замка виднѣлись еще издали, а подъ зданіемъ находились ужасныя подземелья. Конечно, жизнь за этими стѣнами казалась очень скучною и монотонною. Еще владѣлецъ замка имѣлъ кое-какія развлеченія; онъ былъ занятъ охотою и войною: охранялъ свои владѣнія, дѣлалъ набѣги на сосѣдей или самъ отражалъ ихъ набѣги; творилъ у себя въ замкѣ судъ и расправу; но что было дѣлать его женѣ? Въ то

время еще турниры не вошли въ обычай и развлеченій не было никакихъ. Ей ничего не предстояло иного, какъ только взобраться на вершину башни и смотрѣть оттуда на окрестности, но въ то время и окрестности не представляли ничего особеннаго; все было такъ тихо и монотонно: горы и лѣса, рѣки и долины. Еще не было трубадуровъ, которые такъ хорошо умѣли воспѣвать крестовые походы; не являлось красиваго рыцаря, который скакалъ бы во всю прыть, по направленію къ

Шутъ (по рисунку Гольціуса).

замку, прильнувши къ шеѣ лошади. Конечно, при такомъ отсутствіи развлеченій, шутъ положительно являлся кладомъ; онъ умѣлъ и плясать и скакать, вы-

дѣлывая такіе уморительные прыжки; онъ пѣлъ пѣсни смѣшныя и забавныя, игралъ на волынкѣ или на флейтѣ, зналъ столько загадокъ, поговорокъ, прибаутокъ; разсказывалъ такія интересныя сказки и побасенки; онъ одинъ былъ причиною тому, что въ этихъ громадныхъ скучныхъ залахъ замка раздавался веселый непринуж, денный смѣхъ. Шутъ всегда занималъ болѣе высшее мѣсто чѣмъ собака, обезьяна или орликъ, которыхъ благородныя дамы кормили изъ своихъ рукъ, и которые служили имъ также развлеченіемъ.

Большею частью, такой шутъ походилъ на Эзопа, какимъ его изобразилъ Планудъ. Чѣмъ болѣе онъ былъ безобразенъ и уродливъ, тѣмъ большимъ успѣхомъ онъ пользовался; но чѣмъ болѣе хозяева замка ласкали и баловали такого шута, тѣмъ болѣе его ненавидили пажи и прислуга; но за то и шуты хорошо умѣли мстить за себя, выбирая и пажей и прислугу мишенью для своихъ шутокъ и остротъ. Если какой нибудь шутъ недостаточно хорошо зналъ свое ремесло, то ему давали учителя, который обязанъ былъ его усовершенствовать въ этомъ искусствѣ. „Шутъ, живущій въ знатномъ домѣ“—говоритъ Жакобъ въ своемъ „Разсужденіи о шутахъ французскихъ королей“, воспитывался съ такимъ-же стараніемъ, съ такимъ-же трудомъ и такими же издержками, какъ и ученый оселъ... Къ нему приставлялся наставникъ... Онъ долженъ былъ заучивать прыжки, поговорки, прибаутки, пѣсенки“. Часто случалось, что если онъ дурно приготовлялъ свой урокъ, то его стегали ремнемъ и затѣмъ отправляли обѣдать на кухню, вмѣстѣ съ поваренками.

Такіе шуты часто принадлежали къ одному семейству, такъ какъ ихъ ремесло переходило по наслѣдству отъ отца къ сыну; были даже цѣлыя династіи шутовъ. Библіофилъ Жакобъ, упоминая о Гильомѣ Бушэ, приводитъ при этомъ очень интересныя подробности. Здѣсь

идетъ дѣло объ одномъ идіотѣ, появившемся на свѣтъ Божій.

„Этотъ слуга происходилъ изъ такого рода и изъ такой семьи, гдѣ всѣ отличались глупостью и веселостью; кромѣ того, всѣ тѣ, которые рождались въ этой семьѣ, откуда происходилъ этотъ слуга, отличались также глупостью и оставались такими на всю жизнь; вся знать брала себѣ шутовъ изъ этой семьи, такъ что ея глава получалъ большія деньги". Подобное преимущество, конечно, унижаетъ человѣческое достоинство.

«Похвала Глупости», изъ книги Эразма (Рис. Гольбейна).

Нѣкоторые изъ этихъ шутовъ были, однако, люди съ сердцемъ. Подъ ихъ плащемъ шута билось дѣйствительно прекрасное сердце; это-же сердце точно такъ-же, какъ и сердце ихъ повелителей, разрывалось на части отъ страданій. Трибулэ, котораго изобразилъ Викторъ Гюго въ своей пьэсѣ *„Король забавляется"*, вовсе не похожъ на настоящаго Трибулэ, какъ это мы докажемъ въ слѣдующей главѣ; но онъ можетъ сойти за безсмертный типъ тѣхъ шутовъ, которыхъ, вѣроятно, было достаточно и которые, подъ тяготѣніемъ всеобщаго презрѣнія или терзаемые какою либо печалью, должны смѣяться по обязанности въ то время, какъ ихъ глаза, готовы наполниться слезами, или когда ихъ душа исполнена негодованія и отвращенія!

Однако, шуты появлялись не только въ замкахъ знатныхъ вельможъ, но даже попадали во дворцы коронованныхъ особъ; здѣсь-то, быть можетъ, появлялись наиболѣе замѣчательные шуты; но что еще болѣе

удивительно, что подобные шуты встрѣчались и въ монастыряхъ; нѣкоторыя духовныя лица любили развлекаться выходками шутовъ и скомороховъ. Объ этомъ фактѣ упоминается въ документахъ, собранныхъ въ XVIII столѣтіи однимъ нѣмецкимъ юристъ-консуломъ Гейнеке и бенедиктинцемъ Мартэномъ. Гейнеке упоминаетъ объ одномъ запрещеніи 789 года, въ силу котораго, духовнымъ лицамъ не дозволялось держать шутовъ, охотничьихъ собакъ, соколовъ и стремянныхъ. Однако, не смотря на всѣ эти запрещенія, шутовство и скоморошество не прекращалось. Доказательствомъ этому можетъ служить „Празднество Глупцовъ“, которое продолжалось до XVI столѣтія. Ученый дю-Тильо въ одномъ изъ своихъ сочиненій, изданномъ въ Лозаннѣ, въ 1741 году и озаглавленномъ „*Мемуары, которые могутъ служить для исторіи Празднества Глупцовъ, которое справлялось при многихъ Церквахъ*“, даетъ интересныя подробности относительно этого страннаго обычая.

Шутъ (изъ коллекціи Геннена).

По Тильо, празднество глупцовъ беретъ свое начало отъ *Сатурналій*, которыя праздновались въ Римѣ; во время этого празднества слуги надѣвали одежду своихъ господъ и садились вмѣстѣ съ ними за столъ, въ воспоминаніе о золотомъ вѣкѣ, когда всѣ были равны. Когда язычники приняли христіанство, то имъ было очень трудно отвыкнуть отъ этихъ празднествъ, исполненныхъ такого неподражаемаго веселья. Епископы, для облегченія перехода изъ одной религіи въ другую, допустили въ новой церкви такого рода празднества, во время которыхъ причетники открыто совершали богослуженіе,

какъ въ древнихъ сатурналіяхъ, слуги садились за столъ вмѣстѣ со своими господами. Однако, подобное веселье скоро перешло границы приличія, такъ что духовныя власти вскорѣ-же и запретили подобныя празднества. Св. Августинъ въ своей проповѣди „De Tempore“ въ началѣ V столѣтія и Толедскій Соборъ въ 633 г. также запретили эти празднества, но это не имѣло успѣха, потому что они все еще продолжались въ теченіи нѣсколькихъ вѣковъ. Праздникъ глупцовъ обыкновенно справлялся на святкахъ и въ особенности въ день Новаго Года. Въ каѳедральныхъ соборахъ, въ день назначенный для этого праздника, причтъ выбиралъ изъ своей среды епископа Глупцовъ и посвященіе его въ этотъ санъ сопровождалось цѣлымъ рядомъ шутовскихъ обрядовъ. Когда посвященіе было совершено, то епископъ Глупцовъ совершалъ богослуженіе съ митрою на головѣ съ посохомъ и епископскимъ крестомъ въ рукахъ. Въ церквахъ, которыя находились въ прямой зависимости отъ папскаго престола. избирался не епископъ Глупцовъ, а папа Глупцовъ; въ монастыряхъ избирался аббатъ или аббатесса. Замѣчательно то обстоятельство, что всѣ эти папы, епископы и аббатессы дураковъ, пользовались своимъ недолгимъ пребываніемъ въ санѣ и выбивали въ честь свою медали и жетоны и даже чеканили (изъ олова или другого сплава) шутовскую монету со своими изображеніями. Новоизбраннаго епископа, папу или аббата, окружала цѣлая толпа мелкихъ причетниковъ, переодѣтыхъ въ женскія платья, въ маскахъ съ гудками и волынками въ рукахъ. Вся эта толпа пѣла неприличныя пѣсни, кричала во все горло, ѣла колбасу и сосиски, словомъ, эти люди вели себя, какъ помѣшанные: они играли въ кости, въ карты и распростра-

Свинцовый жетонъ архіепископа невинныхъ.

няли по всей церкви чадъ отъ кадильницъ, въ которыя вмѣсто ладана были положены обрѣзки старыхъ подошвъ. Этотъ праздникъ заканчивался катаньемъ въ навозныхъ телѣгахъ по всему городу, причемъ клирики потѣшались тѣмъ, что бросали горстями навозъ въ прохожихъ.

Въ нѣкоторыхъ епархіяхъ, въ особенности въ Реннской, многіе епископы принимали участіе въ особаго рода увеселеніяхъ, которыя назывались, какъ и во время Горація „Декабрскою свободою". Этотъ фактъ хотя и кажется уже слишкомъ страннымъ, но тѣмъ не менѣе, онъ подтверждается многими документами, собранными дю-Тильо въ его мемуарахъ.

Однако, не слѣдуетъ думать, что этотъ праздникъ глупцовъ одобрялся только наиболѣе молодыми и наименѣе серьезными духовными лицами. Одинъ ученый, по словамъ Герзона *), даже поддерживалъ такого рода мнѣніе, что подобная церемонія была такъ же пріятна Богу, какъ и празднованіе Благовѣщенія Пресвятой Дѣвы.

Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ праздникъ глупцовъ соединялся съ праздникомъ ословъ или съ разными другими увеселеніями; это доказывало, что въ средніе вѣка, церковь не всегда предавала шутовство анаѳемѣ. Къ празднику глупцовъ присоединялся тоже еще и праздникъ вѣтвей, состоявшій въ томъ, что причетники цѣлою процессіею отправлялись 1-го мая въ лѣсъ епис-

*) Жанъ Герзонъ (1363—1420) это одно изъ самыхъ замѣчательныхъ лицъ XV вѣка. Онъ былъ ректоромъ Парижскаго университета и не переставалъ возставать противъ кроваваго соперничества двухъ партій: орлеанской и бургондской. Онъ написалъ свой знаменитый уставъ, по которому хотѣлъ ввести коренныя реформы въ администраціи королевства: на соборахъ Базильскомъ и Констанскомъ онъ ревностно защищалъ ученіе церкви, боролся противъ сектантовъ и возставалъ противъ распущенности духовныхъ лицъ. Съ 1417 года онъ удалился въ уединеніе и жилъ въ одномъ изъ монастырей въ Лионѣ.

копа. На возвратномъ пути они шумели и кричали, заставляя однихъ прохожихъ прыгать черезъ помело, а другихъ танцовать и пѣть. Такая балагурная церемонія продолжалась отъ 28-го апрѣля по 1-е мая. Въ промежуткахъ между службами каноники играли въ кегли, подъ сводами церкви или давали тамъ представленія и концерты.

Но еще было хуже того, когда одинъ каноникъ, по имени Бутейль, который около 1270 г. установилъ особаго рода службу, называемую „obit“ *); онъ ставилъ на клиросъ пять бутылокъ вина для пѣвчихъ, принимавшихъ участіе въ этой службѣ. Съ тѣхъ поръ, во время этого празднества пѣвчіе постоянно напивались до-пьяна. Во время питья вина пѣвчіе ѣли еще особаго рода пирожки, которые назывались *мордобойки* (casse-museaux); ихъ называли такъ потому, что тотъ, кто подавалъ такіе пирожки, грубо бросалъ ихъ въ лицо другимъ.

Какъ уже было сказано выше, праздникъ глупцовъ справлялся и въ монастыряхъ, какъ въ мужскихъ, такъ и въ женскихъ и это продолжалось до семнадцатаго столѣтія. Въ одномъ изъ писемъ, адресованномъ на имя Петра Гассенди въ 1645 году, одинъ старый монахъ, по имени Матюрэнъ де Нёри **), жалуется на тѣ неприличныя церемоніи, которыми сопровождалось празднованіе глупцовъ или невинныхъ во многихъ монастыряхъ Про-

---

*) Слово obit означаетъ въ католической религіи заупокойную обѣдню, которую ежегодно служатъ по умершимъ.

**) Матюрэнъ дё Нёри изъ Шинона, старый монахъ бывшій наставникомъ у дѣтей Франсуа Бошара де Шампиньи, губернатора Прованса, къ которому и опредѣлилъ его Петръ Гассэнда въ 1643 г. Петръ Гассэнди былъ извѣстный ученый наставникъ Мольера; онъ ввелъ было въ моду философію Эпикура, къ которой питалъ сильное пристрастіе.

ванса. Мірская братія, которую называли также *капустниками* (coupe-choux), потому что они занимались домашними и огородными работами, а во время празднества глупцовъ занимали мѣста монаховъ въ церкви. Они надѣвали навыворотъ разорванныя ризы, держали въ рукахъ книги вверхъ ногами, дѣлая видъ, что ихъ читаютъ, надѣвая при этомъ очки съ вынутыми стеклами, а вмѣсто нихъ вставляли апельсинныя корки, дули въ кадильницы, наполненныя золою и осыпали ею другъ друга. Словомъ, творили всякаго рода безобразія.

Дю-Тильо упоминаетъ еще о мемуарахъ Антовія Ланселло, члена Академіи надписей (1675—1740), относительно древняго празднества глупцовъ въ Вивіэрской епархіи. Во время этого празднества происходилъ сначала выборъ аббата духовенства, котораго назначалъ низшій клиръ (молодые каноники и клиръ). Затѣмъ служили молебенъ, послѣ этого происходила процессія, которая повторялась въ теченіе всѣхъ восьми дней празднества. Епископъ Глупцовъ появлялся въ день св. Стефана. Онъ пользовался своимъ званіемъ только въ слѣдующіе дни: въ день св. Стефана, въ день св. Іоанна и въ день св. Иннокентія. Онъ облачался въ одѣяніе епископа и благословлялъ народъ.

Жетонъ «папы глупцовъ».

Конечно, серьезные люди хорошо понимали, что подобныя церемоніи только развращали нравы и потому старались всѣми силами воспрепятствовать подобнымъ процессіямъ и празднествамъ.

Соборы, папы и епископы разсылали запрещенія и предавали анаѳемѣ непослушныхъ. Морисъ де Сюлли,

епископъ Парижскій, въ концѣ двѣнадцатаго вѣка и Одонъ де Сюлли, въ началѣ тринадцатаго столѣтія, строго запрещали подобныя церемоніи, но всѣ эти заботы епископовъ были совершенно напрасны; народъ вышелъ изъ повиновенія и продолжалъ справлять праздникъ глупцовъ со всѣми сопровождавшими его неприличными церемоніями; такъ это продолжалось болѣе двухъ сотъ пятидесяти лѣтъ. Въ 1444 году богословскій факультетъ въ Парижѣ, по словамъ Мэзерея *), написалъ, по просьбѣ епископовъ, письмо ко всѣмъ прелатамъ и ко всѣмъ епископамъ, чтобы прекратить всѣ увеселенія подобнаго рода. Въ 1435 г. декретомъ Базельскаго собора запрещались не только празднества глупцовъ, но даже и маскарады, а тѣ духовныя лица, которыя допускали въ своихъ епархіяхъ подобныя увеселенія, отрѣшались на три мѣсяца отъ должности. Словомъ, на каждомъ соборѣ, которые слѣдовали одинъ за другимъ, въ XV и въ XVI столѣтіяхъ, постоянно издавались декреты, запрещающіе всѣ церемоніи, подобныя празднеству глупцовъ.

Изъ книги Эразма «Похвала глупости». Рис Гольбейна.

Свѣтскія власти присоединились къ духовнымъ и также всѣми силами старались искоренить всѣ неприличныя процессіи и торжества. Такъ въ 1552 году Дижонскій парламентъ издалъ циркуляръ, въ которомъ строго запрещалось переодѣванье мужчинъ въ женскія платья, ношеніе ма-

*) Мэзерэй родился въ 1610 году, умеръ въ 1683 г. Онъ пріобрѣлъ извѣстность своею «Исторіею Франціи;» это былъ объемистый трудъ въ трехъ томахъ. Хотя Мэзерэй и считался исторіографомъ Людови-

сокъ, а также и всѣ неприличныя церемоніи; послушникамъ-же угрожало строгое наказаніе: ихъ отдавали подъ судъ, какъ преступниковъ. Этотъ циркуляръ былъ прочитанъ всенародно и затѣмъ нѣсколько сотъ его экземпляровъ были расклеены на дверяхъ приходскихъ церквей и на углахъ улицъ.

Соединенными силами духовныхъ и свѣтскихъ властей удалось, наконецъ, совершенно искоренить обычай праздника глупцовъ и тому подобныхъ церемоній. Однако, шутовства нельзя было искоренить совершенно; многіе протестанскіе пасторы позволяли себѣ говорить такія проповѣди, которыя возбуждали въ публикѣ смѣхъ. Вообще, пасторы любили жестикулировать, повышать и понижать голосъ, что выходило у нихъ нѣсколько театрально. Часто эти пасторы для объясненія догматовъ религіи дѣлали такія странныя сравненія, что невольно приводили слушателей въ сильное недоумѣніе. Правда, нѣкоторые изъ этихъ проповѣдниковъ дѣлали это не изъ шутовства, но совершенно по невѣдѣнію, вовсе не имѣя и въ мысляхъ, что ихъ странныя сравненія могуть вызвать улыбку на устахъ ихъ слушателей; но также были и такіе проповѣдники, которые умышленно присоединяли шутовство къ своимъ проповѣдямъ. М. А. Канель въ одной изъ своихъ книгъ озаглавленной: „*Историческія изслѣдованія относительно шутовъ французскихъ королей*“, приводитъ въ ней массу интересныхъ документовъ, по поводу подобныхъ проповѣдниковъ; изъ нихъ особенно были замѣчательны: Мишель Мено и Оливье Майяръ. Первый изъ нихъ былъ изъ ордена Кордельеровъ; онъ родился около 1450 г. и умеръ въ Парижѣ въ 1518 или 1519 году. Его прозвали Лангдоръ (золотой языкъ).

ка XIV, но онъ писалъ совершенно свободно, такъ что Кольберъ вздумалъ отомстить ему и отнялъ отъ него пенсію въ 4000 ливровъ, которую тотъ получалъ отъ двора.

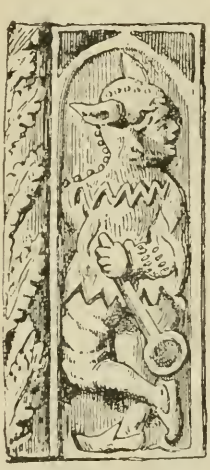
Оливье Майяръ родился въ Бретани въ 1440 году, умеръ въ 1503 и былъ проповѣдникомъ при дворѣ Людовика XI. Однажды, Майяръ говоря проповѣдь на сюжетъ о состояніи душъ въ чистилищѣ, между прочимъ, сказалъ: „Когда эти души слышатъ, что за ихъ упокой опускаютъ деньги, которыя издаютъ звукъ *тинъ, тинъ тинъ*, то онѣ начинаютъ радоваться и смѣются: *ха! ха! ха! хи! хи! хи!* Мишель Мено, дѣлая въ своей проповѣди выговоръ женщинамъ, что ихъ сборы въ церковь бываютъ уже слишкомъ продолжительны, между прочимъ говорилъ: „Скорѣе можно очистить конюшню отъ навоза, въ которой стояло сорокъ четыре лошади, чѣмъ женщина окончитъ свой туалетъ.“

Наконецъ еще Жанъ Раулэнъ онъ родился въ 1443 году и умеръ въ 1514. Подъ конецъ своей жизни онъ удалился въ 1497 въ аббатство Клюни. Онъ былъ современникъ Мено и Майяра и также потѣшалъ своихъ слушателей, разсказывая имъ объ одной вдовѣ, которая хотѣла выйти замужъ за своего слугу и которую священникъ ея прихода послалъ спросить совѣта у колоколовъ. До свадьбы вдова слышала, какъ колокола ей говорили: „Возьми твоего слугу, возьми твоего слугу!“ А послѣ свадьбы тѣ же колокола ей говорили „Не бери твоего слугу, не бери!“

Шутовской гербъ (Лѣпное изображеніе въ церкви св. Малліона въ Корнваллисѣ).

Здѣсь кстати упомянемъ еще о томъ, что многочисленныя изображенія фигуръ глупцовъ встрѣчаются какъ на наружныхъ стѣнахъ, такъ и на внутреннихъ многихъ соборовъ. Такъ въ деревнѣ Шампо, находящейся въ двѣ-

надцати километрахъ къ сѣверо-востоку отъ Мелуна, въ тамошней церкви находится множество изображеній крайне странныхъ и между прочимъ три головы шутовъ въ остроконечныхъ колпакахъ и съ погремушками. Зданіе этой церкви относится къ двѣнадцатому столѣтію. Точно также въ одной изъ парижскихъ церквей, построенной въ XV вѣкѣ, мы видимъ рѣзныя украшенія, изображающія епископа съ шутовскимъ жезломъ въ рукѣ и монаха въ колпакѣ съ ослиными ушами и также съ шутовскимъ жезломъ въ рукѣ.



Придворные шуты (Рѣзное изображеніе на деревѣ въ церкви св. Левана въ Корнваллисѣ).

Можно безошибочно сказать, что между всѣми этими шутами очень мало разницы: всѣ онипохожи другъ на друга, какъ тѣ, которые ютились въ монастыряхъ или которые жили въ замкахъ у вельможъ или наконецъ тѣ, которые, какъ вольныя птицы, бѣгали по дорогамъ въ самыхъ странныхъ костюмахъ и смѣшили народъ; они заработывали себѣ хлѣбъ, переходя изъ одного города въ другой,

появляясь на рынкахъ и ярмаркахъ, или-же стараясь подстеречь какого-нибудь принца или знатнаго вельможу, чтобы потѣшить его своими выходками и шутками и за это получить или приглашеніе на ночлегъ, или немного денегъ, чтобы имѣть возможность продолжать свой путь. Иногда эти шуты путешествовали цѣлыми партіями въ сопровожденіи музыкантовъ, которые играли на различныхъ инструментахъ, пѣли, разсказывали сказки, тогда какъ сами шуты выдѣлывали разные фокусы, кривлялись, затѣвали различныя игры и всячески старались потѣшать народъ. Иногда они показывали обезьянъ, собакъ и другихъ дрессированныхъ животныхъ; часто эти шуты, собираясь труппами, разыгрывали цѣлыя сцены; то они представляли ссору женщинъ, то изображали пьяныхъ, а иногда давали и драматическія пьэсы. Такъ Жаль въ

Шутовской гербъ (по рис. Генриха Гоудіуса .

своемъ „*Критическомъ словарѣ біографіи и исторіи*“ упоминаетъ о нѣкоторыхъ изъ этихъ бродячихъ шутовъ, которые часто давали представленія въ присутствіи коро-

нованныхъ лицъ, какъ напримѣръ, Карла VI и королевы Анны Бретанской.

Конечно, эти бродячіе шуты носили самые разнообразные костюмы, которые, только за исключеніемъ нѣкоторыхъ общихъ аттрибутовъ, мало отличали ихъ отъ обыкновенныхъ людей; правда они одѣвались въ самыя пестрыя лохмотья, какъ обыкновенно одѣваются уличные фигляры. Что-же касается до тѣхъ шутовъ, которые состояли при особѣ или коронованнаго лица, или какого нибудь вельможи, то для нихъ шили особый „костюмъ шута“ всегда почти одинаковый, хотя тутъ и была нѣкоторая разница въ деталяхъ. Въ одной небольшой поэмѣ XV вѣка, гдѣ каждое сословіе выражаетъ свое желаніе, то и шутъ, между прочимъ, говоритъ: „Я желаю прежде всего такія вещи, которыя мнѣ грезятся и день и ночь; во первыхъ я хочу имѣть хорошій жезлъ и колпакъ съ большими ушами и такими побрякушками, которыя гремѣли-бы на славу; я забуду о всякой тоскѣ и печаляхъ, а буду танцовать на полѣ и въ кустарникахъ и у меня будетъ такой хорошій аппетитъ, что стану опустошать котлы и бутылки и за все это получу послѣднее сокровище—саванъ“.

Одежда шута. Башмаки съ бубенчиками.

Отличительный аттрибутъ каждаго шута это былъ его шутовской жезлъ (marmotte); это было нѣчто въ родѣ жезла съ головою въ пестромъ полосатомъ колпакѣ съ бубенчиками. Слово мармотъ это сокращенное отъ Маріи. Кромѣ того на головѣ шута всегда былъ надѣтъ остроконечный колпакъ съ бубенчиками и съ длинными ушами; именно этотъ колпакъ и составлялъ характерное

отличіе шута. На одной изъ старинныхъ гравюръ, взятой изъ одного нѣмецкаго сочиненія, подъ заглавіемъ „Schelmenzunft“ (сонмище шутовъ), изданной въ 1572 году, изображенъ шутъ въ колпакѣ, остроконечности котораго загнуты одна на правый бокъ а, другая на лѣвый; на шеѣ у этого шута привѣшено нѣчто въ родѣ салфетки, изъ которой онъ вынимаетъ маленькихъ шутовъ; у этихъ послѣднихъ или только одна голова или одинъ бюстъ; большой шутъ сѣетъ ихъ по деревнѣ; такіе зародыши шутовъ должны вырости и потомъ узнаютъ другъ друга, какъ и самого сѣятеля, по знаменитому колпаку, съ тою только разницею, что у маленькихъ—остроконечности стоятъ прямо на подобіе ослиныхъ ушей.

Сѣятель глупцовъ.

Что же касается самого костюма шута, то онъ состоялъ изъ жакетки вырѣзанной острыми углами; на эту жакетку надѣвалась деревянная золоченная шпага, а иногда и раздутый свиной пузырь, наполненный суше-

нымъ горохомъ; такой пузырь привязывался къ небольшой палочкѣ. Это именно и есть тѣ подарки, которые Панургъ преподнесъ Трибулэ, какъ это разсказывается въ III книгѣ, гл. XLV Пантагрюэля. Панургъ, по своемъ прибытіи, далъ ему свиной пузырь, который очень громко бренчалъ, потому что былъ наполненъ сухимъ горохомъ, затѣмъ вызолоченный кусокъ дерева, потомъ черепаховый ягташъ и наконецъ бутылку хорошаго бретонскаго вина въ ивовой плетенкѣ и четверикъ яблоковъ. Трибулэ опоясался шпагою, надѣлъ ягташъ,

Шутъ въ парадномъ дурацкомъ костюмѣ.

взялъ въ руки пузырь, съѣлъ часть яблоковъ и выпилъ все вино. Панургъ съ любопытствомъ посматривалъ на

него и сказалъ: „Мнѣ еще никогда не доводилось видѣть шута и врядъ ли удастся видѣть такого, который не пилъ бы вина большими глотками и съ особымъ удовольствіемъ“. Слѣдовательно, употребленіе вина также составляло необходимую принадлежность шутовъ.

Кромѣ того костюмы шутовъ имѣли и свои опредѣленные цвѣта, а именно: смѣсь желтаго съ зеленымъ. Эти оба цвѣта въ средніе вѣка не пользовались хорошею славою. На банкрота надѣвали шапку зеленаго цвѣта; на каторжника, отправляемаго на галеры, надѣвали колпакъ зеленаго цвѣта. Желтый цвѣтъ, въ средніе вѣка, считался символомъ безчестія, презрѣнія и низости. Такъ, напримѣръ, палачъ клеймилъ домъ осужденнаго, совершившаго преступленіе или оскорбленіе величества, печатью желтаго цвѣта. Затѣмъ въ 1254 г. Арлскій соборъ постановилъ: что жиды должны отличаться какимъ нибудь внѣшнимъ знакомъ отъ христіанъ; тогда Людовикъ Святой издалъ указъ, чтобы они носили на животѣ лоскутъ матеріи желтаго цвѣта.

Шуты также стали носить костюмы желтаго и зеленаго цвѣтовъ; это продолжалось до семнадцатаго столѣтія. М. А. Шеруэль разсказываетъ въ своей *„Исторіи монархической администраціи во Франціи“*, что 9-го января 1614 года нѣкто Верто, казначей въ Шалонѣ, былъ увезенъ ночью четырьмя всадниками, принадлежавшими къ дому герцога Неверскаго и былъ отправленъ въ Кассинъ, принадлежавшій герцогу; тамъ, за то что Верто донесъ о совершенномъ, упомянутымъ герцогомъ, злоупотребленіемъ власти (онъ былъ губернаторомъ Шампаньи), несчастнаго одѣли дуракомъ, посадили на осла и возили по Кассину и его окрестностямъ. Г-нъ де-Верто въ своемъ прошеніи королю описываетъ, что это былъ за дурацкій костюмъ, въ который его нарядили:

“Начальствующій въ Кассинѣ сказалъ, что получилъ приказаніе отъ герцога надѣть на насъ то платье, ко-

торое онъ намъ показалъ и которое состояло изъ саржевыхъ полосъ на половину желтаго и зеленаго цвѣтовъ; зеленыя полосы были обшиты желтыми позументами, а желтыя полосы зелеными. Между полосами была вшита желтая и зеленая тафта, какъ и между позументами. Одинъ чулокъ былъ изъ зеленой саржи, а другой изъ желтой; затѣмъ колпакъ былъ также на половину желтаго и на половину зеленаго цвѣта и съ длинными ушами...“

Шутъ. везущій Силэна. (Изъ коллекціи Эстергизи въ Пемстѣ. Набросокъ Альберта Дюрора).

Иногда весь костюмъ шута дѣлали изъ матеріи краснаго цвѣта или-же его дѣлали изъ сочетанія трехъ цвѣтовъ: краснаго, зеленаго и желтаго, но это уже являлось только исключеніемъ. Но желтый и зеленый цвѣта постоянно встрѣчались въ одеждѣ шутовъ и могли дѣйствительно назваться цвѣтами глупости.

Слѣдовательно, жезлъ, остроконечный колпакъ съ ослиными ушами и бубенчиками, красная или желтая жакетка составляли, какъ бы ливрею для шута и не только для домашнихъ шутовъ, но также и придворныхъ и городскихъ шутовъ, народныхъ и даже для цѣлыхъ ассоціацій шутовъ, о которыхъ мы будемъ говорить ниже.

III.

Придворные шуты —Придворные шуты въ древности.—Оффиціальные шуты во Франціи.—Сеньи Іоганъ.—Іеганъ Арсемалль.—Миттонъ.—Тэвенинъ де-Сенъ-Лежэ.—Большой Іоганъ.—Гэнселэнъ-Кокъ.—Вильонъ.—Шуты Карла VII, Людовика XI и Карла VIII.

Шуты встрѣчались и въ замкахъ вельможъ, и у епископовъ въ ихъ дворцахъ; тѣмъ болѣе короли и королевы, принцы и принцессы также держали при себѣ шутовъ, такъ какъ это было въ большой модѣ въ то время.

Придворные шуты существовали еще въ самой глубокой древности. Шарль Маньэнъ въ своихъ „Origines du Thèâtre antique et moderne“, разсказываетъ, что въ Рамаянѣ *) упоминается о шутѣ, бывшемъ при особѣ прекрасной Ситы, супруги храбраго Рама; этотъ шутъ описывалъ своей прекрасной повелительницѣ качества ея любовниковъ. Кромѣ того, судя по одному изъ мѣстъ въ книгѣ Самуила **), Акишъ, царь страны Гатской также держалъ шутовъ при своемъ дворѣ. Если вѣрить одному сочиненію подъ заглавіемъ „Dialogues“, изданному въ XV столѣтіи, то и у великаго Соломона, не смотря на всю его славу, также былъ шутъ, по имени Маркольфъ. Авторъ предполагаетъ, что этотъ царь, отличавшійся такою мудростью, сидя, однажды, на своемъ тронѣ, замѣтилъ у своихъ

---

*) Рамаяна, твореніе поэта Вальмики, жившаго за полторы тысячи лѣтъ до Р. Х.: санскритская эпопея, гдѣ, въ 25000 стиховъ, разсказываются приключенія индѣйскаго героя Рамы.

**) Давидъ, преслѣдуемый гнѣвомъ Саула прибылъ къ Акишу, царю страны Гатской. Его узнали служители царя; Давидъ притворился дуракомъ. Тогда Акишъ сказалъ своимъ придворнымъ: «Развѣ вы не видите, что этотъ человѣкъ потерялъ разсудокъ. Зачѣмъ вы его привели ко мнѣ? Развѣ у меня мало *своихъ шутовъ и дураковъ*, что вы хотите заставить меня быть свидѣтелемъ всѣхъ глупостей этого пришельца?»

ногъ Маркольфа, человѣка маленькаго роста, безобразнаго; у него было широкое, морщинистое лицо, большіе глаза, длинныя уши, отвисшія губы, козлиная бородка, громадныя руки съ крючковатыми пальцами, острый носъ, ноги, какъ у слона, волосы растрепанные, туника грязная въ пятнахъ.

— Кто ты такой?—спросилъ у него царь.

— Назови сначала свое имя, тогда я назову тебѣ мое,—отвѣчалъ шутъ.

— Я происхожу изъ одной изъ двѣнадцати семей Іуды. Іуда родилъ Фареса и т. д. Моего отца звали Давидомъ, а я царь Соломонъ.

— А я происхожу отъ одной изъ двѣнадцати семей Рустра. Отъ Рустра родился Рустодъ, отъ Рустода—Рустикъ и т. д. Мой отецъ былъ благородный Марколь, а я дуракъ Маркольфъ.

— Ты, кажется, порядочный хитрецъ. Однако, поговоримъ. Если ты будешь хорошо отвѣчать на всѣ мои вопросы, то я буду обращаться съ тобой, какъ съ настоящимъ царемъ, ты будешь всегда при мнѣ и тебя будетъ почитать все мое царство.

Затѣмъ началась бесѣда между царемъ и шутомъ; они говорили о вселенной, о мужчинахъ, о женщинахъ, о природѣ, о деревьяхъ, о травахъ, о винѣ, о медицинѣ и о прочемъ. Дуракъ давалъ отвѣты; но его слова отличались иногда смѣлостью и даже дерзостью. Соломонъ, разсердившись на его грубость, прогналъ его отъ себя. Маркольфъ, уходя отъ царя, воскликнулъ:

— Льстивая ложь нравится царямъ, а суровая истина оскорбляетъ даже самыхъ мудрыхъ.

Относительно существованія шутовъ въ самой глубокой древности имѣются болѣе точныя указанія, чѣмъ приведенный разговоръ между Соломономъ и его шутомъ, Маркольфомъ. Цари персидскіе со временъ Демарата всегда держали у себя шутовъ. Объ этомъ упоминаетъ и

Плутархъ. Демаратъ былъ сначала самъ царемъ Спартанскимъ, но его изгнали изъ его отечества, вслѣдствіе политическихъ раздоровъ; онъ удалился къ персидскому двору, къ царю Дарію.

Соломонъ и его шутъ Маркольфъ (по рукописи XV столѣтія).

Мелкіе греческіе цари также держали у себя шутовъ, такъ напримѣръ, у тирана Сицилійскаго, въ Македоніи у Филиппа и у преемниковъ Александра, были свои шуты. Дворецъ Діонисія Сиракузскаго былъ наполненъ различными шутами. Въ Персіи, въ свитѣ Александра также было много шутовъ и фигляровъ. Во время свадьбы Александра съ Статирою, точно такъ-же, какъ во время свадебъ восьмидесяти офицеровъ македонской арміи, шуты потѣшали приглашенныхъ гостей.

Часто случалось, что и сами цари, и особы царской крови принимали участіе въ упражненіяхъ фигляровъ. Такъ, напримѣръ, Антіохъ IV Эпифанъ, царь Сирійскій (174—164), во время празднествъ часто присоединялся къ шутамъ, которые обходились съ нимъ, какъ съ товарищемъ, точно также Антіохъ IX (114—94), также царь Сирійскій, изучалъ очень прилежно ремесло фигляровъ и шутовъ и всегда внимательно слушалъ уроки своихъ учителей.

Видя, какъ греческіе вельможи, воспитанные среди

роскоши и утонченнаго вкуса цивилизаціи, любили такія грубыя зрѣлища, какъ представленія шутовъ и фигляровъ, нѣтъ ничего удивительнаго, что и цари варваровъ постоянно окружали себя шутами и скоморохами. Сидоній Аполинарскій *) упоминаетъ объ этомъ родѣ развлеченія въ своемъ описаніи обѣдовъ Θеодорика II, короля испанскихъ вестъ-готовъ (453—466) и хвалитъ его за то, что онъ рѣдко слѣдовалъ подобному обычаю. Извѣстно также, что и свирѣпый Аттила держалъ въ своемъ дворцѣ шутовъ и фигляровъ. Когда византійскій императоръ Θеодосій II, сынъ Аркадія, отправилъ пословъ къ царю гунновъ, свирѣпому Аттилѣ, то послѣдній пригласилъ ихъ къ своему столу. Во время пиршества два поэта прославляли побѣды Аттилы. Затѣмъ вошелъ шутъ, выходки и фиглярства котораго возбуждали всеобщій смѣхъ, потомъ горбатый карликъ, Церконъ, кривоногій, безносый, заика и идіотъ, одно появленіе котораго уже возбудило всеобщій смѣхъ. Этотъ несчастный, по словамъ Амедея Тьерри, въ теченіе двадцати лѣтъ странствовалъ съ одного конца свѣта на другой и вездѣ на него смотрѣли съ большимъ удивленіемъ. Наконецъ, африканцы подарили его римскому военачальнику, Аспару, который потерялъ его во Θракіи во время похода противъ гунновъ. Карлика взяли въ плѣнъ и отвели сначала въ лагерь Аттилы, но тотъ не пожелалъ его взять къ себѣ, тогда его привели къ Блэда, брату царя гунновъ и тотъ такъ пристрастился къ этому уродливому существу, что уже никакъ не могъ безъ него обойтись. Карликъ не покидалъ его ни за столомъ, ни во время военныхъ походовъ. Блэда приказалъ сшить карлику военное платье и преуморительно

*) Сидоній Аполинарскій, латинскій писатель пятаго вѣка; онъ родился въ Ліонѣ. Его очень любили въ послѣднее время существованія Римской Имперіи; онъ умеръ въ 489 году, въ Клермонѣ.

было видѣть этого маленькаго человѣка, размахивающаго шпагой. Однажды Церконъ убѣжалъ въ Римъ. Блэда положительно не находилъ покоя; онъ хотѣлъ непремѣнно или увезти карлика, или его выкупить. Когда удалось выручить карлика, то его заковали въ цѣпи и привели къ его господину, передъ которымъ онъ признался въ своей винѣ, но увѣрялъ, что достоинъ снисхожденія, потому что Блэда не далъ ему жены. Варваръ разразился громкимъ смѣхомъ и женилъ карлика на одной изъ прислужницъ царицы; эта прислужница впала въ немилость за какой-то проступокъ. Послѣ умерщвленія Блэды, *) Аттила послалъ карлика въ подарокъ патрицію Аэцію **), который отдалъ его обратно Аспару.

Шуты появлялись также и у цивилизованныхъ государей того времени; такъ напримѣръ мы ихъ встрѣчаемъ во дворцѣ въ Константинополѣ. Одинъ изъ такихъ шутовъ, бывшій при особѣ императора Ѳеофила, шутъ, по имени Дандери, по своей нескромности, чуть было не причинилъ непріятностей императрицѣ Ѳеодорѣ. Императоръ Ѳеофилъ былъ иконокластомъ т. е. принадлежалъ къ той сектѣ, которая не признавала иконъ. Императрица, напротивъ того, не раздѣляла убѣжденій своего мужа и втайнѣ хранила въ своей молельнѣ великолѣпныя иконы, передъ которыми она часто молилась; однажды, Дандери засталъ императрицу на молитвѣ и полюбопытствовалъ узнать, что это были за чудныя картины; императрицѣ пришлось придумать какую нибудь ложь,

---

*) Блэда былъ убитъ въ 442 году Аттилою, который хотѣлъ царствовать одинъ.

**) Аэцій былъ родомъ гуннъ, но онъ поступилъ въ римскія войска на службу, во время царствованія Валентина III и сражался противъ своихъ соотечественниковъ, гунновъ; во время сраженія при Шалонѣ на Марнѣ, въ 451 году, Аэцій разрѣзалъ многихъ гунновъ въ куски.

чтобы выпутаться изъ такого неловкаго положенія; но за обѣдомъ Дандери не переставалъ говорить о картинахъ, которыя онъ видѣлъ у императрицы, такъ что послѣдняя сильно смутилась и ей едва пришлось замять разговоръ.

Въ средніе вѣка шуты были въ большой модѣ. Ордерикъ Виталь *) разсказываетъ о несчастіи, приключившемся съ однимъ изъ такихъ шутовъ, который сопровождалъ Гуго Великаго, отца Капета, въ одной изъ экспедицій, которую родоначальникъ французской династіи велъ противъ Людовика IV. Этотъ шутъ позволилъ себѣ посмѣяться надъ мѣстными святыми и былъ убитъ молніею.

Однако, подобное свободомысліе мало находило себѣ подражателей въ средѣ шутовъ. Они выкидывали разные фокусы и шутки, чтобы возбудить смѣхъ въ окружающей ихъ публикѣ, но никогда не позволяли себѣ касаться чего-либо священнаго, особенно въ то время, когда всѣ христіане отличались такимъ благочестіемъ и вѣрою. Этотъ разсказъ доказываетъ только, что шуты повсюду слѣдовали за своими повелителями, сопровождая ихъ даже во время войны. Шуты отличались большою преданностью къ своимъ господамъ и даже часто исполняли обязанности тѣлохранителей; такъ одинъ изъ шутовъ спасъ Вильгельма, герцога Нормандскаго, въ 1047 г. отъ заговора, составленнаго нѣсколькими недовольными баронами. Если бы не преданность этого бѣднаго шута, то судьба того, который, двадцать лѣтъ спустя, долженъ былъ одержать побѣду при Гастингсѣ и завоевать Англію, была бы совершенно иная; онъ, конечно, погибъ-

*) Ордерикъ Виталь родился въ Англіи отъ родителей французовъ; онъ написалъ «Исторію духовенства, начиная отъ Рождества Христова и до 1141 г.

бы въ 1047 г. и тогда и судьба Англіи была-бы также совершенно иная.

Шуты существовали и при французскомъ дворѣ, точно такъ-же, какъ и при дворѣ герцоговъ Нормандскихъ. Шуты встрѣчались и при Карлѣ Великомъ, потому что еще въ то время была извѣстна шахматная игра, въ которой два шута сопровождаютъ короля. Подобный выводъ, конечно, очень остроуменъ, но, кажется, нѣсколько

Фигура шута въ шахматной игрѣ во время Карла Великаго.

натянутымъ. Конечно, при дворѣ Карла Великаго и были фигляры и шуты, но для подтвержденія этого факта вовсе не требуется такого доказательства, какъ игра въ шахматы. Даже во дворцѣ Людовика Благочестиваго были шуты и фигляры; въ царствованія слѣдующихъ королей также существовали при дворѣ шуты; Филиппъ-Августъ, однако, въ 1181 году выгналъ всѣхъ шутовъ изъ своего дворца, за ихъ дурное поведеніе. Должность шута считалась службою; ему платили жалованье изъ фондовъ, предна-

значенныхъ для увеселеній короля. Послѣ того, какъ было сказано выше, Филиппъ Августъ выгналъ шутовъ изъ своего двордца, въ 1181 году, они опять появились при дворѣ французскихъ королей но уже только въ началѣ XIV столѣтіи и замѣчательный изъ нихъ былъ Жофруа, шутъ Филиппа V Длиннаго.

Всѣ шуты считались на королевской службѣ; эта должность рѣдко оставалась вакантною, потому что шутъ составлялъ необходимую принадлежность всѣхъ празднествъ и увеселеній; на его обязанности лежало вызвать смѣхъ на устахъ, какъ его господина, такъ и его гостей. Однако, не сохранилось нигдѣ именъ всѣхъ шутовъ, бывшихъ при особахъ французскихъ королей. Только нѣкоторыя изъ именъ сохранились или въ придворныхъ отчетахъ, такъ какъ шутамъ платили жалованье изъ королевскихъ суммъ, или въ различныхъ мемуарахъ и анекдотахъ. Мы займемся только описаніемъ тѣхъ шутовъ, которые пользовались нѣкоторою популярностью.

Послѣ Филиппа Длиннаго видно изъ отчетовъ, приведенныхъ потомъ Дю-Френомъ дю-Канжъ въ одной изъ его книгъ, что въ 1327 году былъ при французскомъ дворѣ шутъ Роллэ или Рольэ. Но намъ также извѣстно, что у Филиппа V Валуа было нѣсколько шутовъ, одному изъ которыхъ было поручено извѣстить короля о крушеніи генуэзскихъ кораблей, состоявшихъ на службѣ Франціи; это было въ 1340 году въ началѣ Столѣтней войны.

Вѣроятно, также при особѣ Филиппа Валуа находился и шутъ Сеньи Іоганъ, котораго Раблэ назвалъ „глупая знаменитость Парижа, прадѣдъ Колльэта“ и о которомъ веселый кюрэ Медона разсказываетъ такой занимательный анекдотъ въ книгѣ III въ главѣ XXXVII „*Пантагрюэля*“. „Въ Парижѣ передъ заведеніемъ одного жарильщика присѣлъ носильщикъ и сталъ ѣсть хлѣбъ, который, вѣроятно, казался ему очень вкуснымъ съ запахомъ дыма. Жарильщикъ ничего не говорилъ; но

лишь только носильщикъ доѣлъ хлѣбъ и хотѣлъ было уйти, какъ жарильщикъ схватилъ его за шиворотъ и требовалъ непремѣнно, чтобы тотъ заплатилъ ему за жаренье. Носильщикъ сталъ доказывать, что онъ не причинилъ никакого убытка жарильщику и не тронулъ его мяса; дымъ все равно разнесся-бы по воздуху и онъ въ первый разъ слышитъ, что въ Парижѣ продается дымъ. Но жарильщикъ возразилъ на это, что онъ вовсе не желаетъ чтобы его дымомъ пользовался всякій носильщикъ и если послѣдній не заплатитъ, то онъ отнимете отъ него его крючья. Носильщикъ поднялъ свою палку и сталъ въ оборонительное положеніе. Произошелъ сильный споръ. Сбѣжался народъ со всѣхъ сторонъ. Въ толпѣ былъ также и шутъ Сеньи Іоганъ. Увидя его, жарильщикъ спросилъ у носильщка, не желаетъ-ли онъ что-бы ихъ разсудилъ Сеньи Іоганъ. Носильщикъ согласился. Когда шутъ выслушалъ причину ихъ спора, то обратился къ носильщику и попросилъ его вынуть изъ кошелька какую нибудь серебряную монету. Носильщикъ исполнилъ его желаніе; тогда шутъ положилъ монету на лѣвое плечо, какъ будто желая узнать правиленъ ли ея вѣсъ, потомъ постучалъ ею по ладони лѣвой руки, чтобы узнать не фальшивая-ли она; наконецъ, приставилъ ее къ правому глазу. что бы хорошенько разсмотрѣть, отчеканенную на ней, надпись. Толпа молчала и слѣдила за движеніями шута къ великому отчаянію носильщика, который рѣшительно не могъ понять, что изъ этого выйдетъ. Затѣмъ шутъ поднялъ свой жезлъ, какъ скипетръ, кашлянулъ раза два или три, постучалъ монетою о выручку жарильщика и сказалъ: „Судъ постановляетъ, что носильщикъ, ѣвшій свой хлѣбъ подъ дымомъ жарильщика, честно расплатился съ нимъ звукомъ своихъ денегъ, поэтому судъ приказываетъ имъ разойтись по своимъ домамъ.“ Такое рѣшеніе парижскаго шута показалось настолько справедливымъ, что всѣ даже сомнѣвались,

чтобы и настоящіе ареопаги могли бы рѣшить такъ правильно подобное дѣло".

Г-нъ Канель говоритъ, что первое указаніе на такое шуточное рѣшеніе было сдѣлано Жаномъ Андрэ, юристъ-консуломъ XIV столѣтія, умершимъ въ 1348 году. Слѣдовательно, Сеньи Іоганъ жилъ въ послѣдніе годы царствованія Филиппа Валуа и весьма вѣроятно принадлежалъ къ штату этого государя. Это не можетъ казаться и удивительнымъ, потому что дворъ Филиппа Валуа былъ однимъ изъ самыхъ блестящихъ дворовъ того времени; тамъ собиралось самое высшее дворянство; Фруассаръ *) называлъ дворъ этого государя *„самымъ рыцарскимъ въ мірѣ."* Короли Навары, Майорки, Богеміи и масса могущественныхъ бароновъ проводили тамъ время въ пиршествахъ и турнирахъ. Конечно, для развлеченія подобнаго общества требовалось много шутовъ.

Еще одинъ шутъ, состоявшій на королевской службѣ, въ послѣдніе годы царствованія Филиппа VI, находился при Дофинѣ, впослѣдствіи Іоаннъ Добрый; этотъ шутъ назывался Іеганъ Арсемалль. Іеганъ оставался при дворѣ и въ слѣдующее царствованіе и часто получалъ королевскіе подарки въ видѣ одежды, костюмовъ, головныхъ уборовъ, подбитыхъ горностаевымъ мѣхомъ и пр. Вѣроятно, въ благодарность за такіе подарки Іеганъ сопровождалъ своего государя въ Англію послѣ пораженія при Пуатье въ 1356. Несчастный государь взялъ съ собою шута, чтобы имѣть при себѣ человѣка, который развлекалъ бы его во время его плѣна и по-

*) Фруассаръ лѣтописецъ и поэтъ, родился въ Валансьеннѣ въ 1383 году и умеръ около 1410 года; онъ вступилъ въ духовное званіе но никогда не исполнялъ своихъ обязанностей, а проводилъ время въ удовольствіяхъ, при дворѣ королей и, слушая изъ ихъ устъ разсказы, записывалъ ихъ для своихъ сочиненій или же въ свою очередь развлекалъ королей и принцевъ, въ часы досуга, читая имъ свои стихотворенія и лѣтописи.

тому онъ уговорилъ своего шута ѣхать вмѣстѣ съ нимъ въ Виндзоръ. Однако, туманы Англіи казалось повліяли на веселость шута; онъ постоянно болѣлъ въ это время испытаній, что видно изъ отчетовъ расходовъ на короля Франціи, гдѣ часто упоминалось о разныхъ лѣкарствахъ, купленныхъ у аптекаря-дрогиста въ Лондонѣ, для Іегана шута.

Іеганъ Арсемалль имѣлъ товарищемъ при дворѣ Миктона или Миттона, котораго содержалъ Іоаннъ и платилъ ему изъ собственной шкатулки, хотя этотъ шутъ и состоялъ при особѣ дофина Карла.

Кромѣ Миттона у дофина Карла, сдѣлавшагося королемъ Карломъ V Мудрымъ, было много другихъ шутовъ. Если вѣрить его біографу Христинѣ Пизанской, то онъ очень любилъ брать къ себѣ шутовъ и зналъ въ нихъ толкъ. Но этому государю можно было вполнѣ извинить такое развлеченіе. Это была одна изъ самыхъ критическихъ эпохъ въ исторіи Франціи: Этьеннь Марсэль покушался произвести революцію, потомъ позорный договоръ въ Бретиньи, въ силу котораго, Англія получила всѣ земли на югѣ Луары; слѣдовательно, управленіе Франціею представляло столь тяжелое бремя, что тотъ, кому это было поручено, могъ позволить себѣ нѣкоторыя развлеченія. Вотъ что между прочимъ пишетъ Христина Пизанская: „Карлъ V, вставъ съ постели и, помолившись, Богу, разговаривалъ со своими служащими; онъ былъ добрый и милостивый государь, такъ что даже самый послѣдній изъ его придворныхъ говорилъ съ нимъ совершенно свободно.“

Одинъ изъ шутовъ Карла V былъ похороненъ въ Сенъ-Жерменѣ-Оксерскомъ, его могила послужила образцомъ для могилы устроенной позднѣе для Тевенэна де Сенъ-Лежэ.

По всей вѣроятности, этотъ Тевенэнъ былъ самымъ любимымъ шутомъ Карла V. Послѣ смерти этого шута

король приказалъ сдѣлать ему роскошный памятникъ въ церкви Сенъ-Морисъ въ Сенлисѣ; этотъ памятникъ описалъ Соваяль въ своей книгѣ „*Парижскія древности*“ *). Тэвенэнъ былъ изображенъ въ костюмѣ шута, въ длин-

Гробница шута Тэвенэна.

ной одеждѣ съ капюшономъ и въ шапочкѣ съ кисточкой; въ рукѣ у него былъ жезлъ и два кошелька, привязанные къ поясу. На камнѣ была вырѣзана слѣдующая надпись: „Здѣсь лежитъ Тэвенэнъ де Сенъ-Лежэ, шутъ короля, умершій одиннадцатаго дня іюля M CCC LXXIV. Молитесь за упокой его души“.

*) Соваль предполагалъ написать исторію Парижа, но онъ умеръ въ 1670 г., не успѣвъ окончить своего труда.

Преемникомъ Тэвенэна былъ Большой Іоганъ. Если вѣрить одному любопытному документу, помѣщенному Алекс. Ассьэ въ его книгѣ, озаглавленной „*Легенды Шампани*,“ Большой Іоганъ былъ изъ Труа. Этотъ городъ долгое время имѣлъ привилегію поставлять шутовъ королевскому дому. Еще до сихъ поръ сохранился текстъ письма, адрессованнаго мэрамъ и старшинамъ города Труа. Въ этомъ письмѣ король сообщаетъ о смерти своего шута, Тэвенэна и о томъ, что ему сооруженъ памятникъ. Затѣмъ король обращается опять къ мэрамъ, старшинамъ и гражданамъ города Труа, чтобы тѣ выслали изъ своей среды человѣка, который съумѣлъ бы развлекать короля и его гостей. Это письмо помѣчено 14-мъ Января 1372 года.

Но тутъ является противорѣчіе въ числахъ. По надписи, сдѣланной на надгробномъ памятникѣ, Тэвенэнъ умеръ 11-го іюня 1374, между тѣмъ, какъ письмо короля, въ которомъ онъ сообщаетъ о смерти шута Тэвенэна, помѣчено 14-мъ январемъ 1372 г. Тутъ, вѣроятно, вкралась ошибка или въ письмѣ или на памятникѣ. Впрочемъ и самый стиль письма врядъ-ли можно отнести къ эпохѣ царствованія Карла V. Кромѣ Большаго Іогана, у Карла V было еще три шута и даже одна дурочка, Артоди дю Пюи, которая состояла въ штатѣ королевы Жанны. Г-нъ Леберъ приводитъ подлинное письмо Карла V, гдѣ упоминаетъ о расходахъ, сдѣланныхъ на Артоду дю Пюи „дурочку нашей возлюбленной подруги королевы.“

Если Карлъ Мудрый любилъ окружатьсебя шутами и фиглярами, то его преемникъ Карлъ VI, какъ извѣстно, былъ самъ безумный и потому, конечно, любилъ проводить время въ обществѣ себѣ подобныхъ. Съ восьмилѣтняго возраста у него уже былъ шутъ, по имени Іеганъ, о которомъ упоминается въ письмѣ Карла V, помѣченномъ 3-го Марта 1375 г. Позднѣе, послѣ ужаснаго случая въ маска-

радѣ,когда онъ едва не сгорѣлъ живымъ, несчастный принцъ совершенно потерялъ разсудокъ, такъ что онъ впалъ въ меланхолію и къ нему были приставлены лица, которыя должны были развлекать его въ часы нападавшаго на него уныніе. Изъ этихъ шутовъ былъ особенно замѣчателенъ Генселэнъ Кокъ, который, вѣроятно, совершалъ множество самыхъ уморительныхъ фарсовъ и былъ въ постоянномъ движеніи, такъ какъ изъ отчетовъ за 1404 годъ видно, что однажды шутъ потребовалъ новыхъ рубашекъ, такъ какъ онъ разорвалъ свои въ борьбѣ, устроенной имъ для забавы короля; въ томъ-же году шутъ сносилъ сорокъ семь паръ башмаковъ. Около того-же времени шутъ Изабо Баварскаго, по имени Гильомъ Фуэль, въ теченіе полугода сносилъ сто три пары различной обуви; изъ этого можно заключить, что всѣ эти шуты отличались необыкновенною подвижностью!

У всѣхъ членовъ королевской фамиліи были свои особые шуты. Іоаннъ, герцогъ Беррійскій, самый расточительный изъ всѣхъ знаменитыхъ дядей Карла VI, умершій въ 1416 году, былъ отвезенъ на кладбище своими шутами, одѣтыми въ трауръ. Это дѣйствительно, былъ кортежъ достойный такого человѣка, который, въ шестьдесятъ лѣтъ, женился на двѣнадцатилѣтней дѣвочкѣ, племянницѣ графа де Фуа.

Братъ Карла VI, Людовикъ Орлеанскій, жертва мрачнаго Іоанна безъ Страха, который приказалъ его убить въ улицѣ Барбеттъ, также держалъ у себя шута, по имени Кокинэ. Мы точно также встрѣчаемъ шута, по имени Гильомъ Кроссонъ, въ штатѣ Дофина Людовика, сына Карла VI, умершаго ранѣе отца.

Долгое время полагали, что Карлъ VII не держалъ шутовъ при своемъ дворѣ; но изъ отчетовъ, по содержанію двора, оказалось, что и у Карла VII также были шуты. Двое изъ нихъ извѣстны подъ именемъ Даго и Робинэ. Правда, оба шута не находились на королевской

службѣ, а были не болѣе, какъ бродячіе шуты, посѣщавшіе ярмарки, города, деревни и только случайно попадавшіе во дворецъ на извѣстное время, гдѣ развлекали короля, его семью и его гостей, получая за это очень скромное тознагражденіе; такіе шуты далеко не пользовались такимъ кредитомъ и авторитетомъ, какими пользовались Іеганъ Арсемалль и Тэвенэнъ де Сенъ-Лежэ. Однако, и при дворѣ Карла VII въ 1458 году былъ шутъ, по имени Коларъ, прозванный мосьё дё Лаонъ, который пользовался извѣстнымъ почетомъ и получалъ опредѣленное содержаніе. Около того же времени у королевы Маріи Анжуйской была своя дурочка, прозванная Мишонъ.

Между всѣми этими шутами, имена которыхъ сохранились только въ отчетахъ по содержанію двора, особенно былъ замѣчателенъ поэтъ Вильонъ, котораго причисляютъ къ наиболѣе знаменитымъ шутамъ того времени и который умѣлъ изобрѣтать такія остроумныя шутки, которымъ позавидывалъ-бы самый извѣстный шутъ того времени. Этотъ знаменитый насмѣшникъ, нѣкоторыя стихотворенія котораго отличаются такою меланхоліею, такою грустью, которая проникаетъ прямо въ сердце, былъ очень лѣнивымъ ученикомъ, взбалмошнымъ человѣкомъ, своевольникомъ, такъ что даже былъ приговоренъ какъ-то къ висѣлицѣ за контрабанду. Людовикъ XI спасъ его отъ веревки. Но этотъ лизоблюдъ и любитель даровыхъ обѣдовъ былъ слишкомъ хорошо извѣстенъ стражамъ Chatelet *), чтобы онъ могъ свободно гранить мостовую Парижа. Ему пришлось удалиться на нѣкоторое время въ

*) Châtelet называлось засѣданіе суда Парижскаго графства и превотства. Этотъ судъ получилъ свое названіе Châtelet, потому что онъ засѣдалъ въ зданіи стариннаго замка. (Château) при входѣ въ улицу Сенъ-Дени: самое зданіе, какъ говорятъ, было построено при императорѣ Юліанѣ. Шателэ представлялъ въ одно время и зданіе суда и тюрьму.

Англію, чтобы забыли о немъ въ Парижѣ. Тамъ Эдуардъ V очень полюбилъ Вильона и часто звалъ его къ себѣ для развлеченія. Однажды, король, показывая ему свою уборную, указалъ на гардеробъ, испещренный французскими гербами и сказалъ:—Видишь-ли съ какимъ уваженіемъ я отношусь къ твоимъ французскимъ королямъ.

— Это мнѣ кажется слишкомъ опаснымъ для здоровья вашего величества, возразилъ Вильонъ,—вѣроятно всякій разъ, какъ вы взглянете на эти гербы, то чувствуете такую боль въ животѣ, что вамъ приходится прибѣгать къ помощи аптекаря.

Конечно, подобная фраза, сказанная хотя и на чистомъ французскомъ языкѣ, все-же не могла понравиться англійскому королю. Вильонъ долженъ былъ переправиться черезъ Ламаншъ, вернуться въ Парижъ и начать тамъ опять жизнь праздношатающаго со всѣми соединенными съ нею приключеніями.

Вильонъ никогда не былъ шутомъ на королевской службѣ; онъ обладалъ слишкомъ независимымъ характеромъ, чтобы подчиняться чужой волѣ и взять оффиціально въ руки шутовской жезлъ. Впрочемъ Людовикъ XI не имѣлъ большой склонности къ шутамъ. Ему было совершенно достаточно его врача Куаксьэ, его цирюльника Оливьэ Дьявола и его кума Тристана. Пустынники. Вѣроятно, Людовикъ XI былъ сердитъ на всѣхъ шутовъ вообще, въ особенности, съ того времени, какъ шутъ Карла Смѣлаго, извѣстный подъ именемъ *Славнаго*, посовѣтовалъ своему властелину, во время его свиданія съ королемъ Франціи въ Перонпѣ, задержать послѣдняго въ плѣну. Но какъ бы то ни было во время царствованія этого короля не было ни одного шута, такъ по крайней мѣрѣ, думали до тѣхъ поръ, пока Брантомъ въ своей „*Исторіи знаменитыхъ людей*“ *), въ главѣ, по-

*) Пьеръ де Брантомъ, гасконскій дворянинъ, родился въ Бур-

священной Людовику XI, не разсказалъ-бы анекдота, который свидѣтельствуетъ, что въ свитѣ этого короля былъ шутъ.

„Между разными шутками совершенными этимъ королемъ, ради развлеченія, самая ужасная шутка была, именно, убійство его брата, герцога Гвіэнскаго, когда послѣдній менѣе всего думалъ о смерти, такъ какъ король увѣрялъ его при жизни въ своей привязанности, а послѣ его кончины не переставалъ его оплакивать; *) никто не подозрѣвалъ, что ударъ былъ нанесенъ имъ самимъ несчастному герцогу, если-бы не открылъ этого шутъ короля; этотъ шутъ находился сначала при особѣ покойнаго герцога, а послѣ его смерти Людовикъ XI взялъ его къ себѣ, такъ какъ онъ былъ очень забавенъ. Однажды, король отправился на богомолье въ Клэри **) и тамъ, передъ образомъ Божьей Матери, которую онъ называлъ своею Покровительницею, сталъ молить Ее о прощеніи совершеннаго имъ убійства брата, который былъ отравленъ аббатомъ Сенъ-Жаномъ, по его приказанію. Шутъ стоялъ недалеко отъ молившагося вслухъ короля и хорошо слышалъ произносимыя имъ

дейлѣ въ 1510 г. и умеръ въ 1614. Сначала онъ былъ солдатомъ потомъ придворнымъ и пользовался большими милостями Карла IX. При вступленіи на престолъ Генриха III онъ удалился въ свои помѣстья и написалъ цѣлый рядъ сочиненій: «*Жизнь знаменитыхъ людей и великихъ французскихъ полководцевъ*». «*Жизнь великихъ иностранныхъ полководцевъ*». «*Жизнь знаменитыхъ женщинъ*». Всѣ эти сочиненія блещутъ скорѣе умомъ и стилемъ, чѣмъ выдержанностью языка.

*) Извѣстно, что подобное обвиненіе, приписанное Брантомомъ Людовику XI, почти не имѣетъ никакого основанія. Всего вѣрнѣе, что молодой герцогъ, скончавшійся 24-го мая 1472 г., въ Бордо, умеръ отъ чахотки, а вовсе не отъ яда, даннаго ему, по приказанію его брата, короля Людовика XI. См. H. Martin, томъ VIII, страница 72. Изданіе 1841 года.

**) Клэри находится въ 15 километр. отъ Орлеана, было любимымъ храмомъ Людовика XI.

слова и запомнилъ ихъ: однажды, за обѣдомъ, въ присутствіи многихъ постороннихъ лицъ, шутъ сталъ упрекать короля въ убійствѣ брата; король крайне удивился такому обвиненію. Конечно, слѣдовало быть осторожнѣе съ шутами, которые часто далеко не такъ глупы, какими они кажутся, а чаще всего они многое угадываютъ прямо по какому-то странному инстинкту. Король, конечно, не пощадилъ этого шута, потому что опасался такого человѣка, который могъ надѣлать ему много непріятностей.

„Я слышалъ этотъ разсказъ отъ одного каноника болѣе пятидесяти лѣтъ тому назадъ, когда еще былъ мальчикомъ и посѣщалъ парижскую коллегію; этому канонику было восемьдесятъ лѣтъ; съ тѣхъ поръ, этотъ разсказъ переходилъ отъ одного каноника къ другому, такъ что нельзя сомнѣваться въ его истинѣ.“

Это впрочемъ былъ единственный шутъ, о которомъ упоминается въ царствованіе Людовика XI; несчастный дорого поплатился за свой неосторожный языкъ. Король не любилъ, чтобы въ его присутствіи разоблачали тайны его политики.

Карлъ VIII также не обращалъ особеннаго вниманія на шутовъ, по крайней мѣрѣ, при его дворѣ не было ни одного замѣчательнаго шута; но вѣрно только то, что шуты, дѣйствительно, существовали при дворѣ въ царствованіе этого короля и онъ былъ къ нимъ добръ, какъ былъ милостивъ ко всѣмъ его окружавшимъ. А. Монтейль утверждаетъ, что добрый король Карлъ VIII милостиво обращался, какъ со своими шутами, такъ и съ шутами другихъ особъ. По отчетамъ за 1491 годъ видно, что были израсходованы суммы на содержаніе шутовъ короля и герцога Орлеанскаго, впослѣдствіи Людовика XII.

Но только въ царствованіе Людовика XII и Франциска I начинается рядъ замѣчательныхъ придворныхъ шутовъ, которые пользовались даже извѣстною популярностью на ряду, съ Калльотомъ и Трибуле.

IV.

Шуты на королевской службѣ (продолженіе).—Калльэтъ и Трибулэ.

Калльэтъ былъ шутомъ Людовика XII. Этотъ *отецъ народа*, государь до такой степени добрый и снисходительный, но вмѣстѣ съ тѣмъ и настолько слабый, что разстроилъ свое здоровье въ пиршествахъ, балахъ и маскарадахъ, единственно только потому, чтобы сдѣлать удовольствіе своей третьей супругѣ, Маріи Англійской, бывшей на тридцать семь лѣтъ моложе его; по своему природному характеру онъ вовсе не могъ быть покровителемъ шутовъ. Но онъ хотѣлъ непремѣнно слѣдовать традиціи, въ силу которой при французскомъ дворѣ долженъ былъ быть хотя одинъ шутъ; при его дворѣ былъ Калльэтъ, хотя его имени и не встрѣчается въ отчетахъ казны, изъ чего можно заключить, что Калльэтъ не числился на королевской службѣ, ему платили жалованье изъ какихъ либо особыхъ суммъ.

Калльэтъ, шутъ Людовика XII.

Калльэтъ было, вѣроятно, прозвище, данное ему за его простоту и болтливость, что его дѣлало похожимъ на перепела. Въ сатирѣ Меніппэ *) употребляется это

*) Сатира Меніппэ это знаменитый политическій памфлетъ полукомическій, полусерьезный, написанный во время Лиги, на половину

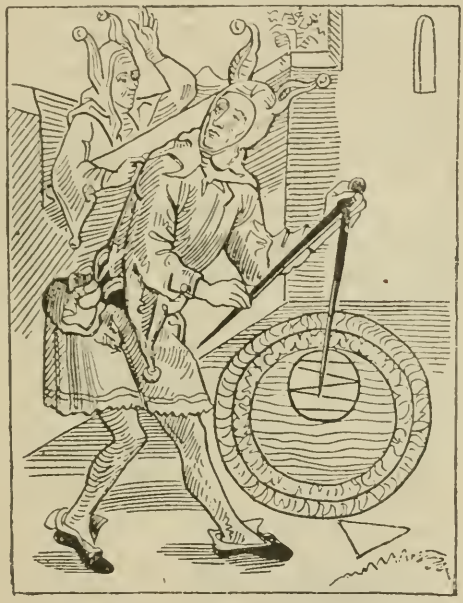
сравненіе: „Не безъ причины другія націи называютъ насъ „перепеламп“, потому что мы крайне довѣрчивы; проповѣдники и сорбонисты отдаютъ насъ въ сѣти тирановъ.“

Въ сущности такое прозвище было совершенно справедливо, если судить это по одному приключенію, о которомъ намъ разсказываетъ Бонавентуръ де Перьэ *) въ своихъ „Повѣстяхъ и Разсказахъ“, изданныхъ въ Амстердамѣ въ 1711 году и героемъ которыхъ является упомянутый шутъ. Кальэтъ еще изображенъ. въ „Кораблѣ дураковъ“, нѣмецкой поэмѣ Себастьяна Брандта, которая переведена на французскій языкъ также стихами и издана въ Парижѣ въ 1498 году; знаменитый шутъ являлся здѣсь намъ представителемъ новыхъ обычаевъ, тогда какъ его предокъ, по шутоводству, олицетворяетъ собою старинные обычаи; въ этой исторійкѣ онъ играетъ крайне жалкую роль, гдѣ является настоящимъ идіотомъ. Пажи прибили Кальэту ухо гвоздемъ къ столбу и бѣдный шутъ, такъ и остался, не сказавъ ни слова, онъ полагалъ, что ему придется провести всю жизнь такимъ образомъ. Мимо проходилъ одинъ изъ

въ прозѣ. на половину въ стихахъ. по примѣру сатиръ греческаго философа Менипна. Этотъ памфлетъ былъ сочиненъ каноникомъ Пьеромъ Леруа. совѣтникомъ Жилло. юристъ консуломъ Пьеромъ Питу и двумя поэтами Рапэномъ и Пассера: онъ раскрывалъ тайные замыслы испанскаго короля. Филиппа II. который задумалъ сдѣлать изъ Франціи испанскую провинцію и честолюбіе Гизовъ, которые добивались короны. Въ заключеніе добрые французы должны были всѣ сплотиться около своего законнаго короля Генриха IV.

*) Бонавентуръ дэ Перьэ, каммердинеръ Маргариты Наваррской до самой своей смерти т. е. до 1544 г. былъ лучшимъ украшеніемъ двора этой принцессы, которая очень любила литературу; Франциск I, братъ Маргариты Наваррской прозвалъ ее Маргаритою маргаритокъ; она, вмѣстѣ съ «Повѣстями королевы» Наваррской оставила много прелестныхъ стихотвореній.

придворныхъ вельможъ и, увидѣвъ Калльэта въ такомъ ужасномъ положеніи, приказалъ его освободить. Затѣмъ, онъ хотѣлъ узнать, кто съ нимъ устроилъ такую штуку, но Калльэтъ, въ своемъ идіотизмѣ, никакъ не могъ объяснить этого. Тогда вельможа догадался спросить: — „Не пажи-ли это?“ — „Да, пажи!“ — отвѣчалъ Калльэтъ. Тогда призвали всѣхъ пажей и каждаго спрашивали по-очереди, который изъ нихъ задумалъ такую злую



«Корабль дураковъ». 1498 г.

шутку; но пажи не признавались и каждый изъ нихъ отвѣчалъ, что это не онъ. Къ Калльэту также подводили каждаго пажа, но онъ не могъ узнать того, который пригвоздилъ ему ухо къ столбу. Когда перебрали всѣхъ пажей и остался одинъ Калльэтъ, то онъ также подошелъ къ вельможѣ и сказалъ:—„Нѣтъ, это не я“. Потомъ онъ побѣжалъ вмѣстѣ съ пажами, которые, вѣ-

роятно, были готовы пригвоздить ему и второе ухо къ первому попавшемуся столбу.

Эти пажи не дѣлали большаго различія между придворными шутами и животными изъ королевскаго звѣринца. Вѣдь надо-же было какъ нибудь убить время, при такомъ строгомъ и серьезномъ дворѣ, каковъ былъ дворъ Анны Бретанской; мучая шута эти пажи все-же употребляли на это два-три часа времени.

Калльэтъ, однако, пользовался большою популярностью. Менажъ говоритъ въ своемъ „Этимологическомъ

Гравюра изъ «Корабля дураковъ».

Словарѣ", что въ его время въ половинѣ семнадцатаго столѣтія, въ Нимѣ и въ Монпелье еще была въходу поговорка: „*Глупъ, какъ Калльэтъ*". Быть можетъ, это относилось къ памяти другого Калльэта, который былъ прославленъ въ поэмѣ, озаглавленной: „*Жизнь и кончина Калльэта*".

Этотъ Кальлэтъ носилъ только одно одинаковое прозвище съ шутомъ Людовика XII и считался *королемъ городивыхъ*, а его настоящее имя было Жанъ Корелэнъ.

Послѣ Кальлэта слѣдуетъ Трибулэ, который также былъ шутомъ Людовика XII. Настоящее имя этого шута было, согласно изслѣдованіямъ г. Жаль: Февріаль, Феріаль или же лё Февріаль; о немъ говорится съ этими различными варіантами въ отчетахъ 1523 и 1529 гг. Въ отчетахъ за 1523 годъ сказано: „Николаю лё Февріаль, брату Трибулэ, кухонному мальчику, отпущена сумма въ шестьдесятъ фунтовъ ливровъ". Въ отчетахъ за 1529 г. значится: „кухоннымъ мальчикамъ... Николаю Феріаль, брату Трибулэ, шестьдесятъ фунтовъ". Этотъ братъ былъ моложе шута, послѣдній протежировалъ ему и выхлопоталъ ему должность поваренка въ королевскихъ кухняхъ.

Прозвище Трибулэ происходитъ отъ стариннаго французскаго глагола tribouler, что означало мучить, безпокоить и который часто употреблялся въ XIV и XV столѣтіяхъ.

Трибулэ-Февріаль родился въ окрестностяхъ Блуа. Историкъ этого города Берньэ, писавшій въ 1682 году, представляетъ его какъ *тупицу* и у котораго даже вовсе не было таланта, какъ вообще у всѣхъ шутовъ, развлекать общество неглупыми словами или случайно сказать что нибудь поучительное. Этотъ самый Берньэ разсказываетъ, что Трибулэ еще до сихъ поръ помнятъ въ Блуа; если къ кому нибудь хотятъ отнестись съ большимъ презрѣніемъ, то обыкновенно, говорятъ, что о немъ столько-же думаютъ, какъ о Трибулэ.

Отецъ Клемента Маро, Жанъ Маро, камердинеръ и исторіографъ Людовика XII, разсказавшій въ стихахъ нѣкоторые походы этого короля, описалъ наружность Трибулэ, какъ самую безобразную. У него была круглая сутоловатая спина, маленькій низкій лобъ, круглые глаза,

толстый носъ, неправильная форма головы и въ довершеніе всего, этотъ человѣкъ въ тридцать лѣтъ былъ не умнѣе новорожденнаго ребенка.

Извѣстно, что маленькій крестьянинъ изъ окрестностей Блуа еще въ юномъ возрастѣ былъ призванъ ко двору Валуа; ему очень понравился роскошный дворецъ

Шутъ Трибуле на итальянской монетѣ 1461 г. (Коллекція эстамповъ).

Людовика XII. Тамъ его вырвали изъ рукъ пажей и лакеевъ, которые всегда любили злоупотреблять слабостью другихъ и дали ему наставника, по имени Мишель Ле Вернуа, которому было поручено выдрессировать Трибуле настолько, чтобы онъ могъ играть, какъ слѣдуетъ, роль шута; наставникъ, дѣйствительно, успѣлъ развить умъ своего ученика такъ, что тотъ могъ занять назначенную ему должность при дворѣ; для того, чтобы достигнуть подобныхъ результатовъ, Ле Вернуа употреблялъ не только нравственныя внушенія, но часто прибѣгалъ и къ тѣлеснымъ

наказаніямъ, если только вѣрить разсказу „Бонавентура дэ Перьэ *).

„При въѣздѣ въ Руанъ, Трибулэ былъ посланъ впередъ и долженъ былъ сказать, „Посмотрите, они идутъ“! Шутъ очень гордился тѣмъ, что сидѣлъ на хорошей лошади, покрытой пестрою попоною и держалъ въ рукахъ парадный жезлъ. Онъ быстро скакалъ впередъ, съ нимъ былъ также и его наставникъ и тотъ сказалъ ему:— „Остановись-же, ты ѣдешь слишкомъ скоро“! Трибулэ, опасаясь ударовъ, (наставникъ часто угощалъ его побоями), хотѣлъ остановить лошадь; но лошадь прекрасно чувствовала, каковъ подъ ней сѣдокъ, потому что Трибулэ постоянно ее то пришпоривалъ, то опускалъ, то поднималъ узду и она бѣжала впередъ.—„Остановишься ли ты?“ — закричалъ на него наставникъ.—„Чортъ ее побери!“—воскликнулъ шутъ (онъ умѣлъ браниться, какъ и всякій мужчина), „эта гадкая лошадь, я ее пришпориваю, а она никакъ не хочетъ остановиться“. „Что вы на это скажете? Развѣ только то, что природа желаетъ позабавиться, создавая такіе прекрасные образчики человѣчества, которые были бы счастливы, но они такъ невѣжественно забавны, что не умѣютъ сознавать своего счастья, а это и составляетъ самое большое несчастье въ мірѣ“.

Такимъ образомъ, Трибулэ, воспитанный и преобразованный совершенно въ спартанскомъ духѣ, могъ занять мѣсто въ свитѣ Людовика XII; онъ даже сопровождалъ короля въ Италію, во время экспедиціи противъ Венеціи, въ 1509 г. Жанъ Маро въ своей „*Венеціанской Войнѣ*“ разсказываетъ взятіе *замка Пешьэра* **) и упоминаетъ о

*) Томъ I, стр. 12.

**) Пешьэра находится на Минчіо, въ 24 километрахъ отъ Вероны, составляетъ часть знаменитаго четыреугольника сѣверной Италіи. (Пешьэра и Мантуа на Минчіо, Верона и Легнано на Эчи).

шутѣ, который, не безъ волненія, присутствовалъ при осадѣ города: „Трибулэ, шутъ короля, имѣя отвращеніе ко всякому шуму, бѣгалъ по комнатѣ въ сильномъ страхѣ и наконецъ, забрался подъ кровать и, пожалуй, сидѣлъ-бы тамъ до сихъ поръ, если-бы его оттуда не вытащили. Но при дворѣ Франциска I Трибулэ занималъ блестящее положеніе и высоко держалъ свой жезлъ; острыя словечки и разные отвѣты, которые ему приписываютъ, могли бы составить цѣлую книгу. Но многое только приписано ему и взято изъ разныхъ сборниковъ о шутахъ, какъ французскихъ, такъ и разныхъ другихъ.

Однако, нѣкоторые остроумные отвѣты и слова принадлежатъ ему; но мы только не знаемъ самъ-ли онъ былъ ихъ авторомъ или перенялъ ихъ отъ другихъ. Трибулэ является намъ, то шутомъ, который не уважаетъ никого, даже и духовенство, то представляется въ видѣ юродиваго и даетъ совѣты Франциску I и тотъ всегда имъ слѣдовалъ.

„Однажды, разсказываетъ Бонавентуръ дэ Перьэ, король вошелъ въ такъ называемую Святую Часовню въ Парижѣ, чтобы отстоять вечерню Трибулэ послѣдовалъ за нимъ; когда они вошли туда, то въ часовнѣ царила мертвая тишина. Нѣсколько времени спустя, епископъ началъ Deus in adjutorium, а пѣвчіе ему вторили. Тогда Трибулэ всталъ съ своего мѣста, подошелъ къ епископу и оскорбилъ его. Король увидѣвъ это, подозвалъ къ себѣ шута и спросилъ у него зачѣмъ онъ это сдѣлалъ; Трибулэ отвѣчалъ ему:

— Ахъ, кузенъ, когда мы сюда вошли, все было тихо, а этотъ человѣкъ первый началъ шумѣть и его слѣдуетъ за это наказать.

Изъ этого видно, что королевскіе шуты пользовались большими преимуществами и имъ прощалось многое. Оскорбленіе духовенства считалось большимъ преступленіемъ.

Трибулэ, между тѣмъ, относился всегда съ большимъ презрѣніемъ и къ знати, а такое неуваженіе также считалось такимъ же преступленіемъ, какъ и оскорбленіе духовенства.

Однажды, какой-то вельможа угрожалъ Требулэ, что изобьетъ его до смерти палками за то, что шутъ позволилъ себѣ дерзко отзываться о немъ. Трибулэ пошелъ жаловаться Франциску I:

— Не бойся ничего,—отвѣтилъ ему на это король,— если кто осмѣлится такъ жестоко обойтись съ тобою, тотъ будетъ повѣшенъ четверть часа спустя.

— Ахъ, кузенъ, возразилъ шутъ, спасибо тебѣ за такую милость, только ужъ доверши благодѣяніе, прикажи его повѣсить четверть часа раньше.

Это очень острое словцо для человѣка, который въ своей юности былъ несчастнымъ занкою; вѣроятно, методъ воспитанія, употребленный Ле Вернуа, былъ весьма дѣйствителенъ, чтобы вложить въ такую рогатую голову столько ума, какъ объ этомъ говоритъ Жанъ Маро.

Но вотъ замѣчательна одна несообразность; въ разсказанномъ нами анекдотѣ Трибулэ выставленъ, какъ человѣкъ остроумный и который никогда не задумается надъ удачнымъ отвѣтомъ, тогда какъ въ „Récréations historiques, critiques, morales et d'érudition“ Дродю Радьэ (Парижъ 1787 г. 2 тома), выставляютъ этого шута, какъ политическаго совѣтника одного изъ самыхъ мудрыхъ и вдохновенныхъ.

Когда Франциск I предпринялъ въ концѣ 1524 года экспедицію, которая должна была окончиться разрушеніемъ Павіи и плѣномъ короля, Трибулэ присутствовалъ на военномъ совѣтѣ, собраннымъ для того чтобы придумать средство, какъ проникнуть въ Италію. Присутствовавшіе, конечно, предлагали различныя средства. Трибулэ, также бывшій на этомъ совѣщаніи, обратился къ Франциску съ полною фамильярностью:

— Кузенъ, ты хочешь остаться въ Италіи?

— Нѣтъ!

— Въ такомъ случаѣ, всѣ ваши предложенія никуда не годятся.

— А почему?

— Вы много разсуждаете о томъ, какъ проникнуть въ Италію, но это вовсе не самое существенное.

— А что-же самое существенное?

— Самое существенное это выйти оттуда, а объ этомъ никто и не думаетъ говорить.

Четырнадцать лѣтъ спустя, когда Францискъ I широко открылъ двери своего королевства Карлу V и дозволилъ императору, бывшему тогда въ Испаніи, отправиться въ Гентъ и наказать жителей города за ихъ возмущеніе, чтобы такимъ образомъ Карлъ V не подвергался опасностямъ сопряженнымъ съ переѣздомъ черезъ Атлантическій Океанъ и Сѣверное море; многіе изъ приближенныхъ короля порицали его великодушіе, казавшееся имъ совершенно лишнимъ: Трибуле такъ-же, какъ и герцогиня д'Этампъ *) совѣтовалъ королю воспользоваться этимъ случаемъ, чтобы пріобрѣсти отъ Карла V нѣкоторыя важныя уступки и даже задержать его плѣн-

---

*) Всѣмъ извѣстенъ тотъ анекдотъ, героинею котораго была герцогиня д'Этампъ, фаворитка короля.

— Видите-ли, мой братъ,—сказалъ однажды Францискъ I, Карлу V, эта красивая дама совѣтуетъ мнѣ не выпускать васъ изъ Парижа до тѣхъ поръ, пока вы не уничтожите Мадридскаго трактата.

— Если этотъ совѣтъ вы считаете хорошимъ, то ему необходимо слѣдовать,—холодно отвѣтилъ императоръ.

Но Карлъ V былъ очень любезенъ съ герцогинею и во время обѣда, какъ бы нечаянно, уронилъ дорогой брилліантъ къ ея ногамъ. Герцогиня Этампъ подняла его и хотѣла отдать императору.

— Онъ въ очень красивыхъ рукахъ и я не могу взять его обратно,— возразилъ императоръ съ самою изысканною любезностью.

никомъ, чтобы заставить отмѣнить трактаты, заключенные въ Мадридѣ и въ Камбрэ.

— Это очень милостиво со стороны нашего кузена пригласить къ себѣ его кесарское величество,—сказалъ шутъ Трибулэ, снявъ свой колпакъ съ бубенчиками и надѣвъ его на кончикъ жезла; я не хочу также отстать отъ тебя и сдѣлаю ему и отъ себя подарокъ, когда онъ пріѣдетъ въ Парижъ.

— А какого рода будетъ этотъ подарокъ?—спросилъ король.

— Я дамъ ему свой колпакъ какъ магистру-глупости, который со связанными руками и ногами бросается въ объятія своего врага...

— Замолчи шутъ! — закричалъ на него Францискъ; императоръ довѣрился моему королевскому слову и онъ не можетъ опасаться, чтобы его тутъ задержали.

— Я не скажу ничего противъ этого, кузенъ; но подожду только конца, чтобы узнать, кому достанется мой колпакъ, тебѣ или императору, и пожалуй, что и васъ обоихъ украсятъ этимъ головнымъ уборомъ вмѣсто короны".

Карлъ V проѣхалъ по Франціи съ большимъ тріумфомъ: вездѣ его встрѣчали со звономъ колоколовъ; у воротъ города стояли депутаціи одѣтыя по праздничному; словомъ, съ нимъ обходились, какъ съ королемъ въ день его восшествія на престолъ. Въ честь императора давались банкеты, балы и маскарады. Карлъ V въѣхалъ въ Парижъ 1-го января 1540 г. и городъ поднесъ ему въ подарокъ громадную серебряную статую Геркулеса, на которомъ была накинута львиная кожа сдѣланная изъ золота. Чтобы отблагодарить французовъ за такой радушный пріемъ императоръ обѣщалъ выдать одну изъ своихъ племянницъ за герцога Орлеанскаго третьяго сына Франциска I и дать ей въ приданое Миланъ; но онъ просилъ короля не докучать ему, во время его про-

ѣзда по Франціи, просьбами подписать какой либо договоръ, по поводу предполагаемаго брака, изъ боязни, что потомъ могутъ сказать, будто императоръ подписалъ такой договоръ противъ своей воли; но въ тоже время, императоръ заявилъ, что лишь только достигнетъ онъ перваго, принадлежащаго ему города, какъ дастъ королю такое обезпеченіе, что король останется этимъ вполнѣ доволенъ. Первымъ наслѣдственнымъ городомъ, котораго достигъ Карлъ V, былъ Валансьеннь. Когда онъ туда пріѣхалъ, посланные короля Франциска просили его исполнить данное слово; тогда только императоръ снялъ съ себя маску и положительно объявилъ, что ничего не обѣщалъ. Послѣ такого вѣроломнаго поступка, французскій король могъ только сожалѣть, что не послѣдовалъ совѣтамъ Трибулэ.

Анекдотъ, въ которомъ упоминается, что Трибулэ далъ совѣтъ королю Франциску задержать Карла V въ Парижѣ, разсказывается еще инымъ болѣе пикантнымъ образомъ. Король увидѣлъ какъ-то, что его шутъ писалъ на своихъ табличкахъ, которыя онъ называлъ „Дневникомъ глупцовъ“ имя императора Карла V и спросилъ у Трибулэ, что это значитъ:

— Я пишу имя императора за ту глупость, которую онъ сдѣлалъ, что прошелъ по Франціи.

— А что ты скажешь на это, если я его отпущу изъ Франціи?—спросилъ король.

— Тогда я сотру его имя и напишу твое.

Къ несчастью, доподлинность этихъ анекдотовъ весьма сомнительна. Трибулэ умеръ въ 1539 году, какъ мы упоминали объ этомъ раньше, именно тогда, когда Карлъ V проходилъ черезъ Францію, отправляясь въ Гентъ. Жаль предполагаетъ, что Трибулэ умеръ даже ранѣе 1529, потому что Жанъ Маро, который уже самъ не жилъ въ это время, говоритъ о Трибулэ въ прошедшемъ времени, какъ объ этомъ мы упомянули выше:

„Трибулэ былъ дуракъ съ рогатой головой“

Здѣсь замѣтимъ кстати, что сынъ Жана Маро, Клементъ Маро, камердинеръ Франциска I и затѣмъ его сестры, Маргариты Наваррской, слава котораго крайне страннымъ образомъ, затемнила славу его отца, въ своемъ „*Посланіи пьтуха къ ослу*,“ изданномъ въ 1535 г. говоритъ о маврахъ, прибывшихъ изъ Туниса для того, чтобы оспаривать у шута милости двора:

„Не знаешь развѣ ты? Тунисъ вѣдь взятъ.

А Трибулэ теперь имѣетъ братьевъ и сестеръ *).“

Съ другой стороны, въ штатѣ придворныхъ служащихъ за 1534—1535 гг. говорится о Николаѣ Ферріалѣ, братѣ Трибулэ, а не о братѣ „покойнаго“ Трибулэ, такъ какъ, если бы шута „въ то время уже“ не было-бы въ живыхъ, то непремѣнно слѣдовало бы такъ выразиться. Трибулэ, шутъ Франциска I, вѣроятно, умеръ около 1536 года.

Въ сущности, если бы Трибулэ и былъ бы живъ какъ увѣряютъ эти анекдоты, то онъ совершенно не походитъ ни на Трибулэ Берньэ, ни даже на Трибулэ Рабле, хотя авторъ „Пантагрюэля“ два раза даетъ ему эпитетъ юродиваго; лицо, которое изображаетъ священникъ Медона въ знаменитомъ свиданіи съ Панургомъ, именно и есть настоящій дуракъ. Панургъ спрашиваетъ у Трибулэ, хорошо ли онъ сдѣлаетъ, если женится, и разсказалъ ему о своемъ дѣлѣ въ самыхъ краснорѣчивыхъ и изящныхъ выраженіяхъ. Но прежде чѣмъ послѣдній успѣлъ кончить, Трибулэ ткнулъ его кулакомъ въ спину, далъ ему въ руки бутылку и свиной пузырь съ горохомъ и вмѣсто всякаго отвѣта, сказалъ

*) Тунисъ былъ взятъ въ 1535 Карломъ V. Императоръ былъ завитъ, въ это время, уничтоженіемъ пиратства, которое приводило въ отчаяніе всю западную часть Средиземнаго моря и которое устроило себѣ логовища въ гаваняхъ сѣверной Африки: въ Алжирѣ, Тунисѣ и Триполи.

ему, качая головою: „Богомъ тебѣ клянусь, остерегайся монаховъ.“ Съ этими словами онъ отошелъ прочь и сталъ играть пузыремъ, прислушиваясь къ звуку горошинъ. Послѣ этого отъ него нельзя было добиться ни одного слова; Панургъ хотѣлъ еще обратиться къ Трибулэ съ какимъ-то вопросомъ, но тотъ вынулъ свою деревянную шпагу и хотѣлъ было ударить своего собесѣдника. Панургъ тогда сказалъ. „Нечего сказать. прекрасное рѣшеніе. Этотъ шутъ очень глупъ, этого нельзя отрицать, но еще глупѣе тотъ, который его ко мнѣ привелъ, а я глупѣе всѣхъ, потому что сообщилъ ему свои мысли.“

Что же касается до тото Трибулэ, котораго изобразилъ Викторъ Гюго, то это такой типъ, который внушаетъ къ себѣ полное сочувствіе; поэтъ обезсмертилъ имя шута Франциска I. Эта идеальная личность, жертва отцовской любви, облагородила презрѣнную должность королевскаго шута; это въ полномъ смыслѣ человѣкъ, онъ страдаетъ, плачетъ и мститъ за себя и только одно его имя напоминаетъ историческаго и легендарнаго Трибулэ.

Какъ кажется, кромѣ Трибулэ, при дворѣ Франциска I было еще много и другихъ шутовъ. Клементъ Маро оставилъ намъ эпитафію нѣкоего Жуана, шута Луизы Савойской, матери короля:

„Я былъ Жуаномъ, но никогда не имѣлъ жены и глупость моя была очень велика. Всѣ дураки и всѣ Жуаны приходите сюда за меня молиться, но только одинъ послѣ другого, а никакъ не вмѣстѣ; это мѣсто, какъ мнѣ кажется, очень мало для всѣхъ. Притомъ всѣ вмѣстѣ могутъ говорить очень громко, а это потревожитъ мой покой. Кромѣ того, если какой нибудь умный человѣкъ прочтетъ мою эпитафію, то я приказываю, если онъ вздумаетъ посмѣяться, то пусть лучше пройдетъ милю. Развѣ можно смѣяться надъ умершимъ?.

Въ сущности этотъ Жуанъ только извѣстенъ по

этой эпитафіи Маро. Конечно, онъ не былъ единственнымъ соперникомъ Трибулэ. Еще упоминается о нѣкоемъ Вилльманошѣ, который, по словамъ Паскьэ *), не отличался большою глупостью, а только, когда заходила рѣчь о его свадьбѣ, то онъ говорилъ, что нѣтъ ни одной принцессы, которая не была бы въ него влюблена. Конечно, вѣроятно къ этому Вилльманошу слѣдуетъ отнести и два отвѣта Франциску I, о которыхъ упоминаетъ Бонавентуръ дэ Перьэ, не объясняя въ точности имени автора этихъ отвѣтовъ. „Такъ какъ въ этой книгѣ **) говорится о Трибулэ, то мы назовемъ еще одного шута, который посовѣтовалъ королю для улучшенія его денежныхъ средствъ, необходимыхъ для войнъ, слѣдующее: „Одно изъ этихъ средствъ, государь, – сказалъ шутъ,— это то, чтобы ваши обязанности исполнялись бы попеременно нѣкоторыми жителями королевства, ***) сдѣлавъ это, я ручаюсь, что у васъ прибавиться, по крайней мѣрѣ, два милліона золотомъ". Конечно, король и его приближенные много смѣялись надъ этимъ. Другое средство заключалось въ томъ, чтобы издать эдтикъ, по которому кровати всѣхъ монаховъ должны быть проданы, а вырученныя деньги внесены въ казну.

*) Паскьэ былъ юристъ-консуломъ; онъ родился въ Парижѣ и умеръ въ 1615 г.; онъ извѣстенъ тѣмъ, что въ 1564 г. стоялъ за университетъ противъ іезуитовъ. Онъ былъ очень преданъ королевской фамиліи и боролся противъ Лиги; въ 1588 г. онъ оставилъ Парижъ вмѣстѣ съ Генрихомъ III и вернулся туда обратно съ Генрихомъ IV, въ 1594 г. Съ 1604 года онъ исключительно посвятилъ себя литературѣ. Онъ въ особенности извѣстенъ своими девятью томами «Изслѣдованій Франціи» и своими 22 томами «Писемъ», что составляетъ цѣнный матеріалъ для исторіи того времени.

**) Les nouvelles récréations et joyeux devis.

***) Вилльманошъ подразумѣвалъ подъ этимъ, что Франциск I приказалъ, для поправленія финансовъ, нѣкоторымъ изъ жителей своего королевства исполнять поочередно обязанности короля.

Однако, ни Жуанъ, ни Вилльманошъ не затмили звѣзды Трибулэ при дворѣ Франциска I. Любимый шутъ до самой смерти оставался при занимаемой имъ должности. Но въ слѣдующее царствованіе и даже съ 1536 г. эта должность перешла къ другому, который, дѣйствительно, былъ умнымъ человѣкомъ или, по крайней мѣрѣ, очень ловкимъ; онъ былъ представленъ потомству Брантомомъ. Притомъ никто не оспаривалъ тѣхъ остротъ, которыя приписывались этому шуту, какъ оспаривались разныя острыя словечки, приписываемыя Трибулэ. Этотъ король шутовъ и мистификаторовъ своего времени былъ знаменитый Брюскэ.

V.

Оффиціальные шуты (продолженіе).—Брюске.

Настоящее имя Брюскэ было Іеганъ-Антуанъ Ломбаръ. Его прозвали Брюскэ, вслѣдствіе живости его характера и его скорыхъ возраженій.

Онъ былъ родомъ изъ Прованса и послѣ своихъ первыхъ дебютовъ занялъ уже извѣстное положеніе въ средѣ шутовъ. Лишь только онъ бралъ въ руки жезлъ, какъ становился мастеромъ своего дѣла. При исполненіи своихъ обязанностей шута, онъ призывалъ на помощь свое пылкое воображеніе, и весь запасъ остроумія дѣтей этой чудной и веселой страны, Прованса, которыя отличаются свободнымъ, независимымъ умомъ. Провансъ это колыбель замѣчательныхъ ораторовъ и вообще тѣхъ талантливыхъ людей, которые сыграютъ всякую роль съ одинаковымъ успѣхомъ, хотя-бы даже это была роль шута.

„Первымъ дебютомъ Брюскэ, говоритъ Брантомъ, былъ лагерь въ Авиньонѣ (во время вторженія Карла V въ Провансъ, въ концѣ 1536); Брюскэ отправился туда, чтобы заработать немного денегъ; онъ назвался врачемъ

и, чтобы лучше разыграть свою роль, отправился въ ту часть лагеря, которую занимали швейцарцы и ландскнехты. Онъ ни одного изъ нихъ не вылѣчилъ, а многихъ отправилъ къ праотцамъ, потому что несчастные умирали, какъ мухи... Но самое худшее было то, что Брюскэ скоро открыли и предали суду; дѣло дошло до коннетэбля, герцога Монморанси; тотъ приказалъ его повѣсить *). Объ этомъ донесли Дофину, что Брюскэ это самый забавный человѣкъ въ мірѣ и его необходимо спасти Дофинъ, впослѣдствіи король Генрихъ II, приказалъ привести Брюскэ къ себѣ и, найдя его, дѣйствительно, очень забавнымъ, взялъ къ себѣ на службу". Съ этого времени и началась карьера Брюскэ въ качествѣ шута. Когда Брюскэ былъ представленъ Дофину, то послѣдній обратился къ нему съ вопросомъ, что не стыдно-ли ему было уморить всѣхъ этихъ людей своими лѣкарствами: „Государь, отвѣтилъ Брюскэ, развѣ покойники жалуются на меня? Вѣдь я вылѣчилъ ихъ навѣкъ отъ лихорадки".

Перроніана, сборникъ остротъ и шутокъ, приписывае-

---

*) Герцогъ Монморанси, коннетэбль Франціи, родился въ 1492 г., а умеръ въ 1567 году. Первый разъ онъ участвовалъ въ сраженіи при Мариніани въ 1515 году. Во время битвы при Павіи въ 1525 г онъ былъ взятъ въ плѣнъ вмѣстѣ съ Францискомъ I. Въ 1536 году онъ защищалъ Провансъ противъ Карла V; въ этой борьбѣ онъ слѣдовалъ тактикѣ Фабія Максима и поэтому получилъ прозвище *французскаго Фабія*. Въ 1522 году онъ былъ сдѣланъ маршаломъ Франціи, а въ 1538 коннетэблемъ Франціи и принималъ дѣятельное участіе въ религіозныхъ войнахъ; онъ былъ убитъ въ сраженіи при Сенъ-Дени который онъ и отдалъ протестантамъ въ 1567. Еще ранѣе того, онъ потерялъ сраженіе при Сенъ-Квентинѣ, противъ испанцевъ въ 1557 г. и былъ принужденъ заключить миръ въ Като-Кэмбрезисъ въ 1559 г. Отъ 1551 до 1587 онъ былъ одной изъ самыхъ замѣчательныхъ личностей вмѣстѣ съ Мишелемъ-де-Лопиталь и Франсуа-де-Гизъ, которые принимали участіе въ государственныхъ дѣлахъ.

мыхъ знаменитому кардиналу Дю-Перронъ *) гдѣ разсказывается совершенно иначе о первыхъ дебютахъ Брюскэ: „Онъ былъ родомъ изъ Прованса и сначала занимался адвокатурою. Онъ прибылъ ко двору по ка-

Брюскэ. по Торбидо.

кому-то дѣлу и въ теченіе трехъ мѣсяцевъ ничего не могъ сдѣлать. Онъ пустилъ въ ходъ всевозможныя средства, но все было напрасно; тогда онъ взялся за шутовство и имѣлъ успѣхъ; видя, что адвокатура, которою онъ занимался, даетъ ему слишкомъ мало прибыли, онъ

*) Жакъ Дави-Дю Перронъ, дипломатъ и кардиналъ, родился въ 1556 году въ Сенъ-Ло, умеръ въ Парижѣ въ 1618 г., онъ былъ сыномъ кальвинистскаго пастора и отрекся отъ реформатства; затѣмъ былъ лекторомъ при Генрихѣ III, а потомъ посломъ Генриха IV при папскомъ дворѣ. Онъ любилъ литературу и написалъ рѣчь по случаю кончины Ронсара.

совершенно ее бросилъ и вступилъ въ должность придворнаго шута, что конечно, для него было болѣе прибыльно"...

Конечно, слѣдуетъ признаться, что анекдотъ, приведенный Брантомъ, очень пикантенъ и даетъ болѣе полную идею о талантахъ и смѣлости Брюскэ, чѣмъ анекдотъ, разсказанный въ *Перранiанѣ*. Но каковъ-бы ни былъ источникъ, вслѣдствіе котораго Брюскэ былъ осыпанъ такими милостями, все же его повышеніе совершилось слишкомъ быстро; Брюскэ былъ причисленъ ко двору Дофина и сдѣлался сначала смотрителемъ за гардеробомъ принца, потомъ его камердинеромъ и наконецъ, почтмейстеромъ въ Парижѣ. Подобная должность была очень выгодна; Брюскэ, въ скоромъ времени, сдѣлался очень богатымъ; но все же почта приносила ему сравнительно меньшій доходъ, чѣмъ его разныя выходки у принцевъ и у знати; онъ обыкновенно намѣчалъ какую нибудь дорогую вещь и употреблялъ всевозможныя ухищренія, лишь-бы только заполучить ее. Такъ, онъ поступилъ съ герцогомъ Альбою *) въ Брюсселѣ, когда кардиналъ Лотарингскій пріѣхалъ туда для заключенія мира въ Като-Камбрезисъ. Миръ былъ подписанъ 3-го апрѣля 1559 г. съ Филиппомъ II, королемъ испан-

---

*) Фердинандъ. Альворацъ-де-Толедо, герцогъ Альба состоялъ на службѣ у Карла V и у Филиппа II въ качествѣ полководца и государственнаго человѣка Онъ разбилъ протестантскихъ принцевъ при Мюльбергѣ въ 1547 г. Но онъ наиболѣе извѣстенъ по своему управленію Нидерландами отъ 1566 до 1575: герцогъ Альба способствовалъ болѣе, чѣмъ кто-либо отторженію отъ Испаніи сѣверныхъ провинцій Голландіи. Позднѣе, онъ покорилъ Португалію для короля Филиппа II. Онъ, какъ говорятъ, посовѣтовалъ Екатеринѣ Медичи устроить рѣзню Варѳоломѣевской ночи, увѣряя, что лучше стереть съ лица земли вождей кальвинистской партіи, чѣмъ воевать противъ темныхъ сектантовъ. Ему также приписываютъ слѣдующія замѣчательныя слова: «Государыня, голова осетра стоитъ дороже тысячи головъ лягушекъ.

скимъ; этимъ былъ положенъ конецъ итальянскимъ войнамъ.

Кардиналъ Карлъ Лотарингскій, братъ знаменитаго Франсуа де Гизъ, былъ назначенъ Генрихомъ II подписать этотъ миръ, подготовленный коннетэблемъ де Монморанси, бывшимъ въ плѣну у испанцевъ послѣ пораженія при Сенъ-Квентинѣ. Кардиналъ взялъ съ собою Брюскэ и представилъ его королю Филиппу, II, которому шутъ очень понравился, тѣмъ болѣе, что послѣдній хорошо говорилъ по-итальянски и по-испански. Филиппъ II осыпалъ его дорогими подарками, но, казалось, что шуту и этого было мало; однажды, давался большой обѣдъ, по случаю заключенія мира; на этомъ празднествѣ присутствовало много знатныхъ дамъ и мужчинъ; въ концѣ обѣда, когда уже были поданы фрукты, Брюскэ устремляется къ одному изъ концовъ стола, беретъ края скатерти, завертывается въ нее, постепенно собирая въ тоже время ножи, тарелки и блюда, такъ что, когда онъ обвернулся во всю скатерть, то положительно очутился нагруженнымъ приборами, но все это онъ сдѣлалъ такъ быстро и осторожно, что король и всѣ приглашенные много смѣялись. Филиппъ приказалъ выпустить шута и отдать ему всю его добычу. Но что всего удивительнѣе, такъ это то, что Брюскэ даже не порѣзался ножами, которые были завернуты въ скатерти.

Но это, конечно, была не единственная выходка Брюскэ при дворѣ короля, Филиппа II. Послѣдній также держалъ у себя въ Мадридтѣ шута и хотѣлъ показать его французскому двору; но все время, которое испанскій шутъ провелъ въ Парижѣ, Брюскэ мистифицировалъ его сколько только могъ.

По словамъ Братома, шутъ Филиппа II во время своего пребыванія въ Парижѣ былъ посланъ къ Брюскэ, который долженъ былъ его помѣстить у себя и содержать его; но хитрый шутъ постоянно обманывалъ испанца.

У испанскаго шута были взяты съ собою въ Парижъ четыре прекрасныя лошади, которыхъ Брюскэ посылалъ каждую ночь съ почтою, но никто объ этомъ не подозрѣвалъ изъ людей испанца, потому что за ужиномъ ихъ подпаивали виномъ и они спали, какъ убитые. Когда испанскій шутъ увидѣлъ, что его лошади стали худѣть, то Брюскэ объявилъ ему, что это происходитъ отъ воды Сены и что такъ будетъ продолжаться, по крайней мѣрѣ, два мѣсяца, пока лошади совершенно не привыкнутъ къ ней; „такъ обыкновенно, бываетъ со всѣми лошадьми иностранцевъ“, замѣтилъ шутъ. Однажды, испанскій шутъ всталъ какъ-то ранѣе обыкновеннаго, а почтарь нѣсколько запоздалъ и первый увидѣлъ своихъ лошадей въ мылѣ и воскликнулъ:

— Ахъ, Брюскэ, мои лошади обливаются потомъ, вѣрно ихъ гоняли всю ночь.

Но Брюскэ успокоилъ его, сказавъ, что въ то время, какъ поили лошадей, онѣ легли въ воду; словомъ, онъ обманывалъ своего гостя, какъ только могъ.

„Король Генрихъ подарилъ испанскому шуту хорошую золотую цѣпочку, которая стоила триста экю. Брюскэ заказалъ и себѣ точно такую же цѣпочку, только мѣдную, но велѣлъ ее позолотить, какъ можно лучше и затѣмъ обмѣнялся цѣпочкою съ испанскимъ шутомъ. Когда послѣдній уѣхалъ во Фландрію, то Брюскэ написалъ все откровенно королю Филиппу, замѣтивъ при этомъ, что его шутъ не болѣе, какъ глупый фатъ. Когда Генрихъ II узналъ объ этомъ, то остался этимъ очень недоволенъ и приказалъ Брюскэ отослать обратно испанскому шуту его цѣпочку; послѣдній могъ бы подумать, что самъ король подарилъ ему, въ насмѣшку, мѣдную цѣпочку. Брюскэ, конечно, исполнилъ приказаніе короля и Генрихъ II наградилъ его за это“.

Конечно, это были грубыя шутки, которыя напоминаютъ мошенничество бродягъ. Но вотъ еще одинъ ин-

кантный разсказъ о выходкѣ Брюскэ; тутъ онъ уже является настоящимъ шутомъ забавнымъ и остроумнымъ, а не мистификаторомъ, не разбирающимъ средствъ для своихъ шутокъ.

Король, Генрихъ II, торжественно въѣхалъ въ Руанъ въ 1550 году и предсѣдательствовалъ въ торжественномъ засѣданіи Нормандскаго парламента. Королева Екатерина Медичи, Марія Лотарингская, вдовствующая королева, регентша Шотландіи, вдова Іакова V и придворныя дамы ихъ свиты присутствовали на этомъ засѣданіи въ сосѣдней комнатѣ, отдѣленной отъ залы трельяжемъ изъ орѣшника, такъ чтобы онѣ могли все видѣть, но ихъ-бы никто не видѣлъ. Засѣданіе не представляло никакихъ особенностей и было довольно скучно, благодаря напыщенной рѣчи генеральнаго адвоката Мартинбоца, который долженъ былъ привѣтствовать короля. Но лишь только король вышелъ изъ залы, то королевы и ихъ свита вышли изъ сосѣдней комнаты въ залу, чтобы нѣсколько развлечься и усѣлись въ креслахъ судей, тогда какъ королева помѣстилась на тронѣ, съ котораго только что сошелъ король. Брюскэ, конечно, также былъ въ свитѣ короля и занялъ мѣсто на скамьѣ адвокатовъ. Затѣмъ, съ апломбомъ консула, прерваннаго въ своемъ дѣлѣ, онъ сталъ говорить быстро и оживленно, рѣшая одно дѣло за другимъ, защищая то отвѣтчика, то истца, пересыпая свою рѣчь латинскими цитатами и подводя статьи закона; конечно, присутствовавшія здѣсь королевы и сопровождавшія ихъ дамы умирали со смѣху; когда Брюскэ кончилъ, то всѣ дамы отправились осматривать зданіе и королева пожертвовала сумму въ сто фунтовъ на заключенныхъ.

Главный регистраторъ парламента, свидѣтель такого чрезвычайнаго засѣданія, увѣковѣчилъ его память, внеся это въ регистръ послѣ оффиціальнаго засѣданія,

которое, благодаря скучной болтовнѣ Мортинбоца, было менѣе занимательно *).

Шутка Брюскэ, почти два вѣка спустя, опять всплыла на поверхность въ присутствіи такихъ-же знаменитыхъ особъ. Въ 1837 году герцогъ Орлеанскій, старшій сынъ Людовика-Филиппа, посѣтилъ судъ въ Руанѣ вмѣстѣ съ герцогинею Орлеанскою. Г-нъ Флокэ, главный регистраторъ суда, попросилъ позволенія у высокихъ посѣтителей прочитать имъ нѣкоторыя извлеченія изъ регистра парламента; это чтеніе вызвало всеобщій смѣхъ. Это былъ протоколъ того засѣданія, въ которомъ Брюскэ выразилъ, такимъ блестящимъ образомъ, свои способности по части юридическихъ наукъ.

Это не въ первый разъ, что Брюскэ смѣялся надъ судебными властями. Гильомъ Буше **) приводитъ еще другую выходку этого шута, жертвою которой сдѣлался совѣтникъ парижскаго суда.

„Я разскажу вамъ еще объ одной выходкѣ Брюскэ и вы отъ души посмѣетесь надъ этимъ. Одинъ изъ совѣтниковъ парижскаго суда обѣдалъ въ одномъ изъ предмѣстій, гдѣ Брюскэ былъ почтмейстеромъ; совѣтникъ обратился къ нему, прося его дать ему осѣдланную лошадь, чтобы только доѣхать до суда. Брюскэ, проигравшій въ судѣ какое-то дѣло, далъ совѣтнику самую лучшую изъ почтовыхъ лошадей. Совѣтникъ сѣлъ на нее въ своей судейской мантіи, Брюскэ послалъ за нимъ вслѣдъ почтаря, который сталъ трубить въ рожокъ и погонять лошадей; лошадь, на которой сидѣлъ совѣтникъ, также пустилась въ галопъ, такъ что сѣдокъ никакъ не могъ остановить своего коня до слѣдующей почтовой станціи. Можете себѣ представить, какъ смѣялся Брюскэ,

---

*) См. Флокэ. Histoire du Parlement de Rouen т. II. стр. 19. 8.

**) См Séréés. Гильома Буше. Руанъ. 1635. книга II стр. 635.

когда увидѣлъ совѣтника, возвращающагося обратно и всего въ грязи".

Брюскэ очень часто нападалъ и на духовенство, даже на пастырей церкви, какъ это видно изъ анекдота, о которомъ упоминаетъ Ноэль дю Файль.

Одинъ епископъ сдѣлался предметомъ насмѣшекъ Брюскэ; это духовное лицо очень боялось смерти и даже никто изъ приближенныхъ не осмѣливался произносить слова „умеръ", а обыкновенно говорили: онъ боленъ, но теперь совершенно здоровъ. Однажды, епископъ возвращался въ свой замокъ, отстоявшій на одно лье отъ города, который былъ его мѣстомъ службы. Брюскэ узналъ этого человѣка съ такимъ страннымъ характеромъ и поѣхалъ вслѣдъ за епископомъ; пришелъ въ его замокъ, раскланялся съ хозяиномъ, попросилъ у него благословенія, отвѣдалъ предложеннаго вина, поблагодарилъ его преосвященство и сказалъ, что долженъ оставить замокъ, такъ какъ ему необходимо было въ тотъ-же вечеръ быть въ городѣ; затѣмъ, попросилъ метръ д'отеля снабдить его письмомъ, чтобы можно было достать свѣжихъ лошадей въ городѣ, когда онъ поѣдетъ дальше. Заручившись письмомъ, Брюскэ перемѣнилъ на немъ адресъ и написалъ новое письмо, стараясь подражать почерку метръ д'отеля, выводя длинныя готическія буквы, именно такія, надъ которыми смѣялся Эразмъ, говоря, что всѣ знатные люди пишутъ такими буквами, благодаря своему полному невѣжеству въ наукахъ, потому что они считали такое знаніе слишкомъ унизительнымъ для себя. Прибывъ въ городъ, Брюскэ представилъ это подложное письмо викарію, который, прочитавъ его, былъ очень удивленъ, что епископъ на пути въ замокъ былъ очень утомленъ и скончался отъ апоплексическаго удара, пріѣхавъ въ замокъ; епископу не пришлось, какъ онъ этого всегда желалъ, умереть среди своей дорогой паствы. Поэтому прислуга замка проситъ, чтобы духовенство города

прибыло въ замокъ съ надлежащею церемоніей для перенесенія тѣла епископа въ соборъ. Лишь только въ городѣ разнесся слухъ о смерти епископа, какъ тотчасъ городъ былъ увѣшанъ черными флагами, заказанъ гробъ и воздвигнутъ катафалкъ.

На слѣдующій день, съ самаго ранняго утра, въ замокъ прибыло духовенство изъ города съ траурной колесницей, чтобы перевести тѣло; въ это время епископъ спалъ невозмутимымъ сномъ; но погребальное пѣніе разбудило его, онъ, испуганный, вскочилъ со своей постели, позвалъ слухъ и спрашивалъ ихъ, что это значитъ. Конечно, все это скоро открылось и представьте себѣ негодованіе епископа."

Однако, при дворѣ Генриха II былъ соперникъ Брюскэ вполнѣ его достойный и который, хотя и былъ маршаломъ Франціи и принадлежалъ къ одной изъ знаменитыхъ фамилій Флоренціи, но все-же не пропускалъ случая отвѣчать на мистификаціи королевскаго шута. Въ этой борьбѣ съ ловкимъ флорентійцемъ, не всегда послѣднее слово оставалось за Брюскэ. Но тутъ мы опять вернемся къ Брантому, который посвятилъ двадцать страницъ своей книги, гдѣ описывается борьба, происходившая между Брюскэ и маршаломъ Строцци. *)

„Маршалъ Строцци очень любилъ задѣвать Брюскэ и велъ съ нимъ постоянную борьбу; точно также и королевскій шутъ отвѣчалъ ему шутками и остротами на всѣ его нападки".

„Однажды во дворцѣ было большое празднество и маршалъ Строцци явился въ полномъ парадѣ; на немъ

---

*) Пьерръ де Строцци происходилъ отъ благородной фамиліи Флоренціи, которая принимала дѣятельное участіе во всѣхъ внутреннихъ дѣлахъ этого города въ XVI столѣтіи, онъ приходился двоюроднымъ братомъ Екатеринѣ Медичи. Конечно, такое родство и положило начало его счастливой судьбѣ. Онъ былъ сдѣланъ маршаломъ Франціи и умеръ въ 1558 г. при осадѣ Тіонвилля.

былъ великолѣпный плащъ чернаго бархата, вышитый серебромъ по тогдашней модѣ. Брюскэ очень завидовалъ такому красивому плащу и хотѣлъ посмѣяться надъ маршаломъ. Шутъ отправился въ королевскую кухню, взялъ свиного сала, и смѣшалъ его съ яйцомъ; затѣмъ, съ этою снадобью отправился опять въ королевскіе покои, подкрался незамѣтно къ маршалу Строцци, вымазалъ ему всю спину приготовленною имъ въ кухнѣ смѣсью и затѣмъ, повернувъ его къ королю, сказалъ: „Государь, посмотрите, какіе красивые золотые эксельбанты у маршала“. Король никакъ не могъ удержаться отъ смѣха, а маршалъ нисколько не разсердился, а только сказалъ: „Поди Брюскэ, скажи моимъ людямъ, чтобы они мнѣ принесли другой плащъ, а этотъ возьми себѣ, такъ какъ вѣрно тебѣ очень хотѣлось его пріобрѣсти и потому можешь его взять, но только даю тебѣ честное слово, что ты мнѣ за это заплатишь“.

„Нѣсколько дней спустя, когда Брюскэ совершенно забылъ объ этомъ происшествіи, какъ вдругъ маршалъ Строцци явился къ нему въ почтовый домъ гдѣ бывалъ нѣсколько разъ и прежде и хорошо замѣтилъ ту комнату, въ которой Брюскэ пряталъ свою серебряную посуду у него было много серебра, частью подареннаго, частью (выпрошеннаго); но этотъ маршалъ привелъ съ собою искуснаго слесаря, котораго онъ одѣлъ, какъ принца и далъ ему необходимыя наставленія. Прійдя къ Брюскэ, онъ сталъ съ нимъ прохаживаться по комнатѣ и сдѣлалъ незамѣтный знакъ мнимому принцу, чтобы показать ему, гдѣ находится завѣтная комната; затѣмъ, маршалъ взялъ подъ руку Брюскэ и увелъ его гулять сначала въ садъ, потомъ отправился вмѣстѣ съ нимъ осматривать его конюшни. Въ это время мнимый принцъ и его свита обдѣлали все, какъ слѣдуетъ; слесарь искусно отперъ замокъ и также искусно и заперъ его, такъ что этого никакъ нельзя было замѣтить; свита мнимаго

принца захватила съ собою все серебро, а самъ онъ пошелъ проститься съ Брюскэ и даже отказался отъ его угощенія. Нѣсколько дней спустя, Брюскэ явился къ королю, когда тотъ только что вставалъ; шутъ былъ мраченъ и задумчивъ и пожаловался королю на маршала Строцци. Но послѣдній, узнавъ о жалобѣ шута, сталъ надъ нимъ смѣяться, говоря, что онъ такъ часто обманывалъ другихъ, а теперь его самого обманули. Брюскэ былъ крайне раздраженъ такою выходкою маршала Строцци и, конечно, ему было не до смѣха тѣмъ болѣе, что по своей природѣ онъ былъ очень скупъ. Тогда маршалъ Строцци отдалъ Брюскэ почти все и удержалъ посуды только на пятьсотъ экю, а всей посуды было на двѣ тысячи экю. Эти пятьсотъ экю были отданы слесарю и его товарищамъ. Брюскэ остался доволенъ тѣмъ, что получилъ три четверти своего имущества".

„Въ другой разъ маршалъ Строцци пріѣхалъ къ королю на прекрасномъ конѣ, покрытомъ дорогою попоною, вышитою серебромъ. Онъ не отдалъ-бы этого коня за пятьсотъ экю. Маршалъ, доѣхавъ до подъѣзда дворца, сошелъ съ коня и поручилъ его надзору своего лакея, на время своего визита королю. Брюскэ только что вышелъ изъ Лувра и видѣлъ, какъ маршалъ сходилъ съ лошади. Шутъ подошелъ къ лакею, который стерегъ коня и сказалъ ему, что маршалъ Строцци забылъ одинъ необходимый пакетъ дома и просилъ его, Брюскэ, привезти ему этотъ пакетъ и взять его лошадь, съ тѣмъ только, чтобы онъ хорошенько смотрѣлъ за нею. Лакей не задумался ни на минуту отдать ему лошадь, такъ какъ онъ часто видѣлъ, какъ маршалъ разговаривалъ съ Брюскэ. Между тѣмъ, шутъ вскочилъ на лошадь и поѣхалъ прямо къ себѣ домой, тамъ онъ обрѣзалъ ей гриву и половину уха; затѣмъ, онъ разсѣдлалъ ее и снялъ съ нея чепракъ. Вскорѣ пріѣхалъ на почтовый дворъ курьеръ, ему понадобилась почтовая лошадь

которая могла-бы свезти большой чемоданъ; тогда Брюскэ распоряжается, чтобы лошадь маршала осѣдлали-бы почтовымъ сѣдломъ, на которое нагрузили тяжелый чемоданъ и погнали ее до Лонжюмо... Когда лошадь вернулась обратно, то Брюскэ отправилъ лошадь въ такомъ видѣ къ маршалу и приказалъ сказать сопровождавшему ее почтарю: „Мой господинъ посылаетъ обратно вамъ вашу лошадь; она вполнѣ годится для почты, я ее испробовалъ отсюда до Лонжюмо; она въ три четверти часа проскакала туда и обратно; онъ спрашиваетъ у васъ, маршалъ, не продадите-ли вы ее за пятьдесятъ экю, тогда онъ ихъ вамъ пришлетъ. Маршалъ Строцци, увидѣвъ до какой степени обезображена его лошадь, послалъ сказать Брюскэ: „отведи ее обратно къ твоему господину, пусть онъ ее оставитъ у себя".

„Нѣсколько дней спустя, маршалъ Строцци вздумалъ отправиться къ королю въ Компьэнь на почтовыхъ лошадяхъ и послалъ сказать Брюскэ, чтобы тотъ прислалъ ему двадцать самыхъ лучшихъ лошадей, иначе онъ съ нимъ разсорится. Маршалъ оставилъ для себя только семь лошадей и одну вьючную. Затѣмъ онъ далъ нѣсколько лошадей своимъ бѣднымъ солдатамъ, которымъ приходилось возвращаться пѣшкомъ въ свои полки, но почтарь этого не замѣтилъ, такъ какъ ему было сказано, что эти люди пріѣдутъ послѣ; двѣ лошади маршалъ продалъ двумъ мельникамъ изъ Понтоменье для перевозки муки; эти послѣднія лошади были куплены съ большимъ удовольствіемъ, такъ какъ за нихъ спросили очень дешево. Нѣсколько дней спустя, эти лошади были пойманы почтарями на границѣ въ то время, когда онѣ перевозили муку. Этихъ лошадей задержали и Брюскэ обратился съ жалобою въ судъ; но заведенная тяжба обошлась шуту очень дорого, такъ что и сами лошади этого не стоили *).

*) Венеціанскій посланникъ Марино Канали еще въ царствованіе

Что-же касается до другихъ лошадей, на которыхъ ѣхалъ самъ маршалъ Строцци, то онѣ довезли его до Компьэна и были до такой степени измучены, что ихъ тамъ и оставили. Такимъ образомъ, Брюскэ пришлось очень дорого заплатить за обезображенную имъ лошадь маршала; но всѣ эти шутки сопровождались только смѣхомъ и остротами.

„Въ другой разъ, разсказываетъ еще Брантомъ, который неутомимо разсказываетъ въ своей книгѣ о всѣхъ выходкахъ своего любимаго шута, Брюскэ отправился къ маршалу Строцци и сталъ просить послѣдняго примириться съ нимъ и не дѣлать ему такихъ непріятностей, которыя такъ дорого обходятся. Вслѣдствіе заключенія такого условія, Брюскэ пригласилъ маршала къ себѣ обѣдать вмѣстѣ съ нѣсколькими придворными, и обѣщалъ ихъ угостить на славу. Маршалъ согласился принять приглашеніе и въ назначенный день пріѣхалъ къ Брюскэ вмѣстѣ съ нѣсколькими придворными. Когда они пріѣхали, шутъ радушно ихъ встрѣтилъ, у него была перекинута черезъ плечо салфетка, точно онъ самъ хотѣлъ исполнять обязанность мэтръ д'отеля. „Успокойтесь, господа, сказалъ Брюскэ, я самъ принесу вамъ кушанье. Дѣйствительно, онъ тотчасъ-же его принесъ. Первымъ блюдомъ были пироги, всевозможныхъ величинъ и большіе, и средніе, и маленькіе, всѣ они были прямо изъ печки и отъ нихъ пахло очень хорошо; видно было, что онъ не поскупился положить въ эти пироги пряностей: тутъ была и корица и даже мускатъ. Когда всѣ гости сѣли за столъ, то хозяинъ сказалъ имъ:

— Садитесь, господа, кушайте и постарайтесь по-

Франциска I говорилъ о медленности судопроизводства во Франціи и о сопряженныхъ съ этимъ издержкахъ: «Дѣло въ тысячу экю требуетъ двѣ тысячи экю издержекъ и тянется десять лѣтъ».

скорѣе истребить это кушанье, чтобы очистить вамъ мѣсто для другихъ, которыя я вамъ тотчасъ подамъ.

Однако, Брюскэ, сказавъ это, надѣлъ шляпу, пристегнулъ шпагу и отправился въ Лувръ извѣстить короля о своемъ пиршествѣ. Гости, между тѣмъ, принялись за принесенные пироги. Но чтоже оказалось? Въ одномъ была запечена лошадиная кожа, въ другомъ уздечки, а то копыта и т. д. Нѣкоторые изъ гостей неуспѣвшіе разглядѣть въ чемъ заключается начинка, уже откусили пирога и стали его выплевывать. Конечно, они не ожидали такой выходки отъ Брюскэ и надѣялись, что онъ сейчасъ подастъ имъ хорошаго мяса; но ихъ ожиданія были напрасны; никто не являлся; тогда они стали просить пить; имъ подали самаго лучшаго вина, гости выпили, развеселились и казалось забыли о выходкѣ Брюскэ. Допивъ поданное вино, они потребовали еще; тогда слуги и почтари, которые также прислуживали за столомъ, объявили, что ихъ господинъ приготовлялъ самъ это вино и приказалъ сказать, чтобы гости сказали, который изъ этихъ сортовъ они находятъ самымъ лучшимъ, такой имъ и подадутъ. Приглашенные много смѣялись, говорили; но прошло уже нѣсколько времени, а Брюскэ все не было; тогда они спросили у слугъ, куда дѣвался ихъ господинъ? На это имъ отвѣчали, что король прислалъ за ихъ господиномъ и онъ поспѣшно отправился во дворецъ. Тогда гости спросили, не подадутъ-ли имъ еще какого-либо угощенія и получили отрицательный отвѣтъ. Гости встали изъ-за стола и отправились въ кухню. Тамъ они не нашли никого, печь была совершенно холодная и вся посуда на мѣстѣ. Тогда эти господа порѣшили уйти, взялись за свои шляпы и шпаги и хотѣли пойти поискать, гдѣ можно было-бы пообѣдать; они чувствовали сильный голодъ, потому что уже было далеко за полдень.“

Я еще забылъ сказать, что когда Брюскэ подавалъ

на столъ свои знаменитые пироги, то онъ вошелъ въ столовую въ сопровожденіи своихъ почтарей; ихъ было числомъ до тридцати человѣкъ, и всѣ они трубили въ рожки, точно пріѣхали на почтовую станцію перекладывать лошадей. Затѣмъ, когда онъ пригласилъ маршала къ столу, то сказалъ, что будетъ угощать его тѣмъ, что у него найдется въ домѣ и тутъ онъ сталъ насмѣхаться надъ тѣми, которые, давая обѣды, бѣгаютъ по сосѣдямъ занимать не только посуду, но даже и деньги".

Маршалъ Строцци никогда не любилъ оставаться въ долгу у шута, онъ всегда мстилъ ему за всѣ его шутки и выходки и на этотъ разъ онъ отплатилъ ему за обманъ.

„Маршалъ, продолжаетъ Брантомъ, всегда смѣялся надъ обманами Брюскэ, но въ то же время онъ придумывалъ какой-нибудь планъ, чтобы не остаться въ долгу у шута; нѣсколько времени спустя послѣ знаменитаго обѣда, маршалъ приказалъ увести у Брюскэ его любимаго лошака, что было очень легко сдѣлать, такъ какъ это животное водили на водопой привязаннымъ къ хвосту другихъ почтовыхъ лошадей. Когда лошака привели къ маршалу, онъ приказалъ его заколоть, снять съ него шкуру и мясо употребить частью для начинки пирога, а частью поджарить. Затѣмъ маршалъ пригласилъ Брюскэ къ себѣ обѣдать, увѣривъ, что онъ его не обманетъ, а угоститъ, какъ слѣдуетъ. Брюскэ отправился на обѣдъ къ маршалу и съ большимъ аппетитомъ поѣлъ и пирога и жаркого; у шута былъ всегда хорошій аппетитъ, а въ то время онъ чувствовалъ голодъ и наѣлся до сыта. Послѣ обѣда маршалъ спросилъ у своего гостя:

— Хорошо-ли я угостилъ тебя, Брюскэ?

Шутъ отвѣтилъ, что онъ вполнѣ сытъ и никогда такъ хорошо не ѣлъ, какъ въ тотъ день.

— А слушай,—снова спросилъ его маршалъ, не желаешь-ли ты узнать, чѣмъ я тебя угостилъ?

И онъ тотчасъ приказалъ принести голову его лошака, раздѣланную на подобіе кабаньей и сказалъ ему:

— Вотъ чье мясо ты ѣлъ, Брюскэ. Узналъ-ли ты эту голову?

Брюскэ пришелъ въ ужасъ; онъ даже почувствовалъ тошноту; кромѣ того, ему стало грустно, что онъ съ такимъ аппетитомъ уничтожалъ мясо своего любимаго лошака, который такъ часто возилъ его и въ поля, и по городу.

„Въ другой разъ маршалъ опять устроилъ шутку съ Брюскэ; королева пожелала видѣть жену Брюскэ, о которой маршалъ Строцци разсказывалъ, что она очень безобразна собою, что и было на самомъ дѣлѣ; она сказала объ этомъ шуту и попросила, чтобы тотъ непремѣнно привелъ къ ней свою жену; Брюскэ, конечно, исполнилъ желаніе королевы и привелъ къ ней свою супругу, одѣтую въ вѣнчальный нарядъ и съ распущенными по плечамъ волосами; она должна была улыбаться, точно дѣйствительно должна итти подъ вѣнецъ; Брюскэ также былъ одѣтъ, какъ новобрачный и одинаково улыбался и корчилъ веселое и счастливое лицо, держа за руку свою жену. Кромѣ того, Брюскэ предупредилъ королеву, что его жена была совершенно глуха и разговоръ съ нею не можетъ представлять никакого интереса; но королева ничего не хотѣла слышать и пожелала во что-бы то ни стало ее видѣть и поговорить съ ней о ея хозяйствѣ, о ея времяпровожденіи и о жизни ея мужа. Съ другой стороны, Брюскэ увѣрилъ свою жену, что королева совершенно глуха и потому съ ней слѣдуетъ говорить, какъ можно громче. Кромѣ того, шутъ приказалъ женѣ, что когда она будетъ представлена королевѣ, то должна ей сдѣлать очень низкій реверансъ и сказать:

— Ваше величество, да избавитъ васъ Господь Богъ отъ всякаго зла.

Когда жена Брюскэ явилась къ королевѣ и дѣйствовала согласно указаніямъ мужа, то королева стала ее разспрашивать о ея времяпровожденіи и о хозяйствѣ, стараясь говорить такъ громко, какъ только она могла. Брюскэ оставилъ свою жену одну съ королевой и если послѣдняя говорила громко, то первая положительно кричала, какъ помѣшанная; ихъ разговоръ отдавался даже и на дворѣ.

Въ это время пріѣхалъ и маршалъ Строцци, но Брюскэ заранѣе предупредилъ свою жену, что и маршалъ былъ до такой степени глухъ, что ему нужно кричать въ ухо. Маршалъ тотчасъ догадался, что это штуки самого Брюскэ и, взглянувъ въ окно, увидѣлъ одного изъ королевскихъ охотниковъ, позвалъ его къ себѣ и, сунулъ, ему нѣсколько экю, чтобы тотъ трубилъ въ свой рожокъ, висѣвшій у него на поясѣ, въ ухо женѣ Брюскэ, пока онъ не сдѣлаетъ ему знакъ, что довольно. Затѣмъ маршалъ обратился къ королевѣ и сказалъ:

— Ваше величество, эта женщина глуха и я берусь ее вылѣчить.

Затѣмъ онъ сталъ держать голову жены Брюскэ, а охотнику приказалъ трубить ей въ уши; несчастная вырывалась изъ рукъ маршала, но тотъ крѣпко держалъ ее, а охотникъ трубилъ до тѣхъ поръ, пока совершенно не оглушилъ ее; жена Брюскэ была больна въ теченіе цѣлаго мѣсяца и ея лѣченіе обошлось дорого. Такимъ образомъ, Брюскэ, заставившій другихъ кричать громко чтобы говорить съ его женою, которую выдавалъ за глухую, теперь самъ долженъ былъ говорить съ нею очень громко, чтобы она могла его слышать, пока она совершенно не выздоровѣла; это, конечно, не очень пріятно было шуту, потому что его жена, часто не дослышавъ мужа, дѣлала все наоборотъ, чѣмъ онъ приказывалъ.

Конечно, это была крайне глупая шутка и даетъ намъ скорѣе представленіе о грубости нравовъ того

времени, чѣмъ объ умѣ маршала Строцци и Брюскэ. Весьма естественно, что это крайне удивляетъ читателей, такъ какъ въ это время дворъ Валуа считался однимъ изъ самыхъ блестящихъ въ Европѣ дворовъ, гдѣ всѣ отличались самою изысканною вѣжливостью и соблюдали самый строгій придворный этикетъ, а между тѣмъ эти люди нисколько не считали постыднымъ для себя находить удовольствіе въ такомъ жестокомъ развлеченіи, какъ въ томъ, что бѣдная женщина является жертвою шутки вельможи. Брюскэ отмстилъ за это очень забавнымъ способомъ:

„Однажды, разсказываетъ все тотъ же Брантомъ, маршалъ Строцци пріѣхалъ на почтовыхъ въ Парижъ къ пасхальной заутрени, но отправился прямо къ себѣ въ домъ, находившійся въ Сенъ-Жермэнскомъ предмѣстьѣ; онъ не хотѣлъ, чтобы кто-нибудь зналъ о его пріѣздѣ, а намѣревался явиться ко двору только послѣ праздника. Но Брюскэ узналъ объ этомъ отъ того почтаря, который привезъ маршала; тогда онъ нанялъ двухъ францисканскихъ монаховъ, заплативъ имъ по экю; онъ разсказалъ имъ, что въ Парижъ пріѣхалъ одинъ вельможа, который живетъ въ предмѣстьѣ Сенъ-Жерменъ куда, онъ, Брюскэ и отведетъ ихъ; этотъ вельможа одержимъ злымъ духомъ, потому что онъ не хотѣлъ явиться къ заутрени и не желалъ видѣть духовныхъ лицъ; поэтому монахи сдѣлаютъ доброе дѣло, если отправятся къ нему, снесутъ ему святой воды и постараются вразумить его своими наставленіями. Монахи, конечно, согласились совершить такое доброе дѣло и отправились вмѣстѣ съ Брюскэ. Дорогой шутъ объяснилъ еще монахамъ, что имъ придется имѣть дѣло не только съ человѣкомъ, но и съ дьяволомъ. Монахи отвѣтили ему на это, что они ничего не боятся, такъ какъ имъ приходилось встрѣчать на своемъ вѣку много подобныхъ людей. Брюскэ проводилъ монаховъ не только до дома маршала, но даже

ввелъ ихъ въ его покои; слуги хорошо знали Брюскэ и когда тотъ объявилъ имъ, что самъ маршалъ пожелалъ видѣть этихъ монаховъ, чтобы поговорить съ ними по душѣ, то, конечно, его пропустили безпрепятственно вмѣстѣ съ его спутниками. Брюскэ дошелъ до спальней маршала, впустилъ туда монаховъ, а самъ остался въ сосѣдней комнатѣ. Въ это время маршалъ лежалъ въ постели и читалъ какую-то книгу; монахи, вошедъ въ комнату маршала, спросили его, какъ онъ себя чувствуетъ душевно и тѣлесно. Маршалъ, увидѣвъ монаховъ, пришелъ въ ярость; онъ закричалъ на монаховъ, что имъ здѣсь нечего дѣлать и что онъ предлагаетъ имъ тотчасъ же удалиться, такъ какъ онъ вообще не любилъ монаховъ; но послѣдніе стали читать ему наставленія, чего онъ также терпѣть не могъ. Строцци вскочилъ съ постели и схватился было за шпагу, которая висѣла у его изголовья, но одинъ изъ монаховъ предупредилъ его и самъ схватилъ эту шпагу, какъ ему еще заранѣе посовѣтовалъ Брюскэ. Маршалъ, вскочивъ съ постели, хотѣлъ отнять у монаха свою шпагу, произошла борьба, послышался крикъ и шумъ, прибѣжала прислуга маршала и даже самъ Брюскэ со шпагою въ рукѣ, затѣмъ онъ спокойно увелъ монаховъ. Конечно, слухъ объ этомъ происшествіи скоро дошелъ и до короля, который не зналъ о пріѣздѣ маршала и много смѣялся его странной скрытности. Маршалу волей-неволей пришлось отправиться во дворецъ и посѣтить короля.

Вскорѣ, конечно, всѣ узнали, что такая шутка была устроена никѣмъ инымъ, какъ Брюскэ и бѣдному шуту едва не пришлось дорого поплатиться за такую необдуманную выходку. Въ это время религіознаго фанатизма подобная выходка считалась большимъ преступленіемъ.

Дня два спустя послѣ этого маршалъ принесъ жалобу инквизитору; Брюскэ былъ посаженъ въ тюрьму. Тогда маршалъ объяснилъ все королю и шутъ былъ освобож-

денъ изъ тюрьмы, такъ что избавился отъ кары инквизиторовъ.

Брантомъ разсказываетъ еще массу анекдотовъ о Брюскэ и, кажется, не безъ сожалѣнія оканчиваетъ свои разсказы объ этомъ шутѣ. Онъ между прочимъ говоритъ, что Брюскэ представляетъ своимъ пребываніемъ при дворѣ богатый, даже почти неисчерпаемый матеріалъ. Королевскій шутъ имѣлъ право говорить и дѣлать, что онъ хочетъ и могъ страшиться только однихъ инквизиторовъ, но этимъ господамъ также нелегко было засадить королевскаго шута въ свои ужасныя подземелья, потому что навыручку такого узника всегда являлась королевская стража, которая и освобождала его, по приказанію короля. Часто, когда вокругъ трона царило безмолвіе, одинъ только королевскій шутъ осмѣливался возвышать голосъ и подъ бубенчики своего колпака начиналъ говорить, нисколько не стѣсняясь присутствіемъ сильныхъ міра сего. Но не смотря на полное снисхожденіе, съ какимъ Брантомъ относится ко всѣмъ поступкамъ Брюскэ, все же мы должны признаться, что этотъ шутъ заходилъ часто слишкомъ далеко и въ своихъ рѣчахъ, и въ своихъ дѣйствіяхъ, словомъ, онъ всецѣло пользовался данною ему свободою.

Брюскэ пережилъ Генриха II и остался при дворѣ и въ царствованіе Франциска II и даже былъ во время царствованія Карла IX. Но такое лицо, которое во время трехъ царствованій забавляло своими шутками, какъ и самихъ королей, такъ и ихъ придворныхъ, кончилъ очень дурно. Вотъ, какъ Брантомъ оканчиваетъ біографію Брюскэ.

„Наконецъ, бѣднаго Брюскэ заподозрили въ кальвинизмѣ и что онъ ради этого затеривалъ и уничтожалъ пакеты и депеши короля, въ которыхъ заключались серьезныя распоряженія относительно дѣйствій противъ гугенотовъ. Но это былъ вовсе не онъ, а его зять, если

только послѣдній дѣйствительно былъ гугенотомъ и это и погубило и его тестя и его домъ, который былъ разграбленъ во время первыхъ смутъ. Брюскэ пришлось уѣхать изъ Парижа и онъ пріютился у мадамъ де-Булльонъ въ Нойянтѣ и у мадамъ де-Валентинуа, которая помѣстила затѣмъ шута у себя въ память умершаго короля Генриха II. Оттуда онъ написалъ письмо де-Строцци *), сыну маршала, (о которомъ мы говорили), прося его ради памяти отца выхлопотать ему прощеніе, чтобы онъ могъ окончить свою жизнь въ мирѣ и покоѣ, Но ему недолго пришлось прожить въ мирѣ и покоѣ, такъ какъ онъ вскорѣ умеръ.

Однако, просьба, представленная г. Строцци Екатеринѣ Медичи, которая благоволила къ сыну маршала уже потому, что онъ былъ Флорентинцемъ и милостиво приняла просьбу Брюскэ. Въ придворныхъ отчетахъ во время царствованія Карла IX за 1565, о чемъ упоминаетъ Жоль, значится, что для Брюскэ была куплена щегольская обувь по случаю какого-то празднества, на которомъ присутствовали почти всѣ придворные Карла IX. Слѣдовательно, въ упомянутомъ году Брюскэ еще числился въ штатѣ короля. Но уже въ то время знаменитый шутъ былъ только тѣнью самого себя,—печаль и горе сильно измѣнили его. Быть можетъ, онъ занималъ только почетное мѣсто въ штатѣ короля, какъ свидѣтель предъ-

*) Филиппъ Строцци родился въ Венеціи въ 1541 году и числился полковникомъ во французской гвардіи съ 1563 года и принималъ участіе въ религіозныхъ войнахъ. Онъ принадлежалъ къ группѣ совѣтниковъ, подготовившихъ вмѣстѣ съ Екатериною Медичи заговоръ ужасной Варѳоломеевской ночи. Кончина этого Строцци была трагическая. Ему была поручена команда надъ отрядомъ, посланнымъ въ помощь пріора Антоніо де-Крато, который хотѣлъ освободить Португалію отъ испанскаго владычества; адмиралъ Санта-Круцъ взялъ де-Строцци въ плѣнъ при одной морской битвѣ въ 1582 г. и приказалъ бросить его въ море.

идущихъ царствованій. Но какъ-бы то ни было, очевидно, что Брюскэ умеръ въ 1565 году, совершенно противоположно де-Дре и дю-Родьэ, которые утверждаютъ, что онъ умеръ у мадамъ Валантинуа въ 1562 или 1563. Брюскэ, слѣдовательно, фигурировалъ въ теченіе трети вѣка отъ 1535 до 1565, играя роль оффиціальнаго королевскаго шута; самая счастливая жизнь Брюскэ была во время царствованія Генриха II. О Брюскэ можно, поистинѣ, сказать, что это былъ регентъ хора шутовъ, находившихся на оффиціальной королевской службѣ.

VI.

Шуты на оффиціальной королевской службѣ.—Современники и послѣдователи Брюскэ.—Тонэнъ.—Регистраторъ Лорриса.—Сибила. — Матюрина безумная.—Шико.

У Брюскэ также были и товарищи при дворѣ Генриха II. Конечно, его преимущество въ искусствѣ шутовства было настолько велико, что ни одинъ соперникъ не осмѣливался оспаривать у него первенство и поднимать жезлъ противъ его жезла. Но Брюскэ невсегда былъ при дворѣ; какъ почтмейстеръ, онъ долженъ былъ исполнять и свои служебныя обязанности и ему часто приходилось удаляться отъ двора. Иногда ему приходилось сопровождать какого-нибудь вельможу во время его дипломатическаго путешествія или какую-либо другую особу, какъ, напримѣръ, кардинала Лотарингскаго, слѣдовательно, для Брюскэ необходимъ былъ помощникъ, который могъ-бы развлекать короля во время отсутствія главнаго шута.

Этотъ помощникъ назывался Тонэнъ или Тони, уменьшенное отъ Антуана. Онъ послѣдовательно развлекалъ Генриха II, Франциска II и Карла IX, съ 1556 года, когда его имя фигурировало въ первый разъ въ отче-

тахъ двора и до конца 1572 года, хотя, вѣроятно, онъ оставилъ должность королевскаго оффиціальнаго шута за нѣсколько времени до своей смерти.

Брантомъ въ своей книгѣ „Знаменитые люди“, разсказывая намъ о Тонэнѣ, котораго онъ хотя и не сравниваетъ съ Брюскэ, но къ которому все же относится нѣсколько пристрастно.

„Сначала Тонэнъ былъ шутомъ принца Орлеанскаго *), онъ выпросилъ шута у матери, хотя она отдала его неохотно, думая посвятить Тонэна церкви, чтобы

Тонэнъ, по Клуэ (Коллекція Герварда).

тотъ молился за двоихъ изъ своихъ безумныхъ братьевъ. Одинъ изъ нихъ назывался Гизинъ, а другой, имени котораго я не припомню, принадлежалъ кардиналу Фер-

*) Второго сына Франциска I, умершаго раньше отца

рарэ. Королева въ данномъ случаѣ выказала слишкомъ большую наивность, потому что маленькій Тони былъ еще безумнѣе своихъ братьевъ.

Но Тонэна скоро такъ выдрессировали, что онъ сдѣлался настоящимъ шутомъ; его научили всевозможнымъ фарсамъ и шуткамъ, такъ что онъ нисколько не былъ хуже другихъ шутовъ, занимавшихъ оффиціальную должность при королевскомъ дворѣ. Послѣ смерти принца Орлеанскаго, Тонэнъ перешелъ къ королю, который очень любилъ его и даже приказалъ Ронсару *) написать въ стихахъ біографію шута".

Но Тонэнъ былъ прославленъ не только Ронсаромъ и любимымъ королемъ, благосклонностью котораго пользовались очень немногіе, но даже заслужилъ милость и Коннетэбля де-Монморанси; извѣстно, что этотъ ужасный Коннетэбль не щадилъ никого и отъ него доставалось не только придворнымъ, но и президентамъ, и совѣтникамъ и судьямъ. Онъ ихъ называлъ ослами, телятами, глупцами и вообще считалъ ихъ всѣхъ фатами.

Этотъ жестокій воинъ былъ неумолимъ относительно

---

*) Пьеръ де-Ронсаръ родился въ 1524 г. въ замкѣ Пуассоньеръ, близъ Вандома въ семьѣ венгерскаго происхожденія и умеръ въ 1585 г. Сначала онъ былъ дипломатомъ, но вслѣдствіе своей природной глухоты долженъ былъ оставить это поприще и посвятилъ себя литературѣ; онъ задумалъ преобразовать французскій языкъ и обогатить его новыми словами, взятыми изъ латинскаго и греческаго языковъ, о чемъ и упоминаетъ Буало въ своемъ «Art poétique» (Пѣснь I стих. 176):

«Его муза на французскомъ языкѣ говорила по-гречески и полатыни»...

Ронсаръ былъ любимымъ поэтомъ Карла IX, который обратился къ нему съ слѣдующимъ двустишіемъ:

Мы оба одинаково носимъ вѣнцы:

«Я получаю ихъ, какъ король, а ты раздаешь ихъ, какъ поэтъ».

И далѣе:

«Я могу нанести смерть, а ты даешь безсмертіе»...

всякаго рода возмущеній: возмущеній крестьянъ, бунтовщиковъ противъ налоговъ *), весьма частыхъ возмущеній кальвинистовъ, бунтовщиковъ противъ Гизовъ; онъ совершенно спокойно прогуливался по сожженнымъ имъ деревнямъ и селамъ съ четками въ рукахъ или же ходилъ между повѣшенными имъ несчастными или разрубленными на куски, что и послужило поводомъ къ поговоркѣ: „Избави насъ, Боже, отъ молитвъ Коннетэбля!“ Этотъ старый солдатъ, который никогда не улыбался во время своихъ служебныхъ обязанностей, любилъ пошутить и посмѣяться у себя за столомъ. Онъ любилъ и маленькаго Тони, котораго часто сажалъ съ собою обѣдать и обращался съ нимъ, какъ съ маленькимъ королемъ; если же его пажи и лакеи осмѣливались сдѣлать этому шуту непріятность, то Коннэтебль приказывалъ наказывать ихъ розгами. Но Тонэнъ былъ очень хитеръ и часто жаловался на пажей и лакеевъ безо всякой причины, лишь бы только потомъ посмѣяться надъ ними... Коннетэбль любилъ этого шута, потому что его любилъ король и кромѣ того, еще потому, что онъ былъ очень забавенъ. Тонэнъ называлъ Коннетэбля своимъ отцомъ и, какъ казалось, былъ къ нему привязанъ, но только до извѣстной степени Самъ Коннетэбль разсказывалъ, что Тонэнъ, не смотря на свое безуміе, былъ настоящій придворный и обыкновенно заискивалъ только у такихъ лицъ, которые пользовались милостями короля и онъ, Коннетэбль, испыталъ это на самомъ себѣ, именно въ то время, когда онъ впалъ въ немилость послѣ смерти Генриха II **).

*) Въ 1548 г. онъ подавилъ самымъ ужаснымъ образомъ возмущеніе къ Гіеннѣ.

**) Вслѣдствіе придворныхъ интригъ Коннетебль два раза впадалъ въ немилость: въ первый—разъ въ 1547 г., послѣ смерти Франциска I и второй разъ—въ 1559 г., по смерти Генриха II. Онъ также оставался не у дѣлъ и въ кратковременное царствованіе Франциска II.

Конечно, Тоненъ не обладалъ гибкостью ума Брюскэ, но все же онъ былъ настолько хитеръ, что понималъ обязанности придворнаго, состоящія въ томъ, что всегда слѣдуетъ поворачиваться къ восходящему свѣтилу.

Рядомъ съ Брюскэ и Тонэномъ фигурировали въ придворныхъ отчетахъ и имена другихъ шутовъ въ царствованіе Франциска I и Генриха II. Изъ нихъ мы назовемъ: Мэтра Мартэна, называемаго Балльи и принадлежавшаго къ дому герцоговъ Орлеанскаго и Ангулэм-

Регистраторъ де Лорисъ, по Клуэ (Коллекція Герварда).

скаго; мадамъ Рамбулье, Катло и Ли-Жарднньеръ находились въ штатѣ Маргариты Наваррской, сестры Франциска I. Но намъ извѣстны лишь имена этихъ шутовъ и то благодаря только аккуратности отчетовъ, по расхо-

дамъ королевскаго двора; дѣйствительно, казнохранители вели отчетность съ самою безупречною аккуратностью.

При дворѣ Карла IX, кромѣ Брюскэ и Тонэна, былъ еще и регистраторъ де-Лоррисъ, который пользовался нѣкоторою извѣстностью; когда же онъ умеръ, то Карлъ IX взялъ къ себѣ нѣкоего Этьена Дойни и Розьеровъ, но о нихъ почти ничего не упоминается въ придворныхъ лѣтописяхъ.

Но наибольшею извѣстностью пользовались послѣ Брюскэ два шута: Сибило и Шико; оба они находились при особѣ Генриха III.

Сибило нельзя причислить къ шутамъ, обладавшимъ умомъ, уже потому, что у него былъ наставникъ, а это доказываетъ нѣкоторую слабость ума. Вообще, Сибило былъ склоненъ къ пьянству, но былъ очень забавенъ, являясь съ палкою въ рукѣ, съ пѣною у рта и напоминая бѣшеную собаку; король, видя его въ такомъ изступленіи, умиралъ со смѣху; но когда Сибило появлялся въ такомъ видѣ на улицахъ или на площадяхъ, то всѣ бѣжали отъ него, какъ отъ сумасшедшаго. Но объ этомъ разсказываетъ Леберъ, который основывается на рѣчи одного изъ самыхъ ревностныхъ членовъ лиги, Жана Бушэ, бывшаго кюре въ Сенъ-Бенуа, а позднѣе назначеннаго ректоромъ парижскаго университета и пріоромъ Сорборнскаго. Конечно, написанный имъ портретъ Сибилло не лестенъ, но все-же врядъ-ли можно принять на вѣру слова такого человѣка, который всенародно выражалъ свою радость по поводу убійства Генриха III; *) врядъ-ли

*) Извѣстно, что Генрихъ III былъ умерщвленъ на высотахъ Сенъ-Клу, 2-го Августа 1589 г., однимъ якобинскимъ монахомъ по имени Жакъ Клемонъ, который дѣйствовалъ по наущенію своего пріора Бургдона, герцогини Монпансьэ, сестры Гизовъ и наиболѣе ревностныхъ членовъ лиги. Осада Парижа, начатая Генрихомъ III вмѣстѣ съ Генрихомъ Наваррскимъ, была оставлена новымъ королемъ Генрихомъ IV.

онъ могъ добросовѣстно относиться, какъ къ королю, такъ и къ его шуту, Сибилло.

Генрихъ III былъ не такой король, который могъ-бы удовольствоваться однимъ шутомъ. Онъ, вообще, любилъ заниматься различными мелочами. Часто онъ проводилъ цѣлые дни за завиваніемъ своихъ волосъ, за выборомъ ожерелій для королевы или за вырѣзываніемъ изъ священныхъ книгъ картинокъ, которыми онъ оклеивалъ стѣны своихъ молелень; онъ даже часто любилъ играть съ собаченками, или пускалъ волчки; но вдругъ на него нападало религіозное настроеніе, онъ одѣвался монахомъ и съ четками въ рукахъ слѣдовалъ за процессіею кающихся. Конечно, такой человѣкъ долженъ былъ любить и шутовъ. У него были: Сибилло, Шико и знаменитая Матюрина, первая юродивая, зачисленная въ штатъ короля. Прежде женщины были только въ штатахъ королевъ и принцессъ. Матюрина была женщина съ умомъ, съ характеромъ, всегда готовая на отвѣтъ, преданная католической религіи; эта женщина не останавливалась ни передъ какими средствами лишь бы только обращать гугенотовъ въ католическую вѣру. Когда Генрихъ III принужденъ былъ оставить Парижъ послѣ дня баррикадъ (12 мая 1588 г.), очистивъ такимъ образомъ мѣсто для самолюбивыхъ замысловъ герцога Гиза, Матюрина осталась въ Луврѣ, какъ бы для того, чтобы стеречь дворецъ и сохранить его для настоящихъ королей. Библіофилъ Жокобъ разсказываетъ въ своей „Disertation sur les fous de France“, что когда Генрихъ IV вступилъ въ Парижъ, въ ночь на 22-е марта 1594 г. и, прослушавъ молебенъ въ соборѣ Богоматери, отправился въ Лувръ, котораго онъ не видалъ со времени Варѳоломеевой ночи, первое лицо, которое онъ встрѣтилъ на лѣстницѣ, была Матюрина, прибѣжавшая встрѣтить своего короля, какъ собака Улисса въ Одиссеѣ.

Матюрина осталась въ своей должности и при Ген-

рихѣ IV и играла важную роль въ одномъ происшествіи, о которомъ разсказываетъ Л'Этуаль въ своемъ „Journal de Henri IV“ *).

„Во вторникъ, 27-го текущаго мѣсяца (декабрь 1594) когда король, возвратясь изъ своего путешествія въ Пикардію, вошелъ въ комнату мадамъ де-Ліонкуръ (Габріэль д'Эстре), въ сопровожденіи графа де Суассона, графа де Сенъ-Поль и другихъ вельможъ, его величеству, представились гг. де Раньи и де Монтиньи. Въ то время, какъ король заговорилъ съ ними, одинъ юноша, лѣтъ девятнадцати не болѣе, по имени Жанъ Шатель, сынъ парижскаго суконщика, жившаго во дворцѣ, проскользнулъ въ комнату съ группою другихъ людей, приблизился къ королю, такъ что этого никто не замѣтилъ и покушался всадить ножъ въ горло его величества; но тутъ король наклонился, чтобы поднять представлявшихся ему лицъ, которыя цѣловали его колѣни, ударъ ножа попалъ не въ горло короля, а въ лицо, въ верхнюю губу съ правой стороны, поранилъ ее и выбилъ его величеству зубъ. Король, почувствовавъ, что раненъ, сталъ осматриваться вокругъ и, увидѣвъ Матюрину, сказалъ:

— Чортъ побери эту дуру! Она меня ранила!

Но она объявила, что и не думала этого дѣлать, а тотчасъ побѣжала къ двери и заперла ее на ключъ, такъ что убійца не могъ убѣжать; онъ былъ схваченъ и поваленъ на полъ; окровавленный ножъ валялся тутъ же“.

Король, вѣроятно, въ воспоминаніе этого событія не

---

*) Пьеръ Л'Этуаль родился въ Парижѣ въ 1540 году и умеръ въ 1611. Онъ былъ аудиторомъ во французскомъ канцлерствѣ. Онъ воспользовался своимъ оффиціальнымъ положеніемъ, которое ставило его въ ежедневныя сношенія съ знатными лицами и велъ дневникъ всѣмъ важнымъ или любопытнымъ происшествіямъ, которыя доходили до него. Этотъ дневникъ представляетъ драгоцѣнный источникъ свѣдѣній относительно царствованій Генриха III и Генриха IV.

переставалъ осыпать милостями Матюрину и часто такими, въ которыхъ онъ отказывалъ самымъ знатнымъ вельможамъ, какъ это доказываетъ анекдотъ, разсказанный все тѣмъ же Л'Этуаль:

„19-го сентября 1596 года король обѣдалъ въ Тюльери и Матюрина была съ нимъ; ей обѣщали пятьсотъ экю, лишь бы она упросила короля выслушать г-жу де-Планси, жену контролера домовъ, который былъ приговоренъ къ смерти за то, что онъ взломалъ сундуки своего тестя, въ которыхъ хранились королевскія деньги. Генрихъ IV согласился его помиловать. Такое снисхожденіе доказываетъ, что король относился къ Матюринѣ съ большимъ участіемъ; извѣстно, что по совѣтамъ Сюлли, самаго честнаго, но въ то же время и самаго нестерпимаго реформатора французскихъ финансовъ, онъ рѣдко прощалъ лицъ, о которыхъ ему докладывали, что они проматывали общественныя суммы".

Матюрина пережила Генриха IV и фигурировала при дворѣ его преемника. Въ 1622 году, она все еще считалась въ штатѣ короля, но уже получала пенсію въ 1.200 ливровъ, что являлось въ то время значительною суммою. Ее очень хорошо знали въ Парижѣ и когда она выходила на улицу, то мальчишки бѣжали за ней и кричали:

— Ага, Матюрина-юродивая!

Дѣйствительно, она появлялась на улицѣ въ самомъ странномъ костюмѣ амазонки, вооруженной съ головы до ногъ.

Даже послѣ смерти Матюрины въ 1627 г. еще долго помнили о юродивой Генриха III, Генрихъ IV и Людовика III. Когда въ 1657 году королева Христина Шведская, дочь великаго Густава, утомленная бременемъ власти, оставила свое государство и поселилась во Франціи, въ Фонтенебло, гдѣ она съ совершеннымъ спокойствіемъ приказала умертвить своего шталмейстера Монольдени,

котораго она считала виновнымъ, но вслѣдствіе этого общественное мнѣніе до такой степени вооружилось противъ нея, что власти стали опасаться ея пріѣзда въ Парижъ и придумали выдать ее за воплощеніе Матюрины юродивой съ тѣмъ, чтобы заставить королеву удалиться изъ столицы, какъ только она туда пріѣдетъ. Записки одного голландскаго путешественника, бывшаго въ то время во Франціи, о чемъ упоминаетъ Ахиллъ Жюбиналь въ своихъ „*Письмахъ къ Сальванди*“ (1846 г.), даютъ по этому поводу весьма любопытныя подробности:

„Пятаго декабря (1657) мы узнали, что здѣсь (въ Парижѣ) приготовили хорошенькое сочиненіе для угощенія королевы Христины, если она только сюда явится. Заглавіе его слѣдующее: „*Переселеніе души королевы Христины*“. Въ этомъ сочиненіи королевѣ Христинѣ приписываютъ обладаніе множествомъ прекрасныхъ душъ и въ томъ числѣ душею Семирамиды. *Послѣдняя-же душа это была душа Матюрины, этой забавной юродивой прежняго царствованія.* Но теперь, такъ какъ королева раздумала ѣхать въ Парижъ, то кардиналъ Мазарини приказалъ сказать автору, чтобы онъ оставилъ королеву въ покоѣ. Но если бы она пріѣхала, то это сочиненіе было-бы напечатано для того, чтобы заставить ее покинуть Парижъ.

Сибило и Матюрина юродивая раздѣляли вмѣстѣ съ Шико великую честь носить шутовской жезлъ при дворѣ Генриха III.

Шико, гасконскій дворянинъ, воспитанный въ домѣ Вилльяръ Бранка, сначала былъ солдатомъ, а затѣмъ, по словамъ Жаля, былъ отданъ Карлу IX съ 1572 года. Но что совершенно вѣрно, такъ это то, что онъ былъ преданнымъ слугою партіи Гизовъ и лиги и игралъ дѣятельную роль въ ужасной ночи 22-го августа 1572 г. когда половина парижскаго населенія обезумѣвшая отъ ненависти и фанатизма бросилась на другую половину, такъ что весь городъ представлялъ обширное поле рѣзни.

Г. В. Кудашевъ

Шико съ бандою убійцъ, которыми командовалъ его братъ, капитанъ Раймондъ, ворвался въ отель де-Ла-Рошфуко, друга Телиньи *), одного изъ самыхъ блестящихъ молодыхъ гугенотовъ, которые со времени брака Генриха Наваррскаго и Маргариты де-Валуа, составляли интимный кружокъ Карла IX. Раймондъ совершенно спокойно перерѣзалъ горло Ла-Рошфуко на глазахъ у шута.

Въ царствованіе Генриха III. Шико фигурировалъ нѣсколько разъ въ каскѣ и въ кирассѣ между самыми ярыми бойцами религіозныхъ войнъ. Это не былъ обыкновенный шутъ, какъ Трибулэ или какъ Брюскэ, не былъ человѣкъ съ умомъ, который откровенно говорилъ со всѣми. Онъ былъ солдатомъ въ своей молодости и до смерти сохранилъ нравъ и привычки этого званія. Легенда, приписанная Шико въ двухъ романахъ Александра Дюма „La dame de-Monsereau“ и въ „Quarante cinq“, представляетъ его, какъ очень опытнаго совѣтника и храбраго и преданнаго слугу, дававшему своему государю, Генриху III, самые лучшіе совѣты, которымъ король, однако, невсегда слѣдовалъ,—но не какъ шута, который старается только насмѣшить присутствующихъ. Кромѣ того его называли *„капитанъ Шико“* тогда какъ шутамъ, состоящимъ на оффиціальной службѣ, никогда не давали такихъ прозвищъ.

*) Лун де-Телиньи приходился зятемъ адмиралу де-Колиньи, вождю партіи Гугенотовъ и который пользовался славою самого безупречнаго человѣка XVI столѣтія.—Извѣстно, что послѣ Сенъ-Жерменскаго договора, которымъ окончилась въ 1570 году третья религіозная война, и для того, чтобы укрѣпить союзъ между католиками и протестантами, былъ рѣшенъ бракъ между Маргаритою Валуа, извѣстной подъ именемъ королевы Марго, сестры Карла IX. съ Генрихомъ Наваррскимъ. Гугеноты собрались со всѣхъ сторонъ королевства на брачное празднество, которое совершались 18-го августа 1572. Полгода спустя, разразилась Варооломеевская ночь.

Шико до того былъ преданъ Лотарингскому дому, что даже пытался, какъ это предполагаютъ, предупредить Генриха Рубца въ роковое утро 23-го декабря 1588 г., стараясь отклонить его явиться на зовъ Генриха III. *) Этотъ фактъ кажется слишкомъ маловѣроятнымъ.

Шико никакъ не могъ знать о приготовлявшейся трагедіи. Генрихъ III, какъ извѣстно, никому не довѣрялъ своего плана, такъ что даже его мать, Екатерина Медичи, которой онъ могъ вполнѣ довѣриться и та ничего не знала объ этомъ; слѣдовательно, можно быть вполнѣ увѣреннымъ, что король, ни въ какомъ случаѣ, не сталъ бы довѣрять человѣку, который былъ на сторонѣ его страшнаго противника. Слова, которыя приписываютъ Шико въ данныхъ обстоятельствахъ, хотя и дѣйствительно, были имъ произнесены, но не произвели никакого дѣйствія и не могли остановить герцога, который оставался глухимъ къ совѣтамъ болѣе прямымъ и болѣе яснымъ.

Но какъ бы то ни было, Шико пользовался большими милостями у короля Генриха III и вмѣстѣ съ Матюриною юродивой перешелъ къ Генриху IV, точно эти оба лица составляли часть королевской обстановки. Его старыя убѣжденія, какъ члена лиги, легко согласовались съ религіозными убѣжденіями его новаго государя; онъ употреблялъ всѣ усилія, чтобы заставить Генриха IV *сдѣлать опасный шагъ*, **) если вѣрить словамъ Л'Этуаля:

*) Въ то время, какъ герцогъ Гизъ поднимался по лѣстницѣ замка Блуа, чтобы пройти въ королевскій кабинетъ, гдѣ его ожидали, чтобы его убить. Луоньякъ, Сентъ-Малинь и другіе *сорокъ пять* герцогъ встрѣтилъ на лѣстницѣ Шико, сидѣвшаго на ступенькахъ и чистившаго свою шпагу. «Что ты тамъ дѣлаешь, Шико?—спросилъ его герцогъ.—А я натачиваю (jiaiguise) отвѣтилъ шутъ.

**) Извѣстно, что именно въ такихъ выраженіяхъ Генрихъ IV

„Король любилъ Шико, не смотря на его безуміе и не находилъ ничего дурного въ его рѣчахъ. Когда герцогъ Пармскій (Александръ Фарнезо, губернаторъ испанскихъ Нидерландовъ, который пріѣхалъ въ первый разъ во Францію еще въ 1590 году, по приказанію Филиппа II, чтобы заставить Генриха IV снять осаду съ Парижа) пріѣхалъ во Францію во второй разъ въ 1593 году, *) то Шико сказалъ королю въ присутствіи всѣхъ придворныхъ:

„Господинъ мой другъ, вижу, что изъ всѣхъ твоихъ дѣлъ ничего не выйдетъ до тѣхъ поръ, пока ты не примешь католичества. Тебѣ необходимо ѣхать въ Римъ, получить благословеніе отъ папы и что бы всѣ это видѣли, иначе никто не повѣритъ, что ты сдѣлался католикомъ; потомъ тебѣ необходимо очиститься святою водою отъ твоихъ остальныхъ грѣховъ."

Конечно, это было смѣло сказано, но это дѣлаетъ честь уму Шико и доказываетъ, что онъ отрекся отъ фанатизма религіозныхъ войнъ и примкнулъ къ партіи *политиковъ*, т. е., къ партіи такихъ людей, которые думали единственно только о спасеніи Франціи, утомленной междуусобными войнами, длившимися въ теченіи тридцати лѣтъ; эти люди полагали, что обращеніе въ католичество Генриха IV было самымъ вѣрнымъ средствомъ прекратить эти смуты и волненія.

Если Шико далъ дѣйствительно хорошій совѣтъ королю, то и послѣдняго можно поздравить съ тѣмъ, что онъ съумѣлъ послѣдовать этому совѣту. Послѣдующія событія показали, что шутъ говорилъ по этому поводу,

---

объявилъ Габріэлѣ Д'Эстрэ свое намѣреніе отречься отъ кальвинизма и вернуться на лоно католической церкви въ воскресенье 25-го Іюля 1593 года.

*) Для того, чтобы принудить Генриха IV снять осаду съ Руана, второй столицы лиги.

какъ самый умный человѣкъ въ Европѣ и совершенно вѣрно предсказалъ, что только одно обращеніе Генриха IV въ католичество откроетъ ему ворота всѣхъ городовъ Франціи. Но самому Шико не удалось дожить до великаго акта 25-го Іюля 1593 года, вслѣдствіе котораго Беарнеецъ,сдѣлавшись католикомъ, вступилъ во владѣніе своимъ королевствомъ по дорогамъ котораго онъ бродилъ какъ авантюристъ. Королевскій шутъ умеръ отъ раны, полученной имъ при осадѣ Руана въ 1592 г. и притомъ при самыхъ странныхъ обстоятельствахъ. По своей привычкѣ Шико не щадилъ своей особы во время осады города королевскими войсками. Шуту удалось взять въ плѣнъ графа де Шалиньи, одного изъ главныхъ офицеровъ лиги и, представляя его Генриху IV, Шико сказалъ:

— Слушай, я отдаю тебѣ этого плѣнника, который въ сущности принадлежитъ мнѣ.

При этихъ словахъ графъ де Шалиньи тотчасъ догадался, что это былъ Шико, такъ какъ одинъ только шутъ могъ говорить съ королемъ съ такою смѣлостью и оскорбленный тѣмъ, что сдѣлался плѣнникомъ шута, бросился на послѣдняго, выхватилъ изъ рукъ Шико только что отданную ему шпагу и нанесъ *) шуту

---

*) Карлъ Лотарингскій, герцогъ Майэнскій, второй сынъ Франциска Гизъ, родился въ 1554 году, а умеръ въ 1611. Онъ былъ братомъ Генриха Рубца и кардинала Луи Лотарингскаго. Послѣ трагедіи, происшедшей въ Блуа, онъ принялъ титулъ вождя лиги, а позднѣе титулъ генеральнаго намѣстника французскаго королевства, послѣ смерти Генриха III. Онъ-то и сражался противъ Генриха IV при Аркѣ и при Иври. Но несмотря на свои неоспоримые военные таланты, онъ не могъ поднять лигу, которая потеряла всякое вліяніе, вслѣдствіе своей тираніи и насилія Комитета Шестнадцати, который въ то же время былъ и Комитетомъ Спасенія отъ всѣхъ ужасовъ шестнадцатаго столѣтія, съ тою только разницею, что эти Шестнадцать не защищали своей страны противъ иностранцевъ, а напротивъ того, были вполнѣ расположены предать ее Испаніи.

сильный ударъ въ лицо, такъ что тотъ, опасно раненный, былъ отнесенъ въ Понъ-де-Л'Аршъ.

Въ той палатѣ, въ которой помѣстили раненнаго шута, лежалъ также и умирающій солдатъ. Мѣстный кюрэ, приглашенный для напутствія, отказался дать отпущеніе грѣховъ этому солдату, потому что онъ находился на службѣ у гугенотскаго короля. Шико вскочилъ съ постели и такъ накинулся на этого кюрэ, называя его другомъ герцога Майэнскаго *), что такое усиліе, при его болѣзненномъ состояніи, стоило ему жизни; два дня спустя, онъ умеръ. Онъ скончался преданнымъ роялистомъ, служивъ королю Генриху IV, какъ вѣрный солдатъ и какъ умный совѣтникъ. Такой конецъ *капитана Шико* доказываетъ, что въ этомъ человѣкѣ совершенно исчезъ шутъ, а остался только доблестный слуга государя, которому дѣлаетъ честь, что онъ съумѣлъ окружить себя такими преданными людьми. Читая эти подробности о кончинѣ Шико, нельзя не сомнѣваться, что тутъ идетъ дѣло о преемникѣ регистратора Лоррэса и Сибилло. Вообще, такъ не умирали оффиціальные придворные шуты.

VII.

Оффиціальные королевскіе шуты.—Мэтръ Гильомъ.—Акгулеванъ.—Марэ.—Жанъ Дусэ.—Л'Анжело.—Послѣдніе придворные шуты прежней династіи.—Шуты во времена Директоріи.

Послѣ смерти Шико, при дворѣ Генриха IV былъ настоящій шутъ, забавный и веселый, но простоватый и ограниченный. Онъ напоминалъ *Капитана Шико* только тѣмъ, что, подобно ему, былъ ревностнымъ приверженцемъ лиги и ненавидѣлъ протестантовъ. Сначала онъ былъ аптекаремъ въ городѣ Лувьэ и назывался Гильомъ Маршанъ или Ле Маршанъ. Во время взятія Лувьэ войсками Генриха IV въ 1591 году, Гильомъ былъ раненъ въ голову ударомъ алебарда и это, вѣроятно, имѣло вліяніе на

его умственныя способности; послѣ этого онъ поступилъ на службу въ качествѣ шута къ молодому кардиналу де-Бурбонъ, второму сыну принца Луи де-Кондэ и племяннику второго кардинала де-Бурбонъ, котораго лига, послѣ смерти Генриха III въ 1589 году, привѣтствовала, какъ Карла X, но который до своей смерти находился въ заключеніи, благодаря неусыпнымъ стараніямъ Дюплеси Морней, губернатора Анжера.

Со службы кардинала Мэтръ Гильомъ перешелъ на службу къ королю Генриху IV, котораго онъ забавлялъ своими остротами; нѣкоторыя изъ нихъ напоминали легендарную тонкость ума нормандскаго крестьянина. Онъ никогда не задумывался надъ отвѣтами, хотя, повидимому, вопросы присутствующихъ должны были привести его въ смущеніе. Въ этомъ отношеніи, замѣчателенъ былъ споръ, происходившій между Мэтромъ Гильомомъ и кардиналомъ Дю-Перрономъ.

Мэтръ Гильомъ какъ-то вздумалъ похвастаться, что былъ въ ковчегѣ во время потопа вмѣстѣ съ Ноемъ, его женою и его дѣтьми.

— Ты городишь вздоръ, — замѣтилъ на это кардиналъ. Въ ковчегѣ былъ только Ной со своею женою, со своими тремя сыновьями и ихъ женами. Конечно, ты не былъ Ноемъ?

— Весьма понятно, что нѣтъ! — отвѣчалъ Мэтръ Гильомъ.

— И не его женою?

— Думаю, что нѣтъ!

— И ни однимъ изъ его сыновей?

— Конечно, нѣтъ!

— Тогда не былъ-ли ты женою одного изъ сыновей Ноевыхъ?

— Если-бы это было такъ, то я помнилъ-бы это.

— Тогда ты былъ однимъ изъ скотовъ, потому что тамъ

кромѣ Ноя и его семьи не было ни одного человѣка, кромѣ безсмысленныхъ животныхъ.

Такіе логичные доводы, казалось, нѣсколько смутили шута, но помолчавъ немного, онъ отвѣтилъ:

— Когда говорятъ о господахъ, то обыкновенно умалчиваютъ о слугахъ, а я и былъ однимъ изъ слугъ Ноя.

Метръ Гильомъ пережилъ Генриха IV и служилъ еще и при Людовикѣ XIII.

Есть основаніе предполагать, что Метръ Гильомъ пользовался нѣкоторою популярностью, такъ какъ отъ его времени сохранились 72 брошюрки, въ которыхъ заключались шутовскіе діалоги и насмѣшливыя стихотворенія противъ современныхъ богачей и знати; всѣ эти брошюрки приписаны ему, или украшены его именемъ. Реньэ, одинъ изъ замѣчательныхъ литераторовъ того времени, напечаталъ подъ именемъ этого популярнаго шута свою 14-ую сатиру.

У Метра Гильома при дворѣ Генриха IV былъ еще и товарищъ, по имени Николай Жуберъ, прозванный господиномъ д'Ангулеванъ, который въ тоже время былъ и предсѣдателемъ того веселаго „общества глупцовъ," которое образовалось въ Парижѣ въ началѣ XVII столѣтія для представленія на открытыхъ сценахъ разныхъ пьэсъ, возбуждавшихъ смѣхъ. Это братство часто соединялось для своихъ представленій съ кружкомъ клерковъ главнаго Парижскаго суда; часто подобныя представленія превращались въ настоящія сатурналіи. Одинъ неизданный журналъ, писанный въ царствованіе Генриха IV и сохранившійся въ національной библіотекѣ, разсказываетъ, что Николай Жуберъ, князь глупцовъ, подалъ жалобу на одного цирюльника, своего сосѣда, что тотъ его жестоко высѣкъ розгами. Но было постановлено, что князь глупцовъ вполнѣ былъ достоинъ такого наказанія, потому что онъ позволилъ себѣ жестокое обращеніе съ названнымъ цирюльникомъ

и потому нашли, что онъ былъ *хорошо высѣченъ*. Въ томъ же самомъ журналѣ разсказывается о тяжбахъ князя глупцовъ съ обществомъ братства Страстей Господнихъ, которое одновременно съ клерками и съ „обществомъ глупцовъ“ давало театральныя представленія религіозно-нравственнаго содержанія въ Бургонскомъ Отелѣ.

Ангулеванъ хотѣлъ получить право на ложу въ Бургонскомъ Отелѣ, чтобы входить въ нее черезъ парадный подъѣздъ и предсѣдательствовать въ собраніи владѣльцевъ, администраторовъ и комедіантовъ этого отеля. Однажды, вышло дѣло такъ, что князь глупцовъ не заплатилъ по обязательствамъ и кредиторъ распорядился, чтобы описали его ложу.

Ангулеванъ жаловался на это парижскому прэво, такъ какъ ложа въ Бургонскомъ Отелѣ не подлежала описи. Что же касается до его личнаго задержанія, чего также желалъ кредиторъ, то и это было незаконно, потому что онъ, Ангулеванъ, носилъ титулъ князя; прэво вполнѣ былъ съ этимъ согласенъ и принялъ во вниманіе жалобу Николая Жубера. Тогда кредиторъ обратился въ парижскій парламентъ. Эта жалоба разсматривалась въ высшемъ судѣ во вторникъ на маслянницѣ 1608 г. Парламентъ, посмѣявшись надъ этимъ масляничнымъ процессомъ, отказалъ кредитору въ его искѣ и утвердилъ рѣшеніе первой инстанціи.

Но Ангулеванъ не ограничивался только тѣмъ, что выигрывалъ процессы, онъ старался имѣть успѣхи и при дворѣ, со времени вступленія на престолъ Генриха IV, но ему часто приходилось разочаровываться въ своихъ надеждахъ. По словамъ Л'Этуаль, въ четвергъ, 22-го января 1604 года, въ то время, какъ Генрихъ IV выходилъ изъ Лувра, вмѣстѣ со своимъ духовникомъ, отцомъ Коттономъ, *) Ангулеванъ, снявъ свой колпакъ, закри-

*) Пьеръ Коттонъ, іезуитъ, родился въ 1564 году въ Неронд'ѣ

чалъ: „Да здравствуетъ король и отецъ Коттонъ“! Одинъ изъ дворянъ, сопровождавшихъ короля, ударилъ Жубера палкою, чтобы научить его относиться съ уваженіемъ къ королевскому величеству.

Ангулеванъ былъ, конечно, счастливѣе въ своихъ усиліяхъ понравиться королю Людовику XIII, хотя онъ и не считался на королевской службѣ. Сынъ Генриха IV любилъ окружать себя шутами, хотя онъ вовсе и не былъ скучающимъ человѣкомъ, какъ любятъ его изображать нѣкоторые лѣтописцы. Онъ помогалъ Ришелье управлять Франціею и „возвышать имя короля въ иностранныхъ націяхъ“. Но онъ часто предавался меланхоліи, что, вѣроятно являлось слѣдствіемъ его здоровья *): онъ любилъ слушать остроты и смотрѣть на балагурства шутовъ, что нѣсколько разгоняло его мрачныя мысли. Кажется, что онъ не отпускалъ отъ себя шутовъ, даже и въ тѣ часы, когда у него происходили совѣщанія о серьезныхъ дѣлахъ королевства съ государственными людьми, такъ что Сюлли не замедлилъ удалиться въ свое имѣніе, сказавъ при этомъ королю:

— Государь, когда король, вашъ родитель, блаженной памяти, удостоивалъ меня чести и совѣщался со

(Луара). а умеръ въ Парижѣ въ 1629 и былъ призванъ ко двору Генриха IV маршаломъ Ледигьеромъ. Король. вѣроятно, забылъ, что іезуиты какъ то подослали къ нему убійцу, принялъ Коттона очень ласково и сдѣлалъ его своимъ духовникомъ въ 1604. Ловкій послѣдователь Лойолы съумѣлъ пріобрѣсти довѣріе короля и добился того что Генрихъ IV дозволилъ вернуться во Францію ордену іезуитовъ, изгнанному въ 1594 году.

*) Людовикъ XIII отъ природы былъ крѣпкаго здоровья, но страшное лѣченіе врачей тогдашняго времени совершенно истощило его силы. Въ теченіе одного года его лейбъ-медикъ, Буваръ, *сорокъ семь разъ* дѣлалъ ему кровопусканіе; *двѣсти двѣнадцать разъ* давалъ ему слабительное и *двѣсти пятнадцать разъ* промывательное! Несчастный король умеръ сорока двухъ лѣтъ отъ роду. Но какое крѣпкое тѣлосложеніе могло устоять противъ такого лѣченія *Мольеровскихъ врачей?*

мною о государственныхъ дѣлахъ, то прежде всего удалялъ изъ комнаты шутовъ и скомороховъ.

Неизвѣстно произвелъ ли на Людовика XIII этотъ вполнѣ заслуженный урокъ какое либо впечатлѣніе и пересталъ-ли онъ присоединять къ своимъ министрамъ шутовъ и скомороховъ и сажать послѣднихъ за столъ совѣщаній. Но извѣстно, что въ тотъ день, когда Сюлли высказался такъ откровенно, король не удалилъ изъ комнаты своихъ любимцевъ.

Рядомъ съ Гильомомъ и Жубероме, при дворѣ Людовика XIII является еще одинъ шутъ, а именно Марэ, о которомъ говоритъ Таллеманъ въ своихъ „Исторійкахъ“ (Historiettes) *); какъ кажется у этого Марэ было достаточно ума и смѣтки.

„Людовикъ XIII, разсказываетъ Таллеманъ, прискучивъ безпорядочною жизнью Мулиньэ и Жюстиса, своихъ двоихъ музыкантовъ изъ придворнаго хора, приказалъ наказать ихъ тѣмъ, чтобы имъ давать только половинное содержаніе. Марэ, узнавъ объ этомъ, взялся имъ помочь. Онъ провелъ ихъ во дворецъ къ утреннему пріему короля; въ то время, какъ его величество былъ еще занятъ своимъ туалетомъ, эти оба музыканта стали плясать передъ королемъ въ маскахъ и въ крайне оригинальныхъ костюмахъ: на одномъ изъ нихъ была только исподняя одежда и не было верхней, а на другомъ была только верхняя и не было исподней.

— Что это значитъ? — спросилъ удивленный король.

— Ваше величество, — отвѣчали музыканты, — кто по-

---

*) Гедеонъ Таллеманъ дэ-Рео, братъ Франциска Таллемана дэ-Рео, въ продолженіи двадцати четырехъ лѣтъ былъ придворнымъ священникомъ Людовика XIV, онъ родился въ 1619 году, а умеръ въ концѣ семнадцатаго столѣтія. Онъ разсказываетъ много интересныхъ анекдотовъ и исторій, изъ которыхъ нѣкоторые невсегда отличаются скромнымъ содержаніемъ.

лучаетъ половинное содержаніе, тотъ можетъ и одѣваться только на половину.

Король засмѣялся и простилъ провинившихся музыкантовъ.

Таллеманъ дэ-Рео разсказываетъ еще о другой чертѣ характера Марэ. Такъ однажды у покойнаго короля былъ покойный д'Эпернонъ. Король обратился къ Марэ и приказалъ ему, указывая на герцога:

— Покажи намъ, каковъ онъ бываетъ, когда или сердитъ, или боленъ.

Шутъ повиновался и голосомъ д'Эпернона закричалъ:

— Позвать сюда моего шута Блэза!

— Ваша свѣтлость, это никакъ невозможно...

— Для лица въ моемъ положеніи все возможно?

— Ваша свѣтлость, онъ умеръ два мѣсяца тому назадъ.

— Все равно, скажите, чтобы онъ ко мнѣ явился!

Герцогъ д'Эпарнонъ, присутствуя при этой сценѣ, смѣялся изъ приличія; когда же король вышелъ изъ комнаты, Марэ поспѣшилъ извиниться передъ герцогомъ.

— Ничего,—сказалъ герцогъ, вы шутъ какихъ мало.

А между тѣмъ, герцогъ д'Эпернонъ былъ однимъ изъ самыхъ знатныхъ вельможъ Франціи; онъ былъ пэромъ, адмираломъ, генералъ-полковникомъ французской инфантеріи, губернаторомъ Меца и пр. и все же извинилъ Марэ его дерзость; но Ришелье былъ менѣе снисходителенъ къ этому шуту. Однажды Ришелье зашелъ къ королю, какъ разъ въ то время, когда онъ былъ занятъ бритьемъ бороды своего шута. Конечно, король производилъ эту операцію очень плохо. Когда бритье кончилось, король спросилъ съ шута постановленную плату за бритье.

Шутъ высыпалъ мелочью пятнадцать су.

— Этого мало,—замѣтилъ король.

— Если въ другой разъ будете лучше брить, то я вамъ дамъ и тридцать...—отвѣчалъ шутъ.

Такой отвѣтъ показался кардиналу очень дерзкимъ и онъ удалилъ шута отъ двора; только послѣ смерти кардинала, Марэ опять попалъ въ королевскіе шуты.

Кромѣ этихъ названныхъ шутовъ у Людовика XIII былъ еще шутъ, Жанъ Дусэ, котораго онъ самъ отыскалъ совершенно случайно въ одной деревушкѣ близъ Сенъ-Жермена. По словамъ Таллемана дэ-Рео, эта встрѣча короля съ простымъ мужикомъ была совершенно случайная; король обратился къ крестьянину съ нѣсколькими вопросами, на которые мужикъ отвѣчалъ толково, хорошо и нисколько не стѣсняясь; наконецъ, крестьянинъ задалъ королю самъ слѣдующій вопросъ.

— А что тамъ у васъ хлѣба такіе же хорошіе, какъ и у насъ, или по плоше?

Этотъ вопросъ такъ понравился королю, что онъ увезъ крестьянина вмѣстѣ съ собою въ Сенъ-Жерменъ. Тамъ король сталъ играть съ мужикомъ въ камешки (pierrette) и выигралъ съ него десять су; проигрышъ привелъ Жана Дусэ въ величайшее негодованіе; король же былъ такъ доволенъ своимъ выигрышемъ, что пошелъ показать его Ришелье. Дусэ былъ оставленъ при дворѣ. Однажды король подарилъ ему двадцать червонцевъ, Дусэ взвѣсилъ ихъ на рукѣ и сказалъ:

— Ахъ, государь, эти деньги опять вернутся къ вамъ въ видѣ налога!

Ему сшили нѣчто въ родѣ женскаго платья свѣтло-краснаго цвѣта, отдѣланное позументами и отпустили его въ деревню съ тѣмъ, чтобы онъ приходилъ къ королю два раза въ недѣлю. Однажды, онъ явился къ королю не въ этой одеждѣ, ссылаясь на то, что былъ праздникъ и что въ церкви народъ вмѣсто того, чтобы молиться Богу, смотрѣлъ только на его яркій костюмъ. Семья Дусэ получила отъ короля нѣкоторыя льготы. Кажется, этотъ шутъ умеръ почти въ одно время съ королемъ. Его племянники, извѣстные подъ именемъ *Жановъ Дусэ* хотѣли занять его мѣсто.

Но это были очень плохіе шуты. Вѣроятно, Севиньэ имѣла въ виду именно этихъ шутовъ, когда писала письмо Бюсси Рабутэнъ *) отъ 18-го марта 1678 г. Она ихъ сравниваетъ довольно страннымъ образомъ съ Буало и Расиномъ, которые слѣдовали за арміею Людовика XIV въ качествѣ исторіографовъ во время войны съ Голландіею: „Они удивляются этимъ несмѣтнымъ легіонамъ и ихъ утомленію. Мнѣ кажется, что у нихъ видъ, напоминающій Жановъ Дусэ!“

Жанъ Дусэ не считался оффиціальнымъ придворнымъ шутомъ, такъ какъ онъ являлся ко двору всего только два раза въ недѣлю. Послѣдній шутъ, занимавшій эту должность, былъ знаменитый Л'Анжели или Ланжели, о которомъ говоритъ Буало въ своей первой сатирѣ, озаглавленной: *Отъѣздъ Поэта* (сатира I стихъ 109):

Un poëte à la cour fut jadis à la mode;
Mais des fous aujourd'hui c'est le plus incommode,
Et l'esprit le plus beau, l'auteur le plus poli,
N'y parviendra jamais au sort de l'Angely **)...

Первая сатира была написана Буало въ 1660 году. Изъ этого можно предположить, что въ то время Л'Анжели пользовался при дворѣ наибольшею милостью. Г. Жаль, однако, полагаетъ совершенно противоположное обществен-

*) Рожэ. графъ де-Бюсси Рабутэнъ. двоюродный братъ Севиньэ. родился въ 1618 г. умеръ въ 1693. Онъ бросился въ фронду и сражался противъ королевскихъ войскъ. Когда онъ снова пріобрѣлъ милость короля. то все же никакъ не могъ долго сохранить ее. потому что опять впалъ въ опалу. такъ какъ воспѣвалъ любовныя похожденія Людовика XIV. Онъ оставилъ нѣчто въ родѣ хроники нравовъ своего времени и *Письма*, которыя стоятъ много ниже писемъ его знаменитой родственницы.

**) При дворѣ поэты были когда то въ модѣ;
Но нынѣшніе шуты это нѣчто неудобное.
И самый свѣтлый умъ. самый лучшій писатель
Никогда не достигнетъ участи Л'Анжели...

ному мнѣнію, что Л'Анжели принадлежалъ къ состоятельной семьѣ, но занимавшей очень скромное общественное положеніе. Его отецъ былъ придворный портной. Вся семья портного была въ близкихъ сношеніяхъ со слугами отеля Кондэ; у одного изъ родственниковъ этого Филиппа Ланжели была дочь, которую крестилъ нѣкто Этьэнн де-Люппъ, конюшій принца де-Конти. Вѣроятно, черезъ посредство этого лица, Л'Анжели былъ введенъ въ домъ принца, гдѣ онъ служилъ сначала при конюшнѣ. Герцогъ Энгьенскій, позднѣе великій Кондэ, въ 1643 году увезъ его съ собою въ армію, которая держала славную побѣду при Рокруа; герцогъ нашелъ Л'Анжели очень остроумнымъ и оставилъ его у себя въ должности шута. Л'Анжели не покидалъ своего господина даже и во время фронды *). Послѣ второй изъ этихъ междуусобныхъ войнъ онъ подарилъ этого шута Людовику XIV. Но шутъ не былъ въ убыткѣ отъ такой перемѣны. При дворѣ ему повезло счастье. Ему всѣ дарили деньги; одни для того, чтобы вознаградить его за тѣ веселыя минуты, которыя онъ имъ доставлялъ своими шутками, другіе для того, чтобы купить его молчаніе и чтобы избавиться отъ его шутокъ, которыя представляли этихъ людей въ смѣшномъ видѣ. Онъ почти всегда присутствовалъ при обѣдѣ Людовика XIV, стоя

*) Извѣстно, что подъ именемъ Фронды означаются двѣ междуусобныя войны, которыя волновали Францію съ 1648 г. до конца 1652, т. е. во время малолѣтства Людовика XIV и управленія Мазарини. Наиболѣе важною считается только одна, такъ называемая *парламентская Фронда*. Тутъ старались раздѣлить верховную власть между королемъ и парламентомъ. Вторая, называемая *Фрондою Принцевъ* представляла весьма обыкновенное возмущеніе знати, которое часто происходило во время и предыдущихъ царствованій. Современники не смотрѣли на эти войны, какъ на что-либо серьезное и дали имъ названіе Фронды, сравнивая ихъ съ дѣтскою игрою, носившею такое же названіе и которая была въ то время въ большой модѣ въ Парижѣ.

за его кресломъ; оттуда онъ стрѣлялъ своими остротами по адресу присутствующихъ и совершенно безнаказанно, потому что всѣ его боялись. По этому поводу Менажъ говоритъ: „Однажды я обѣдалъ у короля, тутъ-же былъ и Л'Анжели, но я съ нимъ ничего не говорилъ, потому что не хотѣлъ слышать отъ него что нибудь непріятное".

Человѣкъ, котораго Анжели не переставалъ затрогивать своими шутками былъ Гильомъ Ботрю, нѣчто въ родѣ bel esprit, который постоянно сыпалъ шутками и остротами, это продолжалось въ теченіе пятидесяти лѣтъ; онъ постоянно былъ въ большей дружбѣ со знатью и съ министрами. Разыгрывать роль шута въ обществѣ было очень выгодно. Ботрю обязанъ этому тѣмъ, что сдѣлался графомъ де Серапъ, посланникомъ въ Голландіи, потомъ въ Испаніи и затѣмъ въ Англіи и былъ даже однимъ изъ первыхъ *сороки* французской Академіи. Однажды Л'Анжели былъ въ одномъ обществѣ, забавляя его своими шутками, какъ вошелъ Ботрю. Лишь только Л'Анжели замѣтилъ, какъ сказалъ: „Вы пришли очень кстати, чтобы мнѣ помочь, я уже начинаю уставать, потому что совершенно одинъ занимаю все общество!" Ботрю прошелъ мимо шута, не возразивъ ничего на его восклицаніе; вообще, онъ относился къ этому шуту съ презрѣніемъ и никогда не отвѣчалъ на его выходки.

Л'Анжели, шутъ Людовика XIV.

Вообще, Л'Анжели преслѣдовалъ всю семью Ботрю.

Онъ дурно обращался и съ графомъ де-Ножанъ, братомъ Ботрю. Однажды графъ де-Ножанъ явился на обѣдъ къ королю, входя со шляпою въ рукѣ и съ самымъ почтительнымъ видомъ; Л'Анжели подошелъ къ нему, надѣлъ на голову свой шутовской колпакъ и сказалъ: „Надѣньте наши головные уборы, это не можетъ имѣть для васъ никакихъ послѣдствій".

Къ несчастью для Л'Анжели не всѣ лица, которыхъ онъ избралъ мишенью для своихъ насмѣшекъ, принимали это такъ равнодушно, какъ Ботрю. Говорятъ, что графъ де-Ножанъ умеръ отъ горя, что его сравнили съ Л'Анжели, въ присутствіи короля. Другія лица, менѣе чувствительныя, но болѣе мстительныя, до такой степени вели удачно свои интриги, что добились высылки шута, которому пришлось размышлять въ уединеніи о той опасности, которой подвергаются люди, когда осмѣливаются задѣвать самолюбіе сильныхъ міра сего.

Л'Анжели былъ послѣднимъ оффиціальнымъ шутомъ. Людовикъ XIV не замѣнялъ его никѣмъ; у этого монарха уже болѣе не было и тѣхъ случайныхъ шутовъ, какъ напримѣръ, Жанъ-Дусэ, если только не считать королевскимъ шутомъ Дюфрени *), принимая за серьезное слова

*) Шарль Ривьэръ Дюфрени родился въ Парижѣ въ 1648 году, а умеръ въ 1724 году; онъ происходилъ, какъ говорятъ, отъ *Прекрасной Садовницы Анэ*. Онъ былъ очень искусенъ въ начертаніи распланировки садовъ и первый ввелъ въ моду англійскіе сады, которые замѣнили, такъ называемые французскіе. Людовикъ XIV очень любилъ его и сдѣлалъ его смотрителемъ королевскихъ садовъ, давъ ему привилегію на фабрикацію зеркалъ. Но онъ былъ игрокъ и вольнодумецъ. Онъ продалъ и свое мѣсто и свою привилегію и кончилъ тѣмъ, что сталъ писать комедіи, блиставшія умомъ и веселостью. Онъ женился на своей прачкѣ, потому что у ней были небольшія сбереженія. Когда онъ доложилъ Людовику XIV о своемъ намѣреніи жениться и удалиться отъ двора, то король сказалъ: «А кто будетъ потѣшать меня и заставлять смѣяться отъ души»? Послѣ небольшой паузы король опять сказалъ: «Хорошо, уходи, но только когда у тебя

Вобона. За ужиномъ послѣ взятія Лилля, во время войны *деволюціи* или *правъ королевы*, въ концѣ августа 1667 года, Людовикъ XIV приказалъ Дюфрени спѣть какую нибудь пѣсню въ честь успѣховъ французскаго оружія. Дюфрени не умѣлъ прославлять Марса, и предпочелъ спѣть пѣсню „Сборъ винограда“ и всѣ ей апплодировали.

— Кто этотъ красивый юноша? спросила одна дама у Вобана.

— Этотъ красивый юноша, — отвѣтилъ важный инженеръ—шутъ короля.

— Вобанъ правъ,—прибавилъ Людовикъ XIV, схвативъ на лету отвѣтъ Вобана; — помни всегда Шарло, что ты шутъ короля. Одинъ шутъ не очень много на столькихъ умныхъ людей.

Но то, что при дворѣ не было болѣе шутовъ, это объясняется общимъ прогрессомъ въ улучшеніи нравовъ, введеніемъ при дворѣ самой утонченной вѣжливости, развитіемъ вкуса въ выборѣ зрѣлищъ и развлеченій; но все-же нельзя сказать, чтобы шуты и скоморохи совершенно исчезли-бы съ лица земли и что восемнадцатый вѣкъ не имѣлъ о нихъ понятія. Принцы крови и знатные люди еще сохранили привычку держать шутовъ и скоморохов въ числѣ своей прислуги. Дофинъ, сынъ Людовика XIV, держалъ у себя шута, по имени Маранзака, который въ 1711 году, послѣ смерти принца, перешелъ на службу къ герцогинѣ Бурбонъ-Кондэ; она такъ забавлялась шутками и остротами Маранзака, что предпочитала его Фенелону и Лафонтэну. Графъ Тулузскій, сынъ Людовика XIV и г-жи де Монтеспанъ, также держалъ у себя

не будетъ денегъ, то вспомни обо мнѣ. Надѣюсь, что буду видѣть тебя очень часто». Дѣйствительно, Дюфрени пріѣзжалъ нѣсколько разъ.

шута. Еще упоминаютъ объ одномъ плясунѣ, прозванномъ Баллономъ (Ballon—мячикъ), который находился при дворѣ Людовика XV. Ученый Грослэй *) разсказываетъ въ своихъ „Mémoires de l'Academie de Troyes“, что онъ видѣлъ въ 1758 году шута кардинала Флери: „Въ 1758 г. я имѣлъ честь бесѣдовать въ Булонскомъ лѣсу съ шутомъ кардинала Флери, который, какъ и другіе, также находился въ придворной свитѣ. Этотъ шутъ былъ одѣтъ кардиналомъ въ красной скуфэйкѣ на головѣ и съ круглой кардинальской шляпой въ рукахъ; верхняя одежда на немъ была фіолетоваго цвѣта, а чулки краснаго. Онъ сидѣлъ верхомъ на богато-убранномъ лошакѣ, какъ обыкновенно ѣздятъ кардиналы. Придворные, обращаясь къ нему, говорили: „Monseigneur“. Этому человѣку, уроженцу Прованса, было на видъ лѣтъ шестьдесятъ отъ роду; онъ казался очень тупымъ, но въ то-же время и крайне спѣсивымъ“...

Наконецъ, если вѣрить библіофилу Жакобу, то даже и Марія-Антуанетта ввела при дворѣ старинный обычай—держать шутовъ: „Еще нѣсколько лѣтъ тому назадъ въ Версальскомъ замкѣ жилъ старикъ, бѣлый, какъ лунь, окруженный старою мебелью, старыми картинами и разными старинными вещами временъ Людовика XVI; но всѣ эти вещи ясно указывали на ту роль, какую этотъ старикъ игралъ при томъ дворѣ—это былъ шутъ Маріи-Антуанетты. Онъ намъ показалъ нѣсколько зеренъ кофе, которыя онъ получилъ отъ этой несчастной королевы, о которой онъ сказалъ:

— Я сожалѣю въ первый разъ въ жизни, что у такой великой королевы такая маленькая ручка.

---

*) Жанъ Грослей, адвокатъ и литераторъ, родился въ Троа въ 1718 году и умеръ въ 1783. Онъ извѣстенъ нѣсколькими сочиненіями по юриспруденціи и другими менѣе серьезными, которыя не лишены шутливаго тона.

Версаль, покинутый королями, сохранилъ въ своихъ стѣнахъ придворнаго шута, какъ живую развалину исчезнувшей монархіи.

Революція 1789 года унесла, какъ и придворныхъ шутовъ, такъ и шутовъ знати, вмѣстѣ съ другими учрежденіями стараго режима. Но все же революція не въ силахъ была искоренить у человѣка побужденіе къ смѣху, который такъ свойствененъ природѣ человѣка, а еще болѣе природѣ француза.

Баллонъ, плясунъ Людовика XV.

У шутовъ явились и свои преемники. Во времена Директоріи одинаково жаждали развлеченій и удовольствій, какъ и въ предыдущіе вѣка. Явились карикатурные наряды, разныя кривлянья, условные маскарадные костюмы и выходки золотой молодежи клуба Клиши. Маскарадные костюмы изображали типы изъ народа (Pantalon или Gilles) и Директоріи (Mizelin). Весь этотъ жаждущій веселья людъ находилъ самое радушное гостепріимство у Тальена и Барраса. Появились и модныя красавицы, изъ которыхъ особенно была замѣчательна Тереза Кабаррусъ; *) она

*) Терезія Кабаррусъ, дочь испанскаго банкира, родилась въ Сарагоссѣ въ 1778 году: четырнадцати лѣтъ она вышла замужъ за совѣтника парламента въ Бордо; затѣмъ, сдѣлавшись свободною послѣ

часто одѣвалась въ греческій костюмъ, который едва прикрывалъ ея наготу.

Панталонъ, Жиль и Мизеленъ (Олицетвореніе Директоріи).

Это было самое счастливое время для шутниковъ, забавлявшихъ общество, для авторовъ, сочинявшихъ разные шуточные разсказы; но въ особенности повезло счастье разнымъ мистификаторамъ. Но, однако, изобрѣтеніе подобнаго рода развлеченій не принадлежитъ собственно этимъ людямъ. Еще въ семнадцатомъ столѣтіи поэтъ Сантейль *) и нѣкоторые изъ придворныхъ аббатовъ восемнадцатаго вѣка прославились различными шутками; самая лучшая изъ нихъ показалась бы намъ теперь очень дурного вкуса. Эти традиціи были возобновлены

развода, она была замѣчена Талльэномъ, который тогда былъ комиссаромъ конвенціи въ Бордо. Послѣ отъѣзда Талльэна она была заключена въ тюрьму; говорятъ, что опасность, угрожавшая Терезѣ и побудила Талльэна поспѣшить съ государственнымъ переворотомъ 9-го термидора, когда палъ Робеспьеръ. Тереза вышла замужъ за Талльэна.

*) Сантейль родился въ 1630, умеръ 1697 году; онъ болѣе замѣчателенъ своею веселостью и своими остротами, чѣмъ своими стихами.

и въ девятнадцатомъ столѣтіи Гримо-дела-Реньеромъ и Ромье. *) Въ нихъ-то и слѣдуетъ искать продолжателей оффиціальныхъ шутовъ и тѣхъ легіоновъ забавниковъ, которыхъ такъ дорого цѣнили вельможи прежняго режима.

VIII.

Шуты въ Англіи, Германіи, и Италіи—Шуты у нѣкоторыхъ африканскихъ племенъ.

Придворные шуты не составляли исключительное явленіе при французскомъ дворѣ; шуты были въ древнее время и въ средніе вѣка при всѣхъ дворахъ не только Европы, но и въ другихъ частяхъ свѣта; такъ, мы видимъ шутовъ при дворѣ индѣйскихъ раджей и въ резиденціяхъ владѣтельныхъ князей средней Африки.

При дворѣ англійскихъ королей также были шуты, какъ и при дворѣ французскихъ королей. За неимѣніемъ другихъ, болѣе вѣскихъ доказательствъ для подтвержденія этой истины, мы пока удовольствуемся напомнить сцены изъ „короля Лира“ Шекспира, въ которыхъ послѣдній изображаетъ шута этого несчастнаго короля. Въ этой части драмы поэтъ выводитъ на сцену обычаи своего времени или обычаи недавно минувшаго времени. Король Лиръ любитъ своего шута, который постоянно слѣдуетъ за нимъ; между тѣмъ, какъ дочери короля и его подданные покинули несчастнаго. Шутъ

*) Гримо-дела-Реньэръ знаменитый авторъ «Альманаха обжоръ». Что-же касается до Ромье, то врядъ-ли найдется человѣкъ, принадлежащій къ поколѣнію 1848 года, который не сохранилъ-бы въ памяти его мистификацій; но это, однако, не помѣшало ему сдѣлаться префектомъ второй имперіи.

говоритъ со своимъ королемъ съ самою трогательною нѣжностью. Онъ называетъ его *мой мальчикъ*, *мой другъ*, *мое дитя*. Въ сущности, этотъ шутъ былъ нѣчто въ родѣ философа-эпикурейца и скорѣе скептика, чѣмъ настоящаго шута. Онъ постоянно выражается, какъ-то отрывисто, часто употребляетъ разныя пословицы и поговорки и старается показать королю всѣ вещи въ ихъ настоящемъ свѣтѣ. Онъ вполнѣ сочувствуетъ своему государю, старается подбодрить его своими рѣчами, полными здраваго смысла; иногда своими шутками онъ пытается разсѣять печаль короля Лира. Этотъ шутъ нисколько не напоминаетъ ни Трибулэ, ни Брюскэ.

Но, конечно, кромѣ этого шута, заимствованнаго Шекспиромъ изъ дѣйствительной жизни, были еще другіе шуты при дворѣ англійскихъ королей. Между этими шутами извѣстенъ Вилль Семмерсъ, который находился при особѣ короля Генриха VIII. Этотъ шутъ былъ сынъ пастуха въ графствѣ Нортгамптонъ. Онъ сначала находился въ качествѣ слуги у нѣкоего Ричарда Фармора, который сдѣлался жертвою тиранiи Генриха VIII. Извѣстно, что у этого короля было шесть женъ, одна послѣ другой. Послѣ восемнадцатилѣтняго супружества съ Екатериною Аррагонской, король вдругъ нашелъ, что его бракъ былъ незаконенъ. Екатерина Аррагонская приходилась теткою Карлу V. Дѣйствительно, она вышла въ первый разъ замужъ за принца Артура, старшаго сына и наслѣдника короля Генриха VII. Но этотъ молодой человѣкъ умеръ раньше отца. Генрихъ VII былъ человѣкъ очень скупой и, не желая отдавать обратно приданаго Екатерины Аррагонской, порѣшилъ женить на этой молодой женщинѣ своего второго сына Генриха, который послѣ смерти своего старшаго брата получилъ титулъ принца Уэльскаго, а послѣ смерти отца вступилъ на престолъ подъ именемъ Генриха VIII. Въ книгѣ Левитъ сказано: „Горе тому, кто

возьметъ жену брата своего". Въ 1527 году Генрихъ VIII обратился къ папѣ Клементу VII, прося его позволенія развестись съ женою; но папа былъ въ это время плѣнникомъ въ Римѣ, окруженный войсками Карла V и какъ онъ выражался, находился между *молотомъ и наковальнею* и хотѣлъ выиграть время, думая, что онъ найдетъ какое нибудь средство, чтобы выйти изъ этого затруднительнаго положенія, не оскорбивъ ни одного изъ этихъ могущественныхъ монарховъ. Но у Генриха VIII недоставало терпѣнія дожидаться, такъ какъ онъ былъ влюбленъ въ одну изъ молодыхъ фрейленъ королевы, Анну Болейнъ и заявилъ, что прерветъ всякія сношенія съ Римомъ, если папа не уважитъ его просьбы. Нѣкоторыя изъ духовныхъ лицъ протестовали противъ такого заявленія и потому были приговорены къ изгнанію. Господинъ Вилль Сёммерса, Ричардъ Фарморъ, далъ нѣсколько су и двѣ сорочки одному изъ этихъ изгнанниковъ: за это его обвинили, предали суду, отняли отъ него его имѣніе и заключили въ тюрьму.

Вилль Семмерсъ остался рѣшительно безъ всякихъ средствъ, тогда онъ отправился въ Лондонъ и поступилъ въ домъ одного придворнаго, который не отличался особеннымъ умомъ, но съ поступленіемъ къ нему въ домъ Вилля Семмерса точно поумнѣлъ и сталъ говорить иногда даже очень остроумныя вещи. Долго не могли понять, въ чемъ было дѣло, но загадка скоро разъяснилась и всѣ узнали, что у этого придворнаго завелся умный шутъ, отъ котораго онъ заимствовалъ и остроуміе и веселость. Когда Генрихъ VIII узналъ объ этомъ, то пожелалъ видѣть Вилля Семмерса. Шутъ ему очень понравился и король не могъ безъ него обходиться; тогда шутъ переѣхалъ во дворецъ забавлять Генриха VIII въ часы его унынія и грусти.

Генрихъ VIII поручилъ даже своему придворному

художнику Гольбейну *) снять съ него портретъ. До сихъ поръ еще сохранилось два прекрасныхъ портрета Генриха VIII, гдѣ изображенъ король въ сопровожденіи своего шута. Одинъ изъ этихъ портретовъ, подписанный Гольбейномъ, находится теперь въ Лондонѣ въ залѣ собраній антикварнаго общества; другой—миніатюра, написанная Джономъ Малларъ, секретаремъ и капелланомъ короля и хранится въ британскомъ музеѣ. Кромѣ того, есть еще двѣ картины Гольбейна, изображающія Семмерса со всѣми аттрибутами его званія, съ рожкомъ въ рукѣ и съ буквами H R (Henricus Rex) на груди **).

Вилль Семмерсъ, шутъ Генриха (по рисунку Гольбейна).

Генрихъ VIII такъ любилъ своего шута, что даже позволилъ ему шутить и смѣяться надъ своимъ другимъ любимцемъ, кардиналомъ Уольсэй. Между ними обоими происходила жестокая борьба; они осыпали другъ друга насмѣшками, эпиграммами и говорили одинъ другому разныя колкости. Кардиналъ, по происхожденію, былъ сынъ мясника, но благодаря ловкости, хитрости и интригамъ сдѣлался могущественнымъ министромъ короля Англіи и даже мечталъ о папской тіарѣ. Этотъ кандидатъ въ папы былъ человѣкъ весьма своеобразный и

*) Гольбейнъ былъ однимъ изъ первыхъ портретистовъ шестнадцатаго столѣтія; онъ родился въ Аугсбургѣ въ 1498 г., а умеръ въ 1554 году. Съ 1526 г. онъ жилъ постоянно въ Англіи до самой своей смерти. Генрихъ VIII постоянно осыпалъ его своими милостями.

**) Прибавимъ еще, что въ Лондонской Башнѣ хранится каска, которую надѣвалъ Вилль Семмерсъ во время шуточныхъ турнировъ, устраиваемыхъ при дворѣ; шутъ исполнялъ во время этихъ турнировъ роль герольда или пажа у придворныхъ, переодѣтыхъ рыцарями.

между всѣми его странностями особенно было замѣчательно то, что онъ любилъ окружать себя колоссами. Для того, чтобы ему понравиться, надо было послать ему человѣка высокаго роста; во всѣхъ церемоніяхъ и и процессіяхъ онъ появлялся, окруженный духовными лицами громаднаго роста и у всѣхъ ихъ были на шеяхъ толстыя золотыя цѣпи Семмерсъ часто смѣялся надъ подобною странностью кардинала, а также и надъ его скупостью, которая была извѣстна всей Англіи. Какъ не былъ находчивъ на отвѣты кардиналъ, но въ своихъ спорахъ съ шутомъ онъ иногда не находилъ возраженій на его колкости. Вилль Семмерсъ не только спорилъ съ кардиналомъ на словахъ, но иногда даже и вредилъ ему различными способами и даже ради этого подружился съ шутомъ кардинала, Пучемъ.

Однажды, Семмерсъ, возвращаясь изъ гостей отъ кардинальскаго шута, зашелъ къ королю. Генрихъ VIII спросилъ его, хорошимъ-ли виномъ его угощали?

На это Семмерсъ отвѣчалъ:

— Врядъ-ли еще удавалось кому пить лучшее вино.

— Даже и за моимъ столомъ?

— Даже и за вашимъ!

— Но вѣдь всѣмъ извѣстно, что у меня самыя лучшія вина въ Европѣ?

— А у кардинала въ погребѣ хранится такая бочка, которая въ тысячу разъ лучше вашихъ.

— Не можетъ быть!

— Да онъ не отдастъ этой бочки и за двѣсти тысячъ франковъ.

Видя удивленіе короля, Семмерсъ объяснилъ ему въ чемъ было дѣло.

Вилль Семмерсъ вмѣстѣ съ Пучемъ спустились въ погребъ кардинала и нашли тамъ нѣсколько пустыхъ винныхъ бочекъ, а одна изъ нихъ показалась имъ крайне

тяжелою, тогда они пробуравили ее съ боку и увидѣли, что она была биткомъ набита червонцами.

Генрихъ VIII, крайне алчный до денегъ, тотчасъ-же приказалъ сдѣлать осмотръ кардинальскаго погреба и бочку съ золотомъ взялъ себѣ. Кардиналъ никакъ не могъ утѣшиться и забыть такой утраты и какъ говорятъ, это и было впослѣдствіи одною изъ причинъ его опалы, которая и сократила его дни.

Вилль Семмерсъ былъ вообще человѣкъ неглупый и съ добрымъ сердцемъ. Онъ никогда не пользовался своимъ сильнымъ нравственнымъ вліяніемъ на короля для личныхъ выгодъ. Онъ осыпалъ сарказмами и насмѣшками только гордыхъ, корыстолюбивыхъ и развращенныхъ придворныхъ. Что особенно дѣлаетъ честь Виллю Семмерсу, такъ это его неутомимое ходатайство у короля о помилованіи его прежняго господина, Ричарда Фермора. Но шуту удалось добиться этого помилованія незадолго до смерти Генриха VIII.

Германскіе императоры и принцы также содержали шутовъ при своихъ дворахъ. Этотъ обычай, если вѣрить словамъ Вольтера, продолжался въ Германіи долѣе, чѣмъ въ другихъ государствахъ.

Въ числѣ тѣхъ, которые имѣли при себѣ постоянныхъ шутовъ необходимо упомянуть императора Фридриха III, прапрадѣда Карла V. Этотъ императоръ умеръ въ 1493 году отъ разстройства желудка, а между тѣмъ, онъ всю свою жизнь устраивалъ общества умѣренности, въ которыхъ всегда предсѣдательствовалъ самъ. Въ 1452 году, во время пребыванія императора въ Венеціи, его шутъ бросилъ на полъ и разбилъ цѣлую полку очень цѣннаго хрусталя. Фридрихъ замѣтилъ на это, засмѣявшись, что если-бы на полкѣ, вмѣсто хрусталя, было серебро или золото и также разбилось-бы въ дребезги, то можно было пользоваться и этими обломками, тогда какъ хрусталь никуда болѣе не годится и его слѣдуетъ выбросить.

Иногда случалось, что и сами императоры, и принцы Священной Римской имперіи, германской націи брались за роли шутовъ и поражали всѣхъ своими выходками и остроуміемъ. Къ такимъ императорамъ принадлежитъ Максимиліанъ I, сынъ Фридриха III; кромѣ того, упомянутый императоръ былъ очень бѣденъ и всегда нуждался въ деньгахъ; у него, какъ говорятъ, небыло даже на смѣну второй пары верхняго платья. Итальянцы называли его *Максимиліаномъ безъ гроша денегъ*. Этому государю принадлежитъ также изобрѣтеніе знаменитой матримоніальной политики, которая такъ быстро и значительно обогатила Австрію отъ пятнадцатаго до восемнадцатаго столѣтія *). Максимиліанъ былъ очень алченъ до денегъ; однажды Евреи, поселившіеся въ Вормсѣ, поднесли ему корзину съ золотыми яйцами, тогда императоръ приказалъ заключить ихъ въ тюрьму, потому что, какъ онъ самъ выражался, хотѣлъ приберечь курочекъ, которыя несли такія прекрасныя яйца. Конечно, такая черта достойна только Брюскэ и ему подобныхъ. Остроуміе Максимиліана еще выразилось и въ слѣдующемъ наблюденіи; однажды онъ сказалъ своимъ приближеннымъ: „Король испанскій царствуетъ надъ людьми, его подданные повинуются во всемъ, что находятъ справедливымъ. Король Англіи правитъ ангелами: его подданные ему повинуются ему охотно, потому что онъ желаетъ имъ блага. Я же лично, король всѣмъ королямъ: мои подданные повинуются мнѣ тогда только, когда имъ это нравится. Король Франціи это корольословъ; его подданные сносятъ и переносятъ все, что ему вздумается на нихъ навьючить“.

Небольшіе дворы въ Германіи, какъ свѣтскихъ, такъ

*) Всѣмъ извѣстно знаменитое двустишіе:

Пусть воюютъ другія государства, а ты, Австрія, заключай браки; имперіи, которыя Марсъ дастъ другимъ, даритъ тебѣ Венера.

и духовныхъ правителей формировались по образцу императорскаго двора, стараясь съ нимъ сравняться. Конечно и при этихъ дворахъ были шуты. Лафонтэнъ совершенно справедливо сказалъ:

У каждаго принца есть свои посланники. Каждый маркизъ хочетъ имѣть пажей. Если-бы Лафонтэнъ жилъ въ Гейдельбергѣ, вмѣсто того, чтобы жить въ отелѣ г-жи де ла Сабліэръ, то онъ, вѣроятно, ничего не измѣнилъ-бы въ этомъ двустишіи. Курфирсты, графы Палатинскіе, отличались также вкусомъ и любили блескъ и великолѣпіе; они хотѣли сдѣлать изъ Гейдельберга нѣмецкій Версаль и держали также шутовъ. Изъ нихъ особенно былъ извѣстенъ Перкео, шутъ курфирста. Карла Филиппа; ему поставлена статуя, грубо вырѣзанная изъ дерева; эта статуя помѣщена противъ знаменитой Гейдельбергской винной бочки, которая содержала въ себѣ 140.000 литръ вина. Мѣсто для памятника Перкео выбрано очень удачно, такъ какъ шутъ не ложился спать, прежде чѣмъ не выпивалъ отъ 18 до 20 литръ вина.

Перкео, шутъ курфирста, Карла Филиппа; деревянная статуя въ Гейдельбергѣ.

Шуты процвѣтали также и въ Италіи, какъ и въ Германіи, особенно въ періодъ Возрожденія. Шуты были не только у свѣтскихъ государей, у принцевъ и у знати, но и у папъ и у кардиналовъ. *) Духовныя лица выбирали себѣ шутовъ

*) Въ знаменитой картинѣ «Бракъ въ Канѣ Галилейской» Поля Веронеза, въ Луврѣ, между колоннъ слѣва изображенъ шутъ, который наклонился къ новобрачнымъ и точно шепчетъ имъ какую-то шутку.

изъ среды бѣдныхъ или растриженныхъ монаховъ. Папа Левъ X любилъ также окружать себя шутами, удаляясь изъ Рима на отдыхъ въ свою великолѣпную виллу Малліяна, находившуюся въ нѣсколькихъ лье отъ Рима. Тутъ онъ любилъ отдыхать отъ тяжелыхъ трудовъ управленія своею областью. Послѣ соколиной охоты близъ Витерба или послѣ рыбной ловли въ озерѣ Больсена, папа любилъ бесѣдовать со своими шутами и даже часто сажалъ ихъ съ собою за столъ; тутъ Левъ X, несмотря на свой умъ и на свой тонкій вкусъ ко всему изящному, любовался чудовищнымъ аппетитомъ своихъ шутовъ и съ удовольствіемъ слушалъ ихъ грубыя шутки. Одинъ изъ такихъ шутовъ находился даже при смертномъ одрѣ папы. Въ концѣ ноября 1521 года, Левъ X простудился въ Малльянѣ *) и уѣхалъ въ Римъ. Онъ умеръ 1-го декабря въ восемь часовъ вечера, не успѣвъ пріобщиться св. Таинъ. Въ эту минуту при немъ находился только Марьяно, одинъ изъ шутовъ-монаховъ, который все повторялъ: „Св. отецъ, св. отецъ! Молите Бога, чтобы Онъ отпустилъ вамъ ваши грѣхи!“

Въ Африкѣ еще до сихъ поръ существуютъ шуты, какъ при дворахъ крупныхъ, такъ и мелкихъ негритянскихъ князей. Португальскій майоръ, Серпа Пинто, который въ 1877 г. проѣхалъ весь африканскій материкъ отъ запада къ востоку, разсказываетъ, что въ

Извѣстно, что картина Веронеза изображаетъ лицъ шестнадцатаго столѣтія, написанныхъ въ костюмахъ сшитыхъ по модѣ тогдашняго времени.

*) Онъ узналъ, что французы потерпѣли пораженіе въ Миланѣ. Эта новость была ему такъ пріятна, что онъ положительно задыхался отъ радости. Послѣ обѣда, Левъ X, волнуемый разными предположеніями, ходилъ по своей комнатѣ до ½часу ночи. Окна были открыты и въ комнату проникалъ холодный сырой воздухъ конца осени. Папа простудился и ночью съ нимъ сдѣлалась лихорадка, такъ что ему пришлось уѣхать изъ Малльяны.

Бигэ, негритянскомъ государствѣ, отстоящемъ на далекомъ разстояніи отъ берега Атлантическаго океана у „сóва или ихъ государя есть шутъ“. Шутъ, — разсказываетъ майоръ Серпа Пинто, составляетъ необходимую принадлежность двора всякаго *сова* и даже всѣхъ *секуло* или благородныхъ, которые пользуются богатствомъ или властью. Шутъ долженъ смотрѣть затѣмъ, что-бы дверь въ жилищѣ *сова* содержалась въ чистотѣ, а также, чтобы и вокругъ его дома было все чисто.

Конечно и африканскіе шуты исчезнутъ совершенно, лишь только въ эту страну проникнетъ цивилизація, какъ исчезли шуты и при европейскихъ дворахъ.

НАРОДНЫЕ И ГОРОДСКІЕ ШУТЫ.—ОБЩЕСТВА ШУТОВЪ.

I.

Народные шуты въ древности.—Θерситъ.—Ателланы.—Маккусъ.—Санніо.—Ихъ послѣдователи въ Англіи, Италіи, Германіи и Голландіи.—Пульчинелла.—Пёнчъ.—Гансвурстъ.

Все человѣчество надѣлено счастливымъ даромъ смѣха. Не только знатные міра сего ищутъ развлеченій и веселья, чтобы нѣсколько отдохнуть отъ мірскихъ заботъ, но и толпа ищетъ также развлеченій, чтобы хотя на время забыть ту суровую, полную лишеній жизнь, которую имъ приходилось вести. Слѣдовательно, были и народные шуты, которые появлялись на площадяхъ, одинаково, какъ придворные шуты во дворцахъ и домашніе у знати, въ ихъ замкахъ. Эта категорія шутовъ нѣсколько напоминаетъ комическіе театры, но все-же эти люди представляли такія особенности, что мы считаемъ необходимымъ упомянуть о нихъ въ нашей книгѣ „Шутовъ“, не выходя изъ рамокъ нашего сюжета.

Первымъ изъ народныхъ шутовъ былъ *Θерситъ*, этотъ воинъ, о которомъ Гомеръ упоминаетъ въ своей Иліадѣ и такъ каррикатурно очерчиваетъ его портретъ во II пѣснѣ, стихъ 217: „Это самый гнусный изъ воиновъ, какіе только были у Иліона; глаза у него косые, ноги хромыя, вся спина и грудь у него въ горбахъ; голова

у него длинная и остроконечная, едва покрыта рѣденькими волосами". Его ссоры съ греческими вождями пріобрѣли извѣстность, а въ особенности съ Улиссомъ, или съ Одиссеемъ. Вотъ что разсказывается объ этомъ въ Иліадѣ (пѣснь II ст. 212). „Всѣ усѣлись и не вставали болѣе со своихъ мѣстъ. Одинъ только Ѳерситъ извергалъ проклятія. Онъ не былъ краснорѣчивъ; но спорилъ съ царями и возбуждалъ въ грекахъ только смѣхъ". Онъ оскорбилъ Агамемнона, царя царей и сталъ его упрекать въ томъ, что тотъ подорвалъ спасеніе грековъ своими ссорами съ Ахилесомъ изъ-за прекрасной Бризеисы: *) „Какой новый предметъ твоей алчности? Чего тебѣ недостаетъ? О, какой стыдъ! Тотъ, который предводительствуетъ греками, ведетъ ихъ къ погибели! О, презрѣнные! О, гнусное племя! Вы не болѣе, какъ бабы, потому что не стоите названія мужчинъ! Вернемся въ наши жилища на нашихъ корабляхъ. Оставимъ этого царя у стѣнъ Иліона собирать сокровища. Онъ теперь узнаетъ, что мы, которые ему помогали, уйдемъ отъ него, и тогда съумѣетъ-ли онъ обойтись безъ насъ; онъ не побоялся оскорбить болѣе доблестнаго героя, чѣмъ онъ самъ, похитивъ у него силою награду за его подвиги!..."

Но Улиссъ въ свою очередь не пропустилъ случая напасть на Ѳерсита: „Дерзновенный Ѳерситъ съ крикливымъ голосомъ, перестань спорить съ царями. Не думаю, что какой либо изъ смертныхъ былъ гнуснѣе

*) Бризеисъ, дочь Бризеса, жреца Лирнесса въ Силиціи, дѣлается плѣнницею Ахиллеса послѣ того, какъ ея городъ былъ взятъ, но Агамемнонъ похитилъ ее. Раздраженный такимъ оскорбленіемъ герой удалился въ свою палатку и отказался сражаться за грековъ, но когда его другъ Патроклъ былъ убитъ троянцемъ Гекторомъ, то онъ снова взялся за оружіе, чтобы отмстить за его смерть. Пагубныя послѣдствія гнѣва Ахиллеса послѣ похищенія Бризеисъ и составляютъ сюжетъ Иліады.

тебя изъ тѣхъ, которые пришли съ Атридами подъ стѣны Иліона. Откажись въ присутствіи царей отъ твоихъ пустыхъ словъ, отъ нанесенныхъ тобою оскорбленій и отъ твоихъ гнусныхъ желаній вернуться обратно. Какимъ образомъ рѣшаешься ты наносить оскорбленія Агамемнону, жрецу народовъ? Потому что сыны Даная дали ему несмѣтныя сокровища, то ты преслѣдуешь его своими завистливыми словами. Но, повторяю тебѣ и я исполню свою угрозу, если еще разъ услышу отъ тебя такую дерзость, какую слышалъ теперь; пусть моя голова скатится съ моихъ плечъ, пусть я не буду болѣе отцомъ Телемака, если не сорву съ тебя твоей одежды, твоего плаща, твоей туники, словомъ все до послѣдней нитки и не прогоню тебя, осыпая жестокими ударами; а ты будешь испускать пронзительные крики отъ ужасной боли.

При этихъ словахъ Улиссъ наноситъ ему ударъ своимъ скипетромъ. Ѳерситъ сгибается и на его глазахъ показываются слезы. На тѣхъ мѣстахъ тѣла, по которымъ Улиссъ билъ несчастнаго, показалась кровяная опухоль. Онъ опустилъ глаза отъ боли и вытралъ слезы. Греки, несмотря на всѣ ихъ заботы, разражаются громкимъ смѣхомъ и говорятъ между собою:

— Великіе боги, сынъ Лаэрта уже тысячу разъ прославился то своими мудрыми совѣтами, то въ предводительствѣ надъ легіонами. Теперь посмотрите, какъ онъ прославился между Аргіенами, прервавъ рѣчи этого дерзкаго говоруна и впередъ, вѣроятно, его гнусная душа не осмѣлится преслѣдовать вождей своими оскорбительными рѣчами.

Несчастный Ѳерситъ палъ жертвою, но не Улисса, а Ахиллеса. Когда сынъ Пелея убилъ царицу амазонокъ, Пенѳезилею, пришедшую на помощь къ старому Пріаму, этотъ герой снялъ съ нея оружіе, чтобы сдѣлать изъ него трофеи для себя и вдругъ остановился исполнен-

ный удивленія къ красотѣ воинственной амазонки и даже прослезился, что такая юность и грація погибли на вѣки. Θерситъ, проходя мимо, сталъ смѣяться надъ грустью Ахиллеса. Ужасный сынъ Пелея, исполненный ярости, бросился на презрѣннаго и убилъ его на мѣстѣ однимъ ударомъ кулака. Грустная сцена, какъ для шута, такъ и для гомеровскаго героя.

Θерситъ, по всей вѣроятности, не былъ добровольнымъ шутомъ. Онъ засѣдалъ въ совѣщаніяхъ царей и принималъ участіе въ ихъ обсужденіяхъ. Но смѣхъ въ толпѣ возбуждала его уродливая наружность, его гнусность и его дерзость. Вѣроятно, онъ вовсе и не искалъ такого рода успѣха. Мы упомянули о его имени собственно потому, чтобы дать длинной серіи шутовъ знаменитаго предка и считали необходимымъ разсказать и о немъ въ нашей книгѣ о шутахъ.

Настоящихъ народныхъ шутовъ мы встрѣчаемъ въ Греціи во времена Аристофана, Изократа и Θеофраста на площадяхъ, во время празднествъ, всѣхъ возможныхъ разрядовъ и подъ самыми причудливыми именами. Нѣкоторые изъ этихъ шутовъ удивляли толпу своимъ талантомъ чревовѣщательства, другіе подражали хрюканью свиней и поросятъ, кудахтанью курицъ или крику воронъ. Тутъ были и предсказатели будущаго и фокусники и шуты съ ихъ остротами; всѣ эти люди привлекали толпу народа къ своимъ подмосткамъ. Нѣкоторые изъ шутовъ забавляли публику маріонетками, вывезенными изъ Египта и даже Аристотель удивлялся тому совершенству, съ которымъ эти фигурки приводились въ движеніе; маріонетки поднимали и опускали головы, сгибали колѣни, поворачивали шеи, какъ живые люди. Были еще и бродячіе шуты и скоморохи, которые ходили по всѣмъ улицамъ и переулкамъ Аѳинъ и давали свои представленія передъ домами обитателей.

Всѣ эти шуты во времена Александра Македонскаго

составляли нѣчто въ родѣ корпорацій или братствъ, которыя собирались въ храмѣ Геркулеса. Филиппъ Македонскій послалъ имъ талантъ *) и при этомъ выразилъ желаніе получить собраніе ихъ шутокъ и остротъ.

Были еще *мимы*, которые, по своему ремеслу, стояли выше площадныхъ и бродячихъ шутовъ. Эти мимы давали свои представленія на публичныхъ сценахъ, но только не въ торжественные дни и безъ участія хора. Были и мимы импровизаторы и мимы, игравшіе писанныя пьесы. Рядомъ съ этими мимами спектакль часто дополняли *пародисты*, которые подражали то борцамъ, то кулачнымъ бойцамъ, то дифирамбическимъ поэтамъ, т. е. такимъ, которые прославляли въ своихъ стихахъ Бахуса, то цитрастамъ. Еще до Пелопонезской войны—въ концѣ пятаго вѣка до Р. Х.—пародія развилась до такой степени, что почти достигала тона настоящей комедіи.

Эти мимы, въ особенности, развились и распространились послѣ взятія Аѳинъ Лизандромъ за 404 года до Р. Х. Трагедія умерла за недостаткомъ поддержки, а комедія за недостаткомъ свободы. Мимы унаслѣдовали какъ отъ той, такъ и отъ другой. Они отличались отъ комическихъ и трагическихъ актеровъ тѣмъ, что играли не на сценѣ, а на передней выдающейся ея части, на которой выступалъ и дѣйствовалъ хоръ и которая называлась оркестромъ; такимъ образомъ, они всегда были ближе къ зрителямъ и для того, чтобы казаться то выше, то ниже, они не употребляли ни котурновъ, ни деревянныхъ башмаковъ **) и большею частью обходились безъ музыки. Кромѣ того, тутъ женщины являлись ря-

*) Серебряный талантъ на наши деньги равняется 1200 рублямъ.

**) Котурнъ это была высокая обувь, доходящая до половины ноги и которую надѣвали на сценѣ при представленіи трагедій. Деревянные башмаки (socque), напротивъ того, была низкая обувь, которую надѣвали при представленіи комедіи.

домъ съ мужчинами, чего, какъ извѣстно, никогда не было въ древнемъ театрѣ.

Въ Италіи также были народные шуты. Они появлялись на тріумфахъ римскихъ полководцахъ. Рядомъ съ солдатами, слѣдовавшими за колесницею, запряженною бѣлыми лошадьми, шли шуты и скоморохи, которые пѣли смѣшныя пѣсни; ихъ дерзость доходила иногда до того, что они оскорбляли даже и побѣдителя; было также и нѣсколько шутовъ, наряженныхъ въ курьезные костюмы; кромѣ того въ процессіи тріумфатора участвовалъ еще и *Мандукусъ*, нѣчто въ родѣ чудовища съ громадными зубами и двѣ женскія фигуры *Петрея* и *Цитерія*. Петрея представляла старую пьяную женщину, несовсѣмъ приличную, а вторая болтливую кумушку, которая перебранивалась и пересмѣивалась со зрителями.

Въ деревняхъ и селахъ, обыкновенно, съ особою торжественностью справляли празднества сбора винограда и жатвы; послѣ религіозныхъ церемоній, начиналось веселье и тутъ появлялись шуты, которые забавляли толпу и декламаторъ пикантныхъ стихотвореній, называемыхъ *Фешенинскими* стихами; такое названіе происходило отъ Фешеннія, этрусскаго города, или отъ Фашина, бога колдовства, для котораго необходимы были извѣстныя заклинанія. Актеры, въ данномъ случаѣ, мазали себѣ лицо сажею или же надѣвали маски изъ древесной коры. Позднѣе фешенинскіе стихи перешли и въ Римъ; но тутъ они сдѣлались уже до такой степени наглыми, что были запрещены закономъ двѣнадцати таблицъ.

Въ Римѣ чернь также любила потѣшаться скоморошествомъ и тѣми зрѣлищами, которыми ихъ развлекали шуты, фигляры и гаеры, но которые должны были быть чужестранцами, рабами или вольноотпущенными. Исчисленіе всѣхъ этихъ разрядовъ шутовства было бы

слишкомъ длинно, если бы ихъ описывать и потому мы ограничимся наиболѣе извѣстными. Были такіе фигляры, которые подражали движеніямъ животныхъ или *граллаторы* (отъ слова gralloe), нѣчто въ родѣ ходулей, покрытыхъ кожей; на нихъ сажали фигляра и онъ долженъ былъ сдѣлать скачекъ козы), плясуны на канатѣ, вантилаторы, престидигитаторы, которые показывали разные фокусы; такъ напримѣръ, мгновенное исчезновеніе камешковъ или оливъ, площадные шарлатаны, продававшіе въ циркахъ разныя снадобья; были еще и такіе, которые затѣвали игру со змѣями или глотали сабли, но самыми любимыми изъ всѣхъ этихъ шутовъ это были представленія Ателлановъ*).

Это было нѣчто въ родѣ площадной народной комедіи, получившей начало въ селахъ и деревняхъ, а затѣмъ перешедшей и въ городъ. Такая комедія первоначально была написана на оскскомъ нарѣчіи, а затѣмъ передѣлана на латинскій языкъ, съ небольшими вставками на провинціальномъ нарѣчіи. Въ этой комедіи осмѣивались странные нравы компанійскихъ поселянъ и неловкость обитателей маленькаго городка, случайно попавшихъ въ Римъ и непривыкшихъ къ нравамъ вѣчнаго города; иногда въ этой комедіи изображались нравы и чужеземцевъ, какъ напримѣръ въ ателланѣ Помпонія Бононіенсиса, озаглавленной: „*Транзалпійскіе Галлы*“. Типы въ такихъ комедіяхъ мало отличались разнообразіемъ, обыкновенно, тутъ осмѣивались людскіе пороки и странности. Видное мѣсто въ числѣ лицъ, принимавшихъ участіе въ представленіяхъ ателлановъ занималъ *Маккусъ*, съ лысой головой, съ громадными ушами, съ постоянными гримасами, дородный, съ но-

*) Ателла городъ Осковъ въ Компаніи между Неаполемъ и Капуа.

сомъ пригнутымъ къ подбородку и кромѣ того съ двумя горбами спереди и сзади; по его лицу тотчасъ было видно, что это пьяница и обжора, который для удовлетворенія своей алчности и жадности, готовъ переносить побои и впутываться въ самыя непріятныя приключенія. Кромѣ Маккуса еще выступали на сцену ателлановъ слѣдующіе типы:

Букко обжора, болтунъ и наглый лжецъ, который только и мечтаетъ о томъ, какъ бы поужинать на чужой счетъ.

Паппусъ или *Каснарь завистливый старикъ* и скупой; но въ тоже время легковѣрный и недовѣрчивый, такъ что часто попадается въ просакъ и въ концѣ концовъ его обманываютъ всѣ тѣ, которые хотѣли поживиться его деньгами.

Доссенусъ, горбатый и невзрачный, хвастается своими знаніями и заставляетъ довѣрчивыхъ людей очень дорого платить за свои *лекарственныя снадобья* и за магическія формулы.

Мандукусъ или обжора, который, когда открывалъ роть, то щелкалъ зубами, точно хотѣлъ проглотить зрителей.

Маккусъ.

Ламія—людоѣдка, пожиравшая маленькихъ дѣтей.

*Санніо**) съ выбритою головою, съ лицомъ, вымазан-

---

*) Санніо фигурировалъ также и между шутами греческой комедіи, въ которой его представляли безъ бороды, въ козлиной или въ тигровой шкурѣ, плотно прилегавшей къ тѣлу, а на головѣ у него была черная или бѣлая шапочка; коричневый оттѣнокъ его маски долженъ былъ напоминать загорѣлыя лица поселянъ.

нымъ сажею, босикомъ, въ одеждѣ, составленной изъ

Санніо

Комич. бронз. фигура (№ 243 изъ колекціи Жанзэ въ Луврѣ).

разныхъ цвѣтныхъ лоскутковъ; онъ забавлялъ публику насмѣшками и гримасами.

Словомъ, тутъ было множество участвовавшихъ на сценѣ лицъ, о нихъ упоминается въ сочиненіяхъ древнихъ писателей, но только отрывочными фразами, такъ что это не даетъ возможности получить болѣе или менѣе опредѣленное понятіе о тѣхъ характерахъ, которые они изображали на сценѣ. Но комедія ателланъ пережила паденіе западной Римской имперіи и воплотилась въ итальянской балаганной комедіи и въ тѣхъ фарсахъ паяцовъ, которые получили въ Европѣ извѣстность, подъ названіемъ арлекинады. Актеры едва только измѣнили физіономію первоначальныхъ типовъ; они только, какъ говорится, измѣнили костюмъ.

Маккусъ сдѣлался неаполитанскимъ полишинелемъ; Лампридъ *) въ своей книгѣ „Александръ Северъ“, въ

*) Лампридъ, латинскій историкъ, современникъ Діоклетіана, описалъ жизнь нѣкоторыхъ римскихъ императоровъ: Коммода, Геліогабаллы, Александра Севера и проч. (Конецъ третьяго вѣка нашей эры).

началѣ главы XLII, называетъ *Пуличенусомъ* цыпленка. Носъ у Маккуса клювомъ и его странное щелканье, похожее на звукъ, производимый пѣтухомъ или курицею, быть можетъ послужило происхожденіемъ этому насмѣш-

Комическій бронзовый антикъ № 3418, въ Луврѣ.

ливому прозвищу. Маккусъ продолжалъ забавлять толпу и подъ своимъ новымъ именемъ, когда былъ уничтоженъ языческій театръ.

Въ началѣ семнадцатаго столѣтія одинъ итальянскій артистъ, по имени Сильвіо Фіорилло, ввелъ *Пульчинелло* въ неаполитанскіе бараки. Онъ поручилъ роль одному изъ своихъ товарищей, Андрэ Кальчезу, который подражалъ съ большимъ успѣхомъ акценту окрестностей Ачерра, города по близости Неаполя, недалеко отъ. Чителла, первоначальной родины римскаго Маккуса. Далѣе, было два Полишинеля *) въ народныхъ театрахъ

*) Полишинели существуютъ не въ одной только Италіи. Уже не говоря о французскомъ полишинелѣ, о которомъ мы будемъ гово-

Рима и Испаніи: одинъ изъ нихъ былъ хитрый, лукавый и вѣтренный, другой глупый и неповоротливый. Различіе между этими двумя характерами происходило, какъ говорятъ, отъ той сравнительно небольшой аналогіи, существовавшей между жителями верхняго города Беневента, умными, находчивыми и обитателями нижняго города—тупыми, лѣнивыми, неразговорчивыми.

Полишинель.

Еще до сихъ поръ Пульчинелла приводитъ въ восторгъ неаполитанскихъ лаццарони, съ его коротенькою блузочкою довольно пышною, съ поясомъ, или безъ пояса и съ его полумаскою, испещренною морщинами. Это фигляръ, фокусникъ, но отнюдь только не злодѣй. Это типъ старинаго неаполитанскаго буржуа. Если случайно его представляютъ, окруженнаго семьею, что бываетъ не часто, потому что полишинель рѣдко бываетъ женатымъ; онъ учитъ своихъ дѣтей всегда употреблять хорошую пищу и быть постоянно веселымъ, но отнюдь не предаваться обжорству и не дѣлать такъ, какъ Грилло (слуга въ итальянской комедіи, уродливый, увѣчный и сумасбродный), который даже заболѣваетъ отъ разстройства желудка.

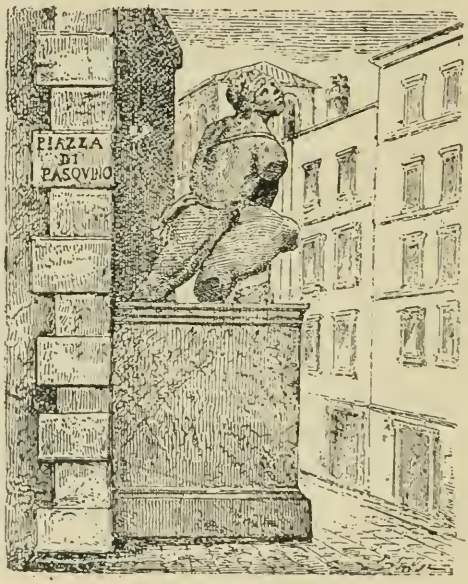
рить ниже, а теперь мы скажемъ, что такое же лицо мы находимъ у бродячихъ цыганскихъ племенъ, которыя разнесли его по всему востоку; парижане давно ввели у себя нѣчто подобное полишинелю; они даже забавляли дѣтей небольшими деревянными фигурками въ родѣ полишинеля, наконецъ былъ онъ и у египтянъ, котораго они изображали на своихъ барельефахъ.

Другіе персонажи ателлановъ точно также участвуютъ въ народныхъ фарсахъ современной Италіи. *Санніо* превратился въ арлекина, торопливаго и веселаго съ деревяннымъ мечемъ въ рукѣ и въ пестрой одеждѣ изъ лоскутковъ. *Маппусъ* превратился въ Касандра—глупца, скрягу и ревнивца. Доссенусъ—въ доктора, болтуна и невѣжду. Такимъ образомъ, современная итальянская Commedia dell'arte сохранила почти безъ измѣненія всѣ типы стараго фарса древняго Рима.

Эти лица, унаслѣдовавшіе шутовство Ателлановъ, не являются единственными народными шутами, которые развлекали итальянцевъ. Есть еще и другіе, въ особенности два, которые были совершенно иного сорта и въ теченіе четырехъ столѣтій служили для Римлянъ тѣмъ, что нападали на правительство и на своихъ могущественныхъ современниковъ, посылая имъ анонимныя сатиры и эпиграммы. Тутъ дѣло идетъ о Паскэнѣ и о не менѣе знаменитомъ Марфоріо. Эти шуты сдѣланы изъ мрамора. Паскэнъ—это статуя безъ рукъ, безъ ногъ и безъ носа; на эту статую насмѣшники наклеивали ночью свои сатиры, которыя назывались *Паскинадами*. Вѣроятно, эта обезображенная статуя представляла фигуру гладіатора, который поражаетъ другого, что видно по положенію тѣла и по кускамъ другой статуи, выглядывающей изъ подъ первой. Происхожденіе-же обычая наклеивать на эти статуи всевозможныя сатиры относится къ старому сапожнику Паскэну, который любилъ говорить острыя слова и шутки, такъ что въ его лавкѣ собирались шутники и люди его времени, любившіе посмѣяться. Но когда сапожникъ умеръ, то посѣтители его лавки, воспользовавшись незадолго то того открытой статуей, стали на нее наклеивать свои сатиры и насмѣшки. Вельможи и прелаты римскаго двора, иностранные принцы, даже папы были поставлены въ необходимость считаться

съ Паскэномъ *). Морери, между прочимъ, говоритъ въ своемъ „Grand Dictionnaire historique ou le mêlange curieux de l'histoire sacrée et profane“: „Удивительно, что въ такомъ городѣ, гдѣ такъ хорошо умѣли затыкать людямъ рты, не могли доискаться секрета, чтобы заставить замолчать мраморъ“.

Многіе папы старались подавить дерзость этихъ лю-



Статуя Паскэна въ Римѣ.

дей, но это не имѣло никакого успѣха. Адріанъ VI,

*) Когда въ 1524 году коннетэбль Бурбонскій, который, по мѣткому выраженію Баярда, *служилъ противъ своего короля, своєю отечества и присяги*, долженъ былъ оставить занятый имъ Провансъ и бѣжать со своими, потерпѣвшими пораженіе, солдатами, черезъ альпійскіе проходы, то однажды утромъ, на статуѣ Паскэна появилась слѣдующая надпись: «Онъ потерялъ въ горахъ цѣлую армію. Если, кто знаетъ, что съ нею сталось, пусть это скажетъ, за что получитъ хорошую награду».

между прочимъ (1522—1523), на котораго нападали за его экономію, положительно граничащею со скупостью, рѣшилъ приказать снять статую и бросить ее въ Тибръ *). Но его отклонили отъ этого, доказавъ ему, что утопленный Паскэнъ не останется нѣмымъ изъ-за такой бездѣлицы, но будетъ квакать громче лягушекъ въ болотѣ. Адріанъ VI былъ настолько благоразуменъ, что не привелъ въ исполненіе своего намѣренія. И теперь стоитъ Паскэнъ, прислоненный къ палаццо Браши, близъ площади Навоны и можетъ еще вести войну эпиграммъ съ римскимъ правительствомъ.

Что же касается до Марфоріо, это кузенъ Паскэна, именно тотъ, который подавалъ ему реплики въ разговорахъ, которые заводили оба каменные насмѣшника всякій разъ, какъ только происходило какое-нибудь важное судебное дѣло, возбуждавшее общественное мнѣніе въ Римѣ. Марфоріо это бы ла статуя, изображавшая какого-то бога рѣки, склонившагося на урну. Названіе ея произошло отъ того, что она была отрыта изъ земли на форумѣ Марса (Martis foro). Сначала ее поставили близъ палаццо Браши, гдѣ она находилась по сосѣдству съ Паскэномъ теперь же она перенесена во дворъ нынѣшняго капитолійскаго музея.

Если Паскэнъ и Марфоріо, по крайней мѣрѣ подъ этою своеобразною формою статуй, не имѣютъ себѣ подобныхъ соперниковъ у другихъ европейскихъ народовъ **), то на-

---

*) Этотъ папа былъ преемникомъ расточительнаго Льва X и жилъ въ пустынномъ ватиканѣ, какъ простой монахъ; ему прислуживала старуха изъ одной съ нимъ мѣстности, которая тратила по дукату въ день на его содержаніе. Римляне не могли простить такой экономіи и на другой день смерти этого папы они отправились къ дому его доктора, украсили это жилище зеленью и сдѣлали на немъ надпись: «*Освободителю римскаго народа*».

**) Перила Новаго Моста въ Парижѣ также служили для наклеиванія надписей въ XVII вѣкѣ; тутъ парижане наклеивали свои *Ма-*

родные шуты, а въ особенности, полишинели и арлекины нашли себѣ массу подражателей и въ другихъ странахъ.

Во первыхъ, въ *Англіи* былъ знаменитый *Пунчъ*. Это лицо, какъ говорятъ, появилось въ 1688 году и напоминало полишинеля, но нѣсколько измѣненнаго моносиллабическимъ духомъ англо-саксонскаго языка. Долгое время Пунча и Пунчинелло принимали одного за другого, но какъ доказалъ Шарль Маньэнъ, что есть нѣкоторые слѣдыего существованія въ Англіи, до отреченія Іакова II. Онъ появился въ Англіи изъ Франціи при первыхъ Стюартахъ, а не изъ Голландіи съ Вильгельмомъ Оранскимъ.

Пунчъ, первоначальный типъ.

У *Пунча* два горба, какъ у французскаго полишинеля. Адиссонъ *) описываетъ его въ прекрасномъ стихотвореніи на латинскомъ языкѣ, которое появилось въ 1697 году. Онъ показываетъ его намъ съ громаднымъ животомъ, съ горбатою спиною и съ рѣзкимъ голосомъ; ему одновременно и удивлялись и страшились его. Успѣхъ Пунча былъ до такой степени великъ, что

зарнады противъ Жюля Мазарини и свои сатиры противъ правительства.

**) Жозефъ Адиссонъ, англійскій писатель конца XVII столѣтіе (1672—1719); онъ занимался литературой и политикой, но наиболѣе извѣстенъ, какъ одинъ изъ самыхъ знаменитыхъ представителей періодической печати въ Англіи. Чистота и изящество стиля Адиссона еще до сихъ поръ приводятъ въ восхищеніе очень многихъ въ Англіи.

въ 1710 передъ нимъ блѣднѣла новая итальянская опера и знаменитый пѣвецъ Николини. Онъ былъ даже прославленъ знаменитымъ Свифтомъ *), а въ 1733 г. его изобразилъ на гравюрѣ Гогартъ. **)

Сначала этотъ Пунчъ былъ веселый малый хорошій товарищъ, хотя и нѣсколько грубоватый, но затѣмъ онъ становится злымъ, безнравственнымъ, преступнымъ и даже убійцею. Его приключенія разсказаны въ одной драмѣ, озаглавленной „Punch and Judy“. Здѣсь Пунчъ бьетъ свою собаку, обманываетъ свою жену, бросаетъ въ окно своего ребенка, чтобъ онъ не кричалъ, проламываетъ голову своей женѣ, зачѣмъ та требуетъ своего ребенка, соблазняетъ всѣхъ встрѣчающихся ему женщинъ и дѣвушекъ, убиваетъ ихъ отцовъ, братьевъ или мужей, убиваетъ констэбля, судью, палача и наконецъ убиваетъ даже и дьявола своею палкою и удаляется распѣвая:

Пунчу ненадо бояться судьбы,
Онъ можетъ жить счастливо, дьяволъ убитъ.

Этотъ полишинель иронической, парадоксальный, дьявольскій, нѣчто въ родѣ циничной каррикатуры тради-

---

*) Іонафанъ Свифтъ, авторъ *Путешествій Гулливера* (1728), что какъ извѣстно, составляетъ политическій памфлетъ, въ которомъ авторъ осмѣиваетъ, какъ людей, такъ и порядокъ дѣлъ своего времени; «*Сказка Бычка*, также извѣстна, какъ и *Путешествія*; это религіозный памфлетъ, въ которомъ Свифтъ нападаетъ по-очередно, то на папу, то на Лютера, то на Кальвина. Свифтъ это первый англійскій юмористъ: его часто называютъ англійскимъ Раблэ, хотя существуетъ большая разница между этими обоими талантами. Смѣхъ выражается во всѣхъ типахъ, изображенныхъ Раблэ, тогда какъ Свифтъ остается постоянно серьезнымъ, пуская въ ходъ самыя уморительныя остроты и шутки.

**) Гогартъ былъ современникомъ Аддисона и Свифта. Онъ любилъ изображать народныя сцены, изъ которыхъ всегда извлекалъ какое-нибудь нравоученіе, такъ напр: «*Жизнь Мота*», «*Два ученика*», «*Трудъ и лѣность*,» «*Модный Бракъ*» и пр.

ціоннаго Донъ-Жуана, котораго привѣтствуетъ странное стихотвореніе, приписываемое Лорду Байрону и упомянутое Маньэномъ. „Торжествующій полишинель, съ радостью привѣтствую тебя по пути твоихъ веселыхъ и шаловливыхъ выходокъ, гдѣ человѣческая жизнь описана съ такою правдивостью и такою энергіею; никогда актеръ не покажетъ намъ ни на какомъ другомъ театрѣ такой поразительный образъ этой жизни: убиваешь-ли ты весело свою жену, бросаешь-ли ты безъ всякихъ угрызеній совѣсти въ окно твоего ребенка или когда ты ѣдешь верхомъ на твоей лошади и тебя сбиваютъ съ сѣдла, или когда ты танцуешь съ граціозной красавицей Полли, убивъ предварительно ея отца въ минуту справедливаго негодованія, такъ какъ онъ былъ глухъ къ твоей гармонической лирѣ, которую было такъ-же пріятно слушать, какъ колокольчики овецъ; кто не любитъ музыки, тотъ недостоенъ жить! Затѣмъ, когда палачъ велъ тебя на висѣлицу, никакъ нельзя не засмѣяться, видя, какъ ты такъ ловко суешь голову палача въ приготовленную для тебя петлю, откуда онъ уже не можетъ выйти! Тотъ, кто притворяется скандализованнымъ, когда видитъ тебя выскользнувшимъ безнаказанно изъ тисковъ закона и изъ когтей дьявола и который сожалѣетъ, что ты даже убиваешь и самого дьявола, тотъ прямо лицемѣръ. Нѣтъ ничего восхитительнѣе смотрѣть, какъ ты бьешь удвоенными ударами по его древнему и черному остову“.

Рядомъ съ этимъ Пунчемъ, подвиги котораго воспѣвались такимъ страннымъ способомъ авторомъ Чайльдъ Гарольда *), у англичанъ есть еще и другой Пунчъ,

*) Извѣстно, что Лордъ Байронъ издалъ свои «Странствованія Чайльдъ-Гарольда, въ 1811 году, возвратившись изъ своихъ путешествій по Португаліи, Испаніи, Албаніи, Греціи и Турціи, въ этой поэмѣ Байронъ, подъ вымышленнымъ именемъ, описывалъ самого себя и свои

настоящій шутъ, сатирикъ, готовый освистать всякій скандалъ, посмѣяться надъ всякою странностью и котораго можно бы сравнить съ Паскэномъ площади Навона. Даже теперь этотъ Пунчъ играетъ большую роль, въ особенности, въ политикѣ. Онъ или привѣтствуетъ каждаго знаменитаго человѣка и каждое значительное событіе или смѣется надъ ними. Разсказываютъ, что лордъ Нельсонъ *), побѣдитель при Абукирѣ и при Трафальгарѣ, былъ изображенъ однажды рядомъ съ Пунчемъ со слѣдующею легендою: „Поди сюда, Пунчъ, мой мальчикъ, приди ко мнѣ, помочь мнѣ побѣдить французовъ. Если ты только пожелаешь, я тебя сдѣлаю капитаномъ или коммодоромъ. — Нѣтъ, нѣтъ, отвѣчаетъ Пунчъ, у меня нѣтъ ни малѣйшаго желанія топиться. — Не бойся ничего, развѣ ты не знаешь пословицы: „тотъ кому быть повѣшеннымъ, тотъ не утонетъ.“

Во время выборовъ наиболѣе разыгрывается сатирическая сила Пунча. Въ началѣ текущаго столѣтія, сэръ Фрэнсисъ Бурдеттъ, одинъ изъ самыхъ извѣстныхъ членовъ либеральной партіи, другъ Фокса, **) который про-

---

приключенія. Это было не первымъ его произведеніемъ, но именно оно-то и поставило его выше всѣхъ англійскихъ современныхъ поэтовъ.

*) Орасъ Нельсонъ былъ яростнымъ врагомъ Франціи, въ началѣ текущаго столѣтія. Ненависть, въ которой Уалльямъ Питтъ поклялся своимъ сосѣдямъ, французамъ, воодушевила Нельсона болѣе, чѣмъ всякаго другого, англичанина того времени. Онъ-то и заперъ Наполеона въ Египтѣ побѣдою при Абукирѣ въ 1798. Затѣмъ побѣдою при Трафальгарѣ, 21-го Октября 1805 г., онъ помѣшалъ намѣренію того-же Наполеона вторгнуться въ Великобританію; но тутъ онъ вскорѣ умеръ. Англія сдѣлала ему королевскія похороны и поставила памятникъ въ Вестъ-Минстерскомъ аббатствѣ.

**) Чарльзъ Фоксъ въ теченіе тридцати лѣтъ отъ 1775 до 1806 былъ вождемъ и ораторомъ либеральной партіи въ англійскомъ парламентѣ. Нѣсколько разъ онъ былъ министромъ и всегда стоялъ противъ политики Питта, который хотѣлъ, чтобы Англія такъ-же

тестовалъ въ палатѣ общинъ противъ возвращенія Бурбоновъ во Францію и не преминулъ просить содѣйствія Пунча для успѣха своей кандидатуры въ парламентѣ. Его изображаютъ пріѣхавшимъ къ Пунчу, въ качествѣ смиреннаго просителя.—За кого вы г. Пунчъ? —говорилъ онъ тихимъ голосомъ. Надѣюсь, что вы меня поддержите.— Я ничего не знаю, спросите у моей жены. Я предоставляю завѣдывать всѣми этими вещами миссисъ Пунчъ.—Это очень хорошо.—Что вы скажите на это миссисъ Джеди?— Боже мой! Что у васъ за прелестный ребенокъ? Я очень желалъ-бы, чтобы мой ребенокъ походилъ на него.—Это очень возможно, потому что вы похожи на моего мужа? У васъ такъ-же какъ и у моего мужа носъ самыхъ большихъ и прекрасныхъ размѣровъ. — Это совершенно вѣрно, миссисъ Джеди. Но леди Бурдеттъ нисколько на васъ не похожа, прибавляетъ тотъ, обнимая ее.—О, прелестный ребенокъ! Какъ его здоровье?—Какъ нельзя быть лучше. И миссисъ Джеди, польщенная въ своей материнской гордости, соглашается дать голосъ Пунча такому любезному кандидату *).

У англійскаго Пунча есть собратъ въ Германіи, но это болѣе тяжеловѣсный шутъ, а именно Гансвурстъ (Иванъ Колбаса). Онъ также происходитъ по прямой линіи отъ Маккуса ателлановъ. Наиболѣе древнее и наи-

---

ненавидѣла Францію, какъ Римъ ненавидѣлъ Карѳагенъ. Онъ употреблялъ всѣ усилія, желая положить конецъ враждѣ, существовавшей между этими двумя великими націями; онъ былъ очень счастливъ, когда его идеи восторжествовали отъ 1783 до 1802. Онъ приготовлялся къ переговорамъ о новомъ мирѣ между кабинетами Сенъ-Джемскимъ и Тюльерійскимъ, но онъ умеръ въ 1806 году. Такой преждевременный конецъ былъ истиннымъ несчастіемъ для Англіи, Франціи и Европы.

*) Прибавимъ еще къ этому, что наиболѣе живой и остроумный изъ англійскихъ историческихъ журналовъ Лондона принялъ и носитъ до сихъ поръ названіе Пунча.

болѣе точное описаніе этого лица находится въ сочиненіяхъ Мартина Лютера. Онъ часто даже приводитъ семейные разговоры шута. Онъ даже далъ ему это названіе (Гансвурстъ), какъ заглавіе одной пасквили, направленной противъ герцога Генриха Брауншвейгскаго. „Другіе, говоритъ онъ, употребляли это названіе прежде меня для обозначенія людей грубыхъ, которые, желая показать себя деликатными и умными, дѣлаютъ однѣ только глупости. Именно, въ этомъ смыслѣ, мнѣ часто приходилось его употреблять, въ особенности, въ моихъ проповѣдяхъ". Со временъ Лютера этотъ типъ значительно измѣнился Однако, не слѣдуетъ думать, чтобы современный Гансвурстъ, представлялъ нѣчто въ родѣ нѣмецкаго арлекина. Этотъ тяжеловѣсный и прожорливый шутъ ничѣмъ не напоминаетъ французскаго арлекина, всегда остроумнаго, легкаго, подвижного. Это такой типъ, который никогда не могъ-бы понравиться и составить себѣ счастье по ту сторону Рейна.

Пунчъ, новѣйшій типъ.

Такіе типы становятся популярными только при такихъ условіяхъ, если напоминаютъ собою нѣкоторыя черты характера жителей страны. Въ нѣкоторомъ отношеніи, на нихъ должны смотрѣть, какъ на національные типы.

Народный шутъ въ Голландіи также, въ нѣкоторомъ родѣ, Гансвурстъ, который такъ-же тѣсно связанъ съ Макусомъ, какъ и его товарищи. Но уже съ давняго времени этотъ типъ не болѣе, какъ паяцъ, зазывающій публику. Прежде онъ игралъ драму, одушевляемую шутками бургомистра и тяжеловѣснаго крестьянина Фри-

сландіи. Теперь онъ замѣненъ, какъ актеръ, Гансомъ Пикельгерингъ (Иванъ Селедка) и Гансомъ Клаассенъ, которые своимъ нравомъ напоминаютъ собою неаполитанскаго Пульчинелла и англійскаго Пунча.

Наконецъ и въ *Австріи* есть свой Гансвурстъ. Это веселый крестьянинъ *Касперлэ*, который также потомокъ Маккуса и увеселяетъ, какъ и его предокъ, простодушныхъ поселянъ своими шутками и остротами. Слѣдовательно, древній типъ ателлановъ произвелъ цѣлый рядъ внуковъ, которые распространяли во всѣхъ вѣкахъ его имя, его шутки и его типъ и въ теченіе двадцати вѣковъ способствовали распространенію веселья въ народныхъ массахъ.

II.

Народные шуты на Востокѣ.—Карагёзъ.—Шуточныя похожденія Насръ-Эддинъ-Хаджи.

Маккусъ это все равно, что Протэй басни: онъ принимаетъ всѣ образы, смотря по временамъ и по странамъ. Мы его видѣли въ Италіи, въ Англіи, въ Германіи, въ Голландіи. Подъ именемъ Каргеза онъ составляетъ восхищеніе населеній константинопольскихъ предмѣстій. На площадяхъ стараго Стамбула онъ представляетъ въ смѣшномъ видѣ турка, средняго класса, нѣчто въ родѣ китайской тѣни, которая шевелитъ руками, ногами и головой подъ прозрачнымъ покрываломъ. Это Каргезъ который всегда играетъ со своимъ товарищемъ Хаджи Гайватомъ первую роль въ нѣкоторыхъ шуточныхъ комедіяхъ. Карагезъ по типу нѣсколько родственный Полишинелю, но при этомъ большой шутъ, глупецъ и циникъ смѣшитъ своихъ слушателей и приводитъ ихъ въ восторгъ всевозможными каламбурами, остротами и шутками крайне дурного тона. Кромѣ этихъ двухъ личностей, на сценѣ турецкаго кукольнаго театра появ-

ляются еще Бакри-Мустафа, горькій пьяница и большой весельчакъ и Теріаки-курильщикъ, который накуривается опіумомъ и табакомъ до одурѣнія. Все это не болѣе какъ маріонетки, которыя привлекаютъ константинопольскую чернь.

Въ турецкой легкой литературѣ еще упоминается объ одномъ шутѣ, уже болѣе серьезномъ, а именно, о Насръ-Эддинъ-Хаджѣ, шутки котораго очень нравились среднему классу Турціи и даже образованнымъ людямъ,

Корагезъ, турецкій Полишинель.

Насръ-Эддинъ - Хаджа (аббатъ или профессоръ), современникъ знаменитаго Тамерлана *), жилъ въ началѣ XV столѣтія въ Акъ-Шехирѣ (что значитъ въ Бѣломъ городѣ), близъ озера того-же имени, въ провинціи Ангара въ ста километрахъ отъ Кониха, древняго Иконіума, въ которомъ былъ заключенъ султанъ

*) Тамерланъ или Тимуръ (Желѣзный хромецъ) былъ одинъ изъ самыхъ жестокихъ истребителей человѣчества, которые когда-либо появлялись на землѣ. Онъ родился въ 1336 году, близъ Самарканда въ Туркестанѣ. Онъ провелъ свои многочисленныя полчища монголовъ въ одного конца Азіи до другого, покорилъ всѣ земли, лежащія къ востоку отъ Каспійскаго моря, а именно: Персію, Киргизскія степи, проникъ въ южную Россію, покорилъ Индостанъ, Сирію, Анатолію, побѣдилъ турокъ въ сраженіи при Ансирѣ и наконецъ умеръ въ 1405 году въ Хонатѣ, недалеко отъ мѣста своего рожденія. Тимуръ представлялъ изъ себя странную смѣсь варварства и восточной циви-

Баязетъ Гильдеримъ (Молнія) послѣ побѣды, одержанной надъ нимъ Монголами въ Ангарѣ съ 1402 г. Насръ-Эддинъ, вѣроятно, и умеръ въ этомъ городѣ, гдѣ до сихъ поръ показываютъ его могилу.

Насръ-Эддинъ развлекалъ въ Акъ-Шехирѣ своими остротами и своею искреннею веселостью, весьма рѣдко встрѣчающуюся у мусульманъ, какъ жителей города, такъ и принца Ала-Эддина. Всѣ его шутки и остроты были записаны и собраны. Быть можетъ, если-бы онъ опять явился на землѣ съ того свѣта, то, конечно, не узналъ бы всѣхъ тѣхъ шутокъ и острыхъ словечекъ, которыя ему приписываютъ. Онъ достигъ званія Хаджи, что обыкновенно давалось всѣмъ тѣмъ, которыя внушали составленіе подобныхъ сборниковъ. Мы здѣсь приведемъ наиболѣе характерные изъ его анекдотовъ, которые очень забавны и даютъ намъ нѣкоторое понятіе о восточномъ остроуміи; Хаджа одновременно исполнялъ должность муллы, судьи и школьнаго учителя.

Однажды Насръ-Эддинъ задумалъ сказать своимъ слушателямъ нравоученіе, взошелъ на каѳедру и сказалъ:

— О, правовѣрные! Знаете-ли вы о чемъ я хочу говорить съ вами?

— Нѣтъ, мы не знаемъ,—отвѣчали слушатели.

— Тогда, какъ-же я могу говорить съ вами о томъ, чего вы не знаете?

Слушатели были въ недоумѣніи и порѣшили, что въ слѣдующій разъ не дадутъ Хаджѣ такого неразумнаго отвѣта.

На слѣдующій разъ Хаджа опять обратился къ нимъ съ такимъ-же вопросомъ:

лизаціи. Онъ приказалъ казнить 100,000 пленныхъ и воздвигнуть въ Багдадѣ пирамиду изъ 90,000 человѣческихъ головъ и въ тоже время издалъ кодексъ закона, называемый Тукуфатъ, въ силу котораго вмѣнялось въ обязанность учрежденіе школъ и сооруженіе мечетей.

— О правовѣрные! Знаете-ли вы о чемъ я собираюсь говорить съ вами?

— Знаемъ!—отвѣчали всѣ присутствовавшіе въ одинъ голосъ.

— Въ такомъ случаѣ мнѣ не о чемъ съ вами говорить, сказалъ онъ насмѣшливымъ тономъ и съ этими словами сошелъ съ каѳедры.

Тогда слушатели порѣшили, что въ слѣдующій разъ одни изъ нихъ солгутъ, что знаютъ, а другіе, что не знаютъ.

Дѣйствительно, когда Насръ-Эддинъ Ходжа опять взошелъ на каѳедру и обратился къ слушателямъ съ обычнымъ воззваніемъ:

— Братіи, знаете-ли о чемъ я хочу говорить съ вами?

— Нѣкоторые изъ насъ знаютъ, а другіе не знаютъ,— отвѣчали слушатели.

— Въ такомъ случаѣ,— возразилъ Ходжа,— пусть тѣ, которые знаютъ, научатъ тѣхъ, которые не знаютъ.

Весьма понятно, что при такой системѣ Ходжѣ не всегда приходилось пускаться въ краснорѣчіе.

Однажды, въ какомъ-то городѣ Насръ-Эддинъ также взошелъ на каѳедру и сталъ говорить:

— О, правовѣрные! климатъ вашего города совершенно одинаковъ съ климатомъ моего родного города.

— Какимъ это образомъ?—спросили его.

— О, это совершенно ясно. Я сосчиталъ, что въ моей странѣ ровно столько звѣздъ, сколько и въ вашей.

Однажды Насръ-Эддинъ путешествовалъ по одной пустынной мѣстности и вдругъ видитъ, что къ нему на встрѣчу ѣдетъ нѣсколько всадниковъ. Насръ-Эддинъ подумалъ, что это воры; но тутъ какъ разъ близко случилась вырытая могила, онъ раздѣлся и спустился въ нее.

— Э, пріятель!—воскликнулъ одинъ изъ всадниковъ, куда это ты лѣзешь.

Хаджа смутился и рѣшительно не зналъ, что отвѣтить; но вдругъ его осѣнила внезапная мысль:

— Это моя могила,—отвѣчалъ онъ,—я вышелъ только оттуда подышать свѣжимъ воздухомъ.

Однажды Насръ-Эддинъ забрался въ чужой огородъ и набралъ себѣ съ грядъ въ мѣшокъ и моркови, и рѣпы—словомъ всего, что попалось ему подъ руку. Въ это время вошелъ огородникъ и спросилъ Хаджу:

— Что ты тутъ дѣлаешь?

Хаджа смутился и отвѣчалъ, что его занесло въ огородъ вѣтромъ.

— А кто же все это собралъ съ грядъ?—снова спросилъ огородникъ.

На это Хаджа отвѣчалъ:

— Если вѣтеръ занесъ меня въ огородъ, то нѣтъ ничего мудренаго, что онъ-же все и собралъ съ грядъ.

— А кто-же все это положилъ въ твой мѣшокъ?—снова задалъ ему вопросъ огородникъ.

— Вотъ именно объ этомъ-то я и думалъ, когда ты сюда пришелъ,—отвѣчалъ Хаджа.

Однажды, Насръ-Эддину задали вопросъ:

— Что дѣлаютъ со старыми лунами, когда онѣ уже совершили послѣднюю четверть?

— Ихъ ломаютъ на звѣзды,—отвѣчалъ тотъ.

Во время Рамадана *) Насръ-Эддинъ для соблюденія поста по магометанскому закону каждый день клалъ въ сосудъ по камешку; случайно его маленькая дочка бросила туда цѣлую горсть камешковъ. Нѣсколько времени

*) Такъ называется мѣсяцъ, который продолжается отъ конца нашего іюля и до конца августа и въ теченіе котораго мусульманамъ запрещается пить, ѣсть и даже курить до захожденія солнца. У магометанъ мѣсяцы лунные и потому Рамаданъ продолжается отъ одного новолунія до другого. Послѣ Рамадана начинается Байрамъ, праздникъ у Магометанъ.

спустя, у Хаджи спросили, которое было въ тотъ день число.

— Подождите минутку,—сказалъ Хаджа.

Онъ ушелъ на нѣсколько времени въ свою комнату, взялъ сосудъ съ камешками и сосчиталъ сколько ихъ тамъ было. Оказалось, что тамъ ихъ 120. Если я имъ объявлю это число,—подумалъ Хаджа, то меня примутъ за сумасшедшаго. Тогда онъ вернулся къ своимъ гостямъ и сказалъ:

— У насъ сегодня 45-е.

— Какъ? Въ полномъ мѣсяцѣ всего только тридцать дней, а ты намъ говоришь о 45-мъ числѣ.

— Но я вамъ говорю не на вѣтеръ. Если вы захотите считать по камешкамъ моего сосуда, то у насъ сегодня 120-е число.

Однажды, Насръ-Эддинъ порѣшилъ ѣхать съ караваномъ, который выходилъ изъ города. У Хаджи былъ верблюдъ. „Зачѣмъ мнѣ итти пѣшкомъ?“ сказалъ онъ самъ себѣ и усѣлся на верблюда. Дорогою животное чего-то испугалось, сбросило съ себя Хаджу и наступило на него. Раздались ужасные крики; сбѣжались люди и помогли ему освободиться изъ подъ верблюда. Когда Хаджа пришелъ въ себя, то сказалъ:

— Гадкое животное! Я сѣлъ на него и оно хотѣло сдѣлать то же самое и со мною.

Однажды, Насръ-Эддинъ вошелъ въ мечеть и въ своей усердной молитвѣ приклонилъ чело къ самому полу; стоявшій-же позади него человѣкъ, воспользовался этимъ временемъ и вытащилъ у него кошелекъ съ деньгами. Хаджа замѣтилъ это и вытащилъ кошелекъ съ деньгами у имана (муллы), который стоялъ впереди него; тотъ обернулся и спросилъ:

— Что это значитъ?

— Спросите у того человѣка, который стоитъ сзади меня.

Однажды, Ходжа сидѣлъ на берегу рѣки и увидѣлъ десять слѣпыхъ, которые хотѣли перейти въ бродъ на другой берегъ: Ходжа согласился перевести ихъ на ту сторону за одну пара́ *) съ человѣка. Во время этого перехода одинъ изъ слѣпыхъ упалъ въ воду; поднялся крикъ.

— Чего вы кричите?—замѣтилъ на это Ходжа,—если одинъ изъ васъ упалъ въ воду, то я за него и не возьму денегъ.

Вообще, Ходжа прославился своими отвѣтами, такъ: что къ нему стекались со всѣхъ концовъ или для того, чтобы съ нимъ посовѣтываться или предложить ему какіе-нибудь загадочные вопросы. Однажды, къ нему пришелъ какой-то человѣкъ и, пряча въ рукѣ яйцо, спросилъ:

— Если ты угадаешь, что я держу въ рукѣ, то я тебѣ отдамъ это и ты можешь сдѣлать яичницу.

— Объясни мнѣ свойства этого предмета,—сказалъ Насръ-Эддинъ и тогда я тебѣ скажу, что это такое.

— Сверху онъ бѣлый, а въ серединѣ желтый.

— О, въ такомъ случаѣ, я знаю, что это такое!—воскликнулъ нашъ отгадчикъ,—это рѣдька, наполненная кусочками моркови.

Такое возраженіе ясно доказываетъ, что Ходжа не заслуживалъ своей репутаціи. Но иногда случалось, что онъ отвѣчалъ много остроумнѣе. Однажды, онъ положилъ себѣ на плечо переносную лѣстницу, затѣмъ прислонилъ ее къ стѣнѣ какого-то сада, и взобрался на эту стѣну; потомъ переставилъ лѣстницу на другую сторону стѣны и спустился въ садъ, но тутъ увидалъ его садовникъ:

— Что ты тутъ дѣлаешь?—закричалъ на него садовникъ.

— Я?—переспросилъ Ходжа.—Да я продаю лѣстницу.

— А развѣ здѣсь мѣсто продавать лѣстницу?

*) Пара, самая мелкая монета, менѣе нашей полушки.

— Невѣжда, возразилъ ему на это Ходжа, развѣ нельзя продавать лѣстницу вездѣ, гдѣ хочешь?

Но Насръ-Эддинъ мистифицировалъ не только смертныхъ, но даже иногда нападалъ и на безсмертныхъ духовъ. Такъ, однажды, онъ задумалъ писать свое духовное завѣщаніе.

— Когда я умру, пусть меня положатъ въ старую могилу.

— Къ чему это? спросили его люди.

— Для того, что когда ангелы *) явятся ко мнѣ съ допросомъ, то я скажу, что уже былъ допрошенъ; развѣ вы не видите, что я лежу въ старой могилѣ?

Часто случалось, что злые люди также пробовали подсмѣиваться надъ Ходжей, но послѣдній никогда не оставался въ дуракахъ, а всегда платилъ имъ сторицею за ихъ насмѣшки. У Ходжи былъ ягненокъ, котораго онъ выкормилъ съ большою заботою. Однажды, собрались его пріятели, схватили его ягненка и задумали заколоть его, поджарить и полакомиться имъ. Насръ-Эддинъ вернулся домой и сталъ спрашивать о своемъ ягненкѣ.

— Да развѣ ты не знаешь, что завтра свѣтопреставленіе, возразили ему его пріятели,—къ чему тебѣ тогда этотъ ягненокъ? Дай его намъ, мы его съѣдимъ.

Ходжа отказывается вѣрить такой необычайной новости. Но приходитъ еще и другой пріятель, который говоритъ ему то же самое. Ходжа притворяется, что вѣритъ этому и, снявъ съ себя верхнее платье, закалываетъ ягненка, затѣмъ разводитъ огонь на чистомъ воз-

---

*) Мусульмане вѣрятъ, что существуетъ два ангела Мункиръ и Некиръ, которые обязаны допрашивать умершихъ и приступаютъ къ этому, лишь только тогда, когда тѣло опущено въ могилу. Судя по отвѣтамъ усопшаго и по донесенію сдѣланному Богу, душа умершаго отправляется въ рай или въ адъ.

духѣ и кладетъ животное на вертелъ. Между тѣмъ, гости также сняли съ себя верхнія платья, отдали ихъ своему хозяину и затѣяли игры. Насръ-Эддинъ бросаетъ всю ихъ одежду въ огонь.

— Что ты дѣлаешь?—закричали гости.

— Къ чему вамъ ваше платье—совершенно спокойно отвѣчалъ имъ Ходжа,—завтра вѣдь свѣтопреставленіе.

Однажды, какой-то воръ проникъ въ домъ Насръ-Эддина, забралъ все, что попалось ему подъ руку, взвалилъ все себѣ на плечи и ушелъ. Лишь только онъ удалился, какъ Ходжа собралъ все остальное, отправился по пятамъ вора и нагналъ его у его дома.

— Чего тебѣ отъ меня надо?—спросилъ тотъ.

— Какъ!—воскликнулъ Ходжа,—развѣ мы не здѣсь будемъ обзаводиться хозяйствомъ?

Нѣсколько времени спустя послѣ этого, Насръ-Эддинъ попросилъ у своего сосѣда одолжить ему котелъ. Черезъ нѣсколько времени, когда котелъ уже былъ не нуженъ Насръ-Эддину, онъ принесъ его къ своему сосѣду, прибавивъ къ котлу еще небольшую кастрюлю.

— Зачѣмъ ты мнѣ прибавилъ еще и эту кастрюлю?—спросилъ сосѣдъ у Ходжи.

— У котла родилась эта кастрюля. Сосѣдъ не сказалъ ничего и взялъ обѣ вещи.

Нѣсколько дней спустя, Ходжа опять проситъ сосѣда одолжить ему котелъ, но прошло нѣсколько дней, а Насръ-Эддинъ не возвращаетъ котла. Тогда сосѣдъ отправляется къ Ходжѣ и проситъ его возвратить ему его котелъ.

— Ахъ, мой другъ,—отвѣтилъ ему Ходжа, твой котелъ умеръ!

— А развѣ котелъ можетъ умереть? съ удивленіемъ спрашиваетъ сосѣдъ.

— Конечно, можетъ,—возразилъ Ходжа,—разъ, если

ты повѣрилъ, что котелъ можетъ произвести на свѣтъ маленькую кастрюлю, то онъ можетъ и умереть.

Одинъ мулла *), объѣздившій Аравію, Персію и Индію, нигдѣ не могъ получить отвѣта, на нѣкоторые вопросы; тогда онъ отправился въ Акъ-Шехиръ, привлеченный туда репутаціею Насръ-Эддина. Дорогою мулла покупаетъ нѣсколько гранатъ и кладетъ ихъ въ карманъ своего платья. Мулла, увидя еще издали Ходжу, кланяется ему.

— Привѣтствую тебя, мулла эффенди! **) отвѣчаетъ Ходжа.—Что у тебя новаго?

— Я хочу задать тебѣ нѣсколько вопросовъ, можешь-ли ты мнѣ на нихъ отвѣтить?

Ходжа отвѣчаетъ, что можетъ, но далъ понять муллѣ, что не сдѣлаетъ этого даромъ. Тогда мулла вынимаетъ гранаты и передаетъ ихъ Ходжѣ. Тотъ ѣлъ одну гранату за другою, отвѣчая въ тоже время на вопросы муллы. Лишь только Ходжа доѣлъ гранаты, какъ остановился и пересталъ говорить.

— Но остается еще одинъ вопросъ,—замѣтилъ мулла.

— Ты, вѣроятно, ошибся,—отвѣчаетъ Ходжа,—гранатъ уже болѣе нѣтъ.

Насръ-Эдинъ, однако, часто приходилъ въ смущеніе, при самыхъ обыкновенныхъ случаяхъ жизни. Однажды ему поручили отвести двадцать ословъ въ сосѣднюю деревню. Это было очень нелегкое дѣло, потому что ослы разбѣгались въ разныя стороны. Ходжѣ пришлось бѣгать за ними въ разныя стороны; утомившись такою бѣготнею, онъ сѣлъ верхомъ на одного изъ такихъ

---

*) Мулла, это мусульманское духовное лицо, которое съ высоты мечети призываетъ правовѣрныхъ къ молитвѣ.

**) Почетный титулъ, который даютъ въ Турціи изъ вѣжливости очень многимъ людямъ, хотя тѣ и не имѣютъ на это никакого права. Эффенди собственно значитъ господинъ, сударь, милостивый государь.

ословъ. Затѣмъ онъ вздумалъ сосчитать ословъ и насчиталъ только девятнадцать; онъ думалъ, что одинъ изъ ословъ заблудился, вскочилъ на землю и принялся искать заблудившееся животное, но его нигдѣ не было; тогда онъ опять пересчиталъ и оказалось, что всѣ двадцать ословъ на лицо; успокоенный онъ опять сѣлъ на одного изъ ословъ и отправился далѣе, размышляя о такомъ странномъ событіи. Вдругъ ему на встрѣчу попадается почтенный старецъ, къ которому Насръ-Эддинъ и обратился за совѣтомъ разрѣшить такое невѣроятное чудо. Почтенный старецъ тогда объяснилъ ему, что когда онъ сидитъ на ослѣ, то забываетъ сосчитать того, который подъ нимъ.

Иногда Насръ-Эддинъ выказывалъ и большое присутствіе духа. Однажды, Хаджа купилъ себѣ печенки и несъ ее домой; какъ вдругъ коршунъ спустился изъ поднебесья и унесъ добычу. Насръ-Эддинъ, конечно, не сталъ терять времени и гоняться за похитителемъ. Какъ разъ въ это время проходитъ одинъ человѣкъ, который также несъ печенку въ рукахъ, Хаджа бросается на него, отнимаетъ у него печенку и прячется на верши нѣсосѣдней скалы.

— Къ чему ты отнялъ отъ меня это?—простоналъ оторопѣвшій человѣкъ, несшій печенку.

— Я пробовалъ,—отвѣчалъ Хаджа,—могу-ли я также хорошо унести печенку, какъ коршунъ.

Этотъ Хаджа нѣсколько напоминаетъ лафонтеновскаго муравья. Какъ видно изъ приведеннаго нами выше анекдота, Насръ-Эддинъ былъ при случаѣ и воромъ, но также онъ терпѣть не могъ одолжать кому-либо своихъ вещей. Такъ, напримѣръ, однажды сосѣдъ попросилъ Хаджу, одолжить веревокъ на нѣсколько дней. Насръ-Эддинъ отправился къ себѣ въ домъ и, вернувшись черезъ нѣсколько времени, сказалъ, что не можетъ одолжить веревокъ, потому что на нихъ сушатъ муку.

— Гдѣ-же это видано,—возразилъ сосѣдъ,—что-бы на веревкахъ сушили муку?

— Чѣмъ менѣе желаютъ одолжить веревки, тѣмъ болѣе приходится сушить на нихъ муки,—отвѣчалъ Ходжа.

Несмотря на то, что дрова очень дешевы въ Турціи Ходжа всегда ходилъ самъ въ лѣсъ и рубилъ тамъ дрова. Однажды, онъ отправился въ лѣсъ для рубки дровъ и вскарабкавшись на большой сукъ одного дерева, началъ рубить его топоромъ, совершенно упустивъ изъ виду то, что если сукъ будетъ срубленъ, то и онъ самъ повалится на землю. Одинъ прохожій предупредилъ Ходжу объ угрожающей ему опасности, но тотъ не обратилъ на это никакого вниманія и вскорѣ покатился на землю вмѣстѣ съ сукомъ. Насръ-Эддинъ побѣжалъ за прохожимъ, принявъ его за пророка и; схвативъ его за рукавъ, закричалъ:

— Слушай, пріятель, если ты такъ вѣрно опредѣлилъ минуту моего паденія, то, конечно, можешь предсказать и часъ моей смерти.

Говоря это, Ходжа все еще держалъ его за рукавъ прохожій, чтобы отдѣлаться отъ него, сказалъ:

— Если твой оселъ, поднимаясь по откосу, закричитъ въ первый разъ, то улетитъ половина твоей души, а остальная половина улетитъ, когда онъ закричитъ во второй разъ. Ходжа отправился своею дорогою. При вторичномъ крикѣ осла Насръ-Эддинъ бросается на землю и кричитъ:

— Я умеръ!

Собрался народъ, принесли гробъ, положили въ него Ходжу и понесли его домой къ нему; по дорогѣ встрѣтилось гнилое болото и носильщики не знали, какъ пройти; тогда Насръ-Эдинъ поднялъ голову и, указывая имъ на боковую тропинку, закричалъ:

— Когда я еще былъ живъ, то всегда обходилъ по ней!

Насръ-Эддину пришлось однажды присутствовать на свадьбѣ; онъ былъ въ старой одеждѣ и никто изъ присутствовавшихъ не обращалъ на него ни малѣйшаго вниманія. Хаджа замѣтилъ это, всталъ съ своего мѣста и отправился къ себѣ домой; тутъ онъ надѣлъ свою дорогую мѣховую одежду и снова явился на свадебный пиръ. Едва только вступилъ онъ на порогъ, какъ его пригласили сѣсть за столъ на почетное мѣсто. Тогда Хаджа, схвативъ рукавъ своей мѣховой одежды, сказалъ:

— Угостите, прошу васъ, и мое платье.

— Къ чему это?—спросили присутствовавшіе.

— Мое платье почитаютъ болѣе меня, то почему-же ему и не воспользоваться и угощеніемъ.

Въ другой разъ Хаджа никакъ не могъ соединить концы своего тюрбана и разсердился до такой степени, что отправился продать его на рынокъ; тамъ нашелся покупатель, пожелавшій пріобрѣсти этотъ тюрбанъ.

— Другъ мой,—сказалъ Хаджа на ухо покупателю,—остерегайся отъ подобной покупки, тутъ очень трудно соединить оба конца.

Однажды къ Хаджѣ зашелъ его сосѣдъ и попросилъ Насръ-Эддина одолжить ему осла.

— Моего осла нѣтъ дома!—отвѣчалъ Хаджа.

Въ это время раздался крикъ осла.

— Какъ же ты говоришь, что твоего осла нѣтъ дома, а онъ самъ выдалъ себя своимъ крикомъ.

— Какъ,—воскликнулъ Хаджа,—ты вѣришь ослу, а не хочешь вѣрить мнѣ, старику съ сѣдою бородою.

Разъ какъ то Хаджа обратился къ своей женѣ съ слѣдующимъ вопросомъ:

— Почему ты можешь узнать, что человѣкъ умеръ?

— Если у него остыли ноги и руки отвѣчала та.

И вотъ Насръ-Эддинъ отправился въ лѣсъ рубить

дрова; было очень холодно и у Хаджи совершенно окоченѣли и ноги и руки...

— Я умеръ!—воскликнулъ онъ

Съ этими словами Хаджа усѣлся подъ деревомъ; въ это время пришли волки, напали на осла Хаджи и растерзали животное.

— Какое счастье для васъ, — обратился Хаджа къ волкамъ,—что хозяинъ этого осла умеръ!

Однажды три ученые мужа вздумали путешествовать по всему свѣту и прибыли также въ государство султана Ала-Эддина *), гдѣ именно и жилъ нашъ Хаджа. Султанъ сталъ совѣтовать этимъ ученымъ принять магометанство.

— Охотно,—отвѣчали они,—но только съ тѣмъ условіемъ, чтобы отвѣтили намъ на тѣ вопросы, которые каждый изъ насъ предложитъ.

Султанъ собралъ всѣхъ своихъ ученыхъ и теологовъ, но ни одинъ изъ нихъ не могъ отвѣтить на задаваемые этими учеными вопросы. Султанъ былъ очень этимъ раздосадованъ и хотѣлъ было уже отпустить путешественниковъ, но одинъ изъ придворныхъ предложилъ Ала-Эддину пригласить Хаджу. Султанъ тотчасъ послалъ за Насръ-Эддиномъ; тотъ явился во дворецъ по своему обыкновенію, сидя на ослѣ. Хаджѣ объявили въ чемъ дѣло и тогда онъ обратился къ ученымъ и спросилъ:

— Въ чемъ заключаются ваши вопросы?

Тогда одинъ изъ нихъ подошелъ къ Хаджѣ и спросилъ:

— Въ какомъ мѣстѣ находится середина земли?

Хаджа указалъ на мѣсто между передними ногами своего осла и сказалъ:

---

*) Этотъ султанъ жилъ въ концѣ XIV столѣтія. Въ 1392 году онъ лишился своихъ владѣній, которыя были у него отняты султаномъ Баязетомъ Гильдеримомъ.

Вотъ здѣсь середина земли.

— Это ты такъ говоришь, —возразилъ ученый.

— Если не вѣришь, то смѣрь самъ. Тогда выступилъ другой ученый.

— Сколько звѣздъ на небѣ?—спросилъ онъ.

— Столько-же, сколько волосковъ на шкурѣ моего осла.

— Какъ ты можешь знать это, если не считалъ?

— А ты, ученый мужъ, развѣ считалъ волоски на шкурѣ моего осла и звѣзды на небѣ?

— Если ты еще отвѣтишь на одинъ вопросъ,—сказалъ тотъ-же ученый, то мы признаемъ право на твоей сторонѣ.—Сколько у меня волосковъ въ бородѣ?

— А столько-же, сколько ихъ въ хвостѣ моего осла.

— Чѣмъ ты это можешь доказать?

— Сосчитай!

Но ученый не былъ удовлетворенъ такимъ отвѣтомъ. Тогда Ходжа сказалъ:

— Въ такомъ случаѣ, мы вырвемъ всѣ волоски, какъ изъ твоей бороды, такъ и изъ хвоста моего осла, сосчитаемъ и увидимъ, каковъ будетъ результатъ...

— Нѣтъ, ужъ этого не надо дѣлать, — возразилъ ученый.

Эти путешественники приняли магометанство и подружились съ Ходжей.

Когда Тимуръ-Ленкъ, побѣдитель Баязета въ Анкирѣ, подошелъ къ Акъ-Шехару, Насръ-Эддинъ вздумалъ пойти его привѣтствовать. Но что ему поднести? Ходжа не былъ богатъ. Тогда онъ порѣшаетъ поднести султану фруктовъ, такъ какъ сезонъ цвѣтовъ кончился. Жена Ходжи посовѣтовала ему поднести султану хорошенькую корзинку съ айвою, желтою, какъ золото. Но Ходжа не послушался совѣта жены, а порѣшилъ преподнести султану корзинку съ фигами, чтобы показать женѣ, что

онъ можетъ обойтись и безъ ея совѣта. Султанъ принялъ Хаджу очень милостиво и послѣдній уже заранѣе радовался, что тотъ подаритъ ему, вѣроятно, какой нибудь дорогой брилліантъ. Но Тимуръ попробовалъ одну фигу и выплюнулъ ее прямо въ лицо Хаджи, найдя ее очень невкусною, потомъ взялъ всю корзину и высыпалъ все на голову подносителя.

Возвратившись домой, Хаджа разсказалъ о своей неудачѣ женѣ и между прочимъ прибавилъ:

— Въ какомъ-бы я былъ видѣ, если бы вмѣсто фигъ поднесъ-бы айву, послѣдняя въ сравненіи съ первыми тверда, какъ камень.

Однажды, жена Хаджи вздумала какъ-то выстирать кафтанъ своего мужа и затѣмъ повѣсила этотъ кафтанъ въ саду для просушки. Вечеромъ Насръ-Эддинъ, не разглядѣвъ въ темнотѣ своего кафтана, вообразилъ, что въ его садъ забрался какой-нибудь злоумышленникъ и тотчасъ же принесъ свой лукъ и стрѣлы и прострѣлилъ кафтанъ въ нѣсколькихъ мѣстахъ. На другой день, проснувшись очень рано, Хаджа замѣтилъ, что надѣлалъ наканунѣ и воскликнулъ:

— О, благодареніе Аллаху, что кафтанъ не былъ надѣтъ на мнѣ, а то теперь я уже былъ-бы мертвымъ.

Въ другой разъ Хаджа и его жена отправились къ болотистой рѣчкѣ стирать бѣлье; они оставили мыло пока на берегу и принялись за стирку. Но въ это время воронъ унесъ мыло.

— Что намъ дѣлать!—воскликнула жена.—Воронъ унесъ наше мыло!

— Не безпокойся,—отвѣтилъ на это мужъ,—надо-же и ворону дать помыться, вѣдь онъ въ этомъ болѣе нуждается, чѣмъ мы сами.

Однажды, сыну Хаджи показали бадиджанъ (рисъ) и спросили у него, что это такое?

— Это теленокъ, который еще не успѣлъ открыть глазъ.

— Видите-ли,—замѣтилъ восхищенный отецъ,—онъ это самъ придумалъ, а я ему ничего не говорилъ.

Одинъ крестьянинъ пришелъ какъ-то къ Хаджѣ и принесъ ему въ подарокъ зайца. Крестьянина приняли съ большими почестями. Изъ зайца сварили супъ. Недѣлю спустя, опять пришелъ тотъ-же крестьянинъ.

— Кто ты такой?—спросилъ его Хаджа.

— Я тотъ самый, который принесъ тебѣ зайца.

Крестьянинъ опять былъ принятъ съ такими-же почестями. Нѣсколько времени спустя, явились какіе-то люди и попросили гостепріимства у Хаджи.

— Кто вы такіе?—спросилъ онъ.

— Мы сосѣди того крестьянина, который принесъ тебѣ зайца.

Этихъ людей также приняли очень дружелюбно. Но вдругъ, нѣсколько дней спустя въ ворота ломится цѣлая толпа людей.

— Вы кто такіе?—спрашиваетъ Хаджа.

— Мы сосѣди тѣхъ сосѣдей того крестьянина, который тебѣ принесъ зайца.

— Добро пожаловать,—отвѣтилъ Хаджа. Онъ усадилъ ихъ за столъ и передъ каждымъ изъ нихъ поставилъ по чашкѣ съ водой.

— Что это значитъ?—спросили гости.

— Это, отвѣчалъ Хаджа, подливка изъ подливки къ зайцу.

Впрочемъ, въ этомъ сборникѣ, гдѣ описаны остроты и шутки Насръ-Эддина, почти на каждой страницѣ встрѣчаются самая простодушная наивность, рядомъ съ шутками полными остроумія. Одинъ изъ учениковъ Насръ-Эддина былъ негръ; его звали Гаммидъ. Однажды, на Хаджу упала банка съ чернилами.

— Что это такое?—спросили у него.

— Нашъ Гаммидъ, — отвѣчалъ учитель, нѣсколько

запоздалъ и такъ скоро бѣжалъ, что вспотѣлъ и вотъ, капли его пота упали на меня.

Одинъ путешественникъ помѣстился гостить у Хаджи; гость и хозяинъ спали въ одной и той-же комнатѣ.

Насръ-Эддинъ легъ въ постель и затѣмъ потушилъ свѣчу.

— Свѣча у тебя съ правой стороны, передай ее мнѣ, я зажгу.

— Какой ты чудакъ!—отвѣчалъ ему Хаджа,—развѣ я могу видѣть въ потьмахъ, гдѣ у меня правая сторона и гдѣ лѣвая?

Какъ-то Насръ-Эддину удалось скопить небольшую сумму денегъ, которую онъ и хотѣлъ спрятать гдѣ-нибудь у себя въ домѣ; но тутъ ему пришло на мысль, что онъ можетъ самъ обокрасть себя, если будетъ знать, гдѣ спрятаны деньги. Онъ долго раздумывалъ о томъ, куда-бы спрятать деньги и, наконецъ, отправился въ свой садъ, но и тамъ не нашелъ удобнаго мѣста для денегъ. Противъ дома Хаджи былъ холмъ; тогда Насръ-Эддинъ опять отправился въ свой садъ, срѣзалъ тамъ длинную жердь, затѣмъ положилъ свои деньги въ мѣшочекъ, а послѣдній привязалъ къ верхнему концу жерди; затѣмъ поднялся на холмъ и укрѣпилъ тамъ жердь. Спустившись внизъ, Хаджа посмотрѣлъ на холмъ и сказалъ:

— Человѣкъ не птица; онъ не можетъ достать такъ высоко; я придумалъ отличное мѣсто для денегъ.

Но одинъ злоумышленникъ наблюдалъ за Хаджею и лишь только послѣдній ушелъ домой, какъ негодяй поднимается на пригорокъ, беретъ мѣшочекъ съ деньгами, натираетъ жердь навозомъ быка, снова спускается съ холма и скорѣе скрывается съ деньгами. Нѣсколько времени спустя, Хаджѣ понадобились деньги, онъ поднялся на холмъ, видитъ жердь, но мѣшечка съ деньгами тамъ уже не было; видны были только на жерди слѣды кала быка.

— Какъ!—воскликнулъ Ходжа,—я думалъ, что человѣку не подняться туда, а тутъ вдругъ быкъ сдѣлалъ это!

Въ другой разъ, Насръ-Эддинъ сидѣлъ совершенно спокойно у себя дома, какъ вдругъ услышалъ стукъ въ дверь.

— Что нужно?—спросилъ Ходжи.

— Спустись внизъ?—отвѣчалъ нищій.

Ходжа спустился внизъ и спросилъ у стучавшаго, что ему было нужно?

— Милостыню,—отвѣтилъ тотъ.

— Хорошо, подымись со мною.

Лишь только они поднялись на верхъ, какъ Ходжа сказалъ ему:

— Да поможетъ тебѣ Аллахъ!

— Неужели ты заставилъ меня подняться, чтобы только мнѣ это сказать.

— А ты зачѣмъ заставилъ меня спуститься съ лѣстницы.

Однажды, Насръ-Эдинъ отправился почерпнуть воды изъ колодца. Вдругъ онъ видитъ въ водѣ отраженіе луны, точно она туда упала.

— Ее надо непремѣнно оттуда вытащить,—подумалъ Ходжа.

Онъ взялъ веревку съ крючкомъ и опустилъ ее въ колодецъ. Веревка съ крючкомъ зацѣпилась за камень, Ходжа тащитъ сильнѣе, веревка оборвалась и нашъ спаситель луны полетѣлъ навзничъ и увидѣлъ тогда луну на небѣ.

— Хвала Аллаху! — воскликнулъ Ходжа, я правда немного ушибся, но за то луна поставлена обратно на свое мѣсто.

Авторъ сборника шутокъ и остротъ Насръ-Эддина прибавляетъ, въ видѣ заключенія, слѣдующія строки:

„Изъ этого видно, что Ходжа обучался всѣмъ нау-

камъ и отличался необыкновеннымъ остроуміемъ. Онъ училъ всѣхъ, которые только этого желали. Иногда его рѣчи были совершенно непонятны. Это, дѣйствительно, былъ мудрецъ".

Подобная похвала, дѣйствительно, нѣсколько преувеличена. Но на востокѣ очень любятъ выражаться фигурально и вообще преувеличивать, какъ и похвалу, такъ и хулу. Вѣроятно, Ходжа былъ одинъ изъ тѣхъ юродивыхъ или *морозофовъ*, которые часто встрѣчались и между домашними и придворными шутами.

III.

Народные шуты во Франціи. — Полишинель.—Комедіанты въ отелѣ Бургонь.—Табарэнъ.

Мы разсмотрѣли теперь исторію и происхожденіе большей части шутовъ, которые происходятъ по прямой линіи отъ Маккуса ателланов. Теперь остается только указать на различные типы такого-же рода, которые составляли большее удовольствіе для предыдущаго поколѣнія французовъ; многіе изъ этихъ типовъ еще не исчезли и до сихъ поръ съ площадей французскихъ городовъ.

Два полишенеля различныхъ типовъ, которые отличаются одинъ отъ другого и по уму и по нраву восхищали французовъ въ XVII и въ XVIII столѣтіяхъ на подмосткахъ ярморочныхъ театровъ. Одинъ изъ этихъ типовъ настоящій неаполитанскій Пульчинелла, перенесенный во Францію итальянскими артистами; первымъ между ними слѣдуетъ отмѣтить Микель Анжелло де Фракассано, который появился въ первый разъ въ этой роли въ 1685 году и надѣвалъ или совершенно бѣлый костюмъ или пестрый; за-

тѣмъ онъ былъ въ маскѣ съ огромнымъ носомъ, а на спинѣ громадный горбъ. Это именно былъ тотъ Полишинель, котораго изображаютъ на старыхъ эстампахъ съ надписью: „Шутовская маска въ бѣломъ костюмѣ, говорящая на языкѣ неаполитанскихъ крестьянъ и представляетъ глупаго и тупоумнаго человѣка.“

Рядомъ съ этимъ есть еще и другой Полишинель, совершенно національный французскій типъ, который не происходитъ по прямой линіи отъ Маккуса ателланов, а скорѣе напоминаетъ веселый и насмѣшливый нравъ галловъ. Это Полишинель живой, легкій, веселый, который ничѣмъ не напоминаетъ тяжеловѣсность римскаго Полишинеля; въ нихъ только одно сходство, что какъ у того, такъ и у другого было два горба. Но горбъ съ давнихъ временъ представлялъ главный признакъ шутокъ и насмѣшекъ *). Первый горбъ это намекъ на веселость и на шутливый тонъ этой личности; второй же горбъ напоминаетъ блестящую и пробитую кирассу воиновъ и животы à la poulaine (удлиненные въ видѣ острія, такъ-же какъ и башмаки à la poulaine), что было въ большой модѣ въ XVII столѣтіи. Этотъ Полишинель относится,

Пульчинелла 1685 г

*) Маньэнъ разсказываетъ по этому поводу, что въ XIII столѣтіи Адама де ля Галь называли *горбуномъ Аррасa*, хотя у него вовсе и не было горба, но такое прозвище было ему дано за его шутливый нравъ, нелишенный остроумія.

именно, къ той эпохѣ, по нѣкоторымъ деталямъ своего костюма, такъ вмѣсто традиціонной треуголки, онъ носилъ фетръ à la Henri IV.

Около 1630 года Полишинель, изображаемый до того времени живыми лицами, перешелъ съ народныхъ подмостковъ въ труппу кукольныхъ комедій, какъ и мать Жигонь, другое шуточное лицо, о которомъ упоминается въ 1602 году *) въ рукописномъ журналѣ французскаго театра. Въ этой формѣ новый Полишинель сдѣлался почти политическимъ лицомъ. Извѣстные въ свое время содержатели перваго въ Парижѣ театра маріонетокъ, братья Бріошэ, Жанъ и Франсуа, обратили своего Полишинеля въ выразителя мнѣній оппозиціи, противъ знаменитаго кардинала Мазарини, а въ 1649 г. заставили его декламировать со сцены крайне ѣдкія *мазаринады*. *Маріонетки Бріошэ* пользовались большимъ успѣхомъ въ концѣ XVII столѣтія. Этотъ театръ находился въ концѣ улицы Генэго, въ такъ называемомъ Шато-Галльяръ. Даже Буало, въ своемъ седьмомъ письмѣ къ Расину въ 1667 году, говоритъ о Франсуа Бріошэ.

Успѣхъ Полишинеля былъ даже весьма значителенъ и въ восемнадцатомъ столѣтіи **). Ему было дозъ-

---

*) Enfants sans souci (беззаботные дѣти), считая невозможнымъ удержаться въ театрѣ des Halles, придумали еще одну характерную особенность, чтобы ихъ шутки казались еще забавнѣе. Одинъ изъ комедіантовъ переодѣлся женщиною, подъ именемъ мадамъ Жигонь. Эта личность очень понравилась и съ тѣхъ поръ подобныя роли всегда исполнялись мужчинами.

**) Пьеръ Бэйль, знаменитый скептикъ, который такъ энергично боролся съ Людовикомъ XIV, въ особенности въ моментъ уничтоженія Нантскаго Эдикта въ 1685 г., находилъ большое удовольствіе въ представленіяхъ Полишинеля. Онъ постоянно останавливался у представленій Полишинеля. Разсказываютъ также, что англичанинъ Курръ одинъ изъ самыхъ знаменитыхъ ораторовъ британскаго парламента, въ минувшемъ столѣтіи, обязанъ Полишинелю проявленіемъ во-

волено и пѣть, и танцовать и даже смѣяться надъ разными современными событіями, что составляло большое удовольствіе для жителей, когда они утѣшались пѣснями, въ виду той гибели, къ которой ихъ вела неизлѣчимая апатія Людовика XV.

Послѣ революціи звѣзда Полишинеля нѣсколько померкла. Послѣ 1830 года Полишинель уступилъ свое мѣсто чисто политической каррикатурѣ. Эту каррикатуру олицетворяли во время іюльской монархіи въ лицѣ Майе. *Майе* былъ такой-же горбунъ, какъ и Полишинель, съ живыми глазами, краснымъ носомъ и толстыми губами; онъ безпрестанно произносилъ ругательства, отличался обжорствомъ, постоянно пьянствовалъ и забавлялъ людей въ теченіе восемнадцати лѣтъ. Майе былъ главнымъ типомъ политическимъ шутомъ; нѣчто въ родѣ французскаго Пунча, мелкаго буржуа, хвастливаго и крикливаго, непримиримаго врага невыгодныхъ для него порядковъ; хотя онъ былъ очень доволенъ тѣмъ что участвовалъ въ государственныхъ переворотахъ, но только въ то время, какъ другіе подставляли свой лобъ подъ пулю, онъ же сидѣлъ запершись въ своемъ погребѣ. Типъ Майе былъ воспроизведенъ самыми талантливыми каррикатуристами; ему часто придавали физіономію политическихъ людей того времени, какъ въ ниже изображенномъ нами рисункѣ и гдѣ былъ изображенъ Карлъ X подъ чертами моднаго шута. Теперь Майе умеръ, а его

его таланта. Одинъ фигляръ устроилъ какъ-то свое представленіе на Ньюмаркетской площади. Куррей, бывшій еще въ то время ребенкомъ, привлеченный устроенными на площади подмостками, выпросилъ у импрессаріо позволенія заставить говорить Полишинеля. Онъ говорилъ съ одушевленіемъ, а его остроты и намеки привлекали массу зрителей. Успѣхъ былъ громадный. Куррэй, ободренный этимъ принялся за ученіе и сдѣлался адвокатомъ, членомъ палаты общинъ и наконецъ канцлеромъ въ 1806 году. Выходитъ довольно пикантно, что Полишинель какъ-бы подготовилъ англійскаго министра.

предокъ Полишинель также сошелъ со сцены. Словомъ, герой веселаго шутовства, который въ теченіе столькихъ столѣтій смѣшилъ народъ, теперь обреченъ на потѣху дѣтей и ихъ нянекъ.

Полишинель и его аколиты итальянской комедіи Арлекинъ, Докторъ, Кассандръ, Коломбіенъ, не были единственными народными актерами, привлекав шими толпу около ихъ подмостокъ. Во Франціи изстари процвѣталъ фарсъ, т. е. такая пьеса, въ которой актеръ былъ

Майе, по рисунку Ксавьэ.

Готьэ Гаргилъ.

авторомъ той сцены, которую самъ разыгрывалъ; это были скорѣе шуты, чѣмъ комики и изъ нихъ самый замѣчательный былъ Табарэнъ, который даже вошелъ въ пословицу. Фарсъ перешелъ изъ Италіи въ Галлію, но тамъ онъ былъ запрещенъ Карломъ Великимъ. Однако, фарсъ продолжалъ свое существованіе на под-

мосткахъ фигляровъ у странствующихъ лѣкарей и на ярмаркахъ. Но эти комедіанты фарса совершенно почти исчезли съ 1629 года; ихъ замѣнила труппа комедіантовъ, дававшихъ свои представленія въ „Hôtel de Bourgogne“, построенномъ на мѣстѣ прежнихъ древнихъ палатъ бургундскихъ герцоговъ, въ улицѣ Моконсейль. Эти *обыкновенные комедіанты короля* играли при дневномъ свѣтѣ трагедіи, комедіи и фарсы и носили вообще два прозвища, одно для серьезныхъ пьесъ, другое для шуточныхъ.

Толстый Гильомъ.

Тюрлюпэнъ.

Трое изъ этихъ актеровъ создали репутацію дирижируемаго ими театра. Эти актеры были: Толстый Гильомъ, Готьэ Гаргилль и Тюрлюпэнъ. Но самымъ популярнымъ былъ Толстый Гильомъ или Цвѣтокъ. Прежде

чѣмъ сдѣлаться актеромъ онъ былъ булочникомъ. Его настоящее имя было Робертъ Гэрэнъ. Онъ игралъ роль добродушнаго простяка, весельчака и пьяницы. Онъ былъ очень толстъ и всегда опоясывался двумя поясами, что придавало ему видъ бочки; Толстый Гильомъ никогда не надѣвалъ маски, но посыпалъ лицо мукою; не смотря на то, что онъ страдалъ одною острою болѣзнію, что часто вызывало у него слезы на глазахъ, во никогда не появлялся на сценѣ, не вызвавъ всеобщаго хохота въ публикѣ, которая принимала его гримасы, вызванныя сильнымъ страданіемъ, за кривлянья и удваивала свой смѣхъ.

Рядомъ съ Толстымъ Гильомомъ тоже много аплодировали Готьэ Гаргиллю или, настоящее имя котораго было Гюгъ Геру. Онъ исполнялъ роли комическихъ стариковъ. Это былъ тощій, сухой человѣкъ съ длинными ногами; онъ надѣвалъ маску съ бородою, что еще болѣе способствовало его успѣху. Внѣ театра это былъ всѣми уважаемый человѣкъ. Когда онъ умеръ, то его вдова, дочь Табарэна, вышла вторично замужъ за одного нормандскаго дворянина.

Тюрлюпэнъ или Бельвилль, настоящее имя котораго было Анри Легранъ, дополнялъ собою тріумвиратъ Hôtel'я de Bourgogne. Тюрлюпэнъ игралъ роли плутоватыхъ слугъ. Одинъ изъ его современниковъ Робинэ говоритъ: „Это былъ прекрасный актеръ. Его шутки были исполнены ума, огня и разсудительности. Словомъ, ему недоставало только немного болѣе наивности, а кромѣ этого, всякій увѣрялъ, что ему не было равнаго, хотя онъ былъ нѣсколько рыжеватъ, но все-же это былъ очень красивый мужчина, статный и ловкій. Въ разговорѣ онъ всегда являлся очень пріятнымъ собесѣдникомъ".

Разсказываютъ, что Толстый Гильомъ, Готьэ Гаргиль и Тюрлюпэнъ сначала давали свои представленія фарсовъ на небольшой переносной сценѣ, въ одной изъ

залъ, гдѣ играли въ мячъ близъ Сенъ-Жакскихъ воротъ и эти три актера играли два раза въ сутки: днемъ отъ часу до двухъ для школьниковъ и еще вечеромъ: они брали за входъ самую ничтожную плату, такъ что на ихъ представленія валила самая разношерстная публика. Актеры театра Hôtel de Bourgogne остались этимъ очень недовольны и пожаловались кардиналу Ришельё. Тотъ приказалъ всѣмъ тремъ комедіантамъ явиться въ его дворецъ, вѣроятно, страшный кардиналъ хотѣлъ самъ лично убѣдиться въ талантѣ этихъ трехъ актеровъ. И вотъ приглашенные начали свое представленіе. Толстый Гильомъ былъ переодѣтъ женщиною и умолялъ своего мужа то на колѣняхъ, то стоя, пощадить его; а мужъ былъ вооруженъ саблею и хотѣлъ отрѣзать голову своей женѣ. Сцена продолжалась очень долго, но разгнѣванный супругъ оказывался неумолимѣе Синей Бороды.

— Ты не болѣе какъ маска!—кричалъ громовой голосъ мужа.—Я знать ничего не хочу! Я тебя убью!

— Ахъ дорогой супругъ!—всхлипывая взывалъ Толстый Гильомъ, заклинаю васъ тѣми щами, которыя вы нашли такими вкусными!

При этомъ напоминаніи гнѣвъ супруга смягчился.

— Ага, хитрая; она съумѣла задѣть мою слабую струну,—вздохнулъ успокоившійся супругъ.

Кардиналъ смѣялся до слезъ. Онъ предложилъ труппѣ „Hôtel de Bourgogne“ взять къ себѣ этихъ трехъ фигурантовъ; такимъ образомъ, въ 1629 г. образовалась знаменитая труппа, которая занимаетъ такое видное мѣсто въ драматической исторіи того времени.

Еще другое преданіе разсказываетъ, что будто Толстый Гильомъ умеръ отъ страха въ тюрьмѣ, куда его заключили, по приказанію одного магистрата, за то, что этотъ актеръ передразнивалъ его гримасы. А что будто бы Тюрлюпенъ и Готье Гаргилль заболѣли, услышавъ о горестной кончинѣ ихъ друга и скончались нѣсколько

дней спустя. Этотъ анекдотъ кажется неправдоподобнымъ уже потому, что Толстый Гильомъ умеръ восьмидесяти

Докторъ.

Гильо Горжю.

лѣтъ и слѣдовательно нельзя предположить, чтобы его кончина была до такой степени трагична.

За этими тремя неразлучными друзьями, неразлучными даже и въ могилѣ, если вѣрить только что приведенному нами преданію, въ Hôtel de Bourgogne былъ еще *Гильо Горжю*, лицо представляемое Бертраномъ Годуэномъ. Гюи Патэнъ разсказываетъ намъ о немъ въ своихъ „Письмахъ“, *) что онъ учился медицинѣ въ Мон-

*) Гюи Патэнъ жилъ въ XVII столѣтіи. Онъ былъ деканомъ медицинскаго факультета въ Парижѣ. Но онъ былъ болѣе извѣстенъ своими острыми словцами и своими *письмами*, наполненными разными любопытными подробностями, относительно жизни и нравовъ его современниковъ чѣмъ своими познаніями въ медицинскихъ наукахъ.

пелье, затѣмъ онъ нѣсколько времени былъ аптекаремъ въ этомъ городѣ; потомъ онъ путешествовалъ съ разными шарлатанами, а въ 1634 г. поступилъ въ труппу Hôtel de Bourgogne. Онъ умѣлъ хорошо изображать врачей, что и не мудрено, такъ какъ онъ самъ учился медицинѣ. Кромѣ того, онъ обладалъ изумительною памятью, такъ что легко и быстро перечислялъ названія цѣлебныхъ травъ, микстуръ и хирургическихъ инструментовъ. Восемь лѣтъ спустя, онъ бросилъ сцену, сдѣлался врачемъ и поселился въ Мелунѣ. Но онъ положительно умиралъ отъ скуки въ этомъ городишкѣ и снова поселился близъ Hôtel de Bourgogne. Гильо Горжю былъ высокій, худощавый брюнетъ очень некрасивый собою. Онъ никогда не носилъ маски, которая ему вовсе и не была нужна при его безобразіи; его игра очень нравилась зрителямъ, когда онъ являлся передъ ними въ своей длинной черной докторской мантіи и въ черномъ беретѣ. Въ такомъ видѣ, онъ и изображается на современныхъ ему гравюрахъ, на которыхъ внизу напечатаны стихотворные отрывки изъ лучшихъ ролей Горжю.

Вмѣстѣ съ Гильо Горжю игралъ также и Жоделэ; онъ всегда появлялся на сценѣ въ роляхъ слугъ, глупыхъ и наивныхъ. Онъ назывался Жюльэномъ или Клодомъ Жофреномъ и былъ отцемъ знаменитаго проповѣдника Жерома Жофрена.

Далѣе слѣдуетъ капитанъ Матаморъ (Met-á-mort). Его роль была очень забавна. Онъ изображалъ хвастуна и труса, храбраго только на словахъ. Такой типъ хвастуна и труса, вѣроятно, заимствованъ изъ Miles Gloriosus (солдатъ-хвастунъ) Планта *).

---

*) Плантъ жилъ въ третьемъ вѣкѣ до Р. Х. (227—183) и былъ одновременно и авторомъ, и актеромъ, и держеромъ труппы. Намъ отъ него осталось всего двадцать пьесъ, а онъ написалъ всѣхъ сто

Кромѣ названныхъ актеровъ, труппу Hôtel de Bourgogne пополняли еще слѣдующія лица: *Бригелль*, игравшій роли плутоватыхъ слугъ, какъ Тюрлюпенъ, *Жакмэнъ Жадо* или *Докторъ* болтунъ и резонеръ, котораго часто, при случаѣ, угощали побоями. *Гандолэнъ*, бравшій на себя роли воровъ и разбойниковъ; наконецъ, *Стентерелло*, исполнявшій роли заносчивыхъ глупцовъ, которые не смотря на это, проникнуты сознаніемъ собственнаго достоинства.

Бригелль.

Однако, слава труппы Hôtel de Bourgogne продолжалась недолго; труппа *Мольера*, появившаяся въ Парижѣ въ 1659 году, опередила своими успѣхами вышеупомянутую труппу: но въ 1680 году обѣ труппы слились вмѣстѣ, а въ апрѣлѣ 1689 года открыли новый театръ въ улицѣ Фоссэ Сенъ-Жермэнъ-дэ-Прэ, которая теперь переименована въ улицу Старой-Комедіи. Изъ этого театра произошла впослѣдствіи сцена нынѣшней „Французской Комедіи“, которая славится своими талантливыми актерами.

Однако, замѣтимъ здѣсь кстати, что Мольеръ не пренебрегалъ фарсомъ, но старался даже укрѣпить его

надцать. Многіе современные писатели заимствовали нѣкоторые типы изъ пьесъ Плаута.

на сценѣ. Этимъ онъ продолжилъ традицію своихъ соперниковъ. „*Ревность замазаннаго*“, „*Летающій Докторъ*“,

Жакменъ Жадо.

„*Вынужденный бракъ*“ и въ особенности „*Плутни Скапэна*“ были не болѣе, какъ шуточныя сценки, изъ которыхъ послѣдняя считается образцовымъ произведеніемъ этого рода и хотя Буало никакъ не могъ простить Мольеру, что тотъ написалъ подобный фарсъ, онъ, который „никакъ не могъ узнать въ оригинальномъ мѣшкѣ, въ который завертывался Скапэнъ, автора Мизантропа.“

Но самый извѣстный изъ народныхъ шутовъ не находился ни въ какой трупиѣ и не значился ни въ одномъ театрѣ. Это былъ *Табарэнъ*.

Лафонтэнъ упоминаетъ о Табарэнѣ въ своей баснѣ, „Свинья, Коза и Баранъ“, точно такъ-же, какъ и Буало

въ своемъ „Art poétique“. Этотъ Табарэнъ былъ товарищемъ Мондора, а не его слугою, какъ объ этомъ долго думали ранѣе, давалъ свои представленія на подмосткахъ, устроенныхъ на Новомъ Мосту. Въ сущности полагаютъ, что имя Табарэнъ это названіе типа, роли, а не настоящее имя товарища Мондора, полученное имъ отъ отца. Однако, Вольтеръ въ своемъ „Dictionnaire philosophique“ говоритъ совершенно иначе: „Табарэнъ это собственное имя, сдѣлавшееся нарицательнымъ. Табарэнъ слуга Мондора, фигляръ на Новомъ Мосту, временъ Генриха IV, далъ это имя парижскимъ шутамъ“. Безъ всякаго сомнѣнія Табарэнъ было сначала собственнымъ именемъ, а потомъ сдѣлалось нарицательнымъ; но такое преобразованіе произошло много ранѣе того времени, чѣмъ когда процвѣтали представленія предполагаемаго слуги Мондора на Новомъ Мосту. Вольтеръ ошибся въ томъ, что Табарэнъ былъ во время Людовика XIII, а не Генриха IV, пользовался такимъ блестящимъ и продолжительнымъ успѣхомъ, что онъ заставилъ забыть своихъ соименныхъ предшественниковъ и поэтому казался первымъ, а не послѣднимъ изъ *табарэновъ*.

Гандолэнъ.

Г-нъ Жаль въ своемъ „Dictionnaire critique d'histoire

et de biographie“ говоритъ, что нѣкій Іеганъ Табарэнъ, итальянецъ изъ Венеціи, жилъ въ Парижѣ въ XVI сто-

Стентерелло.

Табарэнъ.

лѣтіи. Г-нъ Жаль нашелъ метрическое свидѣтельство сына этого лица въ метрическихъ книгахъ, которыя теперь сгорѣли, въ приходѣ Сенъ-Жермэнъ *).

Этотъ итальянецъ изъ Венеціи былъ нѣчто въ родѣ фигляра или шута, который съумѣлъ понравиться

*) Вотъ содержаніе этого метрическаго свидѣтельства: Въ четвергъ 25-го Сентября 1572 года былъ крещенъ Максимиліанъ, сынъ Іегана Табарэна итальянца изъ Венеціи и его жены Полиніады: Воспріемникомъ былъ дворянинъ Іеганъ де Бемъ (убійца Колиньи во время ужасной Варооломеевской ночи) вмѣсто короля, а воспріемницами благородныя дѣвицы Іеганна де-Мовуазэнъ, вмѣсто герцогини де-Гизъ и Франциска Клеркъ, вмѣсто принцессы де-Неверъ.

Карлу IX, такъ что король согласился крестить его сына, и двѣ придворныя дамы были замѣстительницами воспріемницъ новорожденнаго. Это именно, тотъ Табарэнъ былъ создателемъ типа, который долженъ былъ сдѣлаться очень популярнымъ, когда Табарэнъ Новаго Моста перенесъ его на площадь. Можетъ быть еще, что названіе этого типа произошло отъ особаго рода плаща Tabarrino (плащъ паяца), который носили подобнаго рода шуты.

Но какъ-бы то ни было настоящее имя шута, дававшаго свои представленія на Новомъ Мосту, было Жанъ-Саломонъ. Именно это имя и носила его дочь, которая, какъ было упомянуто выше, вышла замужъ за Гюга-Гэрю, прозваннаго Готьэ-Гаргилль. Жаль предполагаетъ, что послѣдній родился въ 1584 году. Что-же касается до *табарэнадъ* или шуточныхъ сценокъ, которыя онъ разыгрывалъ на своихъ подмосткахъ, не бывши ихъ авторомъ, точно такъ-же, какъ и тѣхъ, которыя расходились въ публикѣ до 1664 года, слѣдовательно, въ то время, когда Табарэна уже тридцать лѣтъ, какъ не было на свѣтѣ. Достаточно сказать, что далеко не всѣ эти сценки принадлежали знаменитому фигляру.

Всѣ современники Табарэна согласны въ томъ, что онъ всегда привлекалъ многочисленную толпу къ своимъ подмосткамъ, тогда какъ Мондоръ занимался дѣлами этого товарищества. Однако, эти оба товарища продавали, вѣроятно, полезныя лѣкарственныя травы *). Эти снадобья покупала не только чернь, но и люди, принадлежавшіе къ образованному классу; намъ извѣстно, что священникъ церкви Сенъ-Поль и Сенъ-Луи (въ

*) Главною причиною скопленія толпы у подмостокъ Табарэна было то, что онъ не бралъ никакой платы со своихъ зрителей: деньги платили только тѣ, которые желали пріобрѣсти какіе-либо медикаменты.

улицѣ Сентъ-Антуань близь лицея Карла Великаго), по имени Христофоръ Птп, покупалъ помалу у Табарэна.

Театръ Табарэна и Мондора на Новомъ мосту.

Въ сущности этотъ Жанъ Саломонъ, прозванный Табарэномъ, не былъ выскочкой. Его можно назвать кровнымъ шутомъ. Онъ обладалъ изумительною памятью, веселостью, остроуміемъ. Его шляпа играла большую роль

во время его представленій; онъ придавалъ ей всевозможныя формы *). Въ своемъ „Комическомъ Завѣщаніи“ онъ оставляетъ свою шляпу придворнымъ, потому что нѣтъ ничего измѣнчивѣе ихъ.

Жокриссъ въ Лонжанѣ.

Съ 1633 года о Табарэнѣ рѣшительно ничего не слышно; вѣрнѣе всего, что онъ умеръ, такъ какъ въ 1634 году появилась пьеса, озаглавленная: *„Встрѣча Готьэ Гаргилля и Табарэна въ аду“*. Хотя, конечно, это не можетъ служить безспорнымъ доказательствомъ того, что Табарэнъ умеръ, именно, въ это время. Подобныя шуточныя пьесы были, большею частью, плодомъ фанта-

*) Существуетъ книга min-folio въ восемь листовъ, но годъ не помѣченъ, озаглавленная: *«Забавныя и шуточныя фантазіи шляпы Табарэна»*. Эта книга составляетъ теперь библіографическую рѣдкость.

зіи ихъ авторовъ, которые рѣдко обращали вниманіе на историческіе факты.

Во всякомъ случаѣ, если Табарэнъ не умеръ въ 1633 году, то, вѣроятно, онъ удалился отъ сцены, чтобы наслаждаться спокойствіемъ и жить на свои сбереженія *). Иные предполагали, что Табарэнъ, разбогатѣвъ, купилъ себѣ замокъ. Въ пьесахъ, упоминаемыхъ Жалемъ, Табарэнъ часто называется владѣтелемъ дю Фрэти. Однако, слѣдуетъ замѣтить, что подобная метаморфоза, сдѣлаться изъ фигляра на Новомъ мосту, владѣтелемъ замка, кажется невѣроятною. Табарэнъ, вѣроятно соскучился бы по своимъ подмосткамъ, живя въ спокойномъ уединенномъ замкѣ; такой человѣкъ, привыкшій къ вольному воздуху, къ восторгамъ толпы, не могъ бы свыкнуться съ однообразною жизнью богатаго владѣтеля

Шодрюкъ Дюкло въ Палэ Ройялѣ.

*) Очевидно, что приведенная нами выше басня Лафонтэна еще ничего не доказываетъ относительно года кончины Табарэна или его удаленія отъ дѣлъ. Нельзя предположить, чтобы этотъ шутъ еще былъ живъ въ 1678 г. Упоминаніе о Табарэнѣ, сдѣланное знаменитымъ баснописцемъ, свидѣтельствуетъ только о томъ, что до какой степени было популярно имя этого шута и какъ долго о немъ помнили.

замка. Слѣдовательно, предположеніе, высказанное Жалемъ, не можетъ имѣть никакого основанія.

Табарэнъ, вѣроятно, не былъ послѣднимъ изъ тѣхъ шарлатановъ, которые появляются на ярмаркахъ и на городскихъ площадяхъ. Всѣ фигляры, комедіанты, продавцы лѣкарствъ и разныхъ снадобій, появлявшихся на подмосткахъ, устроенныхъ на площадяхъ, могутъ считать себя потомками этого знаменитаго предка, разъ они одѣты въ трехъ-цвѣтный или какой-либо другой шутовской костюмъ для потѣхи публики; будетъ ли это забавный шутъ въ родѣ Жокриссa или серьезный Шодрюкъ, жившій въ царствованіе Луи-Филиппа *). — Все это люди одного лагеря; но только слѣдуетъ признаться, что не всегда эти потомки Жана Саломона обладаютъ его талантомъ и умѣньемъ развлекать публику и сдѣлаться такимъ популярнымъ, какимъ былъ онъ самъ.

IV

Городскіе шуты.—Общины шутовъ.—Общество шутовъ въ Клевѣ.—Мать шутовъ въ Дижонѣ.

До сихъ поръ, мы говорили о домашнихъ шутахъ, находившихся на службѣ у владѣтельныхъ принцевъ и вельможъ; затѣмъ упоминали также и о народныхъ шутахъ, которые давали свои представленія на городскихъ

*) Всѣ люди, принадлежавшіе къ поколѣнію 1830 года, знали эту странную личность, прозванную *Современнымъ Діогеномъ*, который каждый день, одѣтый въ лохмотья, прогуливался по галлереямъ Пале-Ройяля: зимою онъ гулялъ отъ четырехъ до десяти часовъ, а лѣтомъ отъ двухъ до полуночи. Нѣкогда онъ былъ ярымъ роялистомъ и возмущался негодовалъ на то, что его партія его покинула, послѣ дуэли, въ которой онъ убилъ Ла-Рошжаклейна, онъ придумалъ это средство, чтобы выставить на показъ неблагодарность своихъ прежнихъ друзей.

площадяхъ и были люди совершенно свободные, не имѣвшіе надъ собой никакой власти, и потому давали полную волю своей фантазіи. Теперь намъ осталось упомянуть о такъ называемыхъ *городскихъ шутахъ*, которые состояли, какъ бы на службѣ городскихъ властей и корпорацій; въ число этихъ шутовъ входили и разные фигляры, плясуны, комедіанты, разсказчики, полишинели, всѣ они получали небольшое жалованье или отъ города, или отъ корпорацій.

Такъ, напримѣръ въ Лиллѣ, шутъ всегда предшествовалъ процессіи, обходившей весь городъ во время праздника „Тѣла Христова“. Аббатъ д'Аршиньи разсказываетъ, что такой шутъ и одѣвался, сообразно занимаемой имъ должности и держалъ въ рукахъ жезлъ, которымъ онъ заигрывалъ съ толпою зрителей, позволяя себѣ различныя шутки и дурачества и даже иногда брызгалъ на нихъ водой. Я видѣлъ эту процессію нѣсколько лѣтъ къ ряду; въ это время должность шута исполнялъ одинъ очень зажиточный банкиръ, у котораго сынъ былъ каноникомъ въ главномъ соборѣ города. Народъ никакъ не могъ себѣ представить, чтобы процессія могла обойтись безъ шута, хотя это и казалось нѣсколько страннымъ.

Другой патеръ, аббатъ Валори, разсказываетъ о городскомъ шутѣ Лилля слѣдующее: „Должность шута въ Лиллѣ считалась почетною должностью. Онъ носилъ одежду; скроенную изъ разноцвѣтныхъ кусковъ матеріи и держалъ въ рукахъ шутовскій жезлъ (la marotte). Это былъ его костюмъ для церемоній. Полагаютъ, что шутъ былъ одѣтъ въ такой костюмъ изъ уваженія, которое городъ хотѣлъ выказать Филиппу Доброму, герцогу Бургундскому *), въ свитѣ котораго былъ слуга, одѣтый

*) Извѣстно, что вслѣдствіе брака Филиппа I, герцога Бургундскаго и сына французскаго короля, Іоанна Добраго, съ Маргаритою

въ такой же костюмъ; въ виду этого магистратъ города Лилля, желая понравиться и угодить принцу, одѣлъ точно также и своего городскаго шута . . . . . Тотъ-же патеръ писалъ аббату д'Артиньи: „Все, что вы говорили о личности шута, совершенно вѣрно. Онъ былъ банкиромъ и назывался Корнелемъ, а его сынъ былъ канонникомъ".

Часто случалось, что какой либо городъ, не имѣя своего собственнаго шута, нанималъ какого нибудь посторонняго скомороха, который долженъ былъ, во время извѣстныхъ церемоній, потѣшать толпу къ немалому удовольствію зрителей. Такъ въ городѣ Дьеппѣ, въ половинѣ августа, всегда праздновалась годовщина побѣды французовъ надъ англичанами, подъ стѣнами города, 14-го августа 1443 года.

Шутъ.

Это народное празднество сливалось съ праздникомъ Успенія, что придавало ему еще болѣе значенія и блеска. Тутъ необходимымъ участникомъ процессіи являлся

дочерью Людовика II, вся Фландрія, а слѣдовательно и городъ Лилль перешли въ 1386 въ руки могущественнаго дома Бургундскаго. Филиппъ II Добрый былъ третьимъ изъ этой династіи. Въ 1419 г. онъ наслѣдовалъ своему отцу Іоанну Безстрашному, а въ 1467 году, оставилъ герцогство своему сыну Карлу Смѣлому.

шутъ, котораго народъ называлъ Grimpesolais, а потомъ перемѣнили это въ Grengalet и этотъ обычай сохранился почти до нашего времени и этимъ именемъ всегда назывался какой нибудь знаменитый паяцъ. Это необходимое лицо въ празднествахъ совершавшихся въ Дьеппѣ позволяло часто себѣ самыя неумѣстныя выходки, такъ что подобныя церемоніи были запрещены въ 1647 году.

Но въ сущности этотъ обычай давать шуту видную роль въ различныхъ народныхъ празднествахъ еще не вывелся и въ наше время въ различныхъ мѣстностяхъ Бельгіи и Люксамбурга. Во время такого празднества, въ честь патрона деревни или села, обыкновенно, молодые люди выбирали изъ своей среды кого нибудь, который могъ бы посмѣшить и забавлять толпу.

Въ особенности въ Германіи, была распространена мода на городскихъ шутовъ. Тамъ были, такъ называемые, *Полекрейсеры* (авторы фарсовъ), *Шпрухшпрехеры* (шуточные остряки) составляли необходимое украшеніе всевозможныхъ торжествъ какъ городскихъ, такъ и семейныхъ. Они постоянно присутствовали на свадьбахъ и развлекали гостей, получая за это необходимую плату, нѣсколько рюмокъ вина и угощеніе. Лишь только новобрачные и ихъ гости усаживались за столъ, какъ появлялся Шпрухшпрехеръ. Онъ былъ всегда скромно и прилично одѣтъ, въ плащѣ накинутомъ на плечи, а на груди его красовались медали различныхъ корпорацій, въ рукахъ онъ держалъ красиво выточенную палочку, къ которой были привязаны монеты. Махнувъ своею палочкою, чтобы водворить тишину, онъ сначала обращался съ поздравленіями ко всему обществу; затѣмъ высказывалъ всевозможныя пожеланія счастья новобрачнымъ и въ своей цвѣтистой рѣчи прославлялъ, какъ это нѣкогда дѣлалъ Симонидъ *) и новобрачныхъ и ихъ семьи,

*) Симонидъ былъ лирическій поэтъ, жившій въ V вѣкѣ до Р. Х..

и ихъ профессію. Лишь только шутъ оканчивалъ свою рѣчь, какъ каждый изъ гостей имѣлъ право задать шуту вопросъ, на который тотъ долженъ былъ отвѣчать и ловко и кстати; иногда этотъ Шпрухшпрехеръ отвѣчалъ колкостями по адресу того или другого изъ гостей. И старъ и младъ всѣ съ удовольствіемъ принимали участіе въ такихъ jux d'esprit. По окончаніи шутъ обходилъ всѣхъ присутствующихъ съ небольшою серебряною чашечкою въ рукахъ, куда каждый изъ гостей опускалъ деньги.

Такого рода шуты существовали въ Нюренбергѣ до конца минувшаго столѣтія. Одинъ изъ самыхъ извѣстныхъ шутовъ былъ Вильгельмъ Веберъ. Онъ зналъ наизустъ почти всѣхъ писателей древности, переведенныхъ на нѣмецкій языкъ. Слѣдовательно, при каждомъ предлагаемомъ ему сюжетѣ, онъ находилъ въ своей памяти достаточно поэтическихъ воспоминаній для импровизаціи длиннаго стихотворенія съ цитатами изъ древнихъ авторовъ. Разсказываютъ, что на одной свадьбѣ три молодыхъ ремесленника сдѣлались жертвами его колкихъ шутокъ и потому всѣ трое сговорились ему отмстить. Они подкараулили его ночью и когда онъ выходилъ изъ кабака и бросили въ Фишбахъ, рѣчку, протекающую по Нюренбургу и тотчасъ убѣжали, оставивъ его одного бороться съ водою. Веберъ толстый и неповоротливый еле выкарабкался изъ рѣки, которая текла между двухъ набережныхъ. Выйдя изъ воды, онъ отряхнулъ свою одежду, поднялъ глаза къ небу и въ эту трудную минуту, вѣрный своей поэтической маніи, началъ въ стихахъ небольшую импровизацію, въ которой умолялъ провидѣніе указать ему тѣхъ негодяевъ, которые бросили его въ воду, чтобы онъ могъ пожаловаться на нихъ вла-

---

который, какъ говорятъ, воспѣвалъ славу побѣдителей на большихъ играхъ въ Греціи. Если атлеты или бѣгуны были люди темнаго происхожденія, то Симонидъ ловкимъ оборотомъ рѣчи переходилъ къ похваламъ Кастору и Поллуксу его любимымъ богамъ.

тямъ или самъ сломать имъ кости; но исторія умалчиваетъ о томъ, было-ли исполнено моленіе Вебера.

Но не только у городовъ были свои *шуты*, но даже и *у* различныхъ *корпорацій*; такіе шуты, во время торжественныхъ церемоній, въ праздничные дни, веселили толпу своими шутками и выходками, иногда нелишенными остроумія и забавъ.

Иногда города или корпораціи поручали потѣшать толпу нѣсколькимъ шутамъ заразъ; такимъ образомъ, сформировались общества и товарищества шутовъ, которыя въ день, назначенный заранѣе, устраивали процессіи и представленія, къ немалому восторгу ихъ согражданъ.

Эти веселые ученики Момуса часто принадлежали къ лучшимъ фамиліямъ города, а иногда даже и къ дворянству; они добровольно вступали въ общество носителей шуточнаго жезла. Они приносили свою жертву веселью, какъ Анаксагоръ приносилъ жертву Граціямъ, время отъ времени въ дни общественныхъ или частныхъ празднествъ. Наиболѣе выдающіяся изъ этихъ шутовскихъ обществъ назовемъ слѣдующія: „*Веселое общество Корнардовъ*“, въ Эвре и „*Рыцари ордена шутовъ*“ въ Клевѣ и въ особенности, было замѣчательно „*Товарищество Матери Шутовъ*“ въ Дижонѣ.

Корнарды или Конарды, вождь которыхъ назывался аббатъ *Конардорумъ*, составляли кружокъ пѣсенниковъ и разсказчиковъ, которые собирались, чтобы посмѣяться, попутить надъ текущими городскими происшествіями и явленіями городской общественной жизни, служившихъ поводомъ къ сатирѣ и злословію. Сборникъ ихъ шутокъ, носившій названіе „facetiae Conardorum“ былъ извѣстенъ во всей странѣ. Кромѣ того, этотъ кружокъ пользовался особенными, ему принадлежавшими привиллегіями. Корнарды, во время своихъ ежегодныхъ празднествъ, получали право суда въ Эвре; такое право было имъ дано,

по распоряженію парижскаго парламента и подтверждено Руанскимъ парламентомъ. Во время дней веселья, аббата Корнардовъ возили не только по всѣмъ улицамъ города, но и по всѣмъ окрестнымъ деревнямъ; онъ сидѣлъ на ослѣ и былъ одѣтъ въ шутовской костюмъ, его сопровождали члены кружка съ пѣснями и прибаутками на французскомъ языкѣ, примѣшивая къ нему и плохой латинскій языкъ.

Это общество окончило свое существованіе, какъ и большая часть обществъ подобнаго рода. Ихъ дерзость увеличивалась все болѣе и болѣе и, наконецъ, достигла самыхъ крайнихъ предѣловъ, такъ что этотъ кружокъ послѣ своего полуторастолѣтняго существованія былъ уничтоженъ, въ 1420 году, Павломъ де Конрани, епископомъ Эвре.

Въ Руанѣ также существовалъ кружокъ Корнардовъ, извѣстный подъ именемъ *Коклюшниковъ* (Coglueluchiers) вѣроятно, вслѣдствіе того, что они носили на головахъ особаго рода шутовскіе капюшоны или шутовскіе колпаки. Коклюшникамъ было разрѣшено собираться въ церкви Богоматери-Благовѣстницы только во время масляницы, такъ какъ въ другіе дни, они, своимъ присутствіемъ, только нарушали-бы благочиніе молящихся.

Но такіе кружки существовали почти во всѣхъ большихъ городахъ сѣверной Франціи; такъ напримѣръ, въ Лиллѣ, въ Дуэ и въ Валансьеннѣ.

Рыцари Ордена Шутовъ въ Клевѣ продержались долѣе всѣхъ подобныхъ имъ кружковъ и, по всей вѣроятности, породили „*Общество Матери Дураковъ*“ въ Дижонѣ или *Дижонскую пѣхоту*, самое замѣчательное изъ всѣхъ подобныхъ обществъ.

Орденъ Шутовъ былъ основанъ въ Клевѣ въ 1381 году въ день св. Кунберта, графомъ Адольфомъ Клевскимъ и его тридцатью пятью пріятелями. Самый актъ учрежденія этого ордена, съ тридцатью шестью печатями,

существовалъ въ архивѣ города Клевъ еще въ концѣ минувшаго столѣтія. Печать графа Адольфа была красная а печати остальныхъ учредителей зеленаго цвѣта. Члены этого ордена собирались во время сбора винограда, въ первое октябрьское воскресенье и оставались тамъ до слѣдующаго воскресенья; эти сборища происходили въ помѣщеніи, спеціально устроенномъ для такихъ собраній; во время этихъ собраній, члены общества веселились и обѣдали вмѣстѣ и выбирали короля и шесть совѣтниковъ, которые должны были руководить празднествами. Затѣмъ, во вторникъ, они собирались всѣ вмѣстѣ и отправлялись въ городской соборъ, чтобы помолиться за упокой душъ тѣхъ изъ ихъ товарищей, которые скончались въ текущемъ году. Въ пятницу, до восхожденія солнца, тѣ изъ членовъ, которые въ теченіи года жили несогласно или ссорились между собою должны были явиться къ королю и его совѣтникамъ и непремѣнно примириться между собою, до заката солнца того же дня. Весьма понятно, что всѣ члены ордена должны были непремѣнно являться на эти годовыя собранія и не принимались никакія оправданія, конечно, исключая болѣзни, но и та должна была быть непремѣнно доказана и еще отсутствія, если уѣхавшій находился на разстояніи шести дней пути отъ Клева Тотъ, кто находился въ отсутствіи просто изъ прихоти, а не по дѣлу, тотъ платилъ пеню въ три турскихъ ливра, которые раздавались бѣднымъ.

Рыцарь ордена шутовъ въ Клевѣ.

Какъ отличительный признакъ принадлежности къ

ордену, его члены должны были носить на своемъ плащѣ вышитое изображеніе шута, который былъ въ колпакѣ на половину краснымъ, на половину серебрянымъ и украшенъ погремушками. Шутъ былъ изображенъ съ золотымъ блюдомъ въ рукахъ, на которомъ были уложены различные фрукты.

Если кто либо изъ членовъ не носилъ каждый день изображенія шута на своемъ плащѣ, тотъ подвергался такой же пени, какую брали съ отсутствующаго на годовыхъ собраніяхъ.

Изъ всѣхъ этихъ подробностей можно заключить, что этотъ орденъ вовсе не былъ собраніемъ шутовъ, а скорѣе дружественною или братскою ассоціаціею гдѣ всѣ сословія были сравнены между собою. Правда, члены ордена развлекались и веселились вмѣстѣ, но они никогда не давали публичныхъ представленій. Въ своихъ собраніяхъ они стремились къ полной свободѣ, которая была у нихъ

Мать шутовъ въ Дижонѣ (рѣзное изображеніе на деревѣ).

Шутовскій жезлъ «матери шутовъ».

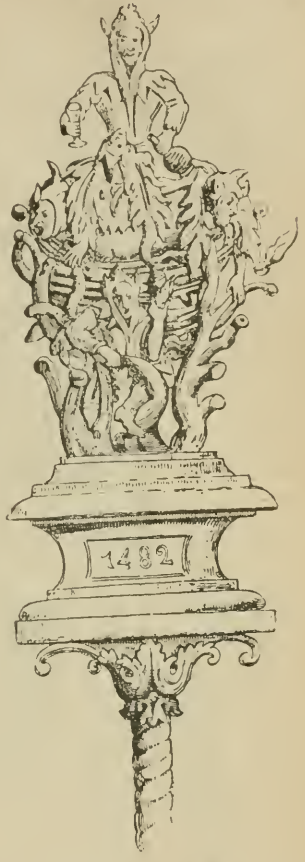
и общимъ правиломъ и закономъ. Тутъ не существовало никакихъ привилегій; титулъ и дворянство не

имѣли никакихъ преимуществъ: члены ордена обыкновенно собирались вмѣстѣ, чтобы хотя нѣсколько развлечься отъ ихъ однообразной жизни.

Именно отъ этого ордена рыцарей Клевъ, какъ мы упомянули выше, возникло общество Матери Шутовъ въ Дижонѣ. Бургиньонское товарищество уже было основано во время Филиппа II Добраго, который царствовалъ отъ 1419 до 1467. Вѣроятно, это товарищество было основано Энгельбертомъ Клевскимъ, губернаторомъ герцогства Бургундскаго, потомкомъ графа Адольфа, основателя ордена рыцарей шутовъ. Въ сущности, сношенія между принцами Клева и герцогами Бургундскими были очень частыя въ средніе вѣка, чѣмъ и объясняется основаніе въ Дижонѣ общества, подобнаго Ордену Шутовъ.

Общество, названное товариществомъ Матери Шутовъ, состояло изъ пятисотъ лицъ, принадлежавшихъ къ различнымъ сословіямъ: тутъ были и члены парламента, члены счетной палаты, и адвокаты, и прокуроры, и купцы и мѣщане; число членовъ могло быть и еще болѣе увеличено, такъ какъ девизъ общества былъ слѣдующій: Stultorum numerus est infinitus (число глупцовъ безконечно). Во время большихъ праздниковъ, въ дни свадебъ или въ годовщины рожденій принцевъ, а также и при важнѣйшихъ церемоніяхъ всѣ члены дижонскаго шутовскаго общества наряжались въ шелковыя платья, состоящія изъ трехъ цвѣтовъ: зеленаго, краснаго и желтаго; такія платья были затканы золотомъ и серебромъ; на головѣ у нихъ былъ колпакъ трехъцвѣтный какъ и платье, съ двумя остріями или рожками и съ колокольчиками, а въ рукахъ у нихъ былъ шутовской жезлъ, украшенный головой шута. Эти члены общества разъѣзжали верхомъ по улицамъ города и обязаны были говорить только стихами. Главною цѣлью этого общества было веселье и удовольствіе. Городъ Дижонъ, говоритъ

г. Менетріэ, одинъ изъ ученыхъ людей XVII столѣтія,— мѣсто виноградниковъ и виноградарей, долгое время наслаждался зрѣлищемъ процессій общества „Матери Шутовъ“. Особенно шумно веселились члены общества во время карнавала; даже состоятельные и знатные люди города наряжались виноградарями, садились на телѣжки и распѣвали шуточныя пѣсни и осмѣивали нравы своихъ согражданъ.



Жезлъ общества матери шутовъ.

Учрежденіе этого общества было подтверждено стихотворнымъ указомъ Филиппа Добраго, обнародованнымъ въ пятницу 27-го декабря 1454 г.

Кромѣ того, въ 1482 этотъ указъ былъ опять подтвержденъ и подъ нимъ подписались слѣдующія лица: Жанъ д'Амбуазъ, епископъ и герцогъ Лангрскій, перъ Франціи, намѣстникъ Бургундіи и де-Бодрикуръ, намѣстникъ въ Дижонѣ.

Это общество состояло изъ „пѣхоты“, которая собиралась по призыву „фискальнаго прокурора или зеленаго фискала“. Командиромъ пѣхоты избирался тотъ, который отличался своею представительною внѣшностью, своими хорошими манерами и честностью. Его избирало единогласно все общество и онъ принималъ внушеніе „Матери Шутовъ“. У него былъ свой дворъ, какъ у короля или у владѣтельнаго князя; у него были

и швейцарцы тѣлохранители, и конная стража, чиновники для отправленія правосудія, чиновники для управленія его домашними дѣлами; были у него и канцлера и оберъ-шталмейстеръ, словомъ, весь свой дворъ. Лица, назначенныя для отправленія этихъ должностей, отличались одно отъ другого своими различными костюмами. Кромѣ того, слѣдуетъ замѣтить, что всѣ рѣшенія „Ма-

Штандартъ общества «Матери Шутовъ».

тери Шутовъ“ считались вполнѣ законными и приводились въ исполненіе, кромѣ тѣхъ, которыя подвергались

кассаціи со стороны дижонскаго парламента. Еще до сихъ поръ сохранилась резолюція суда отъ 6-го февраля 1579 года, утверждающая рѣшеніе Матери Шутовъ.

Вся организація общества была совершенно военная. У него былъ штандартъ съ множествомъ изображенныхъ на немъ головъ шутовъ, въ колонахъ съ золотыми перевязями и съ надписью: Stultorum numerus est infinitus. (Число глупцовъ безконечно). Кромѣ штандарта у Матери Шутовъ было трехъцвѣтное знамя съ двумя огненными лопастями; знамя было краснаго, зеленаго и желтаго цвѣтовъ; такое знамя было почти одинаковой величины со знаменемъ герцоговъ Бургундскихъ. По серединѣ знамени была изображена сидящая въ креслахъ женщина, одѣтая въ трехъцвѣтный костюмъ, состоящій изъ краснаго, зеленаго и желтаго цвѣтовъ; въ рукахъ у ней былъ шутовской жезлъ съ головою шута; на головѣ у ней былъ надѣтъ шутовской колпакъ съ двумя рожками, а изъ подъ ея платья выползало множество маленькихъ шутовъ въ колпакахъ съ рожками.

Мать шутовъ.

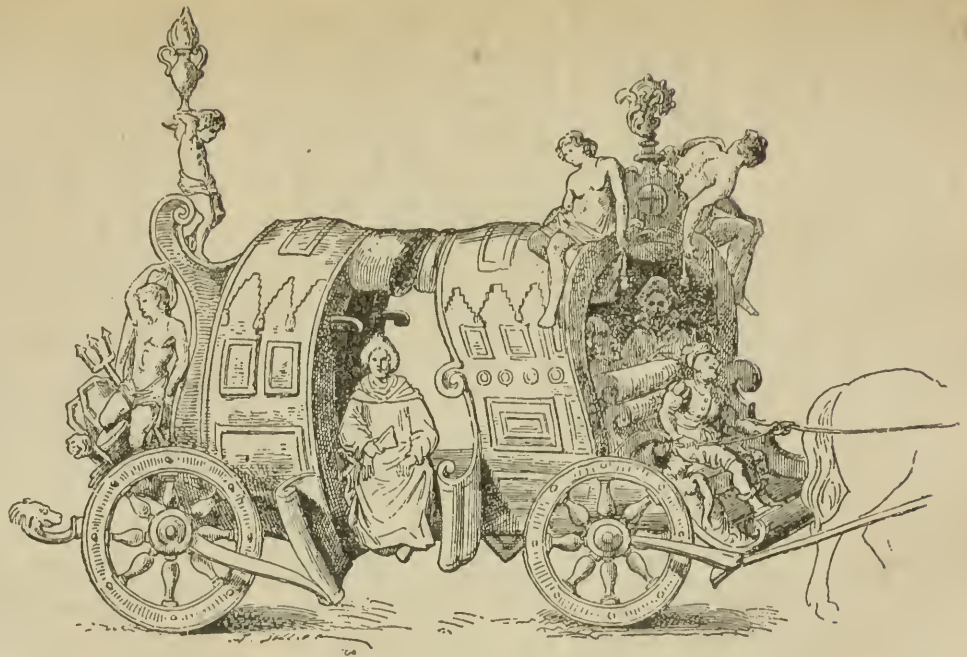
Когда члены дижонской пѣхоты собирались для пиршествъ, то каждый изъ нихъ приносилъ свое блюдо. Пятьдесятъ тѣлохранителей, избранныхъ изъ самыхъ богатыхъ ремесленниковъ, города охраняли дверь залы,

а когда Мать Шутовъ выходила на улицу, то они сопровождали ее пѣшкомъ, за исключеніемъ полковника, который ѣхалъ на лошади.

Въ разныхъ торжественныхъ случаяхъ, все общество проѣзжало по городу въ большихъ разрисованныхъ колесницахъ, запряженныхъ въ шесть лошадей, покрытыхъ трехъцвѣтными попонами. Кучеръ и форрейторъ также были одѣты въ трехъцвѣтныя ливреи. Эти колесницы проѣзжали по самымъ лучшимъ улицамъ города. Четыре герольда шли впереди процессіи, затѣмъ слѣдовалъ начальникъ стражи; далѣе, тянулись колесницы и за ними Мать Шутовъ на бѣломъ иноходцѣ, предшествуемая двумя герольдами. За нею придворныя дамы, затѣмъ шесть пажей одинъ за другимъ, потомъ двѣнадцать лакеевъ, знаменщикъ, шестьдесятъ должностныхъ лицъ, конюшіе, сокольничій, егеря и другія должностныя лица. Въ концѣ шествія ѣхали пятьдесятъ всадниковъ, зеленый фискалъ и тѣлохранители. Кортежъ, во время своего шествія, останавливался передъ домомъ губернатора, затѣмъ, передъ домомъ перваго президента парламента и наконецъ, передъ домомъ мэра; при каждой остановкѣ, назначенное лицо должно было продекламировать какое либо стихотвореніе.

Если въ Дижонѣ происходило какое нибудь выдающееся событіе—радостное или драматическое—какая нибудь оригинальная свадьба, мошенничество, убійство, растрата казенныхъ денегъ, такъ тотчасъ на улицахъ города появлялись расписанныя колесницы. Общество со всею пѣхотою, въ полномъ составѣ, торжественно направлялось по всѣмъ улицамъ города. Нѣкоторыя изъ лицъ, принимавшихъ участіе въ процессіи наряжались, такимъ образомъ, чтобы напомнить о томъ событіи, которое наканунѣ взволновало весь городъ.

Такъ, напримѣръ, въ 1638 году появилась въ Дижонѣ небольшая брошюра носившая слѣдующее заглавіе: „*Раз-*



Колесница матери шутовъ въ Дижонѣ по рисунку Дю-Тилльо.

сказъ о томъ, что произошло въ Дижонѣ, въ день благополучнаго рожденія Людовика XIV"; въ этой брошюрѣ были слѣдующія подробности: „Дижонская пѣхота, вслѣдствіе продолжительнаго мира, имѣла достаточно досуга для подготовленія къ увеселенію публики, явилась въ этотъ день въ полномъ блескѣ и состояла изъ четырехъ сотъ всадниковъ въ маскахъ и въ разноцвѣтныхъ костюмахъ; эти всадники распѣвали пѣсни по поводу благополучнаго рожденія наслѣднаго принца".

Самыя важныя лица считали для себя большею честью быть принятыми въ дижонскую пѣхоту. Дю-Тилльо въ заключеніе своего труда, озаглавленнаго: „Мемуары о праздникѣ Шутовъ, въ которомъ онъ говоритъ подробно о Матери Шутовъ, указываетъ между членами общества на Генриха Бурбонскаго, принца Кондэ *), перваго принца крови, принятаго въ члены общества въ 1626 году; затѣмъ графъ д'Аркуръ одинъ изъ лучшихъ генераловъ, во время царствованія Людовика XIII, нѣсколько разъ наносившаго пораженіе Испанцамъ и принятаго въ число членовъ общества въ 1629 году; Де-ля-Ривьэръ, епископъ и герцогъ Лангрскій; Жанъ де-Ванденэссъ, бывшій управляющій по домашнимъ дѣламъ Карла V; впослѣдствіи онъ удалился въ Бургундію, гдѣ и умеръ въ преклонныхъ лѣтахъ.

Если какое нибудь лицо заявляло желаніе поступить въ члены общества, то зеленый фискалъ предлагалъ ему вопросы въ риѳмованныхъ стихахъ. Кандидатъ въ члены общества, стоя передъ Матерью Шутовъ и передъ главнѣйшими членами общества, отвѣчалъ также въ стихотворной формѣ и достаточно обстоятельно; если-же онъ отвѣчалъ неудовлетворительно, то его пріемъ въ члены общества отлагался. Когда-же было рѣшено принять его

*) Отецъ великаго Кондэ.

въ члены общества, то ему надѣвали на голову трехцвѣтный колпакъ и выдавали патентъ на пергаментѣ, писанный буквами трехъ красокъ и съ печатью также трехъ цвѣтовъ. Этотъ патентъ былъ написанъ въ шутовскомъ духѣ, какъ патентъ, выданный де-ля Ривьэру, текстъ котораго былъ слѣдующій:

„Высокопоставленные и досточтимые соучастники дижонской пѣхоты, питомцы Аполлона и музъ, законныя дѣти чтимаго отца Веселья, извѣщаемъ всѣмъ глупцамъ, архиглупцамъ, безумнымъ, легкомысленнымъ поэтамъ по природѣ, какъ настоящимъ, такъ и будущимъ, какъ присутствующимъ, такъ и отсутствующимъ, что высокопоставленный и могущественный владѣтель де-ля-Ривьэръ, епископъ и герцогъ и пэръ Лангрскій изъявилъ желаніе вступить въ число нашихъ веселыхъ и любезныхъ чадъ дижонской пѣхоты, мы нашли его способнымъ носить трехъ-цвѣтный колпакъ и жезлъ премудрой глупости и даемъ ему право занять такую должность въ нашей средѣ, которая будетъ соотвѣтствовать его способностямъ, а также и тѣмъ почестямъ, привилегіямъ, правамъ и преимуществамъ, которыя даровало ему небо, вмѣстѣ съ полною свободою странствовать по всему свѣту и упражняться въ дѣйствіяхъ глупостей, уменьшая или увеличивая число этихъ дѣйствій по своей собственной волѣ, предназначая это для пораженія и погибели враговъ Франціи и съ таковыми мы позволяемъ ему расплачиваться его собственными руками и такимъ способомъ, который онъ найдетъ наилучшимъ; такова воля и желаніе. Данъ въ Дижонѣ....“

Если какой либо посторонній человѣкъ, непринадлежавшій къ обществу, наносилъ оскорбленіе или самому обществу, или какому либо изъ его членовъ, то его приводили на судъ къ Матери Шутовъ и заставляли его выпить нѣсколько стакановъ воды или подвергали его какому либо другому шутливому наказанію, а

часто заставляли его платить пеню. Если обвиняемый воспротивлялся такому рѣшенію, то тѣлохранители являлись къ осужденному на домъ, располагались у него и пили и ѣли въ сосѣднемъ трактирѣ на счетъ ослушника.

Дижонская пѣхота долгое время была въ большомъ почетѣ; она не только справляла свои празднества въ Дифонѣ, устраивая тамъ свои процессіи, но еще основывала и подобныя себѣ общества въ другихъ городахъ Бургундіи, какъ напримѣръ, въ Шалонѣ, гдѣ основалось общество „Молодчиковъ“ (Gaillardons). Но весьма понятно, что такого рода развлеченія, увеличиваясь и распространяясь все болѣе и болѣе, стали уже переходить границы дозволеннаго и дѣлать разныя злоупотребленія. Общество „Матери Шутовъ“ стало позволять себѣ такія выходки, которыя много вредили нравственности жителей города. Ея непозволительныя дерзости вооружили противъ нея народъ.

Общество Молодчиковъ въ Шалонѣ первое понесло наказаніе за свои дерзости и было запрещено 31-го января 1626 года правительственнымъ распоряженіемъ, содержаніе котораго было слѣдующее: „Жителямъ города воспрещаются какія-бы то ни было сборища, какъ публичныя, такъ и тайныя, подъ именемъ общества „Матери Шутовъ“ или „Молодчиковъ“, — показываться гурьбою на улицахъ пѣшкомъ или верхомъ на лошадяхъ, въ маскахъ или безъ масокъ; пѣть пѣсни, декламировать стихи, или прозу, или что либо въ этомъ духѣ“. Кромѣ того, начальство обращалось еще и къ отцамъ семействъ, чтобы тѣ наблюдали за своими домашними, а въ случаѣ, неповиновенія послѣднихъ постановленіямъ властей, наказанію будутъ подвергнуты и сами отцы семействъ.

Нѣсколько дней спустя, такое запрещеніе было отмѣнено по просьбѣ молодыхъ людей города Шалона.

„Молодчикамъ“ было дозволено устраивать различ-

ныя увеселенія, но при этомъ не производить большого шума и не дѣлать безчинствъ. Притомъ всѣ процессіи по улицамъ города могли совершаться только съ дозволенія магистрата, которому должны были быть представлены и сочиненные ими стихи, прежде чѣмъ ихъ будутъ декламировать передъ публикою.

Но это была только небольшая отсрочка. Четыре года спустя, даже и общество „Матери Шутовъ“ было уничтожено королевскимъ эдиктомъ отъ 21-го іюня 1630 г. Въ королевскомъ эдиктѣ сказано, что въ виду тѣхъ жалобъ, которыя приносили жители города на членовъ общества „Матери Шутовъ“ которые позволяли себѣ все возможныя безчинства, что сильно вредитъ нравственности жителей и нарушаетъ ихъ спокойствіе. Для того, чтобы совершенно искоренить это зло, какъ въ настоящее время, такъ и на будущее, повелѣвается совершенно закрыть общество Матери Шутовъ. Далѣе въ этомъ эдиктѣ говорилось, что воспрещается всѣмъ подданнымъ города Дижона, а равно и другихъ городовъ собираться и составлять сообщество подъ названіемъ „Пѣхоты“ или „Матери Шутовъ“, а также и поступать въ члены этого общества и участвовать въ пиршествахъ названнаго общества. Ослушники-же будутъ отрѣшены отъ исполненія какихъ-бы то ни было городскихъ должностей, и кромѣ того, будутъ подвержены взысканіямъ, какъ нарушители общественнаго порядка и спокойствія“.

Но не смотря на такое запрещеніе, члены общества Дижонской пѣхоты, собрались еще разъ въ 1638 году, какъ это было сказано выше, именно въ день рожденія Людовика XIV. Но для этого собранія членовъ общества потребовалось спеціальное разрѣшеніе правительства; такое разрѣшеніе давалось и позднѣе, но это считалось, какъ рѣдкое исключеніе. Такъ что въ дѣйствительности общество „Матери Шутовъ“ все еще существовало. Обитатели Бургундіи отличаются веселымъ характеромъ и

правительству трудно было побороть ихъ стремленіе къ шутливой сатирѣ и къ шумнымъ проявленіямъ веселости. Это прямо въ крови этой сильной расы. Оды и эпиграммы обоихъ Пироновъ *), конечно оживили-бы жителей Бургундіи, еслибы ихъ веселость могла-бы исчезнуть вмѣстѣ съ закрытіемъ общества „Матери Шутовъ“. Но скажемъ только, что съ закрытіемъ общества „Дижонской Пѣхоты“ исчезли и ассоціаціи добровольныхъ шутовъ, воспитанныя на высотѣ настоящихъ мѣстныхъ учрежденій, имѣвшихъ правильную организацію и дѣйствовавшихъ въ теченіе цѣлыхъ столѣтій, составляя радость и развлеченіе для своихъ согражданъ.

Шутъ по рисунку Кило.

*) Эме Пиронъ и Алексѣй Пиронъ — отецъ и сынъ: первый былъ аптекаремъ и поэтомъ и оба пользовались большою славою, въ особенности послѣдній; онъ отличался тѣмъ замѣчательнымъ остроуміемъ, которое составляетъ характерную черту уроженца Бургундіи. Алексѣй Пиронъ, хотя и былъ принятъ въ члены Академіи въ 1753 году, но его избраніе не было санкціонировано Людовикомъ XV.

СКОМОРОХИ И ШУТЫ ВЪ РОССІИ.

I

Скоморохи «веселые люди».—Мнѣніе народа о скоморохахъ.—Одежда скоморроховъ.—Непрофессіональные скоморохи.—Добрыня Никитичъ.—Ставръ Годиновичъ. — Соловей Будимировичъ. — Чурилла Пленковичъ.—Боянъ Гудецъ.—Бахари.—Домрачеи.—Бандуристы.

Нельзя не согласиться съ тѣмъ, что искусство скомороховъ крайне грубо, но оно въ теченіи многихъ столѣтій представляло единственное развлеченіе для народа, который въ то время еще не имѣлъ ни малѣйшаго понятія ни о литературѣ, ни о театрѣ. Кромѣ того, скоморохи были единственными представителями народной свѣтской музыки и пѣнія въ Россіи, почти вплоть до половины XVII столѣтія. Относительно музыки скомороховъ мы можемъ дѣлать одни только предположенія; древніе скоморохи не знали нотныхъ знаковъ и потому не могли записывать своихъ пѣсенъ.

Скоморохи были еще извѣстны подъ именемъ „веселыхъ“ какъ и поется о нихъ въ народной пѣснѣ:

По улицамъ *веселые* похаживаютъ,
Гудки да волынки съ собою понашиваютъ,
«Про между собою веселы разговариваютъ:
А гдѣ-ка *веселымъ* будетъ спать ночевать»?

Народъ смотрѣлъ на скомороховъ, какъ на забавныхъ шутовъ, которые въ праздничные дни веселили его и потѣшали своими плясками, пѣснями и прибаутками; въ семьѣ у скомороха всегда было весело, точно

горя и заботъ вовсе и не существовало на землѣ; такъ въ русской пословицѣ говорится: *скоморохова жена всегда весела!* Но такъ-ли это было на самомъ дѣлѣ? Большая часть скомороховъ не имѣла осѣдлости, хозяйства, своего собственнаго очага. Бродили они изъ села въ село, изъ деревни въ деревню съ волынкою въ рукахъ и складывали свои незатѣйливыя пѣсни, придумывали смѣшныя прибаутки и тѣшили толпу. Его балалайка и гудокъ были для него необходимыми предметами; голосомъ далеко такъ не выведешь, какъ инструментомъ, да и одинъ опять инструментъ немного и стоитъ. А вотъ, какъ скоморохъ на волынкѣ наигрываетъ, голосомъ, подтягиваетъ, ногами тактъ отбиваетъ и потомъ и въ плясъ пустится, то тутъ и пошло веселье; толпа, окружавшая скомороха, приходитъ въ восторгъ и сама рада пуститься въ плясъ, но только врядъ-ли удавалось кому проплясать такъ, какъ плясалъ скоморохъ; это былъ мастеръ своего дѣла и не даромъ на Руси сложилась пословица: *И всякъ спляшетъ, да не какъ скоморохъ*:

Несмотря на то, что народъ любилъ послушать пѣніе и игру скомороховъ, но все же относился къ этимъ людямъ, какъ къ бѣсову отродью. Такъ въ народѣ и сложилась пословица: *„Богъ далъ попа, а чортъ скомороха!* Пѣсни, пляску и прибаутки народъ считалъ прямо дьявольскимъ навожденіемъ. А слово шутъ уже прямо отожествлялось у народа со словомъ *чортъ*. Такъ нерѣдко говорятъ, и до сихъ поръ: *Шутъ его побери!*

Кромѣ, того скоморохи и шуты, какъ на западѣ, такъ и у насъ, на Руси, носили особую одежду, а не такую, какую носили другіе люди. Такъ всѣ скоморохи и шуты одѣвались въ рубаху, подоткнутую у пояса, узкіе штаны, а на головахъ маленькія остроконечныя шапочки. Такая *скоморошеская крута* напоминаетъ намъ нѣсколько то мѣсто одной изъ русскихъ лѣтописей, гдѣ указывается, что отличительная черта всякаго скомороо-

шескаго платья это *кротополіе*, т. е. короткія полы, необходимыя для того, чтобы были видны ноги, когда скоморохъ начинаетъ плясать.

Скоморохи и шуты были всегда необходимою принадлежностью на всѣхъ пирахъ и свадебныхъ торжествахъ. Такъ въ одной изъ былинъ о Добрынѣ разсказывается, что послѣдній является на пиръ, наряженный скоморохомъ:

Накрутился молодецъ скоморошиной,
Пошелъ какъ на хорошъ, почестенъ пиръ.

Его милостиво встрѣчаютъ Владиміръ-князь и королевична Опраксія, упрекая въ томъ, что не заходилъ раньше, а только напрасно проживался:

Ай-же ты, дѣтина пріѣзжая.
Скоморошная, гусельная.
Для чего-же ты долго проживаешься.
Проѣдаешься, пропиваешься,
Нейдешь къ намъ на почестенъ пиръ.

Въ этой-же былинѣ упоминается, что на пиру присутствовала цѣлая толпа „гусельниковъ", „игроковъ" гудочниковъ или „скомороховъ"; всѣ мѣста были заняты; тогда *Добрыня* проситъ князя дать ему—гусельнику—мѣстечко.

На это князь Владиміръ отвѣчаетъ, что всѣ мѣста заняты.

Но лишь только Добрыня заигралъ въ „гуселышки яровчаты" и запѣлъ пѣсню, какъ всѣ „игроки пріумолкнули" всѣ скоморохи „пріослушались".

Добрыня Никитичъ не принадлежалъ къ числу профессіональныхъ скомороховъ, а къ такъ называемымъ, *пѣвцамъ-любителямъ;* послѣдніе были люди изъ знатнаго боярскаго рода или даже княжескаго; они обыкновенно группировались около великаго князя и были извѣстны подъ именемъ дружинниковъ или витязей-дружинниковъ.

Самое рожденіе Добрыни ознаменовалось чудеснымъ движеніемъ стихій. Такъ, по этому поводу, въ былинѣ говорится не туча тучится, не теменье темнится, выбѣгало звѣрей стадо, въ томъ стадѣ левъ, а шерсть у льва золоченая,

Крыцялъ левъ по звѣриному.
Поссыпались тутъ круты-красны бережоцки,
Смутилисе мать Нѣпра-рѣка:
Заслышали рожденьице Добрынино.
Дакъ родился въ тое время Добрыня князь.

Въ былинѣ разсказывается, что Добрыня обладалъ большимъ даромъ играть на гусляхъ, его искусство въ игрѣ превосходило всякую скоморошескую игру. Когда начиналъ играть Добрыня его игрѣ дивились цари и царевичи, короли и королевичи.

«Еще не было молодого гусельщика
«Супротивъ Добрынюшки Микитица,

Добрыня любилъ странствовать со своими гуслями, чтобы показать свое искусство и не таить дара Божьяго. Въ одной изъ былинъ описывается пріѣздъ Добрыни въ Кіевъ. Ѣдетъ Добрыня „издалеча“ со слугою своимъ Таропомъ; пріѣзжаетъ ко двору Владимірову и остается здѣсь нѣсколько лѣтъ; потомъ-же онъ отправляется погулять; вслѣдъ за этимъ и начинаются разные его подвиги и похожденія:

Издалеча, издалеча въ чистомъ полѣ,
Какъ далѣе того на Украйнѣ,
Какъ ѣдетъ поѣдетъ добрый молодецъ,
Сильный могучъ богатырь Добрыня.
А Добрыня вѣдь-то братцы Никитьевичъ,
А съ нимъ вѣдь ѣдетъ Таропъ слуга.

Какъ Добрыня Никитичъ пріѣзжаетъ въ Кіевъ къ князю Владиміру, у котораго онъ пробылъ нѣсколько лѣтъ, объ этомъ упоминается въ былинѣ такъ:

Въ стольномъ городѣ во Кіевѣ,
У славнаго осударь-князя Владиміра,
Три года Добрынюшка стольничалъ,
Онъ стольничалъ, чашничалъ девять лѣтъ,
На десятый годъ погулять захотѣлъ.

Добрыня Никитичъ былъ еще и богатырь и поэтому онъ рубитъ Чудь, Сарочину Долгополую, Черкесъ, Калмыкъ съ татарами и пр., убиваетъ змѣя Горынчища, поборяетъ бабу Горынкину. На упомянутомъ выше пиру у князя Владиміра, Добрыня Никитичъ воспѣваетъ въ роли скомороха свое рожденіе, свои подвиги и свои разъѣзды. Онъ приводитъ слушателей въ такой восторгъ своею игрою и своими пѣснями и тѣ нашли, что „не было молодого гусельщика супротивъ Добрынюшки Микитица“.

Кромѣ Добрыни Никитича былъ еще и другой такой любитель-скоморохъ, по имени *Ставръ Годиновичъ*. Онъ также былъ боярнъ и вначалѣ былины выводится на пиру у Владиміра почетнымъ гостемъ вмѣстѣ съ другими боярами, князьями и богатырями; но потомъ онъ появляется въ качествѣ „веселаго молодца“ и забавляетъ гостей князя своей игрой на гусляхъ. Но вскорѣ Ставръ Годиновичъ впадаетъ въ немилость у князя Владиміра за то, что вздумалъ хвалиться передъ княземъ своими гриднями, свѣтлицами, которыя у него будто-бы не хуже, чѣмъ у самого князя Владиміра; по пересказу другихъ Ставръ Годиновичъ вздумалъ хвалиться передъ княземъ своей молодой женой. Осерчалъ князь Владиміръ и приказалъ бросить дерзновеннаго въ „погреба глубокіе“. Бѣдному Ставру пришлось-бы такъ и сгинуть въ этихъ „погребахъ глубокихъ“, если-бы ему на выручку не явилась-бы его молодая жена, которою онъ такъ хвалился передъ княземъ Владиміромъ. Жена Ставра Годиновича является въ богатомъ посольскомъ платьѣ къ князю Владиміру и выдаетъ себя за грознаго посла отъ Золотой Орды; она начинаетъ требовать отъ князя „даней и выходовъ за двѣнадцать лѣтъ“. Владиміръ, не подозрѣ-

вая, что передъ нимъ не грозный посолъ, а жена его узника, старается угодить своему гостю. Послѣдній спрашиваетъ у князя, нѣтъ ли у него кого, кто-бы умѣлъ играть на гусляхъ; князь немедленно исполняетъ желаніе посла и приказываетъ привести „загусельщиковъ“ и „веселыхъ молодцовъ“. Но какъ ни старались приведенные скоморохи развеселить мрачнаго посла, ничто не помогало; самыя развеселыя пѣсни не вызывали даже и улыбки на устахъ пріѣзжаго посла. Сидѣлъ онъ сумрачный и задумчивый, точно тяжелую думу думалъ или точно камень тяжелый лежалъ у него на сердцѣ. Жутко стало присутствующимъ; не знаютъ чѣмъ развеселить унынie посла изъ Золотой Орды, чѣмъ его потѣшить, чѣмъ его позабавить. Но тутъ кто-то изъ приближенныхъ Владиміра вспомнилъ о Ставрѣ бояринѣ, заключенномъ въ „погребѣ глубокомъ“. Сказали объ этомъ князю и тотъ приказалъ привести боярина Ставра Годиновича передъ грозныя очи посла; хорошо игралъ, боринъ на гусляхъ, быть можетъ, его игра развеселитъ, распотѣшитъ посла и смѣнитъ онъ свой гнѣвъ на милость и не будетъ князю притѣсненія отъ Золотой Орды.

Является Ставръ Годиновичъ передъ свѣтлыя очи княжескія; худъ и блѣденъ онъ, истомился онъ своимъ долгимъ заключеніемъ „въ погребахъ глубокихъ“, соскучился онъ по молодой женѣ. Лишь только вошелъ боринъ Ставръ Годиновичъ, какъ сжалося сердце грознаго посла, но никто не замѣтилъ его смущенія, даже и самъ боринъ не узналъ своей молодой жены въ этомъ грозномъ послѣ отъ Золотой Орды. Настроилъ боринъ свои гусли, и гораздъ онъ былъ играть во гусли яровчаты. И слушалъ посолъ игру боярина, слушалъ и восторгался этими звуками знакомыми, этими пѣснями задушевными. И смѣняетъ гнѣвъ на милость грозный посолъ Золотой Орды, прощаетъ князю Владиміру „дани

и выгоды", но проситъ его объ одномъ только—пожаловать его „веселымъ молодцомъ". Конечно, князь съ удовольствіемъ исполнилъ желаніе посла, пожаловалъ ему „веселаго молодца" боярина Ставра Годиновича.

Ставръ еще когда былъ членомъ великокняжеской дружины, пользовался большею извѣстностью, какъ хорошій игрокъ на гусляхъ. Какъ видно изъ былинъ, Добрыня и Ставръ умѣли славить и воспѣвать князя и его семью. Добрыня „повыигралъ" всѣхъ отъ стараго до малаго, Ставръ „величалъ князя со княгинею".

Кромѣ Добрыни и Ставра въ былинахъ упомнпается еще объ одномъ непрофессіональномъ загусельщикѣ, пріѣхавшаго въ Клевъ изъ чужеземнаго города Леденца на своихъ корабляхъ. Его звали *Соловей Будимировичъ*. Этотъ заѣзжій гость прибылъ въ Кіевъ къ князю Владиміру съ цѣлью свататься на княжецкой племянницѣ Запавѣ Путятешнѣ. Соловей Будимировичъ былъ гость богатый и знатный. О его игрѣ въ былинахъ говорится почти то-же самое, что и объ игрѣ первыхъ двухъ непрофессіональныхъ загусельщикахъ. Соловей то увеселяетъ игрой свою мать, то самъ забавляется со своею дружиною.

Играетъ Соловей въ звончаты гусли...
Завеселяетъ онъ государыню-матушку,
Молоду Ульяну Васильевну.
Молоду свою жену.
Оксиньюшку свою душу.

Здѣсь кстати упомянемъ еще и о *Чуриллѣ Пленковичѣ*, который поступилъ въ постельничіи къ князю Владиміру; на Чуриллѣ лежала обязанность спотѣшать княжескую чету передъ сномъ. Вотъ какъ объ этомъ говорится въ старинныхъ русскихъ пѣсняхъ.

Стелетъ *) перину пуховую,
Кладываетъ зголовьище высокое,

*) Чурилла.

И сидитъ у зголовьица высокаго,
Играетъ въ гуселышки яровчаты,
Опотѣшаетъ князя Владиміра,
А княгиню Опраксію больше того.

Къ числу непрофессіональныхъ скомороховъ мы отнесемъ и *Садко* Правда, сначала этотъ Садко былъ бѣднымъ гусляромъ и скоморошество было его профессіею. Онъ былъ до такой степени бѣденъ, что у него ничего не было кромѣ гуслей; но потомъ онъ разбогатѣлъ и сдѣлался именитымъ гостемъ. Сначала Садко ходилъ по пирамъ бояръ и богатыхъ людей, потѣшая ихъ своею игрою на гусляхъ, когда-же его не звали на пиръ, то ему было скучно оставаться безъ всякаго дѣла. Вотъ что про него поется въ пѣснѣ:

А прежде у Садке имущества не было:
Одни были гусли яровчаты:
По пирамъ ходилъ—игралъ Садке.
Садке день не зовутъ на почестенъ пиръ,
Другой не зовутъ на почестенъ пиръ,
И третій не зовутъ на почестенъ пиръ,—
Потомъ Садке соскучился.

Что ему было дѣлать? И вотъ вздумалъ онъ отправиться къ озеру Ильменю и начинаетъ тамъ играть на берегу; его игра до такой степени понравилась морскому царю, что онъ обѣщалъ Садко дать и богатство и счастье. Дѣйствительно лишь, только Садко вернулся, какъ его позвали на пиръ.

Вскорѣ послѣ этого Садко разбогатѣлъ; но и при богатствѣ онъ не бросилъ своего ремесла и по прежнему являлся на пиры и игралъ на гусляхъ. Онъ до такой степени любилъ свои гусли, что когда ему выпалъ жребій быть выброшеннымъ въ море, то онъ въ послѣдній разъ передъ смертью, захотѣлъ поиграть на своихъ гусляхъ обращаясь къ своимъ людямъ, сказалъ:

Ай-же, братцы, дружина хоробрая,
Давайте мнѣ гусельки яровчаты,

Поиграть то мнѣ въ остатнее:
Больше мнѣ въ гусельки не игрывати.

И спускаясь въ море, онъ беретъ гусли съ собою. Онъ ни о чемъ не думаетъ, какъ только о своемъ любимомъ инструментѣ, который доставлялъ ему столько наслажденій въ жизни.

Мы уже упомянули, что скоморохи были всегда необходимою принадлежностью на всѣхъ пиршествахъ и на свадьбахъ. Они потѣшали гостей своею игрою, своими пѣснями и прибаутками. На пирахъ князя Владиміра всегда присутствовали, какъ профессіональные скоморохи, такъ и непрофессіональные, т. е. изъ его дружинниковъ, о чемъ мы упоминали выше. Объ этихъ пирахъ говорится въ былинахъ:

Во стольномъ городѣ, во Кіевѣ,
У ласкова Осударь, князя Владиміра,
Было пированье, почестный пиръ,
Было столованье, почестный столъ,
На много князи и бояра,
И на русскіе могучіе богатыри
И гости богатые.
Будетъ день въ половина дня,
Будетъ пиръ въ полупирѣ;—
Князи и бояре пьютъ, ѣдятъ потѣшаются,
И великимъ княземъ похваляются.

Но на этихъ княжескихъ пирахъ всегда раздавалась игра скомороховъ-гусельниковъ. Это подтверждается историческими свидѣтельствами; но съ принятіемъ Владиміромъ христіанства, духовенство, появившееся на Руси изъ Царьграда, стало порицать скоморошество, называя музыку, пѣніе и пляску „бѣсовскимъ навожденіемъ“. Но въ то время, народъ еще жилъ полною силою творчества и мало сознавалъ, что пѣснь гусельника это угодіе дьяволу. Сначала духовенство запрещало только духовнымъ лицамъ присутствовать на тѣхъ пирахъ, гдѣ появлялись гусельники и скоморохи, а потомъ это запрещеніе рас-

пространилось и на мірянъ. Но какой могъ быть пиръ и какое могло быть веселье безъ гусельника, скомороха, плясуна. Скоморохи потѣшали гостей своими пѣснями, присказками, прибаутками и все это выходило у нихъ и складно и забавно. На какомъ нибудь веселомъ пиру сидятъ гости за столомъ и бражничаютъ, ведутъ серьезные разговоры, но лишь только появится скоморохъ-гусельникъ, зазвучитъ его инструментъ подъ искусными пальцами игрока, какъ встрепенется старъ и младъ и начинаетъ слушать игрока. Запоетъ скоморохъ какую нибудь веселую пѣсню, ногами притопываетъ, плечами подергиваетъ, головою покачиваетъ и гостямъ не удержаться и они пускаются въ плясъ и весело у нихъ на душѣ; нѣтъ ни печали въ сердцѣ, ни заботы въ головѣ. Богатые люди зазывали къ себѣ скомороховъ и не тогда, когда давали пиры, а иногда за-просто, чтобы только развлечься отъ скуки, послушать веселыя пѣсни, забавныя прибаутки. Такъ напримѣръ, въ былинахъ разсказывается, какъ Терентьева жена приглашала къ себѣ скомороховъ въ гридню „сѣсть на лавочки поиграть во гусельцы и пропѣть пѣсенку".

Тогда «веселые молодцы»
Садилися на лавочки.
Заиграли во гусельцы,
Запѣли они пѣсенку...

Относительно-же присутствія скомороховъ на свадебныхъ торжествахъ упоминается въ числѣ прочихъ скомороховъ о Добрынѣ Никитичѣ, который, переодѣтый загусельникомъ, является на свадьбу Алексѣя Поповича съ Добрыниной женой, которая считала своего мужа погибшимъ. Затѣмъ, въ другой былинѣ о Садкѣ говорится, что когда тотъ спустился на дно морское, то царь водяникъ говоритъ ему:

Поиграй, поиграй въ гуселышки яровчаты,
Потѣшь, потѣшь на почестенъ пиръ:
Выдаю дочь свою любимую.

Если на свадебномъ торжествѣ не оказывалось скомороха, который могъ-бы потѣшить гостей, то это уже были свадьбы не свадьбы, пиръ не въ пиръ. Такъ въ былинѣ о Ставрѣ Годиновичѣ упоминается объ одномъ свадебномъ торжествѣ, на которомъ не нашлось скомороха гусельника и выражается въ слѣдующихъ словахъ:

Зачѣмъ играть свадебку,
Некому играть въ гусли на честномъ пиру,
Игръ играть, напѣвовъ напѣвать.

Кромѣ того, мы находимъ свидѣтельство и въ исторіи о томъ, что скоморохи присутствовали на свадьбахъ. Свадебный поѣздъ, отправлявшійся въ церковь, всегда сопровождали скоморохи и гусельники, что неоднократно порицало духовенство. Такъ напримѣръ, *Кириллъ, митрополитъ* Кіевскій, порицалъ пляски, происходившія подъ звуки музыки на пирахъ и на свадьбахъ. Въ одномъ изъ путешествій по Московіи, изданномъ на французскомъ языкѣ, въ XVII вѣкѣ, говорится, что свадебный поѣздъ невѣсты сопровождался всегда пѣснями шутливаго содержанія, которыя исполнялись на улицѣ родственниками, друзьями, слугами и рабами невѣсты. По разсказамъ Олеарія, на боярскихъ свадьбахъ всегда играла музыка, а также трубили въ трубы и били въ барабанъ. Но въ особенности шумно справлялись царскія свадьбы вплоть до царя Алексѣя Михайловича; на этихъ свадьбахъ преимущественно играла громкая музыка на духовыхъ и ударныхъ инструментахъ. Словомъ, въ то время ни одна свадьба не обходилась безъ пѣсень и музыки, какъ и въ царскихъ хоромахъ, такъ и у бояръ, и у крестьянъ. Вѣроятно, это дѣлалось съ цѣлью чтобы развеселить невѣсту, которая обыкновенно горько плакала, оставляя навсегда родительскій кровъ, а болѣе всего и самимъ гостямъ хотѣлось повеселиться и поплясать, а гдѣ-же какъ не на свадьбѣ можно было не стѣсняться и потѣшаться сколько угодно. Вотъ почему

древніе гусельники и являлись необходимою принадлежностью всякой свадьбы. Кто-же, какъ не скоморохъ умѣлъ потѣшать честной людъ и своею игрою и пляскою и присказками и прибаутками. Тутъ веселились всѣ безъ исключенія и старые и молодые. Нерѣдко плясали и сами гости, подпѣвая въ то-же время въ тактъ музыки. Часто такое веселье продолжалось нѣсколько дней къ ряду, въ особенности у людей богатыхъ и зажиточныхъ.

Странно, что въ народномъ преданіи не дѣлается большаго различія между простымъ скоморохомъ и пѣвцомъ—гусельщикомъ, который поетъ серьезныя героическія пѣсни, прославляя подвиги героевъ минувшихъ дней. Это были скорѣе народные поэты, нѣчто въ родѣ бардовъ, трубадуровъ, минезенгеровъ; въ ихъ пѣсняхъ не было ничего смѣшнаго или забавнаго, какъ у „скомороха“, который придумываетъ только, какъ-бы посмѣшить народъ, а нисколько не заботятся даже и о самомъ смыслѣ своихъ пѣсень. Какъ тѣхъ, такъ и другихъ народъ просто называлъ „скоморохами“ „гудцами“ или „игрецами“и веселыми молодцами“. Взялъ въ руки гусли или какой нибудь косой инструментъ, на которомъ онъ наигрываетъ пѣсенки, или подъ звуки котораго онъ пляшетъ, вотъ онъ и гусляръ или скоморохъ.

Между серьезными пѣвцами первое мѣсто принадлежитъ *Бояну*, котораго считаютъ „внукомъ Велесовымъ“ и вѣщимъ пѣснотворцемъ. „Это соловей давно минувшихъ дней.“ Въ своихъ пѣсняхъ онъ прославлялъ прежнія брани, воспѣвалъ подвиги Ярослава, Мстислава, славнаго Романа; подъ его искусными пальцами струны испускали то нѣжные звуки, то грозные, то грустные, то веселые. Слагая свои пѣсни, Боянъ давалъ полную волю своему воображенію; у него дѣйствительность сплеталась вмѣстѣ съ чудесами и необыкновенными подвигами его героевъ. Потомъ эти вдохновенныя пѣсни Бояна повто-

рялись и другими пѣвцами, только, конечно, такъ, какъ онѣ переходили изъ устъ въ уста, то являлись искаженными до неузнаваемости. Фантазія у Бояна была богатая и, конечно, простымъ загусельщикамъ трудно было запомнить всѣ тѣ качества, которыя вдохновенный пѣвецъ приписывалъ своимъ героямъ, воспѣвая ихъ подвиги. Поэтому неизвѣстный авторъ *Слова о полку Игоревѣ* говоритъ, что онъ хочетъ начать свою пѣсню по былинамъ того времени, а не такъ, какъ пѣлъ Боянъ, придавая своимъ героямъ разные подвиги, которыхъ они вовсе не совершали. Боянъ не только воспѣвалъ героевъ минувшихъ дней, но, по тогдашнему обычаю, воспѣвалъ хвалу и князьямъ. Авторъ, „Слова о полку Игоревѣ“, послѣ описанія похода Игоря воспѣваетъ хвалу князьямъ и дружинѣ. Хвала и величаніе считалось необходимымъ припѣвомъ на всѣхъ пирахъ и въ особенности, на свадебныхъ торжествахъ. Скоморохъ или загусельщикъ, въ концѣ своей пѣсни, непремѣнно прославлялъ боярина, у котораго присутствовалъ на пиру, его жену, дѣтей и домочадцевъ.

Тѣ выраженія, въ которыхъ славили князей (и впослѣдствіи царей), бояръ, царскихъ слугъ и въ древніе времена княжескую дружину, сохранились и до сихъ поръ въ святочныхъ подблюдныхъ пѣсняхъ, при чемъ славленіе иногда начинается съ Бога:

Слава Богу на небѣ, слава!
Государю нашему, слава!
Чтобы нашему Государю не состариться, слава!
Его цвѣтному платью не изнашиваться, слава!
Его добрымъ конямъ не изъѣзживаться, слава!
Его вѣрнымъ слугамъ не измѣниваться, слава! и т. д.

Героями былинъ обыкновенно были: „Илья Муромецъ и Соловей разбойникъ“, „Илья Муромецъ и Идолище“, „Три поѣздки Илья Муромца“, „Добрыня и Маринка“, „Добрыня и Змѣй“, „Добрыня и Алеша Попо-

вичъ. Это были герои изъ Владимірова цикла. Впослѣдствіи былины слагались про Грознаго царя Ивана Васильевича, про Ермака Тимофеевича, про Гришку Отрепьева, про царя Алексѣя Михайловича, про царя Петра, про Стеньку Разина и др.

Кромѣ скомороховъ на Руси были еще и бахари или сказочники; этотъ родъ потѣхи появился уже позднѣе, а именно уже въ концѣ XV столѣтія, а въ XVII вѣкѣ къ нимъ присоединились и *домрачеи*. Бахари уже не пѣли своихъ сказокъ, а говорили ихъ на распѣвъ, то повышая, то понижая голосъ. Такъ *царь Іоаннъ Васильевичъ Грозный* во время своего пребыванія въ Александровской слободѣ послѣ вечерняго богослуженія уходилъ въ свою спальню и тамъ его ожидали три слѣпыхъ старца или бахаря, которые начинали говорить по очереди сказки; царь отъ этого скорѣе засыпалъ и крѣпче спалъ. У царя Василія Шуйскаго былъ свой бахарь Иванъ. У царя *Михаила Ѳеодоровича* извѣстными бахарями были: Климъ Орефинъ, Петръ Сапоговъ и Богданъ Путята. Но эти бахари являлись не только въ царскихъ палатахъ, но и у бояръ и даже у зажиточныхъ людей; эти своего рода домашніе шуты забавляли своего господина, когда ему было скучно или усыпляли его своими сказками.

Даже въ началѣ текущаго столѣтія, у старозавѣтныхъ людей, бахарь являлся необходимымъ человѣкомъ въ домѣ, по словамъ Забѣлина, въ его книгѣ. „Домашній бытъ русскихъ царицъ“. Эти сказочники, большею частью, были старики, которые пожили на свѣтѣ, многое видѣли и многое испытали, многое слышали отъ своихъ отцевъ; они слагали свои сказки изъ минувшихъ временъ и брали историческія личности, украшая это только разными вымышленными событіями. Вообще, бахари въ своихъ сказкахъ старались выставить что либо необычайное, сверхъестественное: или какого нибудь богатыря, подобнаго которому не

было въ цѣломъ мірѣ, или какого нибудь свирѣпаго разбойника, который на своемъ вѣку много загубилъ душъ, или о какой либо красна-дѣвицѣ, томившейся въ разлукѣ съ милымъ. Мы сказали выше, что бахари говорили свои сказки на распѣвъ, но безъ аккомпанимента какой либо музыки, а въ XVII столѣтіи къ нимъ присоединились *домрачеи* т. е. такіе сказочники, которые сопровождали свои разсказы игрою на домрахъ. Во время свадебныхъ торжествъ у царя Михаила Ѳеодоровича появились также и домрачеи: *Андрюшка Ѳедоровъ*, и *Васька Степановъ*, которые тѣшили его своими сказками и игрою. Нѣкоторые изъ домрачеевъ были слѣпые и такіе почему то считались болѣе искусными въ своемъ дѣлѣ. Иногда въ одномъ и томъ-же лицѣ соединялся и бахарь и домрачей. Однако, и гусельники еще не утратили совершенно своего значенія въ XVII столѣтіи. По словамъ г. Забѣлина, это были представители художественной литературы того времени, свойственной потребностямъ и вкусамъ вѣка. Въ XVIII вѣкѣ вошли въ большую моду малороссійскіе *бандуристы*, которые встрѣчались какъ при дворѣ, такъ и въ знатныхъ русскихъ домахъ.

Протяжная, нѣсколько заунывная музыка бандуристовъ очень нравилась многимъ и въ свое время они доставляли не мало удовольствія слушателямъ.

Въ строгомъ смыслѣ слова, всѣ, приведенные здѣсь нами лица, не могутъ назваться скоморохами; все это были болѣе или менѣе даровитые люди, которые являлись на княжескіе пиры, а потомъ на царскіе, чтобы потѣшить гостей своими пѣснями, въ которыхъ прославлялись или дѣйствительные герои, или легендарные. Кромѣ того, они были какъ-бы хранителями народныхъ преданій, народныхъ нравовъ, народныхъ обычаевъ; эти люди не позволяли себѣ никакихъ смѣлыхъ или дерзкихъ выходокъ, какъ настоящіе скоморохи и шуты.

II.

Скоморохи-плясуны. — Окрутники. — Русальи. — Скоморохи-глумцы и смѣхотворы.—Шуты-дураки.—Ерема и Замазка. — Ѳома и Ерема. — Былина о Тереньтьищѣ.—Осѣдлые скоморохи.

Мы уже упомянули выше, что не одна свадьба не обходилась безъ скомороховъ; они играли, пѣли, а иногда до такой степени воодушевлялись своимъ пѣніемъ и игрою, что и сами пускались въ плясъ. Такъ на старинной фрескѣ софійскаго собора въ Кіевѣ изображены пляшущіе музыканты. Эта фреска, по словамъ г. Закревскаго (описаніе Кіева 1868 г.), относится къ 1703 году; на ней изображены игроки на флейтѣ, на длинныхъ трубахъ, на арфообразномъ и гитаровидномъ инструментахъ и, наконецъ, на тарелкахъ. Флейтистъ и тарелочникъ представлены пляшущими.

Князь Данiилъ фонъ Бухау, бывшій въ Москвѣ, въ качествѣ посла отъ императора Максимиліана II, во время царствованія Іоанна Грознаго, описывая московскіе нравы и обычаи, говоритъ, что юношамъ и молодымъ дѣвушкамъ не дозволялось на свадьбахъ водить хороводы, взявшись за руки, такъ какъ это послужило-бы къ разжиганію страстей; плясали одни только скоморохи; они плясали и на улицахъ и на площадяхъ; часто бывало и такъ, что ходили скоморохи по-двое и по-трое; одинъ игралъ на волынкѣ, или на какомъ либо другомъ инструментѣ, а другіе плясали; такъ въ воскресные и праздничные дни скоморохи ходили по деревнямъ, по дорогамъ и даже по полямъ и для увеселенія народа пѣли и плясали. Конечно, скоморохи не только потѣшали толпу своею игрою и плясками, но и увлекали ее, такъ что многіе и сами пускались въ пляску, стараясь подражать скоморохамъ. Конечно, въ этихъ сборищахъ начинались пѣсни, пляски, игрища; слышался шумъ, говоръ,

смѣхъ. Весьма понятно, что духовенство порицало подобныя сборища и считало ихъ неприличными. Еще Несторъ порицалъ такія сборища, гдѣ занимались пляскою и пѣснями и считалъ это „бѣсовскимъ навожденіямъ“. Но такъ какъ причиною такихъ сборищъ были скоморохи, то имъ часто запрещалось показываться въ извѣстныхъ городахъ или селахъ, чтобы не смущать народъ. Но люди слишкомъ любятъ веселье и игрища и трудно было ихъ отучить отъ этого; скоморохи не унывали и продолжали свое дѣло; если имъ запретятъ показываться въ какой-либо одной деревнѣ, они отправляются въ другую подальше; итакъ пройдетъ нѣсколько времени, власти забудутъ о нихъ и они снова появятся опять въ томъ-же мѣстѣ, откуда ихъ выгнали; да и самъ народъ любилъ скомороховъ за то веселье, которое они распространяли всюду со своимъ появленіемъ; а, между тѣмъ, народъ относился съ какимъ-то презрѣніемъ и къ скоморохамъ и къ ихъ одеждѣ. Такъ изъ „старины о большомъ быкѣ“ мы находимъ воспоминаніе о скоморохахъ, которые ходили по одиночкѣ и для увеселенія народа играли на улицахъ и на площадяхъ:

Да былъ вѣкаквъ волынщичекъ,
Да молодой-отъ гудошничекъ...
Да какъ сталъ онъ на рынокъ гулять,
Да какъ сталъ онъ въ волынку играть,
Да какъ гости подхаживали,
Да бояра подхаживали,
Да волынку подслушивали,
Да какъ ей-то подхваливали.

Весьма понятно, что при игрѣ на инструментахъ, пѣсняхъ и пляскахъ явилось и переряживаніе; мужчины переодѣвались въ женскую одежду, а женщины въ мужскую. Такой обычай переряживанія былъ еще извѣстенъ у древнихъ евреевъ и порицался въ ветхозавѣтныхъ книгахъ. Собственно переряживаніе было древнимъ обычаемъ на Руси, еще въ далекія времена язычества. Въ

особенности, въ зимнее время, въ темные вечера. Когда Владиміръ Равноапостольный принялъ христіанскую вѣру и заставлялъ принимать Св. Крещеніе и своихъ подданныхъ, то послѣдніе все-же никакъ не могли совершенно отстать отъ своихъ языческихъ обычаевъ; такъ на Рождествѣ народъ веселился и наряжался въ разные костюмы; одѣвались и медвѣдями, и волками, и другими разными животными и надѣвали личины или маски. У нашихъ языческихъ родичей было повѣрье, что души умершихъ появляются на святкахъ на землѣ, въ видѣ *оборотней*, т. е. принимаютъ образъ какого-нибудь животнаго и разгуливаютъ между живыми людьми, которые ихъ, конечно, не узнаютъ въ такомъ странномъ видѣ; эти оборотни странствовали по землѣ, до самой масляницы, а потомъ опять уходили въ подземное царство и тогда живые провожали ихъ блинами, которые и до сихъ поръ въ обычаѣ ѣсть на масляницѣ. Исконный обычай переряживанія или костюмированія, какъ выражаются теперь, распространенъ и въ западной Европѣ съ незапамятныхъ временъ.

Вѣроятно, даже самое названіе „скоморохъ“ имѣетъ, нѣкоторую связь съ маской; по-арабски *маскхара* значитъ смѣхъ, насмѣшка, глумленіе. Весьма естественно, что это слово, переходя изъ устъ въ уста, измѣнилось въ выговорѣ; полагаютъ, что даже и самое слово скоморохъ происходитъ отъ *маскхара*, посредствомъ перестановки словъ. Маски носили на Руси самыя разнообразныя названія: ихъ называли: личины, обличія, наличники или просто хари; вѣроятно, послѣднее слово произошло отъ греческаго *хара*, что значитъ голова или отъ сербскаго *харея*, что также значитъ голова; такими масками назывались такія, которыя надѣвались не на одно только лицо, а на всю голову; такъ напримѣръ, когда желали нарядиться какимъ либо звѣремъ: волкомъ, медвѣдемъ; или домашнимъ животнымъ, козломъ, кобылой.

Словомъ, рождественскіе праздники проводились всегда такъ шумно и весело, что потріархъ, Іоакимъ, въ 1684 г. запретилъ указомъ всякаго рода скоморошьи переряживанія". Снегиревъ, въ своей книгѣ „Русскія простонародныя празднества", пишетъ, что въ Новгородѣ святки справляются очень шумно и весело и извѣстны подъ именемъ *Окрутниковъ*, отъ слова крутить на себя, надѣвать наряжаться. Эти *окрутники* веселились со второго дня Рождества Христова, до самаго Крещенія. Наряженные ходили по улицамъ и посѣщали тѣ дома, на окнахъ которыхъ были зажжены свѣчи; тамъ они потѣшали хозяевъ плясками, пѣснями, разными каррикатурными представленіями; богатые купцы и зажиточные люди угощали ряженыхъ виномъ и кушаньемъ.

Народныя переряживанья не ограничивались только святками, а происходили еще и весною а, именно, въ четвергъ, передъ Троицынымъ днемъ. Такія переряживанія у южныхъ славянъ называются русальными святками, потому что, согласно языческому повѣрью, въ это время души умершихъ появлялись на деревьяхъ въ видѣ безжизненныхъ русалокъ, которыя послѣ этого уходили въ подводное царство и ихъ необходимо было провожать какими нибудь особыми празднествами. Въ деревняхъ еще до сихъ поръ сохранился обычай справлять, такъ называемый, *семикъ*, въ четвергъ, передъ Троицынымъ днемъ. Это всѣмъ извѣстный обычай празднества, когда дѣвушки вырубаютъ березу, украшаютъ ее лентами, затѣмъ поютъ пѣсни и водятъ хороводы.

Изъ этого видно, что древнее *русальное торжество* въ разныхъ мѣстахъ ознаменовывалась переряживаніемъ и плясками; часто эти русаліи соприкасались съ большими праздниками; во время русалій происходили пляски, игрища и пѣсни. Такія празднества, въ соединеніи съ большими праздниками, чествуемыми православною церковью, многократно воспрещались, какъ и

царскими указами, такъ и запрещеніями высшихъ духовныхъ лицъ; но это рѣдко приводилось въ исполненіе; самъ народъ стоялъ на сторонѣ подобныхъ торжествъ съ скоморохами.

Скоморохамъ давали всевозможныя названія; такъ они были извѣстны подъ именемъ *глумцовъ и смѣхотворцевъ, и плясуновъ, и глумотворцевъ.*

Подобныя разнообразныя названія происходили отъ того, что скоморохи имѣли обыкновеніе рядиться въ различные костюмы, что очень часто вызывало смѣхъ въ зрителяхъ; весьма понятно, что скоморохи придумывали такіе костюмы, которые могли-бы разсмѣшить толпу; наряженные скоморохи, конечно, давали и небольшія представленія или сценки. Такія сценки и представленія сопровождались плясками, пѣніемъ, прибаутками, разными выходками и шутками, далеко не скромнаго свойства,—словомъ эти шуты, скоморохи и смѣхотворы приноравливались къ нравамъ и обычаямъ того времени, а вкусы людей тогдашняго періода не отличались особымъ изяществомъ. Слѣдовательно, чѣмъ грубѣе была толпа, окружавшая скомороха или глумца, тѣмъ послѣдніе отличались большимъ цинизмомъ, въ угоду своихъ слушателей. Наряженные скоморохи изображали бабу-ягу, чертей, чудовищъ или водящихъ медвѣдя, козу, журавля; эти люди разыгрывали разныя сцены, которыя импровизировали тутъ-же.

Скоморохи наряжались большею частью или медвѣдями или козами; оба эти животныя, которыхъ почти постоянно водятъ вмѣстѣ, служили представителями обилія и плодородія. Такъ, въ честь святочнаго медвѣдя, поется слѣдующая пѣсня:

Медвѣдь пыхтунъ
По рѣкѣ плыветъ.
Кому пыхнетъ на дворъ,
Тому зять во теремъ.

По этой пѣснѣ появленіе медвѣдя предвѣщаетъ свадьбу. Русскій святочный медвѣдь напоминаетъ *масляничнаго* или *гороховаго* медвѣдя западныхъ славянъ. Такого медвѣдя обыкновенно изображалъ въ Чехіи какой нибудь парень, котораго окутывали гороховой соломой. Если такой наряженный медвѣдь являлся куда нибудь въ домъ, то былъ обязанъ непремѣнно проплясать со всѣми женщинами и дѣвушками той семьи. Согласно народному преданію, появленіе въ домѣ такого медвѣдя способствуетъ обилію и плодородію. Въ мѣстностяхъ близъ Кракова на святкахъ возятъ въ телѣжкѣ человѣка, обвернутаго въ козій мѣхъ, его сопровождаютъ еще двое, обвитые гороховой соломой. Человѣкъ, котораго везутъ на телѣжкѣ называется *гороховымъ медвѣдемъ*, который рычитъ передъ каждымъ домомъ и если первая услышитъ это рычаніе дѣвушка, то она скоро выйдетъ замужъ. Въ новый годъ въ Бѣлоруссіи какой нибудь парень нарядится козой, украшаетъ козлиную шкуру лентами и бубенчиками; затѣмъ онъ собираетъ около себя цѣлую толпу народа и ходитъ вмѣстѣ съ нею подъ окна хатъ, а толпа поетъ:

Го-го-го, козынька,
Го-го-го, сѣра,
Го-го-го, бѣла,
Ой, расходися,
Развеселися,
По всему дому.
По веселому!
Ой, поклонися
Сему господарю,
И женѣ его,
И дѣткамъ его.
Гдѣ коза тупою
Тамъ жито купою
Гдѣ коза рогомъ.
Тамъ жито стогомъ

Гдѣ коза ходитъ,
Тамъ жито родитъ.

Кромѣ пѣсенъ и пляски парень, наряженный козою, давалъ еще и небольшія представленія.

Нѣкоторыя импровизированныя сценки напоминаютъ шутовъ западной Европы. Такъ профессоръ Безсоновъ записалъ нѣкоторыя изъ этихъ импровизированныхъ сценъ у Бѣлоруссовъ. Главными дѣйствующими лицами въ этихъ сценкахъ бываютъ слѣдующія: во первыхъ бѣлорусскій *хлопъ* во всевозможныхъ трагикомическихъ обстоятельствахъ въ его отношеніяхъ къ пану; затѣмъ, самъ панъ, который старается тѣснить хлопа, но въ концѣ концовъ, самъ попадается въ ловушку разставленную ему хитрымъ хлопомъ; далѣе являлся жидъ, съ которымъ хлопъ расправляется по-свойски за его надувательства, за торгашество или за свои неоплатные долги; далѣе докторъ и учитель, которыхъ крестьянинъ также оставляетъ въ дуракахъ; затѣмъ, жена хлопа, которая бываетъ или сама наказана за вѣроломство, или ворчитъ на мужа за его частыя посѣщенія корчмы; подъ конецъ представляется еврейскій шабашъ.

Въ XVII столѣтіи на Руси былъ особенно популяренъ одинъ *фарсъ* слѣдующаго содержанія: на сцену выходитъ бояринъ въ шапкѣ изъ дубовой коры, а самъ бояринъ былъ надменный, гордый, чванливый съ суровымъ лицомъ, съ сдвинутыми бровями и съ оттопыренной губой. Къ нему являлись челобитчики несли разные посулы въ лукошкахъ — кучи щебня, песку, свертокъ изъ лопуха и т. п. Эти люди низко кланяются гордому боярину, просятъ правды и милости; но бояринъ выходитъ изъ себя, сердится, топаетъ ногами и гонитъ челобитчиковъ прочь.

Челобитчики возмущаются такимъ обхожденіемъ боярина и говорятъ ему:

— Ой, боярине, ой, воевода! любо было тебѣ надъ

нами издѣваться, веди-же насъ теперь самъ на расправу надъ самимъ собой!

При этихъ словахъ обиженные челобитчики начинаютъ бить боярина и угрожаютъ ему, что его утопятъ.

Тутъ являются двое лохмотниковъ, которые начинаютъ прутьями бить ожирѣвшаго боярина и приговариваютъ.

— Добрые люди, посмотрите, какъ холопы изъ господъ жиръ выколачиваютъ.

Далѣе холопы нападаютъ и на купца, отбираютъ у него деньги, отправляются въ кабакъ и поютъ:

Ребятушки! праздникъ, праздникъ!
У батюшки праздникъ, праздникъ!
На матушкѣ Волгѣ—праздникъ!
Сходися голытьба на праздникъ!
Готовьтесь бояре на праздникъ!

Затѣмъ, импровизированные комедіанты оканчивали свое представленіе и одинъ изъ нихъ обращался къ толпѣ съ слѣдующими словами:

— Эхъ, вы, купцы богатые, бояре тароватые! ставьте меды сладкіе, варите брагу пьяную, отворяйте ворота растворчаты, принимайте гостей голыхъ, босыхъ, оборванныхъ, голь кабацкую, неумытую. (Михневичъ. Очеркъ исторіи музыки въ Россіи, 1879 г.).

Конечно, представленіе подобныхъ сценъ или фарсовъ разжигало въ народѣ ненависть къ притѣснявшимъ ихъ боярамъ и было причиною разныхъ смутовъ, которыми полна наша исторія. Въ XI столѣтіи скоморохи подняли возстаніе въ Польшѣ противъ христіанъ; у насъ на Руси такія возстанія поднимались, благодаря вліянію волхвовъ и кудесниковъ, которые до нѣкоторой степени имѣли сходство съ древними скоморохами.

О древнихъ скоморохахъ г. Равинскій говоритъ, что они дошли до насъ въ двухъ главныхъ типахъ: *мужикъ Ерема*—накольникъ, или такъ называемый балаганный

дѣдъ, который вылѣзаетъ на балконъ балагана и вретъ всякую небылицу и вопадъ и невопадъ, а только всегда въ рѳму; онъ дерется и переругивается съ другимъ скоморошьимъ ублюдкомъ-шутомъ, выпачканнымъ въ мукѣ и прозваннымъ Замазкой, этотъ типъ взятъ съ итальянскаго шута Gian Farina, т. е. Иванъ Мука.

Во главѣ русскихъ шутовъ или дураковъ стоятъ два брата: *Ѳома* и Ерема. Это родные братья, друзья, товарищи, но въ то же время и неудачники. Ихъ глупость видна во всѣхъ ихъ поступкахъ, дѣйствіяхъ и похожденіяхъ. О нихъ составлено много сказокъ, пѣсенъ. Такъ, въ одной рукописи XVIII вѣка читаемъ: *)

Ерема былъ плѣшивъ, а Ѳома шелудивъ.
Брюхаты, пузаты, бородаты,
Носы покляпы, умомъ оба равны...
Ерема кривъ, а Ѳома съ бѣльмомъ...
Еремѣй щепливъ, а Ѳома ломливъ;
На Еремѣ шляпа, а на Ѳомѣ колпакъ,
Ерема въ сапогахъ, а Ѳома въ чеботахъ.
Ерема въ чужомъ, а Ѳома не въ своемъ.

Кромѣ того у Еремы съ Ѳомой были бороды, какъ бороны, усы, какъ кнуты. У Еремы была клѣть, а у Ѳомы изба. Оба брата поступили къ хозяину служить, но не угодили они хозяину; Ѳому били, а Еремѣ не спустили. Ѳома убѣжалъ въ дубнякъ, а Ерема въ березнякъ. Затѣмъ братья согласились лисицъ и зайцевъ ловить. И вотъ Ерема говоритъ Ѳомѣ: Братъ Ѳома, хватай, въ кошель сажай? А Ѳома отвѣчаетъ: „Коя бѣда хватать, коли нѣтъ ничего?“ Затѣмъ послѣ разныхъ похожденій, полныхъ неудачи,

*) Скоморохи на Руси, изслѣдованіе Ал. С. Фомицына. 1889 г. стр. 115

Ерема сѣлъ въ лодку, а Ѳома въ ботникъ,
Лодка ушла, а ботникъ безо дна;
Ерема поплылъ, а Ѳома не остался;
Какъ будутъ они середи рѣки,
Стрѣтился имъ на рѣкѣ шатунъ:
На Ерему наволился, а Ѳому выпрокинулъ,
Ерема (въ) водѣ, а Ѳома на дно;
Оба упрямы, со дна не бывали.

Оба эти дурака въ то же время и скоморохи.

У Еремы гусли, а у Ѳомы домра...
Ерема играетъ, а Ѳома напѣваетъ.

На Руси часто образъ дурака или шута сливается съ образомъ скомороха; также и импровизаціи входили въ кругъ дѣятельности скомороховъ. Былина о гостѣ Терентьищѣ свидѣтельствуетъ объ этомъ. Суть самой былины заключается въ слѣдующемъ: „Терентьева жена была обманута веселыми молодцами“, которые увѣрили ее въ томъ, что ея нелюбимый мужъ погибъ; она повѣрила этому и съ радости зазываетъ къ себѣ въ домъ „веселыхъ молодцевъ.“ А мужъ то былъ у нихъ въ мѣшкѣ за плечами, а какъ онъ попалъ къ нимъ въ мѣшокъ, объ этомъ въ былинѣ разсказывается такъ: Въ Новѣгородѣ, въ улицѣ Юрьевской жилъ богатый гость Терентьище. По приказу жены онъ идетъ „дохтуровъ добывать“, которые могли-бы вылѣчить его жену отъ недуга, а на встрѣчу ему:

Веселые скоморохи,
Скоморохи люди вѣжливые,
Скоморохи очестливые.
Объ ручку Терентію челомъ:
«—Ты здравствуй, богатый гость,
«И по имени Терентьище!
«Доселева-те слыхомъ не слыхать,
«И доселева видомъ не видать.
«А и нонѣ ты, Терентьище,
«А и бродишь по чисту полю.

«Что корова заблудящая,
«Что ворона залетящая.»

Терентьище нисколько не оскорбляется на ихъ дерзкія рѣчи, а говоритъ имъ, что готовъ заплатить „сто рублевъ“ тому, кто отгонитъ недугъ отъ его молодой жены.

«Веселые молодцы догадалися,
«Другъ на друга оглядѣлися,
«А сами усмѣхнулися.»

Скоморохи взялись вылѣчить Терентьеву жену; „покупаютъ шелковый мѣшокъ и „дубину ременчатую“. Они посадили Терентія въ мѣшокъ, мѣхоноша взвалилъ его за плеча, и затѣмъ они направились ко двору богатаго гостя. Тутъ „веселые молодцы“ объявили Терентьевой женѣ; что видѣли ея мужа убитымъ; злая жена, обрадованная доброю вѣстью, приглашаетъ скомороховъ къ себѣ въ домъ:

«Веселые скоморохи!
«Вы пойдете во свѣтлую гридню,
«Садитесь на лавочки,
«Поиграйте въ гусельцы.
«И пропойте-ка пѣсенку.»

Тогда скоморохи запѣли пѣсенку:

«Слушай, шелковый мѣхъ,
«Мѣхоноша за плечами,
«А слушай, Терентій гость,
«Что про тебя говорятъ...
...«Шевелись, шелковый мѣхъ.
«Вставай-ко, Терентьище,
«Лѣчить молодую жену!..»

Терентьище вылѣзъ изъ мѣшка и сталъ лѣчить и молодую жену и ея недугъ такъ успѣшно, что недугъ едва успѣлъ въ окошко выскочить:

«Онъ оставилъ, недужище:
«Кафтанъ хрущатой камки,

«Камзолъ баберсковой,
«А и денегъ пятьсотъ рублевъ;
«Втапоры Терентьище,
«Далъ еще веселымъ другіе сто рублевъ
«За правду, за великую.»

Авторъ статьи „Шуты и Скоморохи“, откуда мы и заимствовали эту былину (Историческій Вѣстникъ 1888 г. еще прибавляетъ отъ себя: „Въ этой любопытной былинѣ, передающей намъ такъ живо одинъ изъ эпизодовъ многообразной дѣятельности скомороховъ, мы встрѣчаемъ всѣ черты ихъ быта, въ значительной степени сближающія наше скоморошеское сословіе съ западно-европейскими его представителями.“

Кромѣ странствующихъ скомороховъ были еще и такъ называемые, осѣдлые скоморохи, т. е. такіе, которые, подобно, какъ и въ западной Европѣ, пристроивались ко дворамъ князей, а потомъ и царей, къ знатнымъ боярамъ или вообще къ богатымъ людямъ; или наконецъ, такіе, которые жили въ одномъ какомъ-либо городѣ, мѣстечкѣ или селеніи и кормились своимъ ремесломъ. Мы уже видѣли, какъ сказано выше, что у князя Владиміра были и свои загусельщики и игроки, и скоморохи. Такъ, когда жена Ставра Гудиновича, переодѣвшись посломъ, спросила у Владиміра, нѣтъ ли у него „загусельщиковъ поиграть во гусельники яровчаты“, то явились тотчасъ и „веселые молодцы,“ слѣдовательно они составляли, какъ-бы штатъ Владиміра. А между тѣмъ, въ другомъ мѣстѣ говорится, что Владиміръ и посылалъ за „веселыми молодцами“, слѣдовательно, къ нему приходили и посторонніе скоморохи и загусельщики.

Далѣе о Святополкѣ упоминается, что онъ любилъ пировать при звукѣ гуслей. Весьма понятно, что для этого уже имѣлись штатные скоморохи.

При Іоаннѣ Грозномъ скоморохи уже играли нѣкоторую роль при дворѣ; они постоянно забавляли

гостей на пирахъ царя и даже самъ Іоаннъ Грозный пѣлъ вмѣстѣ съ ними пѣсни и плясалъ въ „машкарахъ“ (въ маскахъ). *У Василія Шуйскаго* были также придворные бахари; у *царя Михаила Ѳеодоровича* были и бахари и домрачеи-гусельники. Съ XVI столѣтія въ Москвѣ уже появились чужеземные мастера различныхъ ремеслъ и художествъ; все это, конечно, представляло нѣчто въ родѣ штата осѣдлыхъ потѣшниковъ.

Царь Алексѣй Михайловичъ строго преслѣдовалъ скоморошество; на его свадьбѣ вмѣсто игры прежнихъ гусельниковъ, домрачеевъ, пѣлись духовныя пѣсни. Затѣмъ Алексѣй Михайловичъ замѣнилъ всѣ прежнія царскія потѣхи, музыкально-драматическими представленіями. Это были русскія комедіи, составленныя по иноземнымъ образцамъ.

Скомороховъ держали и частныя лица; такъ напримѣръ, у князя Ивана Ивановича Шуйскаго и у князя Дмитрія Михайловича Пожарскаго были свои дворовые скоморохи, которые въ 1633 г. подали царю челобитную, жалуясь на то насиліе, которое употребили противъ нихъ *приказный Крюковъ* и его люди.

Но кромѣ скомороховъ, состоявшихъ на службѣ у царей и у частныхъ лицъ, были и такіе, которые не находились ни у кого на службѣ, а жили въ какомъ нибудь городѣ и ходили играть и пѣть, по приглашенію, на пиры и на свадьбы, какъ напримѣръ, упомянутый выше Садко, о которомъ въ былинѣ говорится, что онъ жилъ въ Новгородѣ и его назвали Новгородскимъ.

Скоморохи также жили и въ деревняхъ, но тутъ гдѣ почти всякое лицо на счету, имъ часто воспрещалось селиться въ деревняхъ, даже отъ монастырскаго собора Троицкой лавры было объявлено запрещеніе подъ угрозою пени держать въ волости скомороховъ, а „прихожихъ скомороховъ въ волость и не пускать“.

Но не смотря на такія строгости, скоморохамъ часто

щедро платили за ихъ искусство. Такъ Добрыня Никитичъ за свою игру удостоился сидѣть на золотомъ стулѣ рядомъ съ Владиміромъ; его угощали, какъ именитаго гостя. „Ай-же ты мила скоморошина“, восклицаетъ князь:

«За твою игру веселую,
За утѣхи твои, за нѣжныя,
Безъ мѣрушки пей зелено вино,
Безъ разсчету получай золоту казну.»

Но, конечно, не всѣ скоморохи и загусельщики получали такую дорогую плату за свою игру; были и такіе изъ нихъ, которые едва кормились за получаемый ими заработокъ. Конечно, осѣдлые скоморохи, находившіеся на службѣ у князей, у царей или у богатыхъ бояръ щедро вознаграждались за то удовольствіе, которое они доставляли своею игрою и своими пѣснями; имъ давали и деньгами, дарили куски матерій, отпускали вина, кромѣ того, что они получали полное содержаніе отъ тѣхъ лицъ, у которыхъ были на службѣ.

Но мало по малу скоморохи и ихъ гусли, бахари съ ихъ сказками начинаютъ замѣняться уже иноземными музыкантами, или тѣми изъ русскихъ музыкантовъ, которые научились искусству играть на какомъ либо инструментѣ у чужеземныхъ музыкантовъ.

Такъ въ концѣ XVII столѣтія бродячіе скоморохи мало по малу сходятъ со сцены, а осѣдлые превращаются въ сценическихъ и музыкальныхъ дѣятелей уже совершенно на западно-европейскій ладъ.

Правда, при дворахъ еще были шуты и такъ называемые дураки и дурочки, но это были люди совершенно иного свойства, какъ напримѣръ, Балакиревъ, Лакоста и другіе, о которыхъ мы будемъ говорить въ слѣдующей главѣ.

Кн. С. В. Кудашевъ

III.

Вознагражденіе скоморохамъ. — Плата гудочная (мзда). — Глумы, медвѣжьи комедіи.—Придворные шуты, карлики и карлицы. — Балакиревъ —Лакоста.— Педрилла. — Шуты изъ знати. — Шуты въ царствованіе императрицы Анны Іоанновны.—Свадьба въ Ледяномъ домѣ. — Шуты при дворѣ Екатерины II.— Шуты на Кавказѣ.

Въ царствованіе Алексѣя Михайловича при его дворѣ было множество *карликовъ и карлицъ*; эти люди служили забавою для всего царскаго семейства; но карлики и карлицы были не только при дворѣ, но и у богатыхъ и знатныхъ людей. Царь Алексѣй Михайловичъ приставилъ къ своему сыну Петру двухъ карликовъ, которые должны были потѣшать и забавлять его. Для карликовъ и карлицъ шили всегда какое нибудь особаго покроя платье съ позументами и украшеніями и конечно, изъ матерій самыхъ яркихъ цвѣтовъ. Изъ-за карликовъ происходили даже ссоры между знатными боярами и вельможами. Такъ произошла цѣлая исторія съ двумя карликами Денискою Ѳедькою Вахрамѣевыми. Мазепа подарилъ этихъ карликовъ князю Голицыну, который былъ любимцемъ царевны Софіи; но когда любимецъ палъ, то Мазепа донесъ будто-бы карлики были посланы государямъ, но что Голицынъ задержалъ ихъ самовольно. Карликовъ стали разыскивать и наконецъ оказалось, что эти карлики были увезены женою князя Голицына со всѣмъ ихъ скарбомъ. *Стольникъ Сорябинъ*, приставленный къ опальнымъ князьямъ Голицынымъ, прислалъ обоихъ карликовъ; послѣдніе были вызваны къ допросу. Они показали, что ихъ отецъ былъ черниговскій мѣщанинъ и сами они родились въ Черниговѣ; отца ихъ звали Вахрамѣевъ и онъ умеръ, а ихъ мать живетъ въ Батуринѣ у гетмана; послѣ смерти ихъ отца, гетманъ Иванъ Степановичъ Мазепа взялъ ихъ къ себѣ и тамъ они прожили съ недѣлю, потомъ ихъ от-

правили къ Голицынымъ, гдѣ они и жили около трехъ лѣтъ. Когда Голицынъ отправился въ Троицкій монастырь, то эти карлики оставались въ Москвѣ при дворахъ князя Голицына. Затѣмъ, когда княгиня уѣхала изъ Москвы, то взяла съ собой и карликовъ, которыхъ и привезла къ своему мужу, а въ какой именно городъ этого карлики не знали. Они пробыли у князя Василія два или три дня, и затѣмъ онъ отправилъ ихъ со своимъ дворовымъ человѣкомъ Дмитріемъ Гавриловымъ въ Вологду. Но тутъ карликовъ отобрали у князя Василія и привезли опять въ Троицкій монастырь, гдѣ съ нихъ и были сняты эти показанія. Эти карлики оказались очень неблагодарными людьми и много повредили Голицынымъ.

Но большая часть изъ этихъ карликовъ и карлицъ были очень хитрыя созданья, которыя, какъ говорится, были себѣ на умѣ; они льстили своимъ хозяевамъ или царямъ и царевнамъ и царицамъ только ради выгодъ и денегъ. Иногда царицы и знатныя боярыни до такой степени привыкали къ своимъ карлицамъ и такъ благосклонно относились къ нимъ, что часто, по просьбѣ этихъ карлицъ, выкупали ихъ семьи изъ крѣпостной зависимости и надѣляли ихъ землею, деньгами и домашними хозяйственными принадлежностями. Карлицы, въ то же время, были и шутихами; на ихъ обязанности лежало развлекать или потѣшать свою царицу, царевну, боярыню или боярышню, смотря по тому, къ кому такая карлица была приставлена, или у кого она числилась на службѣ. Иногда такія карлицы передавались указами изъ однихъ рукъ въ другія. Такъ въ 1716 году Меншиковъ писалъ г. Яковлеву: „Просимъ васъ благовременно ея величеству государынѣ царицѣ доложить, дабы изъ карлицъ, которыя остались послѣ царицы Марфы Матвѣевны, изволила опредѣлить мнѣ одну карлицу взять“.

Незадолго передъ тѣмъ, Меншиковъ писалъ своей женѣ: „Послалъ я къ вамъ нынѣ въ презентъ двухъ шляхтенокъ-дѣвокъ, изъ которыхъ одна маленькая, можетъ вамъ за попугая быть: такая словесница, какой еще изъ такихъ младенцевъ мало видалъ, и можетъ васъ больше увеселить, нежели попугай".

Какъ мы уже сказали выше, царь Алексѣй Михайловичъ приставилъ четырехъ карликовъ къ своему любимому сыну Петру. Двое изъ этихъ карликовъ играли видную роль во время стрѣлецкаго бунта въ 1682 г. Одинъ изъ этихъ карликовъ предалъ стрѣльцамъ брата царицы Натальи Кирилловны, дядю Петра и указалъ злодѣямъ на его тайное убѣжище; другой карликъ, прозванный Комаромъ, напротивъ того, выказалъ со своей стороны большое мужество и свою преданность царскому семейству; онъ спасъ жизнь сыну знаменитаго Матвѣева, который былъ бы растерзанъ стрѣльцами. Этотъ карликъ, по прозванію Комаръ, до самой своей смерти былъ любимцемъ Петра.

Эти карлики и карлицы всегда умѣли пользоваться своимъ вліяніемъ на тѣ лица, у которыхъ они находились на службѣ; часто случалось, что какой нибудь карликъ, почему-либо недовольный своимъ господиномъ или боярином, переходилъ къ другому; если такой карликъ былъ уменъ, находчивъ, умѣлъ давать остроумные отвѣты, или вообще былъ забавенъ, то его вездѣ встрѣчали съ распростертыми объятіями.

Конечно, быть можетъ, кажется, нѣсколько страннымъ, что великій преобразователь Россіи, не любившій ничего безполезнаго и не нужнаго, держалъ при своемъ дворѣ шутовъ; но таковъ былъ духъ того времени; въ началѣ XVIII столѣтія даже у западныхъ королей и императоровъ были свои придворные шуты на опредѣленномъ жалованьѣ, какъ мы объ этомъ говорили въ первой части нашей книги. Наиболѣе замѣчатель-

ные изъ шутовъ Петра Великаго были Балакиревъ и Лакоста.

Кто не знаетъ Балакирева и его остроумныхъ шутокъ, удачныхъ отвѣтовъ; его знаютъ не только у насъ въ Россіи, но и заграницей.

Вольтеръ въ своей „Исторіи Петра Великаго“ разсказываетъ, что во время перваго путешествія царя заграницу, въ 1697 году, разсказываетъ, что въ свитѣ Лефорта и Головина, состоявшей изъ двухсотъ человѣкъ, въ числѣ которыхъ находились и шуты. А у самого царя былъ только камердинеръ, лакей и карликъ.

Когда Петръ вернулся въ Россію послѣ своего заграничнаго путешествія, то вскорѣ послѣ этого созвалъ своихъ бояръ съ ихъ женами и отпраздновалъ свадьбу одного изъ своихъ шутовъ. Царь потребовалъ, чтобы всѣ явились на пиръ, одѣтыми по старинной модѣ. За свадебнымъ обѣдомъ подавались блюда, которыя подавались въ XVI столѣтіи. Словомъ были соблюдены всѣ древніе обычаи.

Конечно, такого рода шутовская свадьба была какъ-бы отвѣтомъ царя на упрямство его бояръ, которые противились всѣмъ нововведеніямъ Петра Великаго, находя, что эти новые обычаи поведутъ Россію только къ погибели.

Свадьба Никиты Моисеевича Зотова была отпразднована съ особымъ блескомъ. Ему уже было 84 года и онъ задумалъ жениться. Какъ его не отговаривалъ Петръ, но упрямый старикъ стоялъ на своемъ. Тогда императоръ согласился на его просьбу и отпраздновалъ свадьбу Зотова самымъ шумнымъ образомъ. Это было нѣчто въ родѣ карнавала; тутъ приглашенные и переряживались, и устраивали шуточныя процессіи,—словомъ, шуму было сколько угодно. Даже приглашенія на свадьбу были написаны въ шутливомъ тонѣ.

Но какъ мы уже сказали выше, первымъ шутомъ Петра I былъ Балакиревъ.

Иванъ Емельяновичъ Балакиревъ былъ сынъ бѣднаго новгородскаго дворянина; его вытребовали въ Петербургъ на службу вмѣстѣ съ другими дворянами. Здѣсь, въ столицѣ онъ познакомился съ камергеромъ Монсомъ, любимцемъ Екатерины и черезъ него попалъ ко двору; сначала онъ былъ камеръ-лакеемъ, а потомъ шутомъ. Петръ Великій полюбилъ Балакирева за его умъ, веселость и остроумные отвѣты. При жизни Петра Великаго Балакиревъ не терпѣлъ ни въ чемъ недостатка, но послѣ смерти великаго монарха бывшему шуту и любимцу Петра пришлось испытать и бѣдность.

Шутъ Е. И. Балакиревъ

Только при вступленіи на престолъ Анны Іоанновны, государыня вспомнила о бывшемъ шутѣ своего великаго

дяди и выдала ему пособіе въ размѣрѣ двухсотъ рублей. Затѣмъ, государыня приказала зачислить Балакирева въ штатъ придворныхъ служителей и производить ему жалованье въ размѣрѣ 200 рублей въ годъ.

Потомъ, Балакиревъ, по просьбѣ графа Эрнеста Бирона, былъ назначенъ для потѣхи на увеселительный балъ въ Петербургѣ, бывшій въ февралѣ 1732 г. на другой день свадьбы родного брата Бирона съ Александрой Александровной, младшею дочерью Меншикова.

Балакиревъ пользовался большою популярностью: ему приписывали массу анекдотовъ; издавали различные сборники его анекдотовъ и шутокъ, но все это, большею частью, были не болѣе, какъ спекуляціи; издатели такихъ брошюрокъ-книгъ, только какъ говорится, прикрывались именемъ Балакирева, думая этимъ привлечь публику.

Но заговоривъ о Балакиревѣ, мы не можемъ не привести здѣсь нѣкоторые болѣе или менѣе характерные изъ его анекдотовъ. Онъ часто своими шутками избавлялъ многихъ отъ гнѣва Петра, просилъ за опальныхъ, но за то и зло смѣялся надъ чванными корыстолюбивыми вельможами, которые даже часто жаловались на него императору, но Петръ обыкновенно говорилъ:

— Что мнѣ съ нимъ дѣлать! Вѣдь онъ шутъ, не обращайте на него вниманія.

Однажды Петръ Великій прибылъ въ какой-то городъ и тутъ замѣтилъ, что постройка какого-то казеннаго зданія слишкомъ медленно подвигается впередъ; тогда государь приказалъ привести къ нему чиновника, которому былъ порученъ надзоръ за постройкой. Балакиреву было хорошо извѣстно, что такая медленность происходитъ не отъ нерадѣнія этого чиновника, а потому, что матеріалы, необходимые для постройки, доставлялись слишкомъ медленно и потому онъ рѣшился

спасти чиновника отъ побоевъ. Шутъ былъ въ кабинетѣ царя, когда явился вышеупомянутый чиновникъ. Тогда Балакиревъ бросается на этого чиновника, опрокинулъ его на землю и началъ мять и бить его; потомъ поднялъ его, вытолкнулъ за дверь и сказалъ:

— Хорошо, что ты мнѣ первому попался въ руки, а то если-бы попался къ Алексѣевичу, то твоимъ ребрамъ досталось-бы очень больно.

Государь сначала удивился поступку шута, но когда послѣдній вытолкнулъ чиновника за дверь, то Петръ догадался въ чемъ дѣло и снова призвалъ испуганнаго чиновника; спокойно разспросилъ о причинѣ медленности въ постройкѣ и, узнавъ истину, уже болѣе не сердился и смѣнилъ гнѣвъ на милость.

Одна небогатая вдова заслуженнаго чиновника долго хлопотала въ Коллегіи и въ Сенатѣ о выдачѣ ей пенсіи послѣ мужа, но всякій разъ получала отъ секретаря одинъ и тотъ-же отвѣтъ:

— Приди завтра!

Балакиревъ узналъ объ этомъ и добрый отъ природы, вздумалъ помочь этой вдовѣ въ ея вполнѣ законной просьбѣ.

Онъ посовѣтовалъ ей одѣться во все черное, потомъ собственноручно нашпилилъ ей на платьѣ множество ярлыковъ съ надписью: „Приди завтра!“ и поставилъ вдову въ сѣняхъ, черезъ которыя долженъ былъ проходить императоръ.

Весьма понятно, что Петръ обратилъ вниманіе на такой странный костюмъ вдовы и спросилъ:

— Что это значитъ?

Тогда вертѣвшійся шутъ Балакиревъ сказалъ:

— Завтра можете узнать объ этомъ ваше императорское величество, завтра!

— Не завтра, а сейчасъ я хочу знать объ этомъ! строго сказалъ монархъ.

— Мало ли чего мы хотимъ, да не такъ дѣлается, возразилъ Балакиревъ, войди прежде въ Сенатъ, да спроси, государь, секретаря; если онъ не скажетъ тебѣ: „приходи завтра“, то сегодня узнаешь, что это такое.

Государь догадался, вошелъ въ присутствіе и грозно спросилъ у секретаря:

— О чемъ проситъ эта женщина въ черномъ платьѣ?

Секретарь смутился; но принужденъ былъ признаться, что эта вдова уже давно ходитъ, но что у него не было времени доложить объ этомъ дѣлѣ. Тогда государь приказалъ отдать вдовѣ годовое жалованье секретаря.

Послѣ этого въ Сенатѣ и въ Коллегіи долго не рѣшались говорить просителямъ: приди завтра.

— Какъ-то государь очень разгнѣвался на Балакирева и запретилъ ему являться къ себѣ. Шутъ повинновался и долгое время не показывался къ царю на глаза.

Но вдругъ разнесся слухъ, что Балакиревъ умеръ.

Государь послалъ узнать, чтобы удостовѣриться правдали это? Посланный, вернувшись отъ шута, доложилъ царю, что дѣйствительно видѣлъ Балакирева лежащимъ на столѣ, и его жену въ слезахъ.

Петръ крайне огорчился этимъ извѣстіемъ и сказалъ:

— Жаль мнѣ Балакирева; онъ меня любилъ и былъ мнѣ всегда вѣренъ, надо помочь его женѣ.

Государь тотчасъ послалъ за женою Балакирева и та явилась въ глубокомъ траурѣ и въ огромныхъ фижмахъ.

Петръ Великій поговорилъ съ нею и затѣмъ сказалъ:

— Ахъ дорого бы я заплатилъ тому, кто бы воскресилъ моего Балакирева.

— А сколько-бы ты заплатилъ? сказалъ кто-то замогильнымъ голосомъ.

— Что это значитъ? — воскликнулъ государь. — Неужели ты живъ, мошенникъ?

— Нѣтъ, умеръ!

— А да ты здѣсь, плутъ, вылѣзай скорѣе!

— Не вылѣзу!

— Вылѣзай, я приказываю!

— Жена, ступай домой!

— Постой, постой, Балакиревъ, даю тебѣ сто рублей

Тогда Балакиревъ выставилъ изъ подъ фижмы голову.

Замѣтивъ это, Петръ смягчился и сказалъ:

— Обѣщаю тебѣ, Балакиревъ, прощеніе, вылѣзай.

Балакиревъ выставился по грудь.

— Возвращаю тебѣ всѣ мои прежнія милости.

Тогда Балакиревъ показался по поясъ.

— Обѣщаю твоей женѣ штофную юбку.

Балакиревъ выскочилъ, палъ къ ногамъ государя и сказалъ:

— Сто рубликовъ возьми себѣ, Алексѣичъ, за то, что ты воскресилъ меня, дурака, а остальное отдай.

Государыня пожелала какъ-то видѣть жену Балакирева и сказала ему объ этомъ.

Шутъ какъ будто смутился, потомъ сказалъ:

— Право, не знаю, матушка царица, какъ мнѣ и быть.

— Что такое? — полюбопытствовала государыня.

— Моя жена немного глуха и вамъ будетъ трудно съ нею разговаривать

— Ничего, ничего, возразила государыня, приведи ее ко мнѣ.

На слѣдующій день утромъ, Балакиревъ привелъ свою жену во дворецъ и предупредилъ ее, что государыня очень глуха.

Царица приняла жену шута и стала съ нею разговаривать, насколько возможно возвышая голосъ, чтобы та могла ее слышать. Жена Балакирева, съ своей стороны, говорила также очень громко, чтобы государыня могла ее слышать.

Балакиревъ, между тѣмъ, далъ знать о своей шуткѣ

Петру и тотъ, не выводя изъ недоумѣнія ни государыню, ни мнимую глухую, долго забавлялся такою бесѣдою, въ которой какъ царица, такъ и жена шута старались перекричать одна другую.

Однако, обманъ скоро открылся и государыня выдрала Балакирева за уши.

Въ другой разъ, государь разгнѣвался на Тараса Плещеева и приказалъ своему ординарцу на другой же день представить Тараса Плещеева во дворецъ, тотчасъ послѣ обѣдни. Балакиревъ случайно слышалъ это приказаніе и такъ какъ шутъ былъ въ самыхъ дружескихъ сношеніяхъ съ Плещеевымъ, то и захотѣлъ его спасти отъ гнѣва царя.

Балакиревъ тотчасъ-же отправился къ Дивьэру, который былъ оберъ-полицмейстеромъ и сказалъ ему, что царю угодно собрать къ выходу изъ церкви полторасто плѣшивыхъ. Конечно, Дивьэру такое приказаніе казалось нѣсколько страннымъ, но онъ долженъ былъ его исполнить.

Но какъ Дивьэръ ни хлопоталъ, никакъ не могъ собрать болѣе девяносто двухъ плѣшивыхъ.

На слѣдующій день, Балакиревъ выстроилъ девяносто два человѣка плѣшивыхъ у церкви, въ которой государь былъ у обѣдни и приказалъ имъ, какъ только государь выйдетъ, такъ тотчасъ снять шапки.

Весьма понятно, что плѣшивые въ точности исполнили приказаніе Балакирева.

Государь вышелъ изъ церкви и, взглянувъ на выстроившіеся ряды плѣшивыхъ, спросилъ:

— Что это значитъ?

Балакиревъ, какъ и всегда, если задумывалъ какую нибудь шутку, то непремѣнно вертѣлся около государя и на вопросъ царя отвѣтилъ:

— Ты, Алексѣичъ, самъ приказалъ представить тебѣ полторасто плѣшивыхъ, а ихъ нашлось только девяносто два. Вотъ они.

Тутъ государь вспомнилъ, что приказалъ представить ему Тараса Плещеева и очень много смѣялся такой ловкой выдумкѣ шута.

Конечно, Плещеевъ, благодаря Балакиреву, избавился отъ царскаго гнѣва.

Вообще Балакиревъ, благодаря своей находчивости, избавлялъ очень многихъ отъ наказаній, потому что умѣлъ такъ ловко обставить дѣло, что государь смѣялся отъ души его выдумкамъ и дѣло всегда кончалось тѣмъ, что Петръ прощалъ виновнаго и смѣнялъ гнѣвъ на милость

Такъ одинъ сенаторъ вступилъ въ подряды, не смотря на строгій запретъ государя, который не позволялъ своимъ сенаторамъ вступать въ какія либо торговыя сдѣлки. Государь уже два раза прощалъ ему этотъ проступокъ, но вельможа не унимался и, какъ-бы пренебрегая волею Петра, не переставалъ входить въ новые торги, за что, наконецъ, и былъ преданъ суду; вельможа былъ приговоренъ къ лишенію чиновъ, имѣній и къ ссылкѣ въ Сибирь; этотъ приговоръ осталось только утвердить государю.

Провинившійся вельможа хорошо зналъ строгость монарха къ нарушителямъ его законовъ, обратился къ Балакиреву и просилъ его спасти, обѣщая ему за это крупную сумму денегъ.

Балакиревъ согласился.

Петръ Великій поставилъ себѣ за правило, что если при подписаніи представленнаго ему приговора, онъ замараетъ эту бумагу чернилами или чѣмъ нибудь другимъ, то, вѣроятно, Богъ не одобрялъ такого приговора и тогда таковой уничтожался.

Кромѣ того, государь, прежде чѣмъ подписать приговоръ строго обсуждалъ всѣ обстоятельства дѣла и для этого запирался у себя въ кабинетѣ, не принималъ никого и только послѣ такого обсужденія и размышленія онъ брался за перо и подписывалъ приговоръ.

Когда докладъ объ этомъ вельможѣ поступилъ къ государю, то онъ заперся у себя въ кабинетѣ, запретилъ впускать къ себѣ кого бы то ни было и серьезно занялся этимъ дѣломъ. Всякій разъ, когда государь уединялся у себя въ кабинетѣ для разсмотрѣнія какого либо важнаго дѣла, то при немъ всегда находился его любимый котъ, который сидѣлъ передъ царемъ на столѣ.

Балакиревъ зорко слѣдилъ за государемъ и, принявъ во вниманіе, что онъ не подпишетъ приговора ранѣе двухъ-трехъ часовъ, отправился въ царскія кладовыя, поймалъ тамъ мышенка и, взявъ съ собою листъ бумаги, отправился къ дверямъ кабинета государя. Шутъ увѣрилъ дежурнаго ординарца, что посланъ отъ императрицы по весьма важному дѣлу; конечно, ординарецъ повѣрилъ этому и не препятствовалъ нисколько шуту подойти къ дверямъ царскаго кабинета. Балакиревъ осторожно отворилъ дверь и увидѣлъ, что государь погруженъ въ свои занятія; прошло нѣсколько минутъ глубокой тишины; Балакиревъ также притаилъ дыханіе; но вотъ государь взялся за перо, вѣроятно, для того, чтобы подписать приговоръ; тогда Балакиревъ далъ свободу мышенку царапаться по бумагѣ. Котъ, по природному инстинкту, тотчасъ встревожился, почуявъ близкую добычу. Императоръ прикрикнулъ на кота, потому что движенія животнаго его безпокоили и, нарушая тишину, сбивали его съ мыслей. Котъ присмирѣлъ.

Тогда царь снова берется за перо, но шутъ опять даетъ волю мышенку, тотъ царапается по бумагѣ, котъ тревожится, поднимаетъ голову, а царь снова прикрикиваетъ на него; такой маневръ повторился нѣсколько разъ; государь строго крикнулъ, наконецъ, на кота и тогда все утихло. Тогда царь опять принимается за перо и уже рѣшительно начинаетъ подписывать приговоръ... Но въ эту минуту, Балакиревъ впускаетъ мышенка въ кабинетъ. Котъ мгновенно кидается на добычу, опро-

кидываетъ свѣчу и чернильницу и оставляетъ изумленнаго государя въ темнотѣ и сильно разгнѣваннаго такимъ неожиданнымъ происшествіемъ.

Балакиревъ-же спасся бѣгствомъ, приказавъ тѣмъ временемъ ординарцу подать огня.

Государь, увидѣвъ что бумаги испачканы саломъ и чернилами, разорвалъ ихъ; такимъ образомъ, приговоръ, осудившій вельможу къ ссылкѣ, былъ уничтоженъ.

На другой день осужденному было объявлено прощеніе.

Тогда Балакиревъ является къ помилованному и напоминаетъ ему объ обѣщанной наградѣ. Но корыстолюбивый сенаторъ не только не далъ спасшему его шуту обѣщанной крупной суммы, но еще погрозилъ ему тѣмъ, что откроетъ государю дерзкій поступокъ Балакирева.

Тогда шутъ, обманутый въ своей надеждѣ на полученіе денегъ и кромѣ того, такъ жестоко оскорбленный, рѣшился отомстить этому неблагодарному сенатору.

Случай скоро представился.

Балакиревъ, узнавъ, что помилованный сенаторъ собирается праздновать на своей дачѣ данное ему помилованіе, отправляется во дворецъ и, найдя императора въ хорошемъ расположеніи духа, притворился печальнымъ и разстроеннымъ.

Государь, увидѣвъ своего шута такимъ унылымъ, спросилъ его:

— Отчего это, ты бываешь печаленъ, когда я веселъ, и шутливъ, когда я печаленъ?

— Какъ мнѣ не грустить, Алексѣичъ, отвѣчалъ шутъ,—я служу у тебя столько времени, а ты даже не потѣшилъ меня никакою милостью, а другихъ осыпаешь чинами, деревнями и деньгами.

— Чего-же ты хочешь? спросилъ царь.

— Сдѣлай меня хоть начальникомъ надъ мухами и дай мнѣ указъ, чтобы я могъ ихъ бить безъ всякаго отвѣта, когда и гдѣ мнѣ вздумается.

— Изволь, Балакиревъ,—отвѣтилъ государь, пожалую тебя и этою милостью и тутъ-же собственноручно написалъ указъ.

Получивши отъ государя такой указъ, Балакиревъ отправился на дачу сенатора. Шутъ пріѣхалъ къ самому обѣду и сначала приступилъ къ сенатору съ требованіемъ обѣщанныхъ денегъ, но сенаторъ отказалъ ему и началъ его бранить за то, что онъ осмѣлился явиться къ нему незванный.

Тогда шутъ вынулъ нагайку и сталъ ею бить мухъ, которыя сидѣли на приборахъ, на рюмкахъ, на стаканахъ, на зеркалахъ; сенаторъ, видя такое опустошеніе, приказалъ схватить Балакирева и связать его. Но шутъ объявилъ именной указъ царя о своемъ начальствѣ надъ мухами, продолжалъ свою работу и даже добрался до самого хозяина.

Гости, увидѣвъ такую потѣху, стали собираться домой, а Балакиревъ, отомстивъ неблагодарному, также отправился домой.

Но Балакиревъ еще разъ воспользовался своимъ начальствомъ надъ мухами; шутъ узналъ, что одинъ изъ дворцовыхъ чиновниковъ, которому было поручено наблюдать за царскими съѣстными припасами злоупотреблялъ даннымъ ему довѣріемъ, пользуясь непозволительными доходами.

Однажды, во дворцѣ у государя былъ большой обѣдъ для всѣхъ вельможъ и придворныхъ. Всѣ сѣли за столъ, а шутъ ходилъ съ хлопушкой и билъ по стѣнамъ мухъ. Чиновникъ, наблюдавшій за дворцовыми припасами стоялъ у кресла государя. Вдругъ къ этому чиновнику подбѣгаетъ Балакиревъ и, завидя муху на его лысой головѣ, въ ту же минуту ее убиваетъ.

Государь обернулся и всѣ сидѣвшіе за столомъ обратили вниманіе на покраснѣвшаго чиновника.

— Что это значитъ?—спросилъ государь у Балакирева.

— Ничего, ваше величество;—отвѣчалъ шутъ, вы сами-же изволили назначить меня начальникомъ, или повелителемъ мухъ и вотъ я наказалъ одну изъ моихъ подданныхъ, чтобы она не смѣла красть царскаго кушанья.

Государь усмѣхнулся и бросилъ строгій взглядъ на смутившагося чиновника.

Вскорѣ послѣ этого чиновникъ былъ отрѣшенъ отъ своей должности.

Однажды, кто-то изъ вельможъ давалъ обѣдъ для самого царя и для иностранныхъ посланниковъ. Всѣ приглашенные сѣли за столъ.

Въ эту минуту, явился Балакиревъ въ старинномъ подъяческомъ костюмѣ. Присутствовавшіе много надъ нимъ смѣялись, но онъ, казалось, не обращалъ никакого вниманія на насмѣшки и молчалъ. Обѣдъ подходилъ къ концу. Балакиревъ вынулъ мѣшокъ съ воробьями и сталъ вытаскивать ихъ по-одиночкѣ.

— Ты чей?—спросилъ шутъ перваго воробья, и, перемѣнивъ свой голосъ, отвѣчалъ: Государевъ!

— А, бездѣльникъ, такъ ты Государевъ!—Послушай, лакей, отошли его къ Дивьэру и скажи, чтобы его, мошенника, хорошенько высѣкли.

— А ты чей?—Государевъ.

— Этого отдать въ кухню и чтобы его изжарили.

— Ты чей?—Государевъ!—Свернуть ему голову.

— Ты чей?—Государевъ!—Въ ссылку тебя, мошенникъ!

— Ну, а ты, Государевъ?

— Нѣтъ, я князя N. N.

— Ахъ, голубчикъ, ты князя N. N.? Какой-же ты хорошенькій.—Затѣмъ, шутъ обращается къ лакею:

— Поди, отдай его барину, да непремѣнно исполни.

Затѣмъ, шутъ вынулъ послѣдняго воробья и опять спросилъ:

— А ты чей?

— Я боярыни N. N.

— Боярыни?—Какъ-же ты попалъ сюда? Лети, голубчикъ, лети, будь здоровъ, да кланяйся отъ дурака Дормидошки.

Сначала всѣ смѣялись этой шуткѣ, потомъ иные начали серьезничать, другіе надули губы, а нѣкоторымъ стало досадно.

Государь молчалъ и пристально посматривалъ на многихъ присутствовавшихъ.

Всякій разъ, когда Петръ Великій бывалъ чѣмъ нибудь огорченъ, онъ запирался у себя въ кабинетѣ и не принималъ никого; такъ было это и послѣ пораженія русскихъ подъ Нарвой. Императрица старалась всѣми силами разсѣять грусть своего царственнаго супруга, но все было напрасно.

Балакиревъ принялъ на себя разсѣять грусть государя и вотъ какъ это удалось ему исполнить.

Шутъ влѣзъ черезъ трубу въ каминъ, который находился въ кабинетѣ государя и, замѣтя, что царь сидитъ лицемъ къ зеркалу, выставилъ противъ него свое испачканное сажею лицо. Царь, увидѣвъ такое лицо, обернулся, но Балакиревъ спрятался; тогда государь позвалъ ординарца и приказалъ ему осмотрѣть каминъ. Но ординарецъ не нашелъ никого и государь опять сѣлъ на прежнее мѣсто и снова облокотился на столъ.

Послѣ этого опять послышался шорохъ и государь снова увидѣлъ высунувшуюся изъ камина человѣческую фигуру.

Петръ вышелъ изъ себя, вскочилъ со стула, схватилъ пистолетъ и подошелъ къ камину, полагая, что это какой нибудь злоумышленникъ покушается на его жизнь, сказалъ громко:

— Выходи, бездѣльникъ, или я тебя убью.

Опять никакого отвѣта.

Государь повторяетъ снова свою угрозу, но опять никакого отвѣта, между тѣмъ, какъ шорохъ все еще слышался въ трубѣ; тогда государь стрѣляетъ въ трубу и въ это время слышится то мяуканье, то лай собаки и, наконецъ, Балакиревъ падаетъ къ ногамъ Петра. Шутъ былъ весь покрытъ сажею и воскликнулъ:

— Батюшки-царь, Петръ Алексѣевичъ, неужели для меня и въ трубѣ не найдется мѣста?

— Гдѣ-же ты былъ, когда я стрѣлялъ изъ пистолета? Не раненъ-ли ты?—съ участіемъ спросилъ императоръ.

— Эхъ, Алексѣичъ, — отвѣчалъ шутъ, — дураковъ и пуля не беретъ; въ то время, какъ ты изволилъ стрѣлять изъ пистолета, я преспокойно спалъ себѣ въ углубленіи трубы.

Тутъ Балакиревъ началъ зѣвать и потягиваться, точно онъ, дѣйствительно, только что проснулся.

Государь засмѣялся и повелъ шута показать императрицѣ.

Но не смотря на свою популярность, Балакиревъ часто подвергался насмѣшкамъ со стороны болѣе или менѣе вліятельныхъ лицъ; но шутъ рѣдко спускалъ этимъ людямъ и всегда находилъ случай отомстить имъ за ихъ оскорбленіе.

Такъ случилось однажды, что кто-то изъ придворныхъ обидѣлъ Балакирева; послѣдній хотѣлъ расквитаться за такую обиду и вотъ какъ онъ поступилъ въ данномъ случаѣ.

Этотъ придворный былъ очень близорукъ, но постоянно хвастался зоркостью глазъ и остротою зрѣнія.

Балакиревъ зналъ объ этомъ и воспользовался этимъ случаемъ, чтобы отмстить за нанесенную ему этимъ человѣкомъ обиду.

Однажды государь и государыня, окруженные придворными, прогуливались по набережной Фонтанки; въ числѣ свиты, сопровождавшей царя и царицу былъ и тотъ придворный, который нанесъ оскорбленіе Балакиреву.

Когда царь и царица прошли нѣсколько шаговъ по набережной, то Балакиревъ замѣтилъ на другой сторонѣ домъ, въ открытомъ окнѣ котораго виднѣлась голова бѣлаго пуделя. Шутъ тотчасъ завелъ разговоръ о дальнозоркости и близорукости и началъ хвастаться, что у него прекрасное зрѣніе.

Близорукій придворный сталъ оспаривать шута и хвастался, что у него самого такое прекрасное зрѣніе, какое врядъ-ли найдется у кого либо другого.

— Ну, любезный, сказалъ шутъ, если у тебя такое прекрасное зрѣніе, то скажи мнѣ, кто смотритъ въ окно того дома, который находится по ту сторону Фонтанки?

Близорукій прищурился, посмотрѣлъ по указанному ему направленію и сказалъ:

— Это какая то барыня въ бѣломъ платкѣ на шеѣ.

Всѣ захохотали въ томъ числѣ и государь и государыня.

— Не смѣйся, Алексѣичъ, замѣтилъ шутъ. вѣдь его милость недальновиденъ.

Иногда Балакиреву приходилось по волѣ государя наказывать тѣхъ, которые совершали какіе-либо неблаговидные поступки, чтобы проучить быть впередъ благоразумнѣе и осмотрительнѣе.

За селомъ Пушкинымъ по Троицкой дорогѣ, нѣсколько влѣво находилась деревня Балакиревка, гдѣ и случилось то происшествіе, о которомъ мы хотимъ разсказать.

Одинъ изъ вельможъ пригласилъ государя къ себѣ на дачу, чтобы позабавиться охотою; не смотря на то, что Петръ Великій не любилъ безполезныхъ занятій, но

принялъ приглашеніе вельможи, хотя въ то же время придумалъ для него и наказаніе.

Съѣхались гости для участія въ охотѣ, въ числѣ ихъ былъ и Балакиревъ. У каждаго изъ собравшихся былъ на рукѣ или кречетъ или соколъ, но шутъ явился съ вороною; всѣ стали надъ нимъ смѣяться; дѣйствительно, уморительно было смотрѣть на Балакирева съ вороною, такъ какъ онъ совершенно выдѣлялся между прочими гостями.

Всѣ приглашенные согласились между собою, что всякій, поймавшій какую нибудь дичь, можетъ ею пользоваться; это они сдѣлали въ насмѣшку надъ Балакиревымъ, потому что были вполнѣ увѣрены, что шутъ со своею вороною ничего не поймаетъ и тогда, по возвращеніи домой, можно будетъ посмѣяться надъ нимъ и подразнить его сколько угодно; конечно, у любимаго шута Петра Великаго было много враговъ, которые постоянно искали случая, какъ-бы надъ нимъ посмѣяться, чтобы отмстить ему за тѣ насмѣшки, которыми такъ часто осыпалъ ихъ Балакиревъ, осмѣивая ихъ пороки и недостатки. Конечно, никому и въ голову не приходило, чтобы ворона могла поймать что нибудь путное; гости, собравшіеся на охоту, просили императора подтвердить своимъ словомъ условленный между ними договоръ.

Государь охотно согласился на это.

Началась охота; всѣ присутствовавшіе поймали много дичи и почти каждый изъ нихъ вернулся съ полнымъ ягташемъ; одинъ Балакиревъ не поймалъ ничего; конечно, всѣ стали надъ нимъ смѣяться, но шутъ отмалчивался и только поглаживалъ свою ворону. Но вотъ охота кончилась; государь и всѣ гости поѣхали въ домъ пригласившаго ихъ вельможи. По дорогѣ лежала принадлежавшая ему деревенька. Лишь только подъѣхали къ ней, какъ Балакиревъ побѣжалъ впередъ всѣхъ и

спустилъ съ руки свою ворону. Птица, обрадованная полученною свободою, полетѣла и сѣла на первую кровлю упомянутой деревушки. Собралась толпа крестьянъ, тогда хитрый Балакиревъ подбѣгаетъ къ нимъ и приказываетъ ловить любимую царскую ворону. Толпа бросилась къ той избѣ, на крышѣ которой сидѣла спущенная ворона и своимъ крикомъ мигомъ спугнула птицу. Тогда ворона перелетѣла на другую крышу и усѣлась и тамъ, но толпа спугнула ее и оттуда. Такимъ образомъ, птица, перелетая съ одной крыши на другую, перебывала на всѣхъ крышахъ избъ небольшой деревеньки. Въ то время, какъ ворона перелетала съ одной крыши на другую, Балакиревъ подскакивалъ къ государю и кричалъ:

— Моя! моя! моя!—Кто измѣнитъ своему слову, — продолжалъ онъ, обращаясь къ государю и его вельможамъ, — тому да будетъ стыдно! Неправда-ли, Алексѣевичъ, деревня теперь моя!

Тогда нѣкоторые изъ вельможъ обратились къ Балакиреву и спросили:

— А почему-же деревня твоя!

— Потому,—отвѣчалъ шутъ.—что моя ворона перебывала на всѣхъ крышахъ избъ и каждую изъ нихъ держала въ когтяхъ. Такъ вотъ поэтому-то деревня и моя.

— Правда, правда,—сказалъ государь. И затѣмъ обращаясь къ присутствовавшимъ прибавилъ:

— Еще до охоты вы заключили между собою такой договоръ, который я подтвердилъ своимъ словомъ и потому условіе должно быть исполнено.

— Ай-да, Алексѣичъ!—громко закричалъ Балакиревъ.

Конечно, владѣльцу деревни такое распоряженіе показалось очень неудобнымъ, но дѣлать было нечего, воля государя должна быть всегда священна для каждаго.

Такимъ образомъ, Балакиревъ, благодаря своей воронѣ, пріобрѣлъ въ собственность небольшую деревушку.

Какъ мы уже говорили выше, Петръ Великій часто впадалъ въ уныніе; понятно, не легко было для него управлять такимъ обширнымъ государствомъ и бороться не только съ внѣшними врагами, но и съ внутренними; большая часть вельможъ и бояръ не понимали той пользы, какую должны принести со временемъ всѣ реформы, предпринятыя великимъ преобразователемъ Россіи; эти вельможи и бояре придерживались старины.

— Такъ государь обратился однажды къ Балакиреву съ вопросомъ:

— Скажи-ка мнѣ, шутъ, какъ отучить мнѣ моихъ бояръ отъ старинныхъ привычекъ?

— А мы ихъ поподчуемъ старниою, — отвѣчалъ Балакиревъ; а чтобы наша цѣль принесла больше пользы, то мы женимъ какого нибудь шута и справимъ его свадьбу по старинному обычаю.

— Хорошо придумалъ, —согласился съ шутомъ государь. Шанскій надоѣлъ мнѣ просьбами о женитьбѣ, — продолжалъ царь: ты будешь его дружкою и отъ души поподчуешь всѣхъ приглашенныхъ старниою.

— Слушаю, государь, —покорно отвѣтилъ шутъ, — только прикажи купить побольше жиру, перцу и полугару.

Тогда Балакиревъ принялся за хлопоты. По желанію царя, приглашенные на свадьбу, должны были изъ церкви отправиться въ домъ Лефорта*), любимца Петра Ве-

*) Лефортъ былъ родомъ швейцарецъ: онъ родился въ Женевѣ въ 1656 году, а затѣмъ перешелъ на русскую службу. Онъ много помогалъ Петру Великому въ его реформахъ. Когда Лефортъ умеръ въ 1699 году, то царь сказалъ: „Увы, я потерялъ лучшаго изъ моихъ друзей“.

ликаго, гдѣ и предположено было устроить свадебный пиръ.

Балакиревъ много хлопоталъ передъ свадьбой и старался устроить такъ, чтобы не упустить изъ виду ни одного изъ старинныхъ обычаевъ, которыхъ придерживались наши предки при свадьбахъ.

Петръ Великій приказалъ, чтобы всѣ бояре и вельможи съѣхались-бы въ назначенный день къ Лефорту вмѣстѣ съ ихъ женами; кромѣ того, всѣ должны были одѣться въ старинный русскій нарядъ.

Жениха и невѣсту обвѣнчали и новобрачные со всѣми приглашенными на свадьбу отправились въ домъ Лефорта; всѣ дамы были въ старинныхъ русскихъ сарафанахъ съ кокошниками на головахъ, а мужчины въ дорогихъ русскихъ кафтанахъ и боярскихъ шапкахъ.

Балакиревъ, какъ дружка жениха, угощалъ приглашенныхъ очень усердно; но послѣдніе, уже познакомившіеся съ болѣе лучшими и болѣе вкусными кушаньями и винами, нашли такое угощеніе очень плохимъ. Балакиревъ-же наиболѣе усердно угощалъ тѣхъ изъ вельможъ и бояръ, которые были болѣе другихъ недовольны нововведеніями Петра Великаго. Когда же шутъ видѣлъ, что не въ состояніи совладать съ боярами и вельможами, то прибѣгалъ къ помощи царя, который изъявлялъ свое желаніе, чтобы гости пили и ѣли, а приглашеннымъ приходилось исполнять желаніе государя. Конечно, бояре долго помнили это угощеніе, но врядъ-ли оно исправило ихъ отъ закоренѣлаго въ нихъ упрямства.

Балакиревъ отличался также и остроумными отвѣтами, его рѣдко можно было поставить въ тупикъ, онъ былъ удивительно находчивъ и всегда умѣлъ отвѣтить впопадъ.

Одинъ придворный, желая посмѣяться надъ Балакиревымъ, сказалъ ему:

— Ты дуракъ!

— Ты совершенно правъ,—отвѣтилъ шутъ, если только вѣрить такимъ глупцамъ, какъ ты.

Потомъ еще другой придворный, сидя какъ-то за столомъ съ Балакиревымъ, спросилъ его, вѣроятно, желая его сконфузить:

— Ты шутъ и подобенъ безсмысленному животному, то поэтому скажи мнѣ, какое разстояніе между тобою и осломъ?

— Самое малое, — отвѣчалъ, нисколько не смутясь Балакиревъ,—одинъ только столъ.

Потомъ еще кто-то другой, вѣроятно, также желая привести въ смущеніе Балакирева, спросилъ:

— Правда-ли, что при дворѣ тебя считаютъ дуракомъ?

— Не всякому слуху вѣрь, — отвѣчалъ Балакиревъ совершенно спокойно; мало-ли, что говорятъ другіе: они, поди, и тебя называютъ умникомъ; не вѣрь этому, не вѣрь!

Конечно, этотъ человѣкъ, думая сконфузить Балакирева, самъ былъ пристыженъ еще больше.

А вотъ и еще одинъ подобный анекдотъ:

— За что, тебя, шуть при дворѣ называютъ собакою?—спросилъ кто-то Балакирева, вѣроятно, также съ намѣреніемъ пристыдить его.

— За то,—отвѣчалъ тотъ, — что я на васъ лаю, да хозяина сберегаю.

Хотя Петръ Великій и очень любилъ Балакирева, но часто случалось, что послѣдній то подходилъ подъ горячую руку царя и получалъ побои, то слишкомъ надоѣдалъ государю своими просьбами о помилованіи кого либо изъ провинившихся, то царь гнѣвался на шута и приказывалъ ему убираться съ глазъ долой; конечно, Балакиреву оставалось только повиноваться царской волѣ; но въ это время шутъ всегда былъ самъ не

свой; онъ былъ душею преданъ своему государю и никакъ не могъ выносить его гнѣва; всякій разъ онъ придумывалъ устроить какую нибудь такую выходку, чтобы умилостивить царя и получить прощеніе.

Такъ однажды, государь сильно разгнѣвался на Балакирева и не только прогналъ его отъ себя, но даже запретилъ ему жить въ Россіи, закричавъ на шута:

— Убирайся вонъ съ моей земли и чтобы я тебя никогда болѣе здѣсь не видѣлъ на моей землѣ.

Балакиревъ не смѣлъ ослушаться государя и выѣхалъ изъ Петербурга.

Прошло нѣсколько времени; о шутѣ не было ни слуху, ни духу; конечно, погорячившійся государь, уже нѣсколько успокоился и сталъ скучать о Балакиревѣ, къ которому очень привыкъ, тѣмъ болѣе, что его шутки часто разгоняли уныніе царя, или-же смѣшили его до слезъ. Но вотъ какъ-то, государь, сидя у открытаго окна, видитъ, что мимо его дворца проѣзжаетъ Балакиревъ въ одноколкѣ. Тутъ царь снова вспылилъ — дерзость Балакирева разсердила его и онъ выбѣжалъ на крыльцо и закричалъ на шута:

— Какъ ты смѣешь, мошенникъ, ослушиваться моего приказанія и снова являться на моей землѣ?

Балакиревъ остановился.

— Тише, тише, царь земли русской; я не на твоей землѣ и тебѣ не кланяюсь, а на своей собственной.

— Какъ не на моей? грозно спросилъ его государь

— Да, не на твоей: у меня въ одноколкѣ земля шведская; я ее купилъ на свои собственныя деньги, а если ты не вѣришь этому, то вотъ тебѣ и письменное свидѣтельство.

Государь прочиталъ поданное ему свидѣтельство, засмѣялся и простилъ Балакирева.

Извѣстно, что князь Александръ Даниловичъ Меньшиковъ былъ любимцемъ Петра Великаго. Домъ князя

находился въ одной изъ линій Васильевскаго Острова; хотя этотъ домъ и былъ выстроенъ въ одинъ этажъ, но по тогдашнему времени считался огромнымъ домомъ. Справа и слѣва были настроены длинные флигеля, которые потомъ занимали мѣсто небольшого двора, или просто сказать были отданы для помѣщенія посланниковъ. Когда князь Данилычъ (такъ называли его и Петръ Великій и Балакиревъ) вздумалъ строить тѣ флигеля, то государь самъ начертилъ планъ тѣмъ покоямъ и часто приходилъ смотрѣть на работы, которыя, благодаря стараніямъ и надзору за ними Меньшикова, подвигались очень быстро.

Какъ-то рано утромъ, государь и князь вышли осмотрѣть достроенный уже фундаментъ и увидѣли, что Балакиревъ съ аршиномъ и циркулемъ въ рукахъ, ходилъ по начатому зданію и съ весьма важнымъ видомъ что-то мѣрилъ и, повидимому, самъ съ собою о чемъ-то разсуждалъ.

Государь подозвалъ Балакирева къ себѣ и спросилъ:

— Давно-ли шутъ, ты сталъ землемѣромъ и что ты такое измѣряешь?

— Землемѣромъ я, Алексѣичъ, сталъ съ тѣхъ поръ, какъ по землѣ хожу, а что измѣряю, ты самъ знаешь.

— Что-же это такое?

— Землю.

— Зачѣмъ?

— Да мнѣ хочется вычислить по этому фундаменту, сколько займетъ земли Данилычъ, когда умретъ.

Государь улыбнулся, а князь Меньшиковъ поморщился.

Однажды государь, возвратясь изъ адмиралтейства, былъ очень сердитъ, а императрицѣ было нужно переговорить съ нимъ о чемъ-то серьезномъ. Балакиревъ, узнавъ о желаніи царицы, въ то же время выдумалъ средство

развеселить царя, хотя бы это было съ ущербомъ собственнаго здоровья.

Шутъ вошелъ въ кабинетъ государя и началъ играть съ его любимымъ котомъ. Разсерженный царь приказалъ Балакиреву выйти, но послѣдній продолжалъ игру, затѣянную съ котомъ. Петръ Великій схватилъ трость и побѣжалъ за Балакиревымъ, но шутъ ускользнулъ отъ перваго удара, вдругъ упалъ на землю и закричалъ:

— Лежачаго не бьютъ, Алексѣичъ, это твой указъ и ты первый долженъ исполнить его.

Государь, какъ ни былъ разсерженъ, но видя валяющагося у своихъ ногъ Балакирева, который, при этомъ случаѣ, сдѣлалъ самую умильную рожу, не могъ удержаться отъ смѣха.

Гнѣвъ императора, мало-по-малу утихъ и государыня могла переговорить со своимъ супругомъ.

Однажды Балакиревъ сказалъ Петру Великому:

— Пожалуй мнѣ, Алексѣичъ, на нужду десять рубликовъ.

— А не ты-ли говорилъ,—возразилъ царь,—что деньги дуракамъ и умнымъ не нужны.

— Правда; да ты только дай, а тамъ я тебѣ докажу, что Балакиревъ не вретъ.

— Возьми и доказывай!

— Мы, умные и дураки, нужды не имѣемъ потому, что намъ въ нуждѣ всегда помогутъ, что и ты, царь, теперь сдѣлалъ; а деньги намъ также не нужны, потому что всегда можемъ ихъ взять у богатыхъ.

— Ты, кажется, правъ, — сказалъ Петръ Великій— возьми свои деньги и убирайся вонъ.

Императоръ, однажды, спросилъ у Балакирева, стоявшаго въ задумчивости у печки:

— Почему ты такъ сегодня печаленъ, шутъ?

— Моя жена, Алексѣичъ, очень больна.

— Что-же болитъ у нея?—спросилъ Петръ Великій, всегда принимавшій участіе въ болѣзни каждаго и готовый на помощь страждущаго.

— Зубъ, государь!—отвѣчалъ Балакиревъ.

— Такъ скажи ей, чтобы она его выдернула.

— Я уже говорилъ ей объ этомъ, но только она такая упрямая, что никакъ не согласится. Развѣ, Алексѣичъ, потрудишься ты?

— Пожалуй, изволь...

И въ ту же минуту Петръ Великій взялъ изъ своего бюро хирургическій инструментъ и щипцы и отправился къ Балакиреву.

Жена Балакирева встрѣтила государя съ неизъяснимою радостью.

Когда царь сталъ совѣтывать, ей выдернуть больной зубъ, то она начала увѣрять, что зубъ у ней не болитъ, такъ какъ дѣйствительно, онъ у ней не болѣлъ, а Балакиревъ обманулъ государя.

Въ это время вошли два гвардейца, схватили мнимую больную и посадили ее на стулъ, а Петръ Великій, бывшій, какъ извѣстно, очень хорошій хирургъ, тотчасъ выдернулъ у нея зубъ, который началъ гнить.

Царь, выдернувъ зубъ, тотчасъ-же ушелъ.

— Вотъ тебѣ, мое наказаніе, — сказалъ Балакиревъ, обращаясь къ женѣ, послѣ ухода императора. — Знай, что всегда буду то же съ тобой дѣлать, если ты не будешь меня слушаться.

Жена Балакирева, послѣ этого случая, стала слушаться мужа и не надоѣдала ему больше своими капризами.

Разъ какъ-то у князя Александра Даниловича была ассамблея. На ассамблею явился какой-то человѣкъ въ ста-

рнпомъ боярскомъ кафтанѣ и шапкѣ изъ заячьяго мѣха, а его шелковая борода зеленаго цвѣта спускалась почти до пояса. Это былъ Балакиревъ. Повернувшись къ царю, бывшему тогда на ассамблеѣ, онъ повалился ему въ ноги. Извѣстно, что Петръ отмѣнилъ этотъ обычай, кланяться въ ноги царю, при встрѣчѣ съ нимъ: отмѣняя такой обычай императоръ сказалъ:

— Я хочу поставить мой народъ на ноги, а не заставлять его при мнѣ валяться въ грязи.

Балакиревъ, упавъ въ ноги царю, воскликнулъ:

— Великій Государь! Бьетъ челомъ твой нижайшій и подлѣйшій рабъ, боярскій сынъ, Дормидошка, по прозванію пустая голова.

— Не по формѣ просишь! — Закричалъ на шута Апраксинъ.

— Не по формѣ?—Удивился Балакиревъ.—Сила не въ формѣ; каравай и безъ формы хорошъ. Матушка сила меня и безъ формы съ ногъ сбила.

Всѣ захохотали.

Между тѣмъ, шутъ всталъ и, проговоривъ форменное начало просьбы, продолжалъ: пунктъ первый—укажи, государь, пѣсню спѣть. Пунктъ второй—и спѣлъ-бы да голосу нѣтъ. Пунктъ третій — былъ у меня голосъ да сплылъ—князь Александръ Даниловичъ оттягалъ, отъ того у него и голосъ гораздо громче моего сталъ, какъ закричитъ, такъ всѣ его и слушаются; а я закричу такъ только одинъ дуракъ Балакиревъ меня слушается, одному ему страшно. Никто не хлопочетъ, а всякъ надо мною-же хохочетъ.

На этой-же ассамблеѣ у князя Александра Даниловича Меньшикова былъ также одинъ изъ присутствовавшихъ, какой-то коллежскій совѣтникъ, который, желая подшутить надъ Балакиревымъ, сказалъ:

— Ну, спой ее безъ голоса!

Этотъ чиновникъ былъ совершенно лысый.

Шутъ взглянулъ на него и спокойно отвѣчалъ:

— Горло безъ голоса, все равно, что голова безъ волоса; я чуть-чуть, что не сотню такихъ головъ набралъ какъ твоя, привелъ ко двору. Царь, ты, чай, это помнишь?—говорилъ Балакиревъ, обращаясь къ царю. Совѣтникъ покраснѣлъ *).

Петръ засмѣялся тоже и сказалъ:

— Спой-же пѣсню,—сказалъ Петръ. Шутъ отвѣчалъ:

— Изволь, Алексѣичъ, есть у меня голосъ, только не свой, а краденый. У меня борода длинна, да и у козла не короче. Свелъ я съ нимъ дружбу и сослужилъ ему службу; у меня князь Данилычъ голосъ оттягалъ, а я у козла голосъ укралъ. Запою, заслушаешься! Что твой пѣтухъ! Случается, что и курица пѣтухомъ поетъ. Почему-же мнѣ не спѣть по козлиному. А и то бываетъ, что иногда по рѣчамъ—человѣкъ, по рогамъ—козелъ, а по уму — оселъ. Ну, слушайте, добрые люди, пѣсню козла и съ этими словами, Балакиревъ затянулъ слѣдующую пѣсню:

ПѢСНЯ КОЗЛА.

Въ государевой конторѣ
Сидитъ молодецъ въ уборѣ.
На затылкѣ-то коса
До шелкова пояса

Передъ нимъ горой бумага.
Съ боку спичка, точно шпага
На столѣ чернилъ ведро,
Подъ столомъ лежитъ перо.

За ухомъ торчитъ другое.
Вотъ къ нему приходятъ двое,
Поклонились до земли:
Мы судиться-де пришли

*) Балакиревъ намекалъ на анекдотъ о Тарасѣ Плещеевѣ, который мы привели выше.

Этотъ у меня дѣтина
Въ долгъ три выпросилъ алтына,
Росту столько-жъ обѣщалъ
Я ему въ займы и далъ.

И пошли мы на кружало:
Денегъ у меня не стало.
Что тутъ дѣлать? За бока
Взялъ я разомъ должника,

Ростъ взыскалъ я,—дѣло право!
Разсуди-жь теперь ты здраво:
Сколько долженъ мнѣ землякъ?
Ничего-де Какъ не такъ?

Поверши ты нашу ссору.
— Дѣло требуетъ разбору!
Молвилъ дьякъ на то истцамъ:
— Я вамъ судъ по формѣ дамъ.

— Обѣщалъ ты сколько роста?
— Я не долженъ ничего-ста:
Далъ мнѣ три алтына сватъ.
И тотчасъ же взялъ назадъ.

Взялъ онъ только ростъ условный.
— Коль не хочешь въ уголовный—
Весь свой долгъ и штрафъ сейчасъ,
Подавай тотчасъ въ приказъ.

— Ты за то, что взялъ рѣшенья,
Не по силѣ уложенья,
Ростъ взыскалъ, любезный мой.
Заплати-ка штрафъ двойной.

Что-жъ вы какъ шальныя стали?
Иль хотите, чтобъ связали
И въ острогъ стащили васъ?
Исполняйте-же указъ!

— Какъ весь искъ-то въ три алтына,
Молвилъ тутъ одинъ дѣтина:
Сватъ не лучше-ль намъ съ тобой
Кончить дѣло мировой?

Дьякъ вскочилъ да такъ прикрикнулъ,
Что никто изъ нихъ не пикнулъ,
Только-бъ ноги унести —
Заплатили по шести!

По окончаніи пѣнія, князь Меньшиковъ спросилъ Балакирева:

— А про какое время, ты это пѣлъ, шутъ? Нынче ужъ такихъ судей не повстрѣчаешь.

— Почему мнѣ дураку знать это?—отвѣчалъ Балакиревъ,—мое дѣло спѣть, а про нынѣшнее время или про старинное сложена пѣсня козломъ, не вѣдаю и дѣло это не мое. Тотъ пускай это смекаетъ, кто всѣхъ умнѣе а я окаянный всѣхъ глупѣе. Эй, вы, православные! Кто изъ васъ, всѣхъ умнѣе, выступи впередъ, да дай отвѣтъ князю Данилычу.

На зовъ Балакирева не выступилъ никто; тогда шутъ обратился къ князю Меньшикову:

— Данилычъ, меня не слушаются; прикажи-ка умному выступить впередъ, зачѣмъ онъ притаился.

— Затѣмъ, что одни глупцы почитаютъ себя всѣхъ умнѣе—сказалъ кто-то Балакиреву.

— Ой-ли,—отвѣчалъ шутъ, а я почитаю себя всѣхъ глупѣе, стало быть, я всѣхъ умнѣе.

— Именно! возразилъ Апраксинъ.

Шутъ Балакиревъ замѣтилъ однажды, что государь погрузился въ такое размышленіе, что не замѣчалъ, какъ онъ, его шутъ, два раза входилъ въ его кабинетъ. Такое состояніе царя, какъ предвѣстіе наступающихъ припадковъ меланхоліи, огорчило Балакирева. Необходимо было тотчасъ, пока государь еще не запэрэя, вывэсти его скорѣе изъ задумчивости. Вотъ какъ шутъ это сдѣлалъ:

Въ дворцовой кладовой съѣстныхъ припасовъ, во-

лилось очень много мышей и ежедневно ставилось въ ней нѣсколько мышеловокъ для истребленія этихъ грызуновъ; иногда, въ свободное время, и государь забавлялся тѣмъ, что пойманныхъ мышей травилъ своимъ котомъ.

Балакиревъ побѣжалъ въ кладовую, вынулъ изъ ловушки мышенка, свернулъ трубочкою бумагу, посадилъ туда мышенка и вошелъ въ кабинетъ государя. Нѣсколько минутъ стоялъ онъ передъ царемъ, но Петръ Великій не примѣчалъ шута. На столѣ передъ государемъ лежала куча бумагъ, стояла чернильница, а недалеко отъ нея сидѣлъ любимый котъ государя.

Тогда Балакиревъ, подкравшись на цыпочкахъ къ другому концу стола, спустился подъ него и далъ волю мышенку царапаться по бумагѣ. Котъ сталъ прислушиваться и прыгнулъ на другой конецъ стола.

Государь вздрогнулъ, а котъ, не слыша царапанья мыши, возвратился на прежнее мѣсто. Черезъ нѣсколько минутъ повторяется тоже; государь внимательно посмотрѣлъ около себя и снова погрузился въ думы. Тогда Балакиревъ увидѣлъ, что такой способъ не развлекаетъ царя и потому выпустилъ на столъ мышенка. Котъ бросился, опрокинулъ чернильницу и сталъ ловить мышенка на столѣ. Государь, пораженный такимъ внезапнымъ шумомъ, вскочилъ со своего мѣста и съ изумленіемъ сталъ смотрѣть на столъ.

Въ это время, изъ подъ стола показалась человѣческая фигура и сѣла на стулъ.

Царь тотчасъ узналъ шута, схватилъ трость и хотѣлъ поколотить Балакирева, но тотъ уже успѣлъ подлѣзть подъ столъ и началъ лаять по-собачьи.

Государь засмѣялся, и его задумчивость миновала.

Императрица очень любила грибы, приготовленные во всѣхъ видахъ; но частое употребленіе грибовъ было вредно для ея здоровья; она часто заболѣвала, а это крайне огорчало государя.

Балакиревъ, съ дозволенія Петра Великаго, взялся отучить государыню отъ грибовъ и вотъ какъ онъ это сдѣлалъ:

Зная, что императрица имѣла сильное отвращеніе къ чернымъ тараканамъ, шутъ удачно воспользовался этимъ обстоятельствомъ. Балакиревъ набралъ большихъ бѣлыхъ грибовъ, искусно подрѣзалъ шляпки, выдолбилъ внутренность и въ каждый грибъ посадилъ по черному таракану и, уложивъ грибы на блюдо, принесъ ихъ въ подарокъ государынѣ. Она была этимъ очень довольна и тотчасъ, отложивъ половину, приказала ихъ изжарить.

Балакиревъ вызвался приказать самъ и присмотрѣть за поварами. Это онъ сдѣлалъ для того, чтобы повара при чищеніи не открыли его хитрости. Приказавъ именемъ государыни изжарить, какъ ему хотѣлось, онъ возвратился опять къ ней. Вскорѣ подали грибы; императрица предложила Балакиреву отвѣдать грибовъ и наложила ему цѣлую тарелку.

Шутъ взялъ тарелку и, замѣтивъ, что императрица уже скушала кусочекъ, сталъ кривляться, кричать, чтобы подали воды и началъ отнимать отъ государыни блюдо. Наконецъ, онъ разбилъ его и убѣжалъ, крича:

— Обманули меня бѣднаго! Тараканы! Тараканы!

Императрица вскочила съ своего мѣста, приказала посмотрѣть грибы и въ самомъ дѣлѣ видитъ въ нихъ таракановъ. Борясь, между отвращеніемъ къ тараканамъ и страстью къ грибамъ, она беретъ остатокъ не изжаренныхъ грибовъ, разламываетъ одинъ — изъ середины выползаетъ тараканъ; разламываетъ другой, третій — все тоже.

Государыня упала въ обморокъ, но когда опомнилась, то почувствовала такое же отвращеніе къ грибамъ, какъ и къ тараканамъ. За это государь былъ очень благодаренъ Балакиреву.

Однажды Балакиревъ, при собраніи многихъ придворныхъ особъ, сказалъ Петру Великому:

— А что Алексѣичъ, знаешь-ли ты какая разница между колесомъ и стряпчимъ, спрѣчь, вѣчно приказнымъ.

— Разница очевидна, отвѣчалъ государь, усмѣхнувшись.—А если есть какая особая разница, то скажи намъ и мы будемъ знать.

— А вотъ какая, Алексѣичъ, одно кругло, а другое криво; однакожъ это вѣдь не диво, и чудно то, что они, какъ братья родные, походятъ другъ на друга.

— Ты заврался, шутъ, сказалъ царь, можетъ-ли быть какое сходство между колесомъ и стряпчимъ?

— Не спорь, Алексѣичъ, есть и даже очень большое.

— Скажи, какое же?

— И того и другого надо почаще смазывать, а то такъ заскрипятъ, что и Боже упаси и святыхъ вонъ выноси.

Однажды, князь Меньшиковъ въ кругу многихъ особъ очень хвалился заслугами и честностью и наконецъ даже сказалъ:

— Я хотѣлъ бы найти человѣка, который былъ бы честнѣе меня!

— Я честнѣе тебя!—вдругъ закричалъ появившійся Балакиревъ.

— Какъ такъ, мошенникъ?

— Да такъ, Даниловъ, я—потому что менѣе всѣхъ, похожу на тебя!

Князь разсердился, но Балакиревъ убѣжалъ отъ гнѣва Меньшикова.

Нѣкоторыя вельможи жаловались Петру Великому, что Балакиревъ подобно имъ, ѣздитъ во дворецъ на парѣ, въ одноколкѣ и просили царя запретить это ему.

Государь согласился и запретилъ Балакиреву ѣздить во дворецъ на парѣ лошадей.

Но на третій день шутъ является во дворецъ въ телѣжкѣ, запряженной двумя козлами и прямо въѣзжаетъ въ залу.

Царь расхохотался, но вслѣдствіе дурного запаха отъ козловъ, запретилъ ему являться во дворецъ и въ телѣжкѣ, запряженной козлами.

Спустя нѣсколько времени, когда у государя было большое собраніе, вдругъ растворяются двери пріемной и Балакиревъ является въ телѣжкѣ, въ которую, вмѣсто козловъ, была запряжена его жена.

— Теперь, Алексѣичъ, мнѣ нѣтъ запрету, потому что это не конь, не козелъ, а второй я, или моя половина.

Всѣ захохотали и Балакиреву было дозволено ѣздить въ одноколкѣ и на парѣ лошадей.

Кто-то изъ придворныхъ, желая пристыдить Балакирева при большомъ собраніи, сказалъ ему:

— Говорятъ, что ваша супруга искупала васъ вчера вечеромъ помоями?

— Это весьма натурально, возразилъ шутъ нисколько не сконфузясь: послѣ грома всегда бываетъ

дождь; а третьяго дня, ваша жена своими мощными кулаками, какъ говорятъ, хорошо отколотила васъ, а послѣ этого на меня и полился дождь.

Сколько Петръ Великій ни смѣялся выдумкѣ Балакирева относительно плѣшивыхъ, но однако, сердился на Дивьэра и хотѣлъ сдѣлать ему строгій выговоръ.

Балакиревъ, узнавъ объ этомъ, рѣшился защитить Дивьэра.

Замѣтивъ, что государь веселъ, Дивьэръ сказалъ:

— Государь, Алексѣичъ, ты сердишься на нѣмца Дивьэра совершенно напрасно. Онъ не виноватъ, вѣдь ты не въ первый разъ посылалъ ему черезъ меня, дурака, твои приказанія.

— Такъ, но онъ дурака не долженъ слушать.

— И! Алексѣичъ, что на дуракѣ и взыскивать? Ты самъ сказалъ, что я дуракъ, такъ на мнѣ и взыску нѣтъ. А Дивьэръ право не виноватъ, я ослышался, а онъ послушался.

— Ну, такъ и быть, сказалъ царь, поди-же да скажи Дивьэру, что на дуракѣ нѣтъ взыску.

Одному придворному, умственныя способности котораго были крайне ограничены, государь обѣщалъ довольно хорошее мѣсто. Въ то время, когда государь приказалъ явиться во дворецъ вышеупомянутому чиновнику, Балакиревъ пришелъ въ переднюю, принесъ лукошко съ яйцами и сѣлъ на нихъ. Проситель скоро явился; онъ попросилъ Балакирева доложить о себѣ государю, но шутъ заявилъ, что ему некогда. Явившійся сталъ убѣдительно просить шута и послѣдній, наконецъ, согласился, но только съ тѣмъ, чтобы проситель сѣлъ на его мѣсто. Тотъ согласился.

Тогда Балакиревъ отправился въ кабинетъ Петра Великаго, взялъ его за руку и сказалъ:

— Посмотри, Алексѣичъ, кому ты даешь мѣсто.

Царь вышелъ въ переднюю и увидѣлъ проспителя, сидѣвшаго на яицахъ.

Мѣсто было отдано другому, болѣе способному человѣку.

Одинъ придворный спросилъ у Балакирева:

— Не знаешь-ли шутъ, отчего у меня болятъ зубы?

— Оттого, что ты ихъ безпрестанно колотишь языкомъ.

Придворный былъ большой говорунъ и безпрестанно болталъ всякій вздоръ.

Однажды Петръ Великій разсердился на Балакирева и вздумалъ его наказать. Онъ написалъ записку къ караульному офицеру о наказаніи подателя этой записки и, позвавъ шута, приказалъ ему отнести ее.

Балакиревъ былъ очень дальновиденъ и понялъ въ чемъ дѣло и рѣшился прибѣгнуть къ слѣдующей выдумкѣ:

По выходѣ изъ дворца, шутъ встрѣтилъ одного изъ придворныхъ, котораго уговорилъ отнести эту записку въ назначенное мѣсто, увѣряя, что ему самому некогда.

Придворный, повѣривъ Балакиреву, взялъ эту записку и пошелъ, куда ему указалъ шутъ.

Довѣрчивый простякъ и не воображалъ, что его ожидали палочные удары; между тѣмъ, слѣдомъ за нимъ шелъ Балакиревъ. Когда придворный подалъ записку дежурному офицеру и послѣдній, прочитавъ ее, приказалъ раздѣть подателя записки, чтобы наказать его, то въ это время, явился Балакиревъ и объявилъ отъ имени

государя, что тотъ прощаетъ виновнаго и приказалъ его освободить.

Офицеръ повиновался, а Балакиревъ взялъ у него записку, отдалъ ее придворному, увѣривъ его, что точно такъ было угодно государю и приказалъ ему итти къ царю, пасть къ его ногамъ и благодарить за прощеніе. Придворный исполнилъ все въ точности, а государь, узнавъ объ этой выдумкѣ своего шута, долго смѣялся и простилъ его.

Какъ-то Петръ Великій сказалъ Балакиреву:

— Ты много спишь, дуракъ, это вредно для здоровья.

— Напротивъ, государь, и здорово и полезно.

— Почему-же?

— А потому, что бродя по бѣлу свѣту, я могу надѣлать много грѣховъ, а во снѣ даже и тебѣ не вреденъ,—не только кому другому.

Одинъ придворный оскорбилъ Балакирева и шутъ хотѣлъ непремѣнно ему за это отомстить.

Балакиревъ зналъ, что этотъ молодой придворный былъ влюбленъ въ одну изъ фрейлинъ и потому сталъ искать случая поссорить влюбленныхъ.

Такой случай скоро представился. Этотъ придворный прогуливался однажды въ царскомъ саду и мечталъ вслухъ о своей любви къ одной изъ фрейлинъ и о томъ, что какъ-бы онъ желалъ доказать ей свою любовь и сдѣлать ей какой нибудь подарокъ.

Мечтая, такимъ образомъ, придворный вдругъ замѣтилъ спѣлую и крупную ягоду клубники; онъ рѣшилъ поднести эту ягоду фрейлинѣ, въ которую былъ влюбленъ. Чтобы замѣтить эту ягоду, онъ накрылъ ее шляпою и поспѣшилъ отыскать во дворцѣ фрейлину.

Балакиревъ пошелъ слѣдомъ за придворнымъ, потомъ бросился въ кухню, взялъ тамъ гущи и, сорвавъ подъ шляпою клубнику, облилъ то мѣсто гущею и накрывъ опять это шляпою, отправился во дворецъ.

Но вотъ влюбленные появились въ саду.

Придворный подводитъ фрейлину къ шляпѣ и въ пылу восторга изъясняетъ ей желаніе, чтобы онъ былъ для нея столько-же милъ, какъ и приготовленный имъ подарокъ. Тутъ онъ проситъ ее, не снимая шляпы, достать этотъ подарокъ. Фрейлина исполнила его желаніе и, опустивъ руку подъ шляпу, погрузила ее въ гущу. Принявъ это за насмѣшку, она, въ минуту своего гнѣва, дала придворному пощечину той же замаранной рукой.

Въ эту самую минуту появился государь, а съ нимъ и государыня, въ сопровожденіи Балакирева. Можно себѣ вообразить смущеніе влюбленныхъ.

Петръ Великій установилъ наказаніе для тѣхъ, кто на ассамблеяхъ или на вечеринкахъ скажетъ кому-либо обидное слово; наказаніе состояло въ томъ, что провинившійся долженъ выпить цѣлый кубокъ вина. Этотъ кубокъ назывался большой орелъ и былъ такъ великъ, что не всякій могъ его выпить.

Какъ-то на одной ассамблеѣ, Балакиревъ такъ расшутился, что обидѣлъ многихъ изъ присутствовавшихъ.

Государь приказалъ принести кубокъ большого орла.

—Виноватъ, батюшка царь, закричалъ шутъ, бросаясь на колѣни. Смутилъ меня окаянный, вижу, что мнѣ придется выпить весь кубокъ; но при всемъ этомъ, меня укоряетъ и совѣсть, прикажи обмыть ее, а для этого прикажи такихъ орловъ подать парочку.

— Смотри, сказалъ царь, чтобы не прилетѣлъ другой орелъ съ посошкомъ.

— Ай, ай!—закричалъ Балакиревъ и убѣжалъ изъ ассамблеи.

Нѣсколько времени спустя, одинъ изъ придворныхъ,знавшій о побѣгѣ Балакирева изъ ассамблеи, спросилъ его.

— Посошекъ тебя устрашилъ? Скажи пожалуста, что это за посошекъ?

— Да такъ, ни малъ, ни великъ, а меня двумя вершками пониже и не тонокъ и не толстъ, а будетъ съ сухопараго француза, а ужъ куда какой охотникъ гулять по доламъ и по горамъ, а чаще по горбамъ; моему верблюжьему загорбку досталось отъ него хорошо, а помнится и твоему ослиному горбу не было завидно и твоей дурацкой головѣ далъ память онъ.

Придворный отвернулся и ушелъ.

Петръ Великій спросилъ какъ-то Балакирева: не знаетъ-ли онъ того то. Отвѣтъ былъ удовлетворителенъ, но царь въ то время былъ разсерженъ и сказалъ шуту, что за такое знайство посадитъ его подъ караулъ.

Балакиревъ не сказалъ ни слова.

Нѣсколько времени послѣ этого, государь опять спросилъ о чемъ то Балакирева, но тотъ, вмѣсто отвѣта, бросился на полъ и растянулся.

— Что ты дѣлаешь, мошенникъ?

— Спросилъ царь.

— Лежу Алексѣичъ.

— Для чего-же ты лежишь?

— Да по пословицѣ, родимый: знайка бѣжитъ, а незнайка лежитъ.

Многія лица искали покровительства Балакирева и дѣлали это потому, чтобы избѣжать насмѣшекъ шута.

По принятому тогда обыкновенію эти лица дѣлали ему подарки и вещами и деньгами.

Такъ одинъ изъ такихъ людей, искавшій себѣ при дворѣ мѣсто, подарилъ Балакиреву десять рублевиковъ.

Шутъ взялъ деньги и доложилъ объ этомъ царю.

Спустя нѣсколько времени, этотъ человѣкъ получилъ желаемую службу, но вскорѣ выказалъ свое корыстолюбіе.

Балакиревъ, желая довести это до свѣдѣнія царя, дождался случая когда можно будетъ посмѣяться, въ присутствіи Петра Великаго, надъ корыстолюбіемъ этого чиновника.

Случай скоро представился.

Однажды, во время обѣда у Головкина, на которомъ былъ государь, Балакиревъ вдругъ подошелъ къ этому чиновнику и, отсчитывая ему десять рубликовъ, сказалъ:

— Хлѣбъ-соль ѣшь, а правду рѣжь! твои рублевики лежатъ у меня на совѣсти, возьми ихъ назадъ.

Чиновникъ смутился и бросилъ рублевики на полъ.

— Вотъ теперь совѣсть моя покойна, — что бросаютъ, то подбираютъ, есть на Руси такая пословица; неправда-ли, батюшка, Алексѣичъ, вѣдь такъ бываетъ и съ твоими милостями.

Государь улыбнулся, а растерявшемуся чиновнику казалось, что онъ сидитъ на горячихъ угольяхъ.

Петру Великому нѣсколько разъ жаловались на корыстолюбіе князя Меньшикова, но царь, помня заслуги своего любимца, сначала мало обращалъ вниманія на всѣ эти жалобы; но съ теченіемъ времени, жалобы повторялись все чаще и чаще, такъ что царь уже нѣсколько разъ призывалъ князя къ себѣ въ кабинетъ и тамъ наказывалъ его дубинкою; но и это не помогало; тогда Петръ Великій рѣшился предать Меньшикова суду Сената.

Наступилъ день суда. Государь одѣлся, чтобы итти въ присутствіе Сената, но былъ очень печаленъ. Онъ помолился передъ иконами; взялъ шляпу, а, наконецъ, и дубинку...

Вдругъ врывается въ дверь Балакиревъ, вырываетъ дубинку изъ рукъ царя. Петръ Великій, раздражен-

ный этимъ поступкомъ, бросилъ огненный взоръ на дерзновеннаго, но шутъ не измѣнился въ лицѣ и смѣло смотрѣлъ на государя. Тогда гнѣвъ исчезъ съ лица монарха, и вмѣсто этого взоръ его выражалъ удивленіе.

Тогда Балакиревъ сказалъ:

— Я не боюсь твоего гнѣва на меня, государь, но страшусь твоего гнѣва на князя; припомни всѣ заслуги Данилыча,—сказалъ Балакиревъ и скрылся съ дубинкою.

Извѣстно, какъ Петръ Великій поступилъ при судѣ надъ Меньшиковымъ.

— Пусть Богъ разсудитъ насъ съ тобою, Данилычъ,— сказалъ царь, съ этимъ и кончился судъ надъ княземъ Меньшиковымъ.

Какъ-то Балакиревъ обѣдалъ у одного иностранца. На столѣ было подано нѣсколько суповъ. Когда стали поперемѣнно подавать супы, то Балакиревъ началъ постепенно раздѣваться.

Дамы, увидя такую безцеремонность, выбѣжали изъза стола.

— Что это значитъ? спросилъ Балакирева разсердившійся хозяинъ.

— Да я хочу переплыть море суповъ, — отвѣчалъ шутъ.

Однажды Петръ Великій поручилъ что-то Меньшикову. Князь противорѣчилъ, говоря, что это слѣдуетъ сдѣлать иначе. Государь не согласился и оставилъ это дѣло до другого раза. Балакиревъ присутствовалъ при этомъ спорѣ и ему было досадно, что Меньшиковъ оспаривалъ царя и притомъ несправедливо. На другой день у императора было собраніе многихъ вельможъ, въ числѣ которыхъ былъ и Меньшиковъ. Государь началъ говорить о вчерашнемъ предметѣ;—многіе соглашались съ царемъ, а другіе держали сторону князя. Въ это самое время явился Балакиревъ съ курицею подъ мышкой и съ рѣшетомъ, въ которомъ лежали

яйца. Поставивъ рѣшето на столъ и, пустивъ курицу къ ногамъ государя, онъ подалъ прошеніе отъ имени курицы государю, въ которомъ пернатая просительница приносила жалобу на яйца въ томъ, что онѣ ее не слушаютъ и даже осмѣливаются учить, а потому и проситъ въ наказаніе отдать ихъ на поварню и сдѣлать изъ нихъ хорошую яичницу.

Государь прочиталъ просьбу сначала про себя, потомъ при всѣхъ гласно и спросилъ:

— Дѣльна-ли эта просьба?

Всѣ согласились, что просьба вполнѣ справедлива, потому что яйца курицу не учатъ.

Петръ Великій понялъ смыслъ шутки, отдалъ просьбу Меньшикову и приказалъ по ней исполнить.

Князь также понялъ ея значеніе и поданную на столъ яичницу ѣлъ безъ аппетита.

Петръ Великій былъ однажды очень веселъ на вечерѣ у Апраксина, много насулилъ разнымъ лицамъ и деревень и денегъ и приказалъ на другой день приходить за обѣщаннымъ. Проснувшись по утру, государь вспомнилъ о своемъ обѣщаніи и много сожалѣлъ объ этомъ.

— Что ты призадумался, Алексѣичъ, о чемъ охаешь? спросилъ государя вошедшій къ нему въ кабинетъ Балакиревъ.

Императоръ разсказалъ шуту о своей необдуманной щедрости.

— Только-то,—сказалъ Балакиревъ, а я думалъ, что и не вѣсть, что случилось. Не тужи, Алексѣичъ, положись на меня, я тебя выручу.

Шутъ вышелъ изъ кабинета, вынесъ нѣсколько палочекъ и ножичекъ и сѣлъ у дверей.

— „Что ты дѣлаешь“? — спросили Балакирева, пришедшіе за полученіемъ царскихъ милостей.

— Да вотъ заостряю кончики спичекъ, — отвѣчалъ шутъ.

— Да для чего-же это?

— Для того, чтобы выколоть глаза тому, кто помянетъ старое.

Пришедшіе догадались къ чему клонилась приведенная Балакиревымъ пословица и удалились изъ дворца.

На одной изъ вечеринокъ, гдѣ былъ и самъ Петръ Великій, какой-то чиновникъ много хвалился своимъ умомъ и знаніями и, имѣя отъ природы способность насмѣхаться надъ другими, принуждалъ иногда молчать людей, которые были много достойнѣе его.

Такое хвастовство чиновника, сердило Балакирева; однажды онъ подошелъ къ говоруну и спросилъ его.

— Ты, какъ я вижу знаешь много и говоришь, какъ книга, да вотъ въ чемъ дѣло: знаешь-ли ты, кто тебя умнѣе?

Подобный вопросъ, хотя и былъ нѣсколько щекотливъ для честолюбиваго чиновника, однако, онъ отвѣчалъ смѣло:

— Не знаю.

— Худо-же тебя батюшка съ матушкой учили, сказалъ Балакиревъ,—братъ мой, Дормидошка, пустая голова, баранъ, да еще и я и то умнѣе тебя.

— Почему-же это?—спросилъ чиновникъ.

— Потому что мы всѣхъ глупѣе!

Всѣ засмѣялись.

Князь Ромодановскій принадлежалъ къ числу тѣхъ вельможъ, которые еще служили царю Алексѣю,Михайловичу.

Императоръ Петръ Великій его очень любилъ и извинялъ ему всѣ слабости и въ шутку называлъ его княземъ-кесаремъ.

Ромодановскій любилъ пышность, требовалъ полнаго

уваженія и почтенія къ себѣ и запрещалъ всѣмъ входить на его дворъ въ шапкѣ, а простой народъ не смѣлъ проходить въ шапкѣ даже и мимо.

Самъ Императоръ, уважая князя, никогда не въѣзжалъ въ своей одноколкѣ на дворъ боярина.

Однажды Балакиревъ вздумалъ подшутить надъ княземъ. Онъ одѣлся въ русскій кафтанъ, надѣлъ на себя заячью шапку и, подошедши къ воротамъ князя, подлѣзъ въ подворотню и пополъзъ на брюхѣ по двору. Князь увидѣвъ это, приказалъ схватить его и представить къ себѣ.

Приказаніе было исполнено.

— Какъ ты смѣлъ не скинуть на моемъ дворѣ шапки? грозно закричалъ на него Ромодановскій.

— У тебя, князь, приказано не ходить въ шапкѣ, а я вѣдь ползъ.

— Да развѣ ты не знаешь, бездѣльникъ, что самъ государь не въѣзжаетъ ко мнѣ въ одноколкѣ?

— Какъ не знать, да то царь, а я дуракъ, такъ тутъ есть разница: ты передо мною сидишь, а передъ царемъ стоишь.

— Да какъ ты смѣлъ войти?

— О, нѣтъ, я и не вошелъ, князь, а подлѣзъ въ подворотню, и земли твоей не топталъ, а помялъ ее только брюхомъ. Прикажи-ка, князь подать медку, такъ дѣло будетъ лучше.

Ромодановскій захохоталъ и исполнилъ просьбу шута.

Однажды князь Меньшиковъ хотѣлъ прибить Балакирева за его шутки и колкости, но тотъ убѣжалъ.

— Хорошо-же, мошенникъ, я справлюсь съ тобою порядкомъ,—кричалъ князь да если ты и жиренъ, то я костямъ твоимъ не дамъ покою!

На другой день послѣ этого шутъ пришелъ къ Петру Великому и съ печальнымъ лицомъ сказалъ государю:

— Батюшка царь, помилуй!

— Что это значитъ?—спросилъ царь.

— Подари мнѣ твою дубинку.

— Изволь, но прежде скажи для чего?

— А вотъ для чего. Если я умру, то велю положить ее съ собою, а то Данилычъ хвалится, что и костямъ моимъ не дастъ покоя.—Государь улыбнулся и обѣщалъ подарить Балакиреву дубинку.

На другой день объ этомъ узнали всѣ придворные и князь Меньшиковъ сталъ благосклоннѣе къ Балакиреву.

Извѣстно, что Петръ Великій отправлялъ молодыхъ людей путешествовать въ чужіе края. Одинъ изъ такихъ молодыхъ людей имѣлъ большую склонность къ живописи. Онъ удачно сдѣлалъ копіи съ нѣкоторыхъ знаменитыхъ картинъ и привезъ ихъ въ Петербургъ, въ надеждѣ ихъ продать за хорошую цѣну; но въ то время въ Россіи еще не былъ развитъ вкусъ къ изящному и эти копіи никто не покупалъ.

N. былъ въ отчаяніи. Но въ то время надъ Россіею парилъ геній величайшаго изъ монарховъ, который все предвидѣлъ и всегда оказывалъ помощь всѣмъ, кто обращался къ нему.

Государь любилъ во время своихъ прогулокъ заходить къ различнымъ мастерамъ и осматривать ихъ работы. Однажды, царь зашелъ и къ N и осмотрѣлъ снятыя имъ копіи, потомъ милостиво разспросилъ его о его занятіяхъ; государь, узнавъ, что этотъ молодой художникъ терпитъ большую нужду отъ того, что никто не покупаетъ его картинъ, очень огорчился и тотчасъ составилъ планъ для пособія художнику... Онъ приказалъ ему явиться на другой день въ ассамблею и принесть туда свои картины. Петръ Великій, желая, чтобы общество, собравшееся на ассамблею повеселилось, назначилъ Балакирева акціонистомъ для продажи картинъ.

Спустя нѣсколько минутъ, по своемъ прибытіи на ассамблею государь объявляетъ собравшимся объ аукціонѣ.

Балакиревъ, одѣтый въ разноцвѣтное платье, становится на столъ и начинается продажа.

Три картины продали за самую ничтожную цѣну. На четвертую цѣну набивали и она осталась за государемъ за триста рублей.

Дошла очередь до послѣдней картины.

Государь вышелъ впередъ и сказалъ:

— Кто меня больше любитъ, тотъ купитъ эту картину!

Цѣну на картину возвысили до пятисотъ рублей.

— Даю 800,—сказалъ Головинъ.

— Тысячу!—возразилъ Апраксинъ.

— Двѣ!—закричалъ Меньшиковъ.

— А ты, пустая голова, — закричалъ Балакиревъ, перемѣнивъ совершенно свой голосъ—неужели ты менѣе другихъ любишь царя?

— 2500, — отвѣчалъ Балакиревъ своимъ обыкновеннымъ голосомъ,

— 3000,—закричалъ подрядчикъ Крюковъ.

Государь подалъ знакъ и Балакиревъ прокричалъ:

— Разъ, два, три!

Картина осталась за Крюковымъ. Государь подошелъ къ нему, поцѣловалъ его въ лобъ и сказалъ спасибо; кромѣ того объявилъ ему, что каналъ, который онъ теперь прорываетъ будетъ называться Крюковымъ.

Какъ мы уже упоминали выше, на Петра Великаго часто находило унынiе, тогда онъ запирался въ своемъ кабинетѣ и не приказывалъ никого принимать. Чтобы развлечь царя на выручку явился Балакиревъ. Шутъ всталъ рано по утру, взялъ двухъ гвардейцевъ и отправился къ одной женщинѣ, которая была извѣстна всему Петербургу по своему безобразію.

Шутъ засталъ ее еще спящею, разбудилъ ее и не

далъ ей ни одѣться, ни причесать волосъ и какъ она была въ утреннемъ нарядѣ, такъ и привелъ ее во дворецъ.

Балакиревъ хитростью удалилъ, стоявшаго у дверей кабинета царя, ординарца и ввелъ къ Петру Великому эту безобразную женщину.

Петръ Великій такъ задумался, что даже и не замѣтилъ присутствія Балакирева и его спутницы.

Тогда шутъ высыпалъ на столъ нѣсколько рублевиковъ. Звонъ серебра вывелъ Петра Великаго изъ задумчивости. Онъ поднялъ голову и взглянулъ на шута.

— Алексѣичъ,—сказалъ Балакиревъ,—вотъ тебѣ сто рублевиковъ, полюби только эту красавицу.

Петръ Великій, взглянувъ на приведенную шутомъ женщину, не могъ удержаться отъ смѣха и поспѣшилъ въ то же время къ императрицѣ. Введя эту женщину въ кабинетъ государыни, онъ сказалъ:

— Посмотри, Катя, какую красавицу привелъ ко мнѣ мошенникъ Балакиревъ и даетъ мнѣ сто рублевиковъ за то, чтобы я ее полюбилъ.

Долго всѣ смѣялись надъ этою выходкою шута, а государь пожаловалъ трепещущей женщинѣ рублевикъ и милостиво отпустилъ ее.

Однажды Балакиревъ спросилъ князя Меньшикова:

— Ты, да я, много-ли насъ Данилычъ?

— Разумѣется, двое,—отвѣчалъ князь.

— А вотъ и неправда!

— Какъ такъ?

— А вотъ какъ: ты знаешь, Данилычъ, пословицу: за битаго двухъ небитыхъ даютъ. Меня сегодня государь поколотилъ, такъ вотъ я и стою двоихъ такихъ, какъ ты.

Однажды, Петръ Великій разговаривалъ съ нѣкоторыми придворными о какомъ то дѣлѣ и позабылъ чью то фамилію, спросивъ Балакирева, не помнитъ ли онъ?

— На это шутъ отвѣчалъ:

— Нашелъ кого спрашивать, Алексѣичъ, да какая у меня память! Она у меня, какъ рѣшето, въ которое сколько ни сыпь муки, а все высыпается. Вѣдь это не то, что у другого карманъ, глядишь и дыроватъ, да не такъ то тороватъ. Насыпь хоть золота, такъ не выпадетъ ни песчинки.

— А про чьи ты это карманы говоришь?—спросилъ Головинъ.

— Эхъ, что сказалъ! не перечтешь вѣдь и шитыхъ кафтановъ, а не только что широкихъ кармановъ.

Одни смѣялись, а другимъ пришлась такая шутка далеко не по вкусу.

Однажды Балакиревъ разбилъ гипсовую статую, представлявшую Юпитера. Шутъ пустился на выдумку: зная время, когда государь долженъ былъ проходить черезъ ту комнату, въ которой стояла статуя, шутъ раздѣлся до нага и задрапировавшись въ мантію, принялъ позу разбитой фигуры.

Государь, пройдя въ первый разъ, не замѣтилъ обмана; но на обратномъ пути черезъ эту комнату, увидя обломки гипса, взглянулъ на пьэдесталъ и удивился.

— Не дивись, Петръ Алексѣичъ, я разбилъ твою статую и теперь самъ всталъ на ея мѣсто.

Государь много смѣялся этой выдумкѣ.

Одинъ изъ родственниковъ Балакирева прогнѣвилъ Петра Великаго и былъ отданъ подъ судъ. Шутъ, конечно, хотѣлъ просить царя о помилованіи и съ этою цѣлію, отправился во дворецъ. Царь, видя идущаго къ нему Балакирева, съ намѣреніемъ, сказалъ вслухъ всѣмъ окружавшимъ его придворнымъ, такъ чтобы проситель могъ его слышать:

— Знаю, зачѣмъ ко мнѣ идетъ онъ, но даю свое царское слово, что не исполню его просьбы.

Шутъ слышалъ, что сказалъ государь и, бросясь Петру Великому въ ноги воскликнулъ:

— Умоляю тебя, государь, не прощай ты этого негодяя, моего родственника.

Такъ какъ Петръ Великій далъ свое царское слово, что не исполнитъ просьбы Балакирева, то и простилъ преданнаго суду его родственника.

Какъ видно изъ всѣхъ приведенныхъ нами анекдотовъ, Балакиревъ былъ человѣкъ неглупый, находчивый и умѣвшій пользоваться обстоятельствами; онъ былъ осыпанъ большими милостями Петра Великаго; но, вскорѣ Балакиревъ былъ окончательно лишенъ милости своего государя.

Мы упомянули выше, что шутъ былъ сторонникомъ камергера Монса и вотъ когда надъ нимъ разразилась гроза, то Балакиревъ въ числѣ прочихъ приверженцевъ камергера былъ схваченъ и „нещадно битъ батогами“ и былъ сосланъ въ Рогервикъ къ крѣпостнымъ работамъ. Когда послѣ смерти Петра Великаго вступила на престолъ Екатерина I, то избавила шута отъ его несчастной участи и дозволила ему вернуться въ Петербургъ.

При дворѣ Петра Великаго, какъ мы уже сказали, было множество шутовъ, какъ и при всѣхъ европейскихъ дворахъ; изъ числа этихъ шутовъ кромѣ Балакирева выдѣлялся еще между прочими и *Янъ Акоста* или Лакоста; онъ былъ вывезенъ въ Россію изъ Гамбурга однимъ изъ нашихъ резидентовъ; Лакоста былъ родомъ португальскій жидъ. Это былъ человѣкъ дѣйствительно умный и образованный, онъ говорилъ на нѣсколькихъ европейскихъ языкахъ; былъ очень ловокъ и хитеръ и умѣлъ втереться въ довѣріе ко всякому и всѣмъ понравиться, такъ что, благодаря этимъ качествамъ, онъ и получилъ мѣсто при дворѣ Петра Великаго. Государь особенно любилъ вступать съ нимъ въ богословскіе споры; шутъ отвѣчалъ всегда государю

умно, хотя и потѣшалъ его своими странными выводами и умозаключеніями. Впослѣдствіи государь пожаловалъ Лакосту титулъ „самоѣдскаго короля“ и подарилъ ему одинъ изъ безлюдныхъ и песчаныхъ острововъ Финскаго залива.

Янъ Лкоста.

Лакоста и Балакиревъ перешли и къ Аннѣ Іоанновнѣ, при дворѣ которой было очень много шутовъ, но только бытъ ихъ совершенно измѣнился; они служили теперь только развлеченіемъ и забавою въ часы грусти императрицы, но вовсе не представляли изъ себя орудія сатиры и насмѣшки надъ современ-

ными порядками общественной жизни. Кромѣ того, въ числѣ шутовъ, составлявшихъ штатъ Анны Іоанновны были и лица извѣстныхъ фамилій; такъ между прочимъ были: знаменитый Педрилла, графъ Апраксинъ, князь Волконскій и князь Голицынъ. Однако, ни одинъ изъ этихъ шутовъ, которые почти всѣ безъ исключенія пользовались большими милостями императрицы, не смѣли никогда высказывать кому нибудь изъ вельможъ правду или позволить по отношенію этихъ лицъ какую нибудь оскорбительную шутку. Правда глаза колетъ, а поэтому вельможи того времени, какъ и всѣ люди вообще, не любили слушать этой правды. При Петрѣ Великомъ Балакиревъ нисколько не стѣснялся говорить правду въ глаза самымъ знатнымъ вельможамъ, смѣяться надъ ними, устраивать всевозможныя шутки надъ ними, мстить имъ за ихъ оскорбленія.

Одною изъ самыхъ любимыхъ забавъ Петра Великаго было устраивать курьезныя шутовскія свадьбы.

Первая такая свадьба происходила въ Москвѣ, въ январѣ 1694 года. Царскій шутъ, Яковъ Тургеневъ женился на дьячьей женѣ. Это событіе очевидецъ описываетъ слѣдующимъ образомъ: „А въ поѣзду за молодыми были: бояре, окольничіе, думные и всѣхъ чиновъ палатные люди; а ѣхали они на быкахъ, на козлахъ, на свиньяхъ, на собакахъ, а въ платьяхъ были смѣшныхъ: въ куляхъ мочальныхъ, въ шляпахъ лычныхъ, въ крашенныхъ кафтанахъ, опушенныхъ кошачьими лапами, въ сѣрыхъ разноцвѣтныхъ кафтанахъ, опушенныхъ бѣличьими хвостами, въ соломенныхъ сапогахъ, въ мышьихъ рукавицахъ, въ лубочныхъ шапкахъ. А самъ Тургеневъ ѣхалъ съ женою въ государской лучшей бархатной каретѣ, а за нимъ шли Трубецкіе, Шереметевы, Голицыны, Голины, въ бархатныхъ кафтанахъ; женился онъ, Яковъ, въ шатрахъ на полѣ, между Преображенскимъ

и Семеновскимъ, и тутъ былъ банкетъ великій три дня".

Въ 1710 году, по случаю бракосочетанія царевны Анны Іоанновны съ герцогомъ курляндскимъ, Петръ, въ числѣ другихъ увеселеній, придумалъ особенное празднество, до тѣхъ поръ еще небывалое, невиданное не только въ Россіи, но и въ цѣломъ мірѣ,—свадьбу своего карлика Ефима Волкова съ карлицей царицы Прасковіи Федоровны. Для этой цѣли, по именному повелѣнію, были собраны въ Петербургъ изъ ближайшихъ мѣстностей семьдесятъ два карлика и карлицы, которые должны были принять участіе въ этомъ странномъ торжествѣ. По установленному церемоніалу, наканунѣ свадьбы, назначенной на 13-ое ноября, два карла одинаковаго роста, одѣтые во французскіе кафтаны, каждый въ небольшой одноколкѣ, запряженной малорослою лошадью, разукрашенной разноцвѣтными лентами, съ двумя верховыми карлами впереди, поѣхали, одинъ на Петербургскую сторону, а другой на Адмиралтейскую, приглашать почетнѣйшихъ жителей столицы къ предстоявшему празднику. Въ день свадьбы, рано утромъ, до обѣдни, всѣ приглашенные собрались въ указанные дома, близъ крѣпости и ожидали государя. По его прибытіи началась процессія. Шествіе открывалъ щегольски разряженный карликъ, выбранный маршаломъ и имѣвшій по этому случаю въ рукѣ трость съ пукомъ пестрыхъ лентъ; за нимъ шли рука объ руку женихъ и невѣста, потомъ слѣдовалъ царь со свитою; за ними остальные карлики, по росту и по два въ рядъ, а въ заключеніе необъятное множество народу, привлеченнаго столь необыкновеннымъ и вмѣстѣ съ тѣмъ забавнымъ зрѣлищемъ. Въ такомъ порядкѣ, процессія вступила въ Петропавловскую крѣпость и вошла въ церковь, гдѣ былъ совершенъ обрядъ вѣнчанія; самъ Петръ держалъ вѣнецъ надъ невѣстой. Изъ церкви всѣ отправились водою на Васильевскій островъ, въ домъ князя Меньшикова.

Здѣсь, въ главной залѣ, были накрыты для карликовъ небольшіе низкіе столики; посреди нихъ подъ двумя шелковыми навѣсами, стоялъ особый столикъ для новобрачныхъ и двухъ невѣстиныхъ дружекъ, отличавшійся еще и тѣмъ, что надъ каждымъ изъ четырехъ мѣстъ висѣло по вѣнку. Царь, герцогъ и всѣ гости сидѣли за длинными столами, поставленными вдоль стѣнъ продолговатымъ четыреугольникомъ, такъ что присутствовавшіе, сидя по одну только сторону столовъ, спинами къ стѣнѣ, удобно могли видѣть всѣхъ карликовъ. Выбранные изъ числа послѣднихъ, одинъ старшій и восемь младшихъ шаферовъ, съ пестрыми бантами изъ кружевъ и лентъ на правой рукѣ, чинно расхаживали между столами и разносили вино пирующимъ карламъ, которые, отбросивъ всякій этикетъ и не заботясь о томъ, что были предметомъ вниманія и любопытства окружавшихъ ихъ лицъ, шумѣли и веселились, какъ у себя дома. Въ началѣ обѣда дружки новобрачной прикололи шаферскій бантъ къ рукѣ карлика, посаженнаго между ними для прислуживанія, и онъ, какъ вѣжливый кавалеръ, отблагодарилъ каждую поцѣлуемъ. Въ продолженіи обѣда въ залѣ гремѣла музыка и когда дѣло дошло до заздравныхъ тостовъ, то всѣ девять шаферовъ, съ огромными бокалами въ рукахъ, подошли къ мѣсту, гдѣ сидѣлъ царь, поклонились ему до земли и, провозгласивъ его здоровье, выпили все до капли. Этому празднеству нѣсколько помѣшала внезапная болѣзнь малолѣтняго сына Меньшикова, однако, несмотря на это, пиръ продолжался до полуночи. Карлы играли, прыгали, кувыркались, танцовали, забавляли гостей шутками и кривляньемъ и при всемъ своемъ безобразіи старались принять еще болѣе безобразный видъ. По окончаніи пира, царь отвелъ новобрачныхъ въ приготовленную для нихъ спальню, а гости разъѣхались по домамъ, весьма довольные такой потѣхой.

Считаемъ нелишнимъ разсказать здѣсь дальнѣйшую судьбу новобрачныхъ. Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ свадьбы, молодая умерла отъ мучительныхъ родовъ—вмѣстѣ съ младенцемъ и вслѣдствіе этого были запрещены браки между карлами. Въ началѣ 1724 года умеръ и ея мужъ. Похороны этого карлика также были справлены съ особою церемоніею и происходили 1-го февраля. Печальная процессія началась отъ Зимняго дворца. Шествіе открывали тринадцать малолѣтнихъ пѣвчихъ, а за ними шелъ священникъ самый малорослый изъ всего петербургскаго духовенства; шесть маленькихъ лошадей подъ черными покрывалами, везли маленькія дроги, на которыхъ стоялъ гробикъ, обитый чернымъ бархатомъ. Придворные пажи вели лошадей, а по сторонамъ гроба тянулись два длинные ряда гвардейскихъ гренадеръ въ траурѣ, съ плерезами и факелами въ рукахъ. Позади гроба, въ качествѣ маршала, шелъ крошечный карликъ съ маршальскимъ жезломъ, въ черной одеждѣ и большой шляпѣ съ чернымъ флеромъ, волочившимся по землѣ; за нимъ нѣсколько карликовъ, попарно, маленькіе впереди, въ черныхъ мантіяхъ; далѣе слѣдовали два отдѣленія карлицъ, каждое предшествуемое своимъ маршаломъ и сверхъ того печальною дамою, также карлицею. У всѣхъ были ассистенты придворные гайдуки съ факелами. Отъ Зимняго дворца карлы шли пѣшкомъ до Невскаго проспекта, потомъ ихъ побросали въ огромныя розвальни, запряженныя шестью лошадьми и отвезли въ Ямскую, гдѣ и похоронили покойника. Царь провожалъ процессію до гостиннаго двора, а вечеромъ сдѣлалъ у себя поминный ужинъ.

Въ 1714 году семидесятилѣтней Кокуйскій, князь-папа, Зотовъ, вздумалъ жениться на шестидесятилѣтней старухѣ Пашковой. Петръ сначала былъ противъ этого брака, но потомъ, уступивъ желанію старика, рѣшился отпраздновать свадьбу „всемірнѣйшаго“ съ подобаю-

щимъ блескомъ и торжествомъ. Приготовленія къ этому торжеству продолжались нѣсколько мѣсяцевъ. Царь самъ сочинилъ оригинальное приглашеніе къ предстоящему бракосочетанію. Хотя намеки, выраженные въ немъ, теперь совершенно непонятны, тѣмъ не менѣе, этотъ документъ настолько любопытенъ, что мы приведемъ его здѣсь въ подлинникѣ:

„Позвать вѣжливо, особливымъ штилемъ не торопясь, того, кто фамиліею своею гораздо старѣе чорта, то есть, Оберъ Карсицкаго Маразина. Лучшаго изъ пустыхъ хвастуновъ. Бѣлохвостова, который, кромѣ души весь въ заплатахъ. Того, кто съ похмѣлья гораздо прытокъ. Того, кто всѣхъ обидитъ смѣхами и хохотаньемъ. Сумасбродныхъ и спорливыхъ по именамъ, и немного ихъ и всѣ въ лицахъ. Древняго старинаго архимастера. Того кто немного учился и ничего не вѣдаетъ. Того, кто не любитъ спдѣть, а все похаживаетъ. Сосѣдовъ тѣхъ, которые по глазамъ и по платью незотѣйнаго содружества и сосѣдства. Надъ всѣми бочками коменданта и пьяницу и ѣдуна, стараго оберъ-боярина, стараго князь-дворянина. Того бы не забыть, кто пятнадцать дней чижика пріискивалъ, да не сыскалъ; не знаю о томъ, можетъ ли онъ и то сыскать, куда онъ устремляется, и куда гости призываются, и торжество приготовляется. Того человѣка, кто въ Аленѣ родился. Того, кто кушать пріуготовить умѣетъ. Того, кто не по силѣ борца сыскалъ. Къ тому брачному торжеству гости: полковникъ преображенскій, полковница преображенская, дѣти ихъ величествъ, великаго и великой, и со внучатами не малыми. Къ тому же звать государя, князя-кесаря. Архиоберь-скосыря. Того, кто именуетъ гостей, благороднаго Толстаго, благородныхъ Кантемировъ. Того, кто неусыпаемаго сумасбродства президентъ. Тѣхъ, которымъ со двора отлучиться нельзя. Того, кого князь чортъ Смоленскій изъ яйца вынулъ хуже

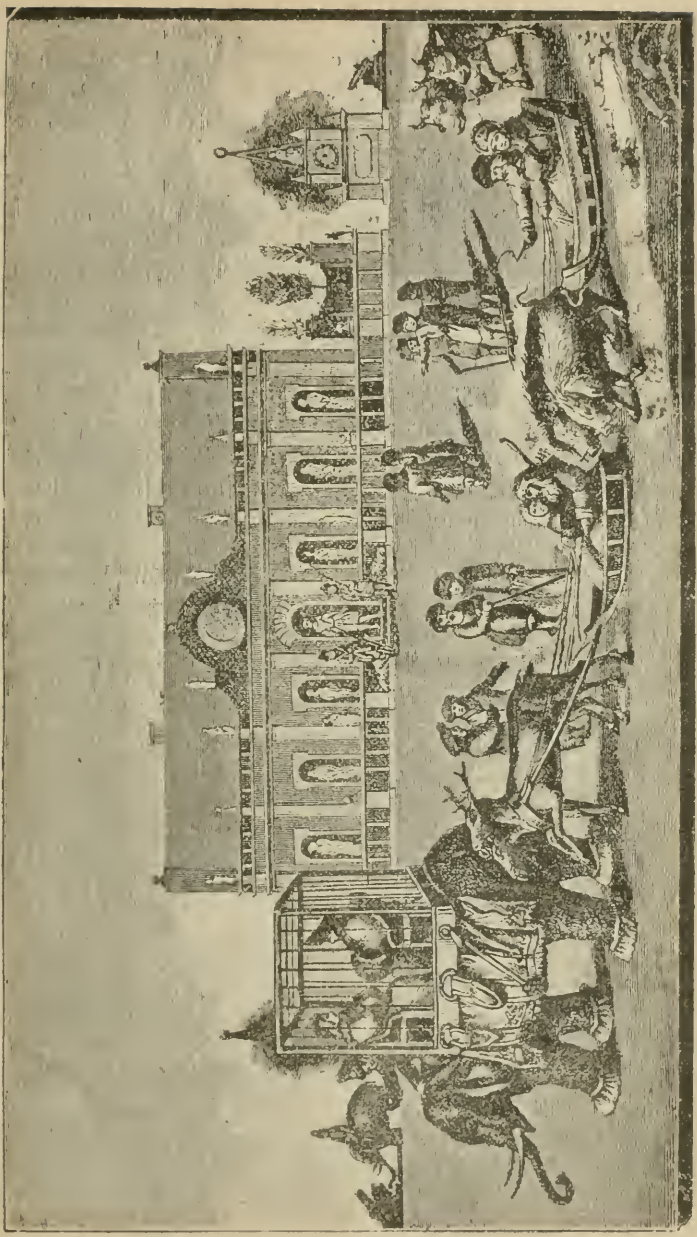
прежняго, а и до того была шпанская мушка, ни яманъ, ни якши, средней руки."

Всѣхъ приглашенныхъ по списку, собственноручно составленному Петромъ и напечатанному у Голикова на десяти страницахъ, набралось до четырехсотъ человѣкъ. Къ каждому изъ нихъ былъ посланъ заблаговременно съ четырьмя заиками приказъ слѣдующаго содержанія: „По указу великаго государя объявляется нижеписаннымъ, чтобы быть имъ на свадьбѣ Никиты Моисѣевича Зотова, всесвѣтнаго манера въ платьѣ, каждаго манера по три человѣка и въ томъ согласясь о платьѣ, кто какое возметъ сдѣлать, объявить государственному канцлеру и кавалеру графу Гаврилу Ивановичу Головкину, сего сентября 22-го, дабы однимъ образцомъ больше трехъ платьевъ у другихъ не было, и конечно-бъ оное платье въ готовности было сентября къ 29 числу".

Послѣ многихъ измѣненій и дополненій въ планѣ празднества, назначенныя участвовать въ немъ лица были собраны 10-го декабря, въ маскарадныхъ костюмахъ, на Васильевскомъ острову, въ домѣ секретаря князя Меньшикова, Волкова. Здѣсь царь сдѣлалъ имъ смотръ и утвердилъ росписаніе, кому въ какомъ нарядѣ и съ какимъ инструментомъ быть на свадьбѣ.

Самая свадьба откладываемая нѣсколько разъ, совершилась, наконецъ, 16-го января 1715 г. Въ этотъ день, по тремъ пушечнымъ выстрѣламъ, гости стали съѣжаться на Петербургскую сторону, въ палаты канцлера, графа Головкина. Отсюда всѣ отправились въ Петропавловскую церковь церемоніальнымъ порядкомъ.

Шествіе открывали четыре мужика, одѣтые скороходами и до такой степени тучные, что едва могли передвигать ноги; за ними двигалась обрученная чета въ кардинальскомъ нарядѣ, поддерживаемая четырьмя плѣшивыми и дряхлыми старцами, въ костюмѣ древнихъ волхвовъ; потомъ ѣхалъ въ саняхъ, запряженныхъ че-



Шутовская свадьба.

тырьмя огромными медвѣдями, князь-кесарь Ромодановскій, въ видѣ царя Давида, съ рылами, висѣвшими на перевязяхъ изъ медвѣжьей кожи; шедшіе около него гайдуки постоянно дразнили медвѣдей рогатинами; далѣе слѣдовали съ рылами-же, въ черныхъ мантіяхъ съ манжетами и въ беретахъ, князь Меньшиковъ, графы Апраксинъ и Брюссъ, генералъ Вейде и польскій посланникъ, графъ Фицтумъ, за ними били въ барабаны: царь въ матроскомъ платьѣ и генералы Бутурлинъ, князь Трубецкой и корабельный мастеръ Саляевъ, въ фантастическихъ нарядахъ; потомъ шествовали остальные участники празднества (болѣе полутораста человѣкъ), одѣтые въ самые разнообразные костюмы: китайцами—съ дудочками; венеціанцами со свирѣлями; турками—съ тарелками; венгерцами — со сковородами; поляками—со скрипками; калмыками—съ балалайками и тазами; армянами и японцами—съ флейтами; докторами въ красныхъ плащахъ и съ книгами; матросами—съ трещетками; норвежскими крестьянами—съ органами; пасторами—съ гудками; китоловами—съ копьями; шкиперами—со свистками; прусскими почтальонами — съ рожками; *ассесорами—съ соловьями*; архи-бискупами — съ большими трубами; бернардинскими монахами — съ глиняными дудочками; и проч. Было бы слишкомъ длинно перечислять всѣ кадрили этого длиннаго маскарада; кромѣ упомянутыхъ нами, здѣсь находились еще: македонцы, тунгусы, лопари, гондурасы, лифляндскіе рыцари, люди въ „никонскомъ платьѣ“, въ „баурской одеждѣ“, въ короткихъ шубкахъ на выворотъ, въ нѣмецкихъ кирейкахъ, въ охобняхъ, въ однорядкахъ, въ терликахъ, въ поповскихъ рясахъ, и т. д. одни съ гобоями, шарманками, свирѣлями, колокольчиками, другіе съ пузырями, наполненными горохомъ, „кизикскими“ горшками, волынками, литаврами, колотушками, старинными свирѣлками и проч. Посреди „ассесоровъ“ и

венеціанъ, несшихъ стеклянныя урны, плыли на ослахъ старшій и шесть младшихъ шаферовъ „безъ игръ для того, что отъ старости своей ничего не могли въ рукахъ держать“.

За кавалерами слѣдовали дамы: императрица Екатерина съ восьмью особами своего штата; — въ платьяхъ фрисландскихъ крестьянокъ; царицы: Марѳа Матвѣевна (вдова царя Ѳеодора Алексѣевича) и царевна Наталья Алексѣевна въ польскомъ платьѣ; царевны: Анна, Екатерина и Прасковья Іоанновны—въ испанскомъ; супруга царевича Алексѣя Петровича въ старонѣмецкомъ; прочія же дамы въ нарядахъ польскихъ, венгерскихъ, китайскихъ, новгородскихъ, въ шубахъ, лѣтникахъ, тѣлогрѣйкахъ и т. д. Вся эта разнородная толпа двигалась по улицамъ медленно, при оглушительномъ громѣ, трескѣ, визгѣ и скрипѣ музыкальныхъ инструментовъ и другихъ принадлежностей кадрилей, при отчаянномъ ревѣ медвѣдей, везшихъ князя-кесаря и при одобрительномъ ропотѣ десятковъ тысячъ зрителей, собравшихся изъ отдаленныхъ мѣстъ посмотрѣть на такую диковинку. Въ церкви бракъ былъ совершенъ протоіереемъ, имѣвшимъ девяносто лѣтъ отъ роду. По окончаніи вѣнчанія, всѣ участвовавшіе отправились тѣмъ же церемоніаломъ въ домъ новобрачнаго на Гагаринскую пристань. Здѣсь, во время обѣденнаго стола, молодые-старики, едва державшіеся на ногахъ, подносили гостямъ вино; для народа же были разставлены бадьи съ пивомъ и водкой и разныя яства. На другой день, гости прежнимъ порядкомъ ѣздили сначала навѣстить новобрачныхъ, потомъ на обѣдъ къ адмиралу Апраксину, а вечеромъ, торжественно возили князя-папу и его жену по городу. Эта забава повторялась ежедневно въ теченіе двухъ недѣль.

Старикъ Зотовъ, здоровье котораго было разстроено неумѣреннымъ пьянствомъ, прожилъ послѣ своей свадьбы

только полтора года. Когда онъ умеръ, Петръ, отъ лица „всешутѣйшаго собора“ обратился къ князю-кесарю съ слѣдующимъ письмомъ: — „Великій государь, князь-кесарь! Извѣстно вашему величеству, что отецъ вашъ и богомолецъ, великій князь папа, всешутѣйшій Аникита, отъ житія сего отыде и нашъ сумасбродный соборъ остави безглавенъ. Того ради просимъ ваше величество призрѣти на вдовствующій престолъ избраніемъ Бахусоподражательнаго отца“.

Князь-кесарь, разумѣется по указанію царя, соизволилъ возвести въ санъ князя-папы соборнаго „архижреца“, тайнаго совѣтника Петра Ивановича Бутурлина, человѣка дряхлаго, тучнаго и не менѣе своего предшественника любившаго поклоняться богу винограда. Новый князь-папа поспѣшилъ увѣдомить подвластныхъ ему пьяныхъ подданныхъ о своемъ восшествіи на „шутовскій престолъ“. „Понеже“—писалъ онъ,— „по соизволенію великаго государя „князя-кесаря“ и соизволеніемъ *всего сумасброднѣйшаго престола избранъ есмь азъ недостойный митрополитъ на превысочайшій сей князя-папы престолъ, того ради* подтверждаю свое обѣщаніе, еже изрекъ при хиротоніи моей *) предъ блаженныя и вѣчно достойныя памяти, тогда отцемъ моимъ, нынѣ же братомъ, великимъ господиномъ Киръ-Никитою Пресбургскимъ, Якутскимъ и Кокуйскимъ патріархомъ и предъ всѣмъ сумасброднѣйшимъ соборомъ. Нынѣ же къ прежнему обѣщаю еще: обѣщаюсь вяще и вяще *законъ Бахусовъ не токмо* исполнять, но и врученное мнѣ стадо денно и нощно тому поучать: еще да поможетъ мнѣ честнѣйшій отецъ нашъ Бахусъ, предстательствомъ антицесаревъ моихъ Милана и Аникиты, дабы ихъ даръ духа былъ сугубъ во мнѣ. Аминь“.

*) То есть тогда, когда поставлялся въ архи-жрецы.

Въ 1720 году, новый князь-папа овдовѣлъ. Петръ воспользовался этимъ случаемъ, чтобы повторить ту же самую шутовскую церемонію, героемъ которой былъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ Зотовъ. Несмотря на упорное сопротивленіе вдовы послѣдняго, старухи Анны Еремеевны, царь выдалъ ее замужъ за Еутурлина. Эта свадьба была отпразднована 10 сентября 1721 года, еще съ большимъ великолѣпіемъ и большею торжественностью, чѣмъ свадьба Зотова.

Въ назначенный день, въ восемь часовъ утра, лица, участвовавшія въ празднествѣ, собрались по сигналу на Троицкой площади, у деревянной пирамиды, воздвигнутой въ память взятія у шведовъ, въ 1714 году четырехъ фрегатовъ. Всѣ были въ маскахъ и въ маскарадныхъ платьяхъ, скрытыхъ отъ взоровъ любопытнаго народа, подъ широкими черными плащами. Пока маршалы раздѣляли и разставляли масокъ, по группамъ въ томъ порядкѣ, въ какомъ онѣ должны были слѣдовать, царь и знатнѣйшіе вельможи находились у обѣдни въ Троицкой церкви, гдѣ и совершилось бракосочетаніе князя-папы, вѣнчавшагося въ полномъ кардинальскомъ костюмѣ. По окончаніи вѣнчанія, Петръ, одѣтый голландскимъ матросомъ, вышелъ изъ церкви и ударилъ въ барабанъ. Тогда всѣ участвовавшіе разомъ сбросили плащи и площадь вдругъ запестрѣла тысячью разнообразныхъ масокъ. Онѣ начали медленно ходить вокругъ пирамиды процессіей, по порядку номеровъ и гуляли такимъ образомъ, чтобы лучше разсмотрѣть другъ друга. Царь, одѣтый, какъ сказано, матросомъ имѣлъ черезъ плечо на черной бархатной, обшитой серебромъ перевязи, барабанъ, въ который онъ билъ превосходно. Передъ нимъ шли три трубача, одѣтые арабами, съ бѣлыми повязками на головахъ, въ бѣлыхъ фартукахъ и въ костюмахъ, обложенныхъ серебрянымъ галуномъ; а возлѣ него три другіе барабанщика, генералы: Бутур-

линъ, Чернышевъ и Мамоновъ, одѣтые также въ маскій нарядъ. За ними слѣдовалъ князь-кесарь, въ костюмѣ древнихъ царей, въ бархатной мантіи, подбитой горностаемъ, со скипетромъ въ рукѣ, окруженный рындами и толпою слугъ въ старинной русской одеждѣ. Потомъ императрица, одѣтая голландской крестьянкой—въ душегрейкѣ и юбкѣ изъ чернаго бархата, обложенныхъ красною тафтою, въ простомъ чепцѣ изъ тонкаго полотна, съ небольшой корзиной въ рукахъ. Этотъ костюмъ очень шелъ къ ней. Передъ нею шли три гобоиста и три камеръ-юнкера, а по обѣимъ сторонамъ, восемь арабовъ, въ индѣйской одеждѣ изъ чернаго бархата и съ пуками цвѣтовъ на головахъ. За государынею слѣдовали двѣ дѣвицы Нарышкины, одѣтыя точно такъ-же, какъ и она, а за ними всѣ дамы, сначала, придворныя въ крестьянскихъ платьяхъ, но не изъ бархата, а изъ бѣлаго полотна и тафты, красиво обшитыя красными, зелеными и желтыми лентами; потомъ остальныя, наряженныя пастушками, нимфами, негритянками, испанками, монахинями, армянками и т. п. Шествіе этой группы заключалъ огромный, толстый францискапецъ въ своемъ орденскомъ одѣяніи и съ странническимъ посохомъ въ рукѣ. За группою императрицы, важно двигалась княгиня-кесарша, въ костюмѣ древнихъ царицъ, въ длинной красной бархатной мантіи, отороченной золотомъ, и въ коронѣ изъ драгоцѣнныхъ камней и жемчуга. Женщины ея свиты также были въ старинной русской одеждѣ. Потомъ шелъ герцогъ Голштинскій со своею группою, костюмированною французскими виноградарями, въ шелковыхъ фуфайкахъ и панталонахъ разныхъ цвѣтовъ, красиво обложенныхъ лентами и въ шляпахъ, обтянутыхъ тафтою и обшитыхъ вокругъ тульи лозами съ восковымъ виноградомъ. За группой герцога слѣдовали сотни другихъ масокъ, отличавшихся красивыми и чрезвычайно разнообразными

костюмами. Одни были одѣты, какъ гамбургскіе бургомисты, въ нарядѣ изъ чернаго бархата; другіе — какъ римскіе воины, въ размалеванныхъ латахъ и въ шлемахъ, украшенныхъ цвѣтами; третьи — какъ государственные министры, въ шелковыхъ мантіяхъ и большихъ парикахъ: нѣкоторые—какъ турки, испанцы, индѣйцы, персіяне, евреи, китайцы, епископы, прелаты, каноники, аббаты, капуцины, іезуиты, рудокопы, ремесленники и т. д. Наконецъ, были отдѣльныя маски въ смѣшныхъ, шутовскихъ костюмахъ; такъ, напримѣръ, турецкій муфтій въ своемъ оригинальномъ одѣяніи; Бахусъ, въ тигровой кожѣ, увѣшанный виноградными лозами, очень натуральный, потому что его представлялъ человѣкъ приземистый, необыкновенно тучный и съ распухшимъ лицомъ; этого субъекта, по приказанію царя, усердно поили передъ маскарадомъ въ теченіе трехъ дней, причемъ ему не давали ни на минуту заснуть; очень хорошъ также былъ танцмейстеръ князя Меньшикова, одѣтый сатиромъ и выкидывавшій на ходу искусные и трудные прыжки. Многіе удачно представляли журавлей. Царскій великанъ французъ и одинъ изъ самыхъ рослыхъ гайдуковъ, были одѣты, какъ маленькія дѣти; ихъ вели на помочахъ два крошечные карла, наряженные старцами, съ длинными сѣдыми бородами. Одинъ изъ придворныхъ шутовъ, зашитый весь въ медвѣжью шкуру, ловко вертѣлся въ клѣткѣ, устроенной на подобіе тѣхъ, въ которыхъ обыкновенно держатъ векшей; всѣ полагали, что это настоящій медвѣдь, но вскорѣ убѣдились въ противномъ, потому что шутъ, выскочивъ изъ клѣтки, вскарабкался на живого медвѣдя и поѣхалъ на немъ верхомъ. Кто-то, унизанный бубенчиками и лоскутками, въ остроконечной шапкѣ, съ длинными полями изображалъ медвѣдя. Нѣсколько человѣкъ нарядились, какъ индѣйскіе цари, въ перья всевозможныхъ цвѣтовъ. Погулявъ при стеченіи несмѣтнаго количества народа часа

два по площади и, хорошо разсмотрѣвъ другъ друга, всѣ маски отправились въ зданіе сената, гдѣ князь-папа угощалъ ихъ свадебнымъ обѣдомъ. Новобрачный и его молодая сидѣли за обѣдомъ подъ балдахиномъ,—онъ съ царемъ, окруженный „всешутѣйшими“ кардиналами, а она съ дамами. Надъ головою князя-папы висѣло серебряное изображеніе Бахуса, верхомъ на бочкѣ, изъ которой женихъ цѣдилъ водку въ свой стаканъ и пилъ въ продолженіе всего обѣда; человѣкъ, представлявшій въ маскарадѣ Бахуса, сидѣлъ у стола также на винной бочкѣ и принуждалъ пить папу и кардиналовъ. Послѣ обѣда танцовали, а потомъ царь и царица, въ сопровожденіи множества масокъ, отвели молодыхъ къ брачному ложу. Женихъ былъ сильно пьянъ. Петръ велѣлъ приготовить брачную комнату въ пирамидѣ четырехъ фрегатовъ. Она была ярко освѣщена внутри, а постель новобрачныхъ обложена хмѣлемъ и обставлена кругомъ бочками, наполненными виномъ, пивомъ и водкой. Когда новобрачные улеглись, царь принудилъ ихъ еще выпить водки изъ особенныхъ курьезныхъ и довольно большихъ сосудовъ. Затѣмъ ихъ оставили однихъ.

На другой день, послѣ обѣда, всѣ маски снова собрались на вчерашнее мѣсто, чтобы проводить новобрачныхъ черезъ рѣку въ почтовый домъ, гдѣ положено было праздновать второй день свадьбы. Въ томъ-же порядкѣ, какъ и наканунѣ, всѣ отправились сперва къ князю-папѣ, который, стоя въ дверяхъ пирамиды, встрѣчалъ гостей по своему: каждый долженъ былъ выпить по деревянной ложкѣ водки изъ большой чаши, потомъ поздравить хозяина и троекратно съ нимъ поцѣловаться. Послѣ этого, молодые присоединились къ процессіи масокъ и обойдя вмѣстѣ съ ними раза два вокругъ пирамиды, переправились при звукахъ музыки и пушечной пальбѣ съ крѣпости и адмиралтейства, на другую сторону Невы. Машина, на которой князь-папа и кардн-

налы переѣхали черезъ рѣку, отличалась особенной конструкціей. Сдѣланъ былъ плотъ изъ пустыхъ, но хорошо закупоренныхъ бочекъ, связанныхъ по двѣ вмѣстѣ и составлявшихъ, на извѣстномъ разстояніи одна отъ другой, шесть паръ. Сверху, на каждой парѣ большихъ бочекъ, были прикрѣплены по серединѣ еще бочки или ушаты, поменьше, на которыхъ сидѣли кардиналы, привязанные веревками, чтобы они не могли упасть. Въ такомъ видѣ, они плыли другъ за другомъ, какъ гуси. Передъ ними ѣхалъ огромный пивной котелъ съ досчатымъ бортомъ снаружи, поставленный также на пустыя бочки, чтобы лучше держаться на водѣ и притянутый канатами къ заднимъ бочкамъ, гдѣ сидѣли кардиналы. Въ этомъ котлѣ, наполненномъ крѣпкимъ пивомъ, плавалъ князь-папа. И онъ, и кардиналы дрожали отъ страха, хотя совершенно напрасно, потому, что были приняты всѣ мѣры для ихъ безопасности. Впереди машины красовалось вырѣзанное изъ дерева морское чудовище, на немъ сидѣлъ Нептунъ, повертывавшій своимъ трезубцемъ князя-папу въ его чашѣ. Сзади, на борту котла, на особой бочкѣ, помѣщался Бахусъ, безпрестанно черпавшій пиво, въ которомъ плавалъ папа, замѣтно сердившійся на своихъ обоихъ сосѣдей. Всѣ эти бочки, большія и малыя, тащились нѣсколькими лодками, причемъ кардиналы производили оглушительный шумъ, трубя, въ коровьи рога. Когда князь-папа намѣревался выйти изъ своего котла на берегъ, подосланныя царемъ маски, какъ бы желая помочь ему, окунали его снова въ пиво. Послѣ того всѣ маски отправились въ почтовый домъ, гдѣ пировали до глубокой ночи.

Свадьба князя-папы Бутурлина была послѣдней шутовской свадьбой въ царствованіе Петра Великаго. Подобная забава повторилась еще только одинъ разъ, въ царствованіе Анны Іоанновны.

Эта государыня болѣе всѣхъ своихъ предшественниковъ любила шутовъ. Есть извѣстія, не подлежащія сомнѣнію, что въ послѣдніе годы своей жизни, наскучивъ государственными дѣлами и оффиціальными пріемами и увеселеніями, она проспживала цѣлые часы въ креслѣ, слушая болтовню шутовъ и забавляясь ихъ кривляньемъ. Когда и это ей надоѣдало, государыня призывала своихъ фрейлинъ и говорила:

— „Ну, дѣвки, пойте!

Фрейлины становились въ кружокъ и пѣли до тѣхъ поръ, пока Анна Іоанновна не начинала зѣвать, тогда входили гвардейскіе солдаты со своими женами и плясали русскую пляску, въ которой нерѣдко принимали участіе вельможи и особы царской фамиліи.

Но штатъ шутовъ, состоявшихъ при Аннѣ Іоанновѣ, долженъ былъ только забавлять и развлекать свою повелительницу; имъ дозволялось поясничать, говорить сказки и прибаутки, но только безъ малѣйшаго намека на какую нибудь личность, а въ особенности, на кого либо изъ вельможъ, состоявшихъ при дворѣ императрицы; иногда для забавы государыни шутовъ сажали въ лукошки въ какой либо изъ дворцовыхъ комнатъ, мимо которой должна была проходить государыня и заставляла этихъ шутовъ кудахтать и клохтать по-куриному. Иногда для забавы Анны Іоанновны затѣвалась борьба между шутами; они дрались другъ съ другомъ, царапали одинъ другому лица, вырывали другъ у друга клоки волосъ, шумѣли, кричали и подобная борьба всегда оканчивалась тѣмъ, что шуты выходили изъ нея съ расцарапанными лицами, съ изорваннымъ платьемъ, съ всклокоченными волосами. Такая борьба происходила часто при дворѣ и кажется, что и сами шуты не прочь были подраться другъ съ другомъ, чтобы отомстить одинъ другому за какіе нибудь старые счеты.

Для поощренія шутовъ, а скорѣе всего, просто въ на-

смѣшку надъ ними, Анна Іоанновна учредила для нихъ особый орденъ „св. Бенедикта“; этотъ орденъ нѣсколько напоминалъ орденъ Александра Невскаго. Шуты носили свой орденъ въ петлицѣ на красной лентѣ.

Изъ всѣхъ шутовъ, состоявшихъ на службѣ у Анны Іоанновны, одинъ только *Педрилло* нѣсколько подходилъ къ типу западно-европейскихъ шутовъ, какъ по своему характеру, такъ и по тому способому, какимъ онъ именно высказывалъ свои шутки; словомъ, этотъ Педрилло, даже можно сказать, напоминалъ собою цвѣтущее время шутовства во Франціи, при дворахъ Франциска I и Людовика XIII. Въ виду этого, мы займемся сначала его біографіей. Настоящее имя этого шута было Пьетро Миро и его только въ сокращеніи звали Педрилло. Онъ былъ родомъ изъ Неаполя и пріѣхалъ въ Россію, конечно; съ тою цѣлью, чтобы заработать побольше денегъ и за тѣмъ снова вернуться на родину. Пріѣхавъ въ Россію онъ нашелъ себѣ мѣсто бутафора, но въ этой должности оставался не долго и вздумалъ поступить на оперную сцену; какъ извѣстно, всѣ итальянцы обладаютъ хорошимъ голосомъ и поэтому и для Пьетро Миро не требовалось многого; онъ обладалъ хорошимъ и симпатичнымъ голосомъ, сопровождалъ всегда свои аріи замѣчательной мимикой и пѣлъ ихъ съ выраженіемъ; относительно-же школы и сценической подготовки онъ мало заботился объ этомъ; но, вѣроятно, и сценическая дѣятельность показалась ему малодоходною и потому онъ старался найти что нибудь повыгоднѣе. Благодаря своей ловкости, умѣнью говорить и находчивости, Пьетро Миро или Педрилло пробрался ко двору и поступилъ на службу къ императрицѣ, въ качествѣ шута; но вмѣстѣ съ этою должностью онъ соединилъ еще и обязанности коммиссіонера, такъ какъ занимался закупкою необходимыхъ товаровъ для двора. Конечно, подобная роль коммиссіонера была очень выгодна для ловкаго неаполи-

танца и онъ нажилъ себѣ этимъ хорошее состояніе; кромѣ того онъ нажилъ еще большія деньги путемъ „ловкой“ карточной игры, такъ какъ императрица часто поручала Педрилло держать за нея банкъ на придворныхъ празднествахъ. Когда этотъ ловкій синьоръ нажилъ себѣ всѣми этими путями довольно крупную сумму денегъ, то не сталъ заспживаться въ Россіи, а отправился на родину, чтобы наслаждаться тамъ плодами своей ловкости.

Другой извѣстный шутъ временъ Анны Іоанновны былъ гораздо менѣе счастливъ, чѣмъ этотъ неополитанскій авантюристъ. Этотъ шутъ былъ никто иной, какъ *Михаилъ Алексѣевичъ Голицынъ*. Его взяли ко двору изъ Москвы и разлучили съ женой—итальянкой, съ которой онъ тайно обвѣнчался, когда жилъ за границей; онъ до такой степени скучалъ въ разлукѣ съ женой, что впалъ въ состояніе какого-то идіотизма и потѣшалъ государыню своею непроходимою глупостью. Но не одна императрица любила посмѣяться надъ нимъ; всѣ придворные, какъ бы считали своею обязанностью смѣяться надъ несчастнымъ; онъ-же не смѣлъ задѣвать никого, не смѣлъ даже сказать какого либо невѣжливаго слова тѣмъ, которые издѣвались надъ нимъ: но, вѣроятно, близкій къ идіотизму Голицынъ врядъ-ли и сознавалъ, что надъ нимъ смѣются, что надъ нимъ потѣшаются, какъ надъ какимъ-то заморскимъ звѣрькомъ; онъ былъ до такой степени глупъ, что часто отвѣчалъ совершенно не впопадъ на предлагаемые вопросы, такъ что возбуждалъ въ слушателяхъ громкій взрывъ хохота; но онъ только глупо улыбался и блуждающимъ взоромъ обводилъ присутствовавшихъ. Много потѣшались придворные надъ несчастнымъ Голицынымъ; наконецъ, Аннѣ Іоанновнѣ пришла въ голову странная мысль женить его на своей любимой калмычкѣ. Конечно, о согласіи на это жениха и невѣсты вовсе и не спрашивали; имъ только объявили,

что ихъ повѣнчаютъ, а больше ни о чемъ и не спрашивали. Это было въ 1739 году, какъ разъ за нѣсколько мѣсяцевъ до кончины Анны Іоанновны. Въ этотъ годъ въ Петербургѣ стояла суровая зима и вотъ придворные придумали поселить новобрачныхъ въ Ледяномъ домѣ. За нѣсколько времени до дня назначеннаго для свадьбы, дворъ былъ въ большихъ хлопотахъ; всѣ готовились къ этой свадьбѣ, какъ къ какому-то торжественному событію; дѣйствительно, предполагалось сыграть свадьбу самымъ веселымъ способомъ; затѣвались по этому случаю и маскарады и шуточныя процессіи и всѣ эти увеселенія длились нѣсколько дней. Впрочемъ, подробности этой странной свадьбы всѣмъ хорошо извѣстны, такъ что не стоитъ и повторять. Напомнимъ только о томъ, что новобрачные, Голицынъ и его жена калмычка, провели ночь въ Ледяномъ домѣ на ледяной кровати.

Этою свадьбою окончился рядъ шутовскихъ затѣй, бывшихъ въ то время въ большой модѣ и въ западной Европѣ, и у насъ.

Императрица Анна Іоанновна скончалась въ 1740 году. На престолъ вступилъ Іоаннъ Антоновичъ, подъ регенствомъ своей матери, принцессы Анны Леопольдовны; принцесса отличалась добрымъ сердцемъ и всѣми прекрасными душевными качествами; она хорошо понимала, что какъ-бы ни былъ человѣкъ ничтоженъ, по своимъ умственнымъ способностямъ, какъ-бы ни былъ онъ безобразенъ, по своей внѣшности, но все-же надъ нимъ смѣяться грѣшно, потому что и въ дуракѣ живетъ безсмертная душа и въ немъ есть „искра Божія.“ Слѣдовательно, смѣяться надъ человѣкомъ потому, что онъ глупѣе насъ, безобразнѣе насъ — великій грѣхъ. И принцесса Анна Леопольдовна лишь только управленіе государствомъ перешло въ ея руки, приказала распустить весь штатъ шутовъ, бывшій при дворѣ Анны Іоанновны и каждому изъ этихъ шутовъ была дана на-

града. Этимъ былъ положенъ конецъ тому унизительному ремеслу, которое извѣстно подъ названіемъ шутовства или скоморошества. Вѣроятно, и сами шуты сознавали, что ихъ время уже отошло; ихъ шутки, прибаутки и присказки уже набили оскомину и на смѣну ихъ явились другія развлеченія болѣе изящныя, болѣе благодарныя, чѣмъ кривлянье и коверканье какого нибудь скомороха въ его шутовскомъ нарядѣ.

Однако, шутовство пустило уже слишкомъ глубокіе корни и уничтожить его совершенно было крайне трудно. Такъ при *Екатеринѣ II* были неоффиціальные или скорѣе, негласные шуты; эти люди, благодаря своей ловкости, находили доступъ ко двору великой государыни, чтобы потѣшать ее своимъ искусствомъ. Императрица иногда щедро ихъ награждала. ПослѣЕкатерины II, шуты болѣе не появлялись въ числѣ придворнаго штата; они совершенно исчезли съ горизонта двора, какъ въ Россіи, такъ и въ Западной Европѣ; словомъ, отжили свой вѣкъ; ихъ шутки, прибаутки и выходки уже не забавляли никого. Только еще въ отдаленныхъ провинціяхъ кое-гдѣ появлялись шуты и паяцы на ярмаркахъ развлекать праздную толпу, не очень требовательную на развлеченія и увеселенія, какого-бы сорта они ни были.

Намъ остается сказать еще нѣсколько словъ *о кавказскихъ шутахъ*; здѣсь, кстати, замѣтимъ, что на Кавказѣ шуты еще водятся и теперь при князьяхъ и знатныхъ людяхъ Кавказа и Мингреліи. Тамъ еще шуты въ большомъ ходу, въ особенности, у князей мусульманскаго вѣроисповѣданія. Но только тамъ не было ни одного болѣе или менѣе замѣчательнаго шута, какіе были въ западной Европѣ; какъ напримѣръ: Трибулэ, Калльетъ, Брюскэ, Шико и многіе другіе во Франціи, и знаменитые Пульчинелло, Балакиревъ и Лакоста у насъ, въ Россіи, имена которыхъ перешли въ потомство; на Кавказѣ шуты представляютъ только интересъ для своихъ князей и бо-

гатыхъ людей, пока они находятся у нихъ на службѣ; врядъ-ли шутки и поясничанья такихъ жрецовъ шутовства переходятъ за предѣлы того дома, въ которомъ они являются минутнымъ развлеченіемъ и забавою для своихъ хозяевъ. Въ журналѣ „Tour du monde“ за 1880 и 1881 года, помѣщена статья озаглавленная: De la mer Noire à la mer Caspienne (отъ Чернаго Моря до Каспійскаго). Эта статья принадлежитъ перу женщины Карла Серена; въ ней описывается путешествіе, совершонное авторомъ въ 1875—1876 гг. по Кавказу и лишь вскользь упоминается о тамошнихъ шутахъ, какъ о необходимой принадлежности при домѣ каждаго князя или богатаго человѣка, который, за неимѣніемъ лучшихъ развлеченій, довольствуется тѣми забавами, которыя доставляютъ ему его шуты въ часы досуга.

ЗАКЛЮЧЕНІЕ.

Нашъ небольшой трудъ оконченъ. Но развѣ мы можемъ сказать, что онъ вполнѣ оконченъ? Конечно, нѣтъ! Мы не имѣемъ ни малѣйшаго притязанія, что совершенно исчерпали весь матеріалъ. Если только вспомнить какой богатый матеріалъ представляетъ заглавіе „Шуты“. Это никакъ не менѣе, какъ слѣдовало-бы написать исторію или даже въ нѣкоторомъ родѣ философію смѣха черезъ цѣлый рядъ столѣтій, чтобы льстить себя тѣмъ, что сталъ на высоту своей задачи. Конечно, благосклонные читатели извинятъ насъ въ этомъ отношеніи. Мы хотѣли только набросать силуэтъ тѣхъ, которые поставили себѣ задачею заставить смѣяться или своихъ господъ, у которыхъ служили, или же публику, думая такъ, какъ объ этомъ думалъ Раблэ „что лучше вызывать смѣхъ, чѣмъ слезы, такъ какъ смѣяться присуще человѣку. Всѣ шуты, какъ домашніе, такъ и придворные и народные поняли, какъ и безсмертный авторъ Пантагрюэля, что веселье необходимо для нашего бѣднаго человѣчества и употребляли все зависящее отъ нихъ, чтобы порождать такое веселье среди людей. За такое усердіе они вполнѣ достойны благодарности отъ своихъ современниковъ. Благодаря имъ, съ тѣхъ поръ, какъ существуетъ міръ, смѣхъ, какъ сказалъ Бюффонъ, составляя особое свойство человѣчества, не переставалъ

раздаваться на нашей планетѣ. Неужели намъ поставятъ въ упрекъ, что мы въ нашей книгѣ смотрѣли на шутовъ, какъ на людей, заставлявшихъ только смѣяться другихъ? Конечно, нѣкоторые изъ нихъ, пользуясь своимъ положеніемъ и тѣми милостями, которыми ихъ осыпали принцы и сильные міра сего, заставляли этихъ послѣднихъ выслушивать и принимать изъ ихъ устъ горькую истину; но, конечно, читатель согласится вмѣстѣ съ нами, что очень мало было шутовъ, которые являлись-бы реформаторами и исправителями всѣхъ злоупотребленій, которыхъ бываетъ такъ много на землѣ. Такая возвышенная и великодушная цѣль совершенно изчезала изъ виду отъ многихъ шутовъ, если не сказать ото всѣхъ; они не являлись защитниками притѣсненныхъ, хотя-бы и могли это сдѣлать. Ихъ жребій въ исторіи былъ болѣе скроменъ. Но все-же ихъ нельзя презирать за это: они, какъ умѣли развлекали людей, заставляя отъ души смѣяться надъ какой нибудь остроумной шуткой, надъ какой нибудь ловкой выходкой. Нѣкоторые изъ этихъ людей были положительно артисты своего дѣла; они умѣли въ такомъ смѣшномъ видѣ представить какой нибудь порокъ или даже просто какой нибудь недостатокъ, свойственный человѣческой натурѣ; но многіе не понимали, что эти шуты, эти скоморохи часто отражали, какъ въ зеркалѣ, людскіе недостатки и людскія слабости. Всякій умѣетъ указывать только на недостатки другого, а своихъ иногда не только не видитъ, но даже и не старается ихъ замѣчать. А между тѣмъ, еще и у насъ, на Руси, смотрѣли на скомороховъ и шутовъ съ большимъ презрѣніемъ; ихъ считали людьми ни къ чему неспособными, какъ только къ паясничеству и балагурству; конечно, нѣкоторые изъ этихъ „веселыхъ молодцовъ“ вели дѣйствительно праздную жизнь, скитаясь изъ одного села въ другое, изъ одной деревни въ другую, потѣшая простой народъ игрою на гусляхъ или на балалайкахъ; свое

житье они считали привольнымъ: ни заботы, ни работы: гдѣ день, гдѣ ночь: встаетъ онъ съ пѣснями, а ложится съ музыкой; всякій его накормитъ и переночевать пуститъ за его веселую пѣсню, за смѣшныя прибаутки, за острое словцо, сказанное впопадъ, за присказки, за поясничанье и за балагурство. А все-же народъ относится съ большимъ презрѣніемъ къ скомороху у насъ на Руси и къ такъ называемымъ „буффонамъ“ (шутамъ) въ западной Европѣ. Про скомороха и сложилась пословица: „онъ голосъ на гудкѣ настроитъ, а житья своего не устроитъ“. Хотя В. И. Даль и разсказываетъ такого рода примѣръ, что одинъ скоморохъ—удѣльный крестьянинъ, нижегородской губерніи исправно держалъ свое хозяйство и платилъ повинности, бродя, съ волынкою изъ одного села въ другое, но, конечно, это представляетъ весьма рѣдкій примѣръ. Большая часть изъ нихъ жили изо дня въ день, не заботясь о будущемъ и часто предавались разгулу и пьянству. Многіе изъ нихъ очень дурно оканчивали свое существованіе. Кромѣ того, какъ наши русскіе скоморохи, такъ и въ западной Европѣ всегда носили особые, присущіе „шутамъ“, костюмы. Въ западной Европѣ отличительный признакъ шута это былъ его шутовской жезлъ (marotte), колпакъ съ погремушками или съ бубенчиками; у нашихъ русскихъ скомороховъ, какъ мы уже и говорили, одежда отличалась „кротополіемъ“, что считалось уже неприличіемъ, такъ какъ всѣ остальные носили длинную одежду и если видны были ноги, то только ниже колѣнъ; на головѣ скоморохи носили остроконечныя шапочки, которыя и назывались „дурацкими колпаками“. Словомъ, у шута и скомороха все было приспособлено къ тому, чтобы только возбудить смѣхъ и веселье. И эти люди свыкались со своимъ положеніемъ „смѣхотворовъ“ и иногда до такой степени усердствовали, что даже доходили до цинизма и до неприличія. Чѣмъ болѣе скоморохъ возбуждалъ въ толпѣ

смѣха своими шутками и выходками, тѣмъ болѣе онъ нравился той-же самой толпѣ, которая презирала его въ душѣ и, казалось, забывала, что и у этого человѣка есть душа, способная чувствовать, и понимать. А между тѣмъ если хорошенько поразмыслить о шутахъ и скоморохахъ, то они, забавляя и развлекая людей, отрывали ихъ отъ грустныхъ мыслей, заставляли на время забывать и нужду и горе и вселяли въ ихъ сердца, хотя и мимолетную, но все-же радость, вліяя на ихъ хорошее расположеніе духа. Шуты всякаго рода и всякаго происхожденія порождали и возбуждали въ людяхъ благодѣтельный смѣхъ, который необходимъ человѣчеству. Они поддерживали черезъ цѣлый рядъ вѣковъ счастливый даръ смѣха. Благодаря этимъ шутамъ, человѣческія поколѣнія передавали одно другому свѣтильникъ веселья. Вотъ въ чемъ заключается заслуга шутовъ, и этого имъ было совершенно достаточно.

Шутъ (по Калло).

СОДЕРЖАНІЕ.

Стр.

Предисловіе переводчика . . . . . I.

Придворные шуты и скоморохи.

I. Значеніе и происхожденіе слова bouffons (шутъ). Домашніе шуты въ древности. Застольные шуты.—Паразиты.—Аретолоджи (Aretologi).—Философы стоики и циники.—Шуты.—Эзопъ . .

II. Домашніе шуты въ средніе вѣка.—Шуты въ домахъ вельможъ.—Шуты въ домахъ духовныхъ лицъ.—Празднество глупцовъ.—Бродячіе шуты.—Аттрибуты и одежда шутовъ. 14

III. Придворные шуты.—Шуты въ древности.—Оффиціальные шуты во Франціи. — Сеньи Іоганнъ.—Іеганъ Арсемалль.—Миттонъ.—Тэвенинъ де-Сенъ-Лежэ.—Большой Іоганнъ.—Гэнселэнъ-Кокъ.—Вильонъ.—Шуты: Карла VII, Людовика XI и Карла VIII 33

IV. Шуты на королевской службѣ (продолженіе).—Калльэтъ и Трибулэ 51

V. Оффиціальные шуты (продолженіе).—Брюскэ . 66

VI. Шуты на оффиціальной королевской службѣ.—Современники и послѣдователи Брюскэ.—Тонэнъ.—Регистраторъ Лорисъ.—Сибила.—Матюрина безумная.—Шико 88

VII. Оффиціальные королевскіе шуты.—Метръ Гильомъ. — Ангулеванъ. — Марэ. — Жанъ Дусэ.—Г'Анжело.—Послѣдніе придворные шуты прежней династіи.—Шуты во времена Директоріи . 102

Стр.

VIII. Шуты въ Англіи, Германіи и Италіи. – Шуты у нѣкоторыхъ африканскихъ племенъ. . . . 118

Народные и городскіе шуты.— Общества шутовъ.

I. Народные шуты въ древности. – Ѳерситъ.— Ателланы.—Маккусъ.—Санніо.—Ихъ послѣдователи въ Англіи, Италіи Германіи и Голландіи. – Пульчинелла. – Пенчъ. – Гаксвурстъ. 128

II. Народные шуты на Востокѣ.—Карагезъ —Шуточныя похожденія Насръ-Эддинъ-Хаджи . . 148

III. Народные шуты во Франціи.—Полишинель.— Комедіанты въ отелѣ Бургонь.—Табарэнъ . . 167

IV. Городскіе шуты.—Общины шутовъ.— Общество шутовъ въ Клевѣ.—Мать шутовъ въ Дижонѣ . 185

Скоморохи и шуты въ Россіи.

I. Скоморохи „веселые люди“.—Мнѣніе народа о скоморохахъ.—Одежда скомороховъ.—Непрофессіональные скоморохи. — Добрыня Никитичъ. – Ставръ Годиновичъ.—Соловей Будимировичъ, — Чурилла Пленковичъ. — Боянъ Гудецъ. Бахари. – Домрачеи. —Бандуристы . . . 205

II. Скоморохи плясуны.—Окрутники.—Русалые. – Скоморохи глумцы. — Смѣхотворы.—Шуты-дураки. – Ерема и Замазка.—Ѳома и Ерема. – Былина о Терентьищѣ.—Осѣдлые скоморохи . 220

III. Вознагражденіе скоморохамъ. – Плата гудочная (мзда).—Глумы медвѣжьи комедіи.—Придворные шуты, карлики и карлицы. – Балакиревъ.—Лакоста.—Педрилла. – Шуты изъ знати.—Шуты въ царствованіе Анны Іоанновны. – Свадьба въ ледяномъ домѣ.—Шуты при дворѣ Екатерины II. – Шуты на Кавказѣ 234

Заключеніе 307

PLEASE DO NOT REMOVE
CARDS OR SLIPS FROM THIS POCKET

UNIVERSITY OF TORONTO LIBRARY

GT
3670
G319

Gazeau, A
Shuty i skomorokhi